МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ САДРИДДИНА АЙНИ

На правах рукописи

НУРИДДИН ПАРВИН РАЙМАЛИХОН

СТАНОВЛЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА (1919–1973 ГГ.)

Специальность 5.6.7 – История международных
отношений и внешней политики
Диссертация на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Научный консультант: Искандаров Косимшо,
доктор исторических наук, профессор

Душанбе – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА 62

1.1. Концептуальные и методологические подходы к изучению внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана 62

1.2. Историография изучения становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана 101

ГЛАВА 2. СТАНОВЛЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1919–1941 ГГ.) 139

2.1. Американо-афганские отношения в контексте «Большой игры»: внешняя политика Соединённых Штатов Америки в период правления Аманулла-хана и Мухаммад Надир-шаха (1919–1933 гг.) 139

2.2. Развитие политических и дипломатических отношений Соединённых Штатов Америки с Афганистаном в период правления М. Захир-шаха (1933–1941 гг.) 160

ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И НА РАННЕМ ЭТАПЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1941–1953 ГГ.) 186

3.1. Афганистан как периферийное направление внешней политики Соединенных Штатов Америки в годы Второй мировой войны: стратегия ограниченного вовлечения и сдерживания стран «оси» (1941–1945 гг.) 186
3.2. Формирование стратегии «сдерживания»: Соединённые Штаты Америки в условиях афгано-пакистанского кризиса и усиления советского влияния (1945–1953 гг.) 201
ГЛАВА 4. СТРАТЕГИЯ «СБАЛАНСИРОВАННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА» В ПЕРИОД ОБОСТРЕНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1953–1973 ГГ.) 225
4.1. «Модернизация» как инструмент внешней политики: политика Соединённых Штатов Америки в период правления М. Дауд-хана в контексте советско-американского соперничества 225
4.2. Эволюция политико-экономического и военно-технического сотрудничества как отражение изменения стратегических приоритетов Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана (1953–1963 гг.) 245
4.3. От правительства М. Дауд-хана к «новой демократии»: политика Соединённых Штатов Америки в условиях внутриполитической либерализации и нарастания внешнеполитических противоречий в Афганистане (1963–1973 гг.) 264
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 287
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 304

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Изучение становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в 1919–1973 гг. в рамках востоковедческих школ и направлений Российской Федерации, Республики Таджикистан, Китайской Народной Республики, Исламской Республики Иран, Республики Индии, Исламской Республики Пакистан, Королевства Великобритании, Европейского союза, стран Средней и Южной Азии, а также других заинтересованных государств представляется **актуальным** по следующим обстоятельствам.

Во-первых, с учётом сложных и противоречивых процессов, разворачивавшихся в конце XX и начале XXI вв. в Афганистане и региона в целом, возникла острая необходимость в исследовании истинных целей и интересов основных мировых и региональных акторов в системе современных международных отношений.

Во-вторых, актуальность заявленной темы обусловлена необходимостью учёта фундаментальных изменений, происходивших в конце XX и продолжающих происходить в начале XXI вв., которые существенно трансформировали геополитический, геостратегический, геоэкономический и иные параметры мирового развития, а также повлияли на характер внешней политики и международных отношений государств региона Средней Азии.

В-третьих, исследование данного вопроса важно с точки зрения прогнозирования внешнеполитического поведения основных акторов региональной и мировой политики. Как показывает исторический опыт, в условиях развития теории и практики международных отношений, стремительного распространения современных информационно-коммуникационных технологий и высокой динамики политических процессов внешнеполитическое поведение ведущих субъектов мировой политики отличается значительной изменчивостью и подвержено резким трансформациям.

С учётом вышеизложенного, а также в целях формирования более объективного и комплексного представления об историко-международных аспектах становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана и через данное государство в регионе Средней Азии, **необходимо обратить внимание на следующие факторы.**

1. Анализ историко-международных аспектов становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана целесообразно осуществлять в широком контексте региональных и глобальных процессов и явлений.

2. Изучение данного вопроса следует начинать с периода зарождения ограниченных контактов между отдельными гражданами двух государств, а также представителями торговых, деловых, научных, культурных, религиозных, экономических и политических кругов ещё в XIX веке (1820–1900 гг.).

3. При исследовании проблемы необходимо исходить из того, что, несмотря на доминирование геополитического соперничества между Царской Российской империей (после победы Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года – большевистской Россией, а затем Советским Союзом) и Британской империей в XIX – начале XX вв. в Афганистане и регионе как традиционных игроков, в предложенные исторические рамки в борьбу за влияние в рассматриваемом регионе постепенно включались и Соединённые Штаты Америки.

Актуальность исследования историко-международных аспектов становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана определяется также рядом дополнительных факторов.

Во-первых, учёные и эксперты большинства научных школ и направлений при анализе историко-международных аспектов становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана до 1917 года преимущественно акцентировали внимание на проблематике противостояния Британской и Российской империй. После

победы Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года данный вопрос рассматривался, как правило, сквозь призму геополитического соперничества Британской империи и Советского Союза. Вместе с тем, с учётом появления новых обстоятельств и введения в научный оборот ранее неиспользованных источников и литературы, возникла объективная научная необходимость пересмотра сложившихся подходов и заполнения указанной исследовательской лакуны.

Во-вторых, по проблематике историко-международных аспектов становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана и через данное государство в регионе Средней Азии накоплен значительный массив материалов, достаточный для проведения комплексного научного исследования в рамках докторской диссертации.

Вместе с тем данная проблематика характеризуется рядом существенных трудностей:

– информация, относящаяся к становлению и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в XIX – начале 70-х годов XX вв., отличается фрагментарностью и рассредоточенностью по различным, порою труднодоступным источникам;

– часть исследований по данному вопросу принадлежит зарубежным авторам, рассматривавшим данную тему в контексте научных и геополитических интересов собственных стран;

– представителями таджикской научной школы данная проблематика в предложенных хронологических и концептуальных рамках до настоящего времени практически не изучалась;

– советские и российские исследователи, при анализе внешней политике Америки в отношении Афганистана в основном, сосредотачивали внимание изучением данного вопроса после Второй мировой войны;

– региональные учёные и эксперты – афганские, иранские, пакистанские и другие авторы – лишь в последние годы начали активно публиковать работы по указанной теме.

В этой связи возникает объективная научная необходимость систематизации, анализа и интерпретации имеющихся разрозненных материалов по вопросам становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана и регионе в середине XIX – начале 70-х годов XX вв. в рамках докторского диссертационного исследования.

В-третьих, вопросы становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в период правления эмира Абдуррахман-хана (1880–1901 гг.), процесс постепенного осознания Вашингтоном необходимости налаживания отношений с Кабулом в годы правления эмира Хабибулла-хана (1901–1919 гг.), а также в период правления Аманулла-хана (1919–1929 гг.), позиция Белого дома в период внутриполитической нестабильности и кратковременного правления Хабибуллы-хана Калакани (январь–октябрь 1929 г.) недостаточно исследованы. Комплексное исследования вопросы формирования предпосылок для установления политических и дипломатических отношений между двумя государствами в 1930-е годы и в годы правления М. Надир-шаха (1929–1933 гг.) на начальном этапе управления М. Захир-шаха (1933–1945 гг.), развитие двусторонних отношений Вашингтона и Кабула в послевоенный период (1945–1953 гг.), стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в годы премьерства М. Дауд-хана (1953–1963 гг.), а также сотрудничество двух государств в последнее десятилетие правления М. Захир-шаха (1963–1973 гг.).

Исходя из вышеизложенного, осознавая сложность, а подчас и трудновыполнимость отдельных научных задач, представляется целесообразным сформулировать ряд проблемных вопросов и попытаться дать на них аргументированные ответы в процессе диссертационного исследования.

В рамках настоящего исследования особую научную значимость приобретает постановка вопроса о характере, содержании и результативности внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана на начальном этапе её становления. В этой связи принципиально важным представляется выяснение того, почему указанная стратегия с

момента своего становления во многом приобрела противоречивый и недостаточно эффективный характер, а также какие причины и факторы обусловили длительное безразличие Вашингтона к политической судьбе Афганистана и его народов.

Исходя из этого, одним из ключевых исследовательских вопросов является определение степени искренности, последовательности и практической заинтересованности Соединённых Штатов Америки в установлении нормальных политических отношений с Афганистаном и его официальном признании в качестве самостоятельного субъекта международных отношений. В данном контексте требуется установить, носила ли американская политика в отношении Кабула реальный стратегический характер либо ограничивалась преимущественно ситуативными, декларативными и прагматическими мотивами. Если заинтересованность Соединенных Штатов Америки в развитии отношений с Афганистаном действительно имела место, необходимо выявить факторы, которыми она определялась; если же такая заинтересованность отсутствовала, важно определить признаки, позволяющие зафиксировать её ограниченный или формальный характер.

Вместе с тем постановка проблемы предполагает обращение к анализу ошибок и просчётов правящих кругов как Соединённых Штатов Америки, так и Афганистана в процессе выработки и реализации внешнеполитического курса, который должен был соответствовать национальным интересам Вашингтона и Кабула. Рассмотрение данного вопроса позволяет выявить не только внешние геополитические обстоятельства, но и внутренние политические, институциональные и дипломатические ограничения, оказавшие воздействие на характер двусторонних отношений рассматриваемых государств.

Особое место в исследовании занимает вопрос о причинах более векового отсутствия официальных политических и дипломатических отношений между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном – с момента первых неофициальных и ограниченных контактов в 1820-е годы и вплоть до середины 1930-х годов XX века. В этой связи необходимо определить, почему

Вашингтон на протяжении столь длительного периода воздерживался от институционализации отношений с Кабулом, какие факторы препятствовали официальному признанию Афганистана и каким образом на позицию Вашингтона влияли международная обстановка, региональная специфика, британский фактор, а также место Афганистана в системе американских внешнеполитических приоритетов.

Наконец, с учётом формирования современной системы международных отношений в начале XXI века и появления новых источников и литературы по данной проблематике, каким образом можно охарактеризовать влияние фактора Британской империи на формирование внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана и на процесс установления межгосударственных отношений между Вашингтоном и Кабулом в рассматриваемый период?

Следует признать, что получение конкретных, однозначных и исчерпывающих ответов на указанные и иные вопросы при анализе политических процессов и явлений в Афганистане, которые могли бы в равной степени удовлетворить большинство исследователей и, тем более, политических акторов, представляет собой сложную научную задачу. С одной стороны, сущность и истинные цели процесса становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана и регионе Средней Азии во многом отражены в закрытых и архивных материалах Вашингтона и других заинтересованных государств. С другой стороны, значительная часть источников и литературы, касающихся истории становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана, до настоящего времени не введены в научный оборот, что дополнительно усиливает актуальность темы настоящего диссертационного исследования.

Более того, исследователи, стремящиеся к поиску более объективных ответов на вышеобозначенные вопросы, неизбежно будут искать, и находить «корректные» объяснения в рамках собственных научных направлений и ис-

следовательских интересов. Дело в том, что поиск и формулирование научно обоснованных ответов на дискуссионные вопросы, а также оценка событий и процессов, происходивших в традиционных восточных обществах, на основе интерпретаций и выводов ограниченного круга представителей различных, а порой и взаимоисключающих научных школ Запада, представляет собой сложную и неблагодарную исследовательскую задачу.

Следует отметить ещё один немаловажный фактор, выявленный автором в ходе работы над диссертационным исследованием. Речь идёт о том, что в последние годы афганские, иранские и некоторые другие региональные авторы в своих публикациях ссылаются на отдельные секретные материалы, которые нами впервые были систематизированы и проанализированы в рамках настоящей диссертации. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что в силу не до конца ясных причин данные авторы, апеллируя к указанным архивным и закрытым источникам, не всегда указывают способы и каналы их получения.

С учётом указанного обстоятельства автор отдаёт себе отчёт в том, что многие затронутые в диссертации вопросы, связанные со становлением и эволюцией внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана, будут носить дискуссионный характер. Это представляется закономерным и оправданным в рамках научного анализа процессов и явлений столь сложного и многослойного традиционного общества, как афганское.

Более того, с одной стороны, общественно-политическая трансформация традиционного афганского общества не всегда подчиняется тем закономерностям, которые характерны для большинства западных государств. С другой стороны, многие ключевые факторы, определяющие сущность процессов и явлений, происходивших в Афганистане, в трудах представителей афганских, региональных и зарубежных научных школ до настоящего времени не становились предметом системного научного анализа и диссертационного исследования. При этом очевидно, что каждый исследователь, анализируя процессы и явления в Афганистане, неизбежно оказывается под воздей-

ствием целого комплекса факторов – уровня общенаучной подготовки, политико-идеологических установок, этнонациональных, языковых, конфессиональных, родоплеменных, групповых и иных детерминантов.

В силу изложенного в условиях Афганистана ситуация, при которой один исследователь положительно оценивает ту или иную этническую группу, политическую силу, религиозное движение или правящий режим, рассматривая их как легитимных акторов или выразителей национальных интересов, неизбежно приводит к появлению альтернативных, а зачастую и диаметрально противоположных интерпретаций со стороны других экспертов. В результате одни и те же политические силы, движения или личности могут рассматриваться различными авторами либо как предатели и преступники, либо как патриоты, герои и примеры для подражания. Таким образом, анализ событий и процессов в Афганистане нередко осуществляется в рамках субъективных интерпретаций, обусловленных племенными, языковыми, религиозными, политическими, этническими и даже семейно-родовыми интересами исследователей.

Следует также согласиться с тем, что представители различных научных школ, в том числе не афганских и не иранских (прим. авт.), зачастую придерживаются иных подходов и интерпретаций по вопросам становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана. Это объясняется тем, что каждый исследователь формулирует собственные «обоснованные» выводы в рамках решения своих научных задач с учётом национальных интересов государства, к научной традиции которого он принадлежит. Поскольку проблема национальных интересов и их несовпадения по-прежнему остаётся в центре международных отношений, каждый исследователь – будь то таджикский, российский, американский, европейский или иной – вправе занимать самостоятельную научную позицию при анализе соответствующих проблем. В этой связи поиск взвешенных и аргументированных ответов на сложные и спорные вопросы, касающиеся процессов и явлений в многонациональных и многоконфессиональных обществах, на основе сопоставления подходов представителей раз-

личных, особенно региональных и западных, научных школ представляет собой крайне сложную исследовательскую задачу. Особую сложность данный анализ приобретает в условиях геополитического соперничества ведущих региональных и мировых держав.

Наряду с другими трудностями, одной из наиболее серьёзных проблем при изучении внешнеполитической стратегии крупных акторов в Афганистане является влияние традиционного характера афганского общества и его сложной родоплеменной структуры на формирование внешней политики и международных отношений Кабула. В этой связи автор настоящей диссертации акцентирует особое внимание на данном факторе при анализе становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в рассматриваемый период.

По мнению автора, исследователь, изучающий процессы и явления в столь сложных для научного анализа странах, как Афганистан, должен стремиться к соблюдению принципа научной объективности, дистанцироваться от навязывания собственных оценок и установок, а также проявлять уважение к интеллектуальным и политическим взглядам национальных авторов, представляющих сложное родоплеменное общество.

Кроме того, актуальность исследования становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана определяется и тем обстоятельством, что, как показывает исторический опыт, сокрытие реальных намерений и стратегических планов за манипулятивной риторикой является неотъемлемой чертой политики внешнего вмешательства. Подобная практика, как правило, опирается, с одной стороны, на противоречие между интересами широких слоёв населения и правящих режимов – ставленников внешних сил, а с другой – на несовпадение ценностей местного общества с целями внешних акторов. В условиях традиционного восточного общества, каким является Афганистан, данные факторы приобретают особенно выраженный характер, что существенно осложняет задачу научного анализа. В этой связи задача исследователя за-

ключается в выявлении скрытых механизмов происходящих процессов и мотивов действий как внешних акторов, так и их внутренних союзников.

С учётом изложенного автор исходит из того, что настоящее исследование, посвящённое анализу становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в заявленных хронологических рамках, представляет собой одну из первых попыток комплексного экспертного осмысления данной проблематики в рамках таджикской научной школы. Диссертационная работа является начальным этапом в изучении сложного и недостаточно исследованного вопроса становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов Америки в Афганистане. В этой связи автор осознаёт, что представленное исследование не может быть полностью свободно от отдельных недостатков и упущений. Вместе с тем выражается уверенность в том, что последующие исследователи смогут учесть выявленные ограничения и использовать полученные результаты при дальнейшем изучении и анализе становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в рассматриваемый период.

Хронологические рамки настоящего исследования охватывают период с 1919 года по 1973 года. Выбор нижней хронологической границы – 1919 года – обусловлен восстановлением Афганистаном внешнеполитической независимости и его последующим международно-правовым утверждением в качестве суверенного субъекта международных отношений. Это событие ознаменовало начало качественно нового этапа в политической истории страны и создало принципиально иные условия для становления и последующей эволюции внешнеполитического курса Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана. Именно с этого времени американо-афганские связи могут рассматриваться преимущественно в контексте межгосударственного взаимодействия, дипломатической практики и постепенного формирования двусторонних отношений.

Верхняя хронологическая граница исследования – 1973 год – определяется государственным переворотом в Афганистане, в результате которого была упразднена монархия и провозглашена республиканская форма правления. Данные события ознаменовали завершение самостоятельного этапа в политической истории Афганистана и обусловили последующую трансформацию его внутриполитического и внешнеполитического курса. Одновременно изменились характер, направления и формы участия Соединённых Штатов Америки в афганских делах, что позволяет рассматривать 1973 года в качестве обоснованной верхней границы настоящего исследования.

В научно-аналитических целях указанный период условно подразделяется на три этапа.

Первый этап (1919–1930 гг.) связан с первоначальным становлением американо-афганского взаимодействия после восстановления внешнеполитической независимости Афганистана. В этот период афганское руководство осуществляет активный поиск новых внешнеполитических партнёров, включая Соединённые Штаты Америки, тогда как Вашингтон придерживается преимущественно осторожной и дистанцированной позиции. Основными формами взаимодействия становятся дипломатические инициативы, миссии и обсуждение перспектив экономического и технического сотрудничества. Автор рассматривает данный период как этап формирования исходных предпосылок американо-афганских отношений, при котором заинтересованность Соединенных Штатов Америки в поддержании дружественных отношении сочеталась с отсутствием готовности к их полноценной институционализации.

Второй этап (конец 1930-х гг. – 1953 г.) характеризуется тем, что Соединённые Штаты Америки в своей внешнеполитической стратегии в Афганистане и регионе Средней Азии, а также Ближнего Востока в целом, в условиях Второй мировой войны и послевоенного переустройства международной системы, в определённой степени сближались с Советским Союзом и Королевством Британской империи, исходя из необходимости ослабления

позиций стран «оси» – Германии, Италии, Японии, а также Турции – в Афганистане и прилегающих регионах.

Третий этап (1953–1963 гг.), совпадающий с периодом премьерства М. Дауд-хана, характеризуется пересмотром внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана. В этот период Вашингтон укреплял союзнические отношения с Королевством Британской империи и другими западными партнёрами, а также участвовали в формировании военно-политических блоков и союзов, направленных на сдерживание влияния Советского Союза в Афганистане, регионе Средней и Южной Азии, а также на Ближнем и Среднем Востоке в целом.

Четвертый этап (1963–1973 гг.) охватывает последнее десятилетие правления М. Захир-шаха и определяется существенными изменениями в мировой политике и системе международных отношений. В данных условиях во внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана формируются элементы более гибкого и сбалансированного подхода, сочетающего политическое, экономическое и ограниченное институциональное воздействие, что в целом отражает трансформацию американской стратегии в условиях холодной войны.

Вместе с тем, в целях формирования целостного и объективного представления о предпосылках становления внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана, автор обращается к анализу более раннего периода – начала XIX века. Данный временной срез рассматривается исключительно в качестве исторической предыстории, поскольку именно в этот период зарождаются первые неофициальные контакты представителей различных слоёв американского общества с общественными, научными, религиозными и политическими кругами Афганистана. Эти контакты сформировали исходные условия и первоначальные представления, повлиявшие на последующее становление внешнеполитической стратегии Америки в отношении Афганистана и региона Средней Азии.

Таким образом, заявленные хронологические рамки исследования являются логически обоснованными, внутренне непротиворечивыми и полностью соответствуют цели и задачам настоящей диссертационной работы.

Степень научной разработанности темы. Вопросы зарождения первых контактов между гражданами Соединённых Штатов Америки и Афганистана в XIX веке, становления и эволюция внешнеполитической стратегии Вашингтона в отношении Кабула и других государств региона, а также сопутствующие проблемы по объективным причинам находились и продолжают находиться в центре внимания исследователей – афганистов, востоковедов, историков, международников и представителей иных научных направлений, а также аналитиков и экспертов Советского Союза, Российской Федерации, Республики Таджикистан, стран Средней Азии, Афганистана, Соединённых Штатов Америки, Исламской Республики Иран, Исламской Республики Пакистан, Королевства Великобритании, Европейского союза и других заинтересованных государств.

На наш взгляд, рост исследовательского интереса представителей указанных и иных научных школ к данной проблематике тесно связан с усилением роли национальных интересов и актуализацией вопросов национальной безопасности Российской Федерации, Республики Таджикистан, стран Средней Азии, Китайской Народной Республики, Афганистана, Соединённых Штатов Америки, Исламской Республики Иран, Исламской Республики Пакистан, Республики Индии, Королевства Великобритании, Европейского союза и других акторов в системе международных отношений и мировой политики современности.

Анализ доступных источников и научной литературы по заявленной теме показывает, что вопросы внешнеполитической стратегии ведущих мировых и региональных акторов в Афганистане, формы и механизмы их воздействия на внутренние процессы в данной стране и соседних государствах региона, а также становление и эволюция международных отношений в заявленных хронологических рамках (1919–1973 годы) представляют собой актуальную, дискуссионную и в ряде аспектов недостаточно изученную проблему для современной исторической науки в научно-экспертных школ.

Необходимо отметить, что научная ценность настоящей диссертации определяется, в частности, тем, что значительная часть привлечённых материалов вводится автором в научный оборот впервые. При этом многие из используемых источников и публикаций принадлежат представителям афганских, иранских, пакистанских и иных региональных экспертных кругов и представлены на языках дари и персидском. Часть этих материалов переведена на русский и английский языки и опубликована кириллицей и латиницей. Автор имел возможность привлечь широкий круг ранее малоизвестных источников и литературы при подготовке настоящей диссертации.

В целях решения исследовательских задач и упорядочения источниковедческой и литературной базы использованные материалы условно подразделены на следующие группы.

В первую группу включены труды представителей афганской научной школы, в которых в определенном степени исследованы различные аспекты взаимоотношений Соединённых Штатов Америки и Афганистана. Следует отметить, что афганские эксперты лишь в последние годы стали системно обращаться к проблематике становления и эволюции отношений. Среди местных исследователей заметна группа авторов, анализирующих данную проблему с выраженных патриотических позиций. При подготовке диссертации, наряду с известными трудами афганских учёных, автором введён в научный оборот широкий круг ранее малоизвестных и недостаточно изученных исследований афганских аналитиков и экспертов.

Анализ литературы представителей афганской научной школы автор начинает с работы М.Г.М. Губора[1]. Значимость данного труда состоит в том, что автор рассматривает историю Афганистана не в традиции придворной историографии и не в рамках апологетических описаний биографий шахов и королей, а с позиций общественной борьбы и сопротивления иностранному вмешательству и внутренним политическим силам, оцениваемым им как разрушительные. Ценность работы М.Г.М. Губора для настоящего исследования

[1] غبار، میر غلام محمد. افغانستان در مسیر تأریخ. جلد دوم. – تهران: نشر عرفان، ۱۳۷۴ (۱۹۹۵ م.). – ص. ۷۸۶.

заключается также в том, что, анализируя соперничество Королевства Британской империи и Царской Российской империи в регионе, он обращает внимание на признаки формирования внешнеполитической линии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана и на вовлеченность Вашингтона в соперничество Лондона и Санкт-Петербурга.

Из работ М.М.С. Фарханга[1] нами была извлечена значимая информация об особенностях американо-афганских отношений накануне и в период Второй мировой войны. Работа М.М.С. Фарханга позволила уточнить динамику двусторонних отношений в сложный период мирового развития. Как и М.Г.М. Губор, указанный автор при интерпретации событий и процессов в Афганистане исходит прежде всего из интересов собственной страны.

При подготовке настоящей диссертации автором введены в научный оборот книги М. А. Андешманда[2]. Работы М. А. Андешманда представляют собой достаточно целостный корпус исследований по истории взаимоотношений Соединённых Штатов Америки и Афганистана. Их преимущество состоит в использовании широкого круга источников, ранее малоизвестных в современной афганистике, при анализе становления первых неофициальных контактов между гражданами Америки и Афганистана. Автор последовательно и с соблюдением принципа историзма исследует процесс формирования официальных политических и дипломатических отношений между двумя государствами.

Значительный научный интерес для анализа взаимоотношений Соединённых Штатов Америки и Афганистана представляет труд С. Кушкаки[3]. Автор данной работы[4] рассматривает внешнюю политику правящих кругов Кабула с критических позиций. Критикуя простодушие и самоуверенность аф-

---

[1] فرهنگ، میر محمد صدیق. افغانستان در پنج قرن اخیر. جلد دوم. چاپ چهارم. – تهران: نشر شریعتی-عرفان، ۱۳۸۸. – ۱۳۲۰ ص.

[2] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. – کابل: چاپ میوند، ۱۳۸۴. – ۱۱۸ ص. اندیشمند، محمد اکرام. سال‌های تجاوز و مقاومت. – کابل، ۱۳۸۳. – ۲۵۸ ص.

[3] کشککی، صباح‌الدین. دهه‌ی قانون اساسی: غفلت‌زدگی افغان‌ها و فرصت‌طلبی روس‌ها. – کابل، ۱۳۸۴.

[4] *Сабахуддин Кушкаки* (в англоязычных источниках встречается форма Sahabuddin или Sabah Uddin Kushkaki) – афганский журналист, публицист и государственный деятель, занимавший в период «конституционного десятилетия» 1963–1973 гг. ряд ответственных постов в информационно-культурной сфере Афганистана. Занимал должность министра информации и культуры в правительстве Мухаммада Мусы Шафика, последнего кабинета периода королевского правления Мухаммада Захир-шаха.

ганского руководства, а также его надежды на перспективы многосторонних отношений с Соединёнными Штатами Америки, особенно в военно-технической сфере, С. Кушкаки характеризует подобный подход как «невежество афганцев». К таким выводам он приходит, анализируя безрезультатные попытки многочисленных министров и премьер-министров правительств короля М. Захир-шаха наладить устойчивые и взаимовыгодные отношения с Соединёнными Штатами Америки. Заявления короля М. Захир-шаха о том, что Соединённые Штаты Америки являются «единственным добропорядочным и бескорыстным государством по отношению к Афганистану», а также надежды на построение в стране демократического строя при поддержке Вашингтона, автор рассматривает как проявление отсталости, доверчивости и наивности прежних афганских правителей. По мнению С. Кушкаки, руководство Афганистана слишком поздно осознало, что для Соединённых Штатов Америки собственные национальные интересы, а также интересы их регионального стратегического союзника – Исламской Республики Пакистан – имеют значительно больший приоритет, нежели демократическое развитие Афганистана.

При подготовке настоящей диссертации активно использовались труды пакистанского исследователя А. Рашида[1], в которой рассматриваются региональные и международные аспекты трансформации политических процессов в Афганистане.

В книге А. Худжабашира Ахмада[2] анализируется внешняя политика Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана с позиций геоэкономических интересов и деятельности транснациональных корпораций Вашингтона. Используя широкий круг источников, автор раскрывает внешнеполитическую стратегию Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в контексте геоэкономического соперничества с другими ведущими мировыми акторами в рассматриваемом регионе.

[1] رشید، احمد. طالبان: اسلام، نفت و بازی بزرگ جدید / مترجمان: اسدالله شفائی، صدیق باقری. – تهران، ۱۳۷۹.
[2] نصاری، خواجه بشیر احمد. افغانستان در آتش نفت. کابل: نشریات میوند، ۱۳۸۲.

В ходе работы над диссертацией автор также обращался к книге А. Осима[1]. Несмотря на то что его работа посвящена преимущественно анализу внешней политики Афганистана в послевоенный период, автор уделяет внимание теоретическим основам американо-афганских отношений, а также внешнеполитическим интригам Вашингтона и Кабула. Анализируя ошибки афганского руководства при формировании и реализации внешней политики, А. Осим указывает на их попытки маневрирования между Соединёнными Штатами Америки и Советским Союзом.

Особую ценность для настоящего исследования представляет книга А. Гавса[2]. Значимость работы обусловлена тем, что её автор, занимавший должность заместителя министра иностранных дел Афганистана, имел возможность наблюдать и анализировать эволюцию американо-афганских отношений изнутри государственного аппарата. Как высокопоставленный чиновник, А. Гавс принимал непосредственное участие в переговорах высшего уровня правительства Афганистана с Советским Союзом, Соединёнными Штатами Америки и Исламской Республикой Пакистан. Кроме того, будучи осведомлённым лицом, он подробно описывает политические просчёты правительств Кабула соответствующего периода и указывает на неудачи в попытках выстраивания доверительных отношений с Соединёнными Штатами Америки.

А. Х. Белграми[3], наряду с другими проблемами, рассматривает вопросы формирования внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана. Автор анализирует становление и эволюцию американской стратегии в контексте внешней политики Королевства Британской империи в регионе.

Книга А. М. Наби[4] посвящена анализу внешней политики М. Дауд-хана в региональном контексте, прежде всего в отношении Исламской Республики Пакистан. По мнению автора настоящей диссертации, наряду с иными факто-

[1] عاصم اکرام. نگاهی به شخصیت، نظریات و سیاست‌های محمد داود. تهران: انتشارات میزان، ۱۳۸۰.
[2] غوث، عبدالصمد. سقوط افغانستان: بیان شاهد عینی / مترجم از انگلیسی به فارسی دری محمد یونس طغیان سکایی. پشاور: ۲۰۰۰.
[3] Подробнее см.: Asghar H. Bilgrami. Afghanistan and British India 1793–1907: a study in foreign relations [Dari] / Asghar H. Bilgrami translated by Abdul Wahab Fanahi. – Kabul, 1982 (1361).
[4] عظمی، محمد نبی. اردو و سیاست در سه دهه اخیر. کابل: ۱۳۸۴.

рами, одним из обстоятельств, повлиявших на сдержанное и нередко пренебрежительное отношение Соединённых Штатов Америки к Афганистану, стала жёсткая и конфронтационная внешняя политика М. Дауд-хана по отношению к региональному союзнику Вашингтона – Исламской Республике Пакистан. А.М. Наби характеризует призывы М. Дауд-хана к пуштунской и белуджской молодёжи к восстанию против режима Исламабада как провокационные действия и вмешательство во внутренние дела соседнего государства.

Впервые введены в научный оборот труды современного афганского исследователя Т. Фаромарза[1], ранее практически не использовавшихся в отечественной исторической науке. Проведённый анализ показал, что автор рассматривает эволюцию внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана с позиций афганской национальной историографии, что позволило существенно расширить источниковую и историографическую базу диссертации и обеспечить более объективную интерпретацию исследуемых процессов.

Во вторую группу использованной литературы включены труды востоковедов и афганистов Советского Союза. Советская востоковедческая и афганистская школа, учитывая совокупность объективных и субъективных факторов – геополитическое соперничество с Королевством Британской империи, Соединёнными Штатами Америки и другими мировыми и региональными державами за влияние в Средней и Южной Азии, историческую, культурную, этноконфессиональную и географическую близость народов Средней Азии и Афганистана, а также задачи обеспечения безопасности южных границ СССР, – традиционно занимала ведущее место в исследовании истории и международных отношений Афганистана.

Следует отметить, что в силу ряда геоидеологических и геополитических факторов – руководящей роли Коммунистической партии Советского Союза, соперничества большевистской России с Королевством Британской

[1] تامانّو، فرامرز. سیاست خارجی ایالات متحدهٔ آمریکا در افغانستان: پروژهٔ «آسیای مرکزی بزرگ»، دولت-ملت‌سازی و مبارزه با تروریسم. – تهران: پژوهشکدهٔ مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷. ص. ۲۸. همان نویسنده: تامانو، ف. سیاست خارجی ایالات متحدهٔ آمریکا در افغانستان: دولت-ملت‌سازی و مبارزه با تروریسم. تهران: پژوهشکدهٔ مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷. ص. ۱۰۱.

империи в Средней Азии и других обстоятельств – представители советской научной школы рассматривали вопросы становления и эволюции взаимоотношений Соединённых Штатов Америки с Афганистаном преимущественно с позиций последствий Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. В начале XX века в трудах советских востоковедов особое внимание уделялось влиянию революционных процессов в России на подъём национально-освободительных движений в странах Востока. Значительная часть исследований была направлена на разоблачение экспансионистской, колониалистской и деструктивной политики капиталистических государств, а также деятельности зарубежных и местных реакционных сил в восточных странах.

Первые публикации по афганской проблематике в виде научных статей в советской периодической печати появились в первые годы после победы Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. Первые же фундаментальные научно-исследовательские труды советских востоковедов начали публиковаться с 1919 года под влиянием совокупности геополитических процессов начала XX века, включая изменение политического строя в большевистской России, завоевание Афганистаном государственной независимости, а также активизацию внешней политики ведущих мировых и региональных акторов в Афганистане и прилегающем регионе.

Первыми периодическими изданиями, опубликовавшими сведения о процессах и явлениях, происходивших в Афганистане в начале XX века, стали журналы[1] – «Жизнь национальностей», «Новый Восток», а также журнал

[1] Среди первых советских периодических изданий, публиковавших сведения о политических, социально-экономических и военно-стратегических процессах в Афганистане начала XX в., следует отметить «Жизнь национальностей», «Новый Восток» и издания военно-теоретического цикла, известные в библиографической традиции под общим названием «Военная мысль».
«Жизнь национальностей» – ежемесячный журнал по вопросам политики, экономики и культуры национальностей РСФСР, издававшийся в Москве Народным комиссариатом по делам национальностей в 1922–1924 гг.; до № 1(7) выходил в форме газеты.
«Новый Восток» – журнал Всероссийской научной ассоциации востоковедения при Народным комиссариатом по делам национальностей, основанный М. П. Павловичем и выходивший в Москве в 1922–1930 гг.; с 1924 года издавался как журнал Научной ассоциации востоковедения Союза ССР.
«Военная мысль» – являвшийся органом Революционного военного совета Туркестанского фронта и издававшийся в городе Ташкенте. Военно-теоретическое издание, начало которому было положено в 1918 г.; в 1918–1920 гг. выходило под названием «Военное дело», в 1921–1922 гг. – «Военная наука и

«Военная мысль». Указанные издания важны как источники, отражающие раннесоветское восприятие афганской проблематики, национально-освободительных процессов на Востоке и военно-политического значения Афганистана для советской восточной политики.

Следует отметить, что первые статьи, посвящённые внутриполитическим и внешнеполитическим событиям и процессам в Афганистане и принадлежавшие политическим деятелям молодого советского государства, дипломатам и востоковедам большевистской России, с одной стороны, отличались достаточно высоким уровнем научного анализа, а с другой – носили выраженный политико-идеологический характер. Разумеется, политики и эксперты Советского Союза в своих публикациях и фундаментальных трудах, исходя из методологических установок марксизма-ленинизма, подвергали жёсткой критике экспансионистскую политику западных держав, прежде всего Соединённых Штатов Америки.

Анализ трудов советских экспертов автор начинает с работ дипломата и государственного деятеля большевистской России Г. В. Чичерина[1]. Значимость его публикаций обусловлена непосредственным участием автора в переговорных процессах с делегациями правительства Афганистана в контексте внешней политики советского государства, а также сравнительно объективным анализом международной ситуации, складывавшейся вокруг Афганистана в начале XX века.

Из трудов Народного комиссара по иностранным делам Советской России М. М. Литвинова[2] автором было извлечено значительное количество теоретического и фактологического материала, касающегося международных отношений Афганистана в рассматриваемый период.

революция», в 1922–1924 гг. – «Военная мысль и революция», в 1925–1936 гг. – «Война и революция», а с 1937 года закрепилось название «Военная мысль».

[1] Подробнее см.: Чичерин Г.В. Загадки международного положения. Статьи и речи по вопросам международной политики / Г. В. Чичерин; сост. Л.И. Трофимова. – М.: Соцэкгиз, 1961. – 514 с.

[2] Подробнее см.: Литвинов М.М. Внешняя политика СССР: речи и заявления. 1927–1935 гг. / М. М. Литвинов. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1935. – 352с.

При подготовке настоящей диссертации использовались также нормативно-правовые акты Центрального исполнительного комитета СССР и Народного комиссариата по иностранным делам Советского Союза[1], опубликованные в открытых источниках, а также представленные в трудах советских востоковедов и афганистов[2]. В данных актах зафиксировано осуждение экспансионистской и колониальной политики западных держав в отношении Афганистана и подтверждён принцип невмешательства советской власти во внутренние дела данной страны.

Труды И. М. Рейснера[3] отличаются энциклопедичностью и комплексным подходом к изучению афганской проблематики, что в значительной степени способствовало решению задач, поставленных в настоящем диссертационном исследовании. Важность трудов И.М. Рейснера обусловлена также их сравнительно объективным характером и адекватным отражением международной ситуации, складывавшейся вокруг Афганистана. И. М. Рейснер на протяжении нескольких лет работал в Кабуле и имел возможность обращаться к первоисточникам.

Труды А. Е. Снесарёва[4] имеют принципиальное значение для настоящего исследования, поскольку на основе значительного массива источников автор раскрыл особенности международного положения Афганистана, охарактеризовал внешнеполитическую деятельность его правителей и показал влияние геостратегического положения страны на политику ведущих миро-

---

[1] Подробнее см.: Народный комиссариат иностранных дел РСФСР. Годовой отчёт Народного комиссариата иностранных дел к VIII Всероссийскому съезду Советов (1919–1920 гг.). – М., 1921. – 92 с; Народный комиссариат иностранных дел РСФСР. Годовой отчёт Народного комиссариата иностранных дел к IX Всероссийскому съезду Советов (1920–1921 гг.). – М., 1921. – 104 с; Народный комиссариат иностранных дел СССР. Годовой отчёт Народного комиссариата иностранных дел ко II Всесоюзному съезду Советов. – М., 1924. – 118 с; Народный комиссариат иностранных дел СССР. Годовой отчёт Народного комиссариата иностранных дел к III Всесоюзному съезду Советов. – М., 1925. – 131 с.

[2] Например, подробнее см.: Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений: 1919–1978. – М.: Мысл, 1988. – 380 с.

[3] Подробнее см.: Рейснер И.М. Независимый Афганистан / И. М. Рейснер. – М.: Госиздат, 1929. – 186 с; Его же. Афганистан / И.М. Рейснер. – М.: Госиздат, 1929. – 214 с; Его же. Десять лет внешней политики независимого Афганистана (1919–1929 гг.) / И.М. Рейснер // Новый Восток. – 1929. – № 22. – С. 3–28.

[4] Подробнее см.: Афганские уроки: выводы для будущего в свете идейного наследия А.Е. Снесарёва. – М.: Военный университет, Русский путь, 2003. – 896 с.

вых держав. Использование выводов А. Е. Снесарёва позволило провести сравнительный анализ преемственности и трансформации внешнеполитических подходов различных государств, включая Соединённые Штаты Америки, в отношении Афганистана.

Труды Ю. В. Ганковского[1] посвящены исследованию истории Афганистана с древнейших времён до конца XX века. Автор настоящей диссертации неоднократно обращался к работам Ю.В. Ганковского при обосновании собственной научной позиции по вопросам эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана.

В. А. Ромодин[2] в своих исследованиях анализировал социально-политические процессы и явления в Афганистане во второй половине XIX – начале XX веков, события Второй англо-афганской войны 1878–1880 гг., восстания 1880-х годов, реформы эмира Абдуррахман-хана и другие важные страницы истории страны. Фактический и аналитический материал из трудов данного советского афганиста широко использовался при подготовке настоящей диссертационной работы.

Коллективный труд В. М. Массона и В. А. Ромодина[3], состоящий из двух томов и посвящённый истории Афганистана с древнейших времён до Нового времени, основан на использовании обширного массива достоверных источников и был привлечён при написании диссертации. Особое значение для настоящего исследования имел второй том, в котором анализируются процессы и явления, происходившие в Афганистане в XIX веке.

---

[1] Подробнее см.: Ганковский Ю.В. История Афганистана / Ю. В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – 303 с; Его же. История вооружённых сил Афганистана. 1747–1977 гг. / Ю.В. Ганковский. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. – 206 с; Его же. О путях прекращения гражданской войны в Афганистане / Ю. В. Ганковский // Восток и современность. – 1991. – № 3 (61). – С. 82–89; Его же. Изучение истории Афганистана в Советском Союзе / Ю. В. Ганковский // Спецбюллетень Института востоковедения АН СССР. – 1991. – № 6 (277). – С. 4–9.

[2] Подробнее см.: Ромодин В.А. Афганистан во второй половине XIX – начале XX в. Официальная история и историография / В.А. Ромодин. – М.: «НАУКА», Главная редакция восточной литературы, 1990 – 140 с.

[3] Подробнее см.: Массон, В. М. История Афганистана: в 2 т. Т. 2: Афганистан в новое время / В.М. Массон, В.А. Ромодин. – М.: Наука, 1964. – 551 с.

Несмотря на то что труды Л. Б. Теплинского[1] посвящены преимущественно истории взаимоотношений Советского Союза и Афганистана, в них содержится значительный фактический и теоретический материал, касающийся внешнеполитического курса других мировых и региональных акторов в контексте соперничества Запада с Москвой в Афганистане и регионе.

А. Д. Давыдов[2] анализирует военно-политическую ситуацию в Афганистане в контексте внешней политики Соединённых Штатов Америки. По мнению автора, в периоды, когда отношения Советского Союза и Афганистана в политической, экономической и иных сферах характеризовались относительной стабильностью, специальные службы Вашингтона предпринимали активные усилия, направленные на ослабление позиций Москвы в Кабуле и в странах Южной Азии, а также на превращение Афганистана в буферное государство между Кремлём и Белым домом.

При написании настоящей диссертации также активно использовались работы Р. Т. Ахрамовича[3], в которых наряду с анализом формирования политических организаций рассматриваются проблемы Афганистана в контексте внешнеполитического курса Запада во главе с Соединёнными Штатами Америки в изучаемый период.

Таким образом, представители востоковедческого и афганистского направлений научной школы Советского Союза внесли существенный вклад в изучение Афганистана. Советские афганисты занимали заметное и заслуженное место в исследовании становления внешней политики и дипломатии Афганистана, а также развития международных отношений Кабула в XIX–XX веках[4]. В этой связи автор настоящей диссертации широко использовал

---

[1] Подробнее см.: Теплинский Л. Б. История советско-афганских отношений: 1919–1978 гг. – М.: Мысл, 1988. – 380 с.

[2] داویدأف، ا. د. افغانستان: مسایل جنگ و صلح / ترجمه عزیز آریان‌فر. تهران: نشر اندیشه، ۱۳۸۹.

[3] Подробнее см.: Ахрамович Р.Т. Афганистан после второй мировой войны. Очерки истории / Р.Т. Ахрамович. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1961. – 178 с; Его же: Афганистан в 1961–1966 гг. Политическое положение / Р.Т. Ахрамович. – М.: Наука, 1967. – 172 с.

[4] Подробнее см.: Басов В. К. К характеристике национального состава чиновничества в Афганистане в 60-е годы / В.К. Басов // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. – М.: Наука, 1974. – № 4. – С. 181–195; Зайцев П.Н. Внутриполитическое развитие Афганистана в 1919–1928 гг. / П.Н. Зайцев. – М., 1970. – 270 с; Актуальные проблемы афганской революции / отв. ред. М.

труды советских востоковедов и афганистов, извлекая из них значительный объём теоретического и фактологического материала, необходимого для анализа эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана.

В третью группу включены труды представителей таджикской научной школы. Без преувеличения можно утверждать, что востоковеды и афганисты Республики Таджикистан занимают заметное и заслуженное место в изучении истории Афганистана, его международных отношений, внешней политики и других ключевых аспектов государственности. В силу объективных обстоятельств таджикская научная школа оставила значительный след в исследовании исторических, международных, внутриполитических, экономических, социальных, культурных, национально-этнических и иных проблем афганского общества и государства. Представители научной школы Республики Таджикистан, учитывая географическую близость, историческую, культурную, языковую, этническую и религиозную общность, наряду с другими региональными экспертными направлениями, уделяли существенное внимание анализу внешнеполитических стратегий, ведущих акторов мировой политики в Афганистане.

При работе над настоящей диссертацией автором был использован значительный массив материалов из трудов основоположника таджикской школы афганистики Х.Н. Назарова[1]. Научная значимость работ Х.Н. Назарова заключается в том, что эволюция политической истории Афганистана в XX веке рассматривается им на основе широкого круга достоверных источников. Несмотря на то что его фундаментальные исследования во многом посвяще-

---

Р. Арунова [и др.]. – М., 1984. – 312 с; Арунова М.Р. Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен / М.Р. Арунова. – М.: Институт востоковедения РАН, 2006. – 242 с; Арунова М.Р. Афганская политика США / М.Р. Арунова. – М., 2000. – 198 с; Арунова М.Р., Иваненко В.И. Афганская политика США в 1945–2014 гг. – М.: РИСИ, 2015. – 220 с. Тренин Д.В., Малашенко А.В. Афганистан: взгляд с севера / Д.В. Тренин, А.В. Малашенко. – М.: Московский центр Карнеги, 2010. – 35 с; Шило Н. Обстановка в Афганистане: военно-политическая ситуация и трансформация политического курса страны / Н. Шило. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 40 с; Халфин, Н.А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начало XX в.) / Н.А. Халфин. – М., 1959. – 287 с.

[1] Подробнее см.: Назаров Х.Н. Роль таджиков в истории Афганистана / Х.Н. Назаров. – Душанбе: Дониш, 1998. – 656 с; Его же. Социальные движения 20-х годов XX века в Афганистане / Х.Н. Назаров. – Душанбе: Дониш, 1989. – 352 с.

ны роли таджиков в истории Афганистана, учёный уделяет внимание вопросам вмешательства зарубежных держав, прежде всего западных стран во главе с Соединёнными Штатами Америки, во внутренние дела Кабула.

В трудах Ш. Имомова[1] анализируются вопросы формирования и развития общественно-политической мысли в Афганистане. Автор исследует эволюцию общественной мысли в контексте политической истории страны и её культурно-цивилизационного кода. Особую ценность для настоящего исследования представляет анализ Ш. Имомовым истории возникновения и развития общественно-политической мысли Афганистана во второй половине XIX – начале XX веков. Кроме того, были использованы работы данного автора, в которых рассматривается процесс формирования первых прогрессивных организаций и движений в Афганистане под влиянием политических идей зарубежных государств.

К. Искандаров[2] в своих исследованиях, посвящённых истории становления и развития политических партий и организаций Афганистана, акцентирует внимание на роли Запада во главе с Соединёнными Штатами Америки в формировании идеологических установок оппозиционных политических движений.

В трудах Х. Саидова[3] изучаются проблемы развития афганской государственности, а также роль внешних факторов в процессе формирования этнонациональной и социально-политической структуры Афганистана.

---

[1] Подробнее см.: Имомов, Ш. Общественная мысль Афганистана в первой трети XX в. / Ш. Имомов. – М.: Наука, 1986. – 112 с; Имомов, Ш. История общественной мысли Афганистана во второй половине XIX – первой половине XX в. / Ш. Имомов. – Душанбе: Дониш, 2001. – 400 с; Имомов, Ш. Нигоҳе ба таърихи тоҷикони Афғонистон дар нимаи дувуми қарни XIX ва қарни XX / Ш. Имомов. – Душанбе: Дониш, 2013. – 267 с.

[2] Подробнее см.: Искандаров К. Афганистан в период правительства национального единства: политические процессы и проблемы безопасности: монография / К. Искандаров. – Душанбе: НАН РТ, 2022. – 352 с; Его же. Политический кризис в Афганистане / К. Искандаров // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия: экономика и политология. – 1995. – № 3–4 (4). – С. 25–29; Его же. Молодёжное движение в Афганистане / К. Искандаров. – Душанбе: Дониш, 1999. – 148 с; Его же. Политические партии и движения Афганистана во второй половине XX века / К. Искандаров. – Душанбе: Ирфон, 2004. – 500 с.

[3] Подробнее см.: Саидов Х. Афганистан в поисках путей национально-государственного развития / Х. Саидов. – М., 2010. – 240 с; Его же. Этноконфессиональные проблемы современного Ирана / Х. Саидов. – М.: РАГС при Президенте РФ, 2012. – 176 с; Его же. Афганские пуштуны в контексте истории «десяти потерянных колен Израиля» / Х. Саидов. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 220 с; Его же. Евреи и пуштуны Афганистана / Х. Саидов. – М.: АН РФ, 2015. –

В четвёртую группу изученной и использованной литературы включены труды российских востоковедов и афганистов. Общеизвестно, что научная школа Российской Федерации занимала и продолжает занимать значимое место в изучении Афганистана в целом и его международных отношений в частности. Следует признать, что основы научного изучения Афганистана были заложены ещё в период царской России, особенно в условиях соперничества двух империи в регионе Средней Азии. Вместе с тем в рамках настоящего исследования анализируются прежде всего ключевые работы современных российских востоковедов, историков и афганистов. Несмотря на то что современная научная школа Российской Федерации является преемницей советского научного направления, она осознанно выделяется автором в самостоятельную группу. Это обусловлено тем, что российские исследователи, сохранив традиции советской школы, одновременно внесли существенные коррективы в интерпретацию процессов и явлений Афганистана под влиянием фундаментальных изменений мировой и региональной политики, международного права и идеологии в конце XX – начале XXI веков.

Анализ трудов научной школы Российской Федерации автор начинает с работ В. Г. Коргуна[1] (труды В. Г. Коргуна целесообразно рассматривать

248 с; Его же. Афганистан: сильная центральная власть или федеративное устройство / Х. Саидов // Проблемы безопасности государств Центральной Азии в условиях современного мироустройства: тенденции и подходы к обеспечению стабильности. Материалы Международной конференции (Душанбе, 27 марта 2014 г.). – Душанбе, 2014. – С. 123–131.

[1] Подробнее см.: Коргун В.Г. Афганистан в 20–30-е годы XX в.: страницы политической истории. – М.: Наука, 1979. – 160 с; Его же. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. – М.: Наука, 1983. – 198 с; Его же. Афганистан: политика и политики. – М.: Институт востоковедения РАН, 1999. – 140 с; Его же. Формирование и эволюция политической системы современного Афганистана (1919–1999 гг.). – М., 2000. – 48 с; Его же. История Афганистана. XX век. – М.: Институт востоковедения РАН; 2004. – 525 с; Его же. Афганистан в начале XXI века. – М.: Институт востоковедения РАН, 2004. – 134 с; Его же. Россия и Афганистан: исторические пути формирования образа России в Афганистане. – М., 2009; Его же. К вопросу о роли кочевников в Афганистане новейшего времени // Арабские страны, Турция, Иран, Афганистан: история, экономика. – М., 1973. Его же. Социально-политический кризис в Афганистане в конце 20-х годов. Первый этап // Актуальные проблемы современного востоковедения. – М., 1974; Его же. Роль и место ислама в процессе общественного развития современного Афганистана // Ислам и политика. – М., 1980; Его же. Исторический очерк. 1921–1978 гг. // Демократическая Республика Афганистан. – М., 1981; Его же. Афганистан в новейшее время // История Афганистана с древнейших времён до наших дней. – М., 1982; Его же. Афганистан на начальном этапе независимого развития (1919–1929 гг.) // Афганистан: прошлое и настоящее. – М., 1982; Его же. Социальная структура Афганистана // Актуальные проблемы афганской революции. – М., 1984; Его же. Ислам и национализм в Афганистане //

дифференцированно с учётом времени их создания и соответствующего научного контекста. Его исследования советского периода, посвящённые политической истории Афганистана, относятся к отечественной советской афганистике. В последующий, постсоветский период В. Г. Коргун продолжил разработку афганской проблематики, существенно расширив исследовательскую перспективу – прим. авт.). Научная ценность его трудов заключается в использовании редких и оригинальных источников. Для настоящей диссертации особую значимость имеют исследования В.Г. Коргуна, посвящённые анализу зарождения первых контактов между представителями различных западных структур, прежде всего Соединённых Штатов Америки, и Афганистаном в начале XX века в контексте сложных международных процессов и внутриполитических интриг в Кабуле.

Значительную помощь при анализе становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана оказали труды российского востоковеда-афганиста С.В. Бойко[1].

Существенное значение для настоящего исследования имеют труды М. В. Кича[2], в которых история Афганистана рассматривается в широких хронологических рамках – от древнейших времён до 2021 года. Использование автором обширного круга англоязычных, италоязычных, арабоязычных, иврitоязычных и других источников существенно расширяет историографическую базу исследования. Особый интерес представляет предложенный М. В. Кичей подход, основанный на анализе внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки через призму её взаимосвязи с внутренними

Ислам и проблема национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. – М., 1986; Его же. Афганистан и Иран // Афганистан: война и проблемы мира. – М., 1998; Его же. Международные отношения в Средней Азии и на Среднем Востоке // Кризис и война: международные отношения в центре и на периферии в 30–40-х годах. – М., 1998.

[1] Подробнее см.: Бойко С. В. Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. – М.; Барнаул, 2010. – 392 с; Его же. Мировая афганистика между наукой и политикой: проблемы истории и модернизации Афганистана в XX – начале XXI вв. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2016. – 138 с; Его же. Проблемы и противоречия модернизации в Афганистане в XX – начале XXI в.: очерки альтернативных стратегий и практик развития. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2017. – 140 с.

[2] Подробнее см.: Кича М. В. Афганистан: подлинная история страны-легенды. – М.: Эксимо, 2022. – 464 с.

политическими процессами, особенностями государственного развития и эволюцией афганского общества.

В трудах В. Н. Спольникова[1] анализируется роль западных государств во главе с Соединёнными Штатами Америки в процессе формирования религиозных, этнонациональных и правоисламистских группировок в Афганистане с целью ограничения влияния Советского Союза в регионе.

В исследованиях В. Н. Пластуна[2] значительное внимание уделяется вопросам формирования экстремистских, террористических, радикальных и фундаменталистских военно-политических партий и организаций, а также их эволюции под воздействием специальных служб западных государств, прежде всего Соединённых Штатов Америки.

Важное место в историографической базе настоящего исследования занимают труды М. Р. Аруновой[3]. Проведённый анализ показывает, что именно в её работах вопросы политики Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана рассматриваются не фрагментарно, а как самостоятельное направление исследования во взаимосвязи с региональными процессами и динамикой международных отношений. Это предопределяет их особую научную ценность при изучении эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана.

Книга И. Дауди[4] освещает международную политическую обстановку соответствующего периода, анализирует историю афгано-советского приграничья в XIX–XX веках, процесс завоевания Афганистаном независимости от Королевства Британской империи, этапы укрепления афганской государственности, а также подробно рассматривает периоды правления королей М. Амануллы-хана и М. Захир-шаха.

---

[1] Подробнее см.: Спольников В. Н. Афганистан: исламская контрреволюция. – М.: Наука, 1987. – 237с.
[2] Подробнее см.: Пластун В. Н. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. – М., 1998. – 238 с; Его же. Эволюция деятельности экстремистских организаций в странах Востока. – Новосибирск, 2002.
[3] Подробнее см.: Арунова М.Р. Афганистан, Иран, Пакистан: Время выборов и перемен. – М.: ИВ РАН, 2006. – 242 с; Арунова М.Р. Афганская политика США в 1945–1999 гг. – М.: Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, Ин-т востоковедения РАН, 2000. – 125 с.
[4] Подробнее см.: Дауди И. Большая игра в Афганистан / Ильяс Дауди. – М.: Де'Либри, 2021. – 188 с.

Г. Рустэм[1] в своей книге исследует процесс принятия решений в области внешней политики Соединённых Штатов Америки и расширение американского вмешательства во внутренние дела Афганистана посредством оказания всесторонней поддержки противникам кабульского режима.

Таким образом, российская научная школа занимает одно из ведущих мест в анализе процессов и явлений, происходивших в Афганистане и регионе в целом, а также роли западных государств во главе с Соединёнными Штатами Америки в развитии данных процессов. Труды российских востоковедов и афганистов позволили автору настоящей диссертации извлечь значительный объём теоретического и фактического материала, необходимого для решения поставленных научных задач.

В пятую группу использованной литературы включены диссертации, посвящённые афганской проблематике, в рамках которых рассматриваются вопросы, близкие по тематике к настоящей диссертационной работе.

Так, несмотря на то что диссертация С. Б. Панина[2] посвящена межгосударственным отношениям Советского Союза и Афганистана в 1919–1929 гг., при решении поставленных задач автор активно обращается к анализу международных отношений начала XX века.

Значимость диссертации К. В. Симонова[3] состоит в том, что она была использована при изучении стратегии ведущих держав в отношении Афганистана в конце XIX – начале XX веков. В своей работе К. В. Симонов уделяет внимание соперничеству основных региональных акторов в Афганистане и прилегающем регионе.

В диссертации А. В. Гришина[4] анализируется внешняя политика Советского Союза в 1920-е годы. Её научная ценность заключается в привлече-

---

[1] کالیولین راستم، سیا در آسیا، عملیات پنهانی علیه هندوستان و افغانستان. ترجمه دانشگاهی اطلاعات، تهران، 1375.

[2] Подробнее см.: Панин С. Б. Советско-афганские отношения, 1919–1929 гг.: дис. … канд. ист. наук / С. Б. Панин. – М., 1998. – 378 с.

[3] Подробнее см.: Симонов К. В. Афганистан в политике великих держав и Османской империи на Среднем Востоке, 1899–1918 гг.: дис. … канд. ист. наук / К. В. Симонов. – М., 2001. – 236 с.

[4] Подробнее см.: Гришин А. В. Внешняя политика Советского государства в первой половине 1920-х годов по англо-американской исторической литературе и источникам: дис. … канд. ист. наук / А. В. Гришин. – М., 2004. – 262 с.

нии источников и литературы Королевства Британской империи и Соединённых Штатов Америки, а также в рассмотрении соперничества Лондона и Вашингтона в исследуемом регионе.

В шестую группу включены труды учёных и представителей экспертного сообщества западных научных школ, посвящённые вопросам становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана. Автор настоящей диссертации стремился ввести в научный оборот работы западных исследователей, прежде всего аналитические труды экспертов Соединённых Штатов Америки, которые до настоящего времени оставались малоизвестными для широкого круга востоковедов и афганистов.

Следует отметить, что основная часть работ, посвящённых внешнеполитической стратегии западных государств во главе с Соединёнными Штатами Америки, написана на английском языке и носит преимущественно источниковедческий характер. Исследования представителей европейских научных школ, написанные на французском, немецком и других языках, как правило, представляют собой переводы англоязычных работ. В данную группу также включены труды афганских, региональных и западных авторов, доступные в электронном и печатном виде на английском, дари и персидском языках. Значительная часть этих публикаций была переведена иранскими, афганскими и пакистанскими переводчиками и издана в Тегеране, Кабуле, Исламабаде и Пешаваре. Следует отметить, что Исламская Республика Иран, после Государства Израиль, занимает одно из ведущих мест в мире по объёму переводов научной и аналитической литературы с иностранных языков.

Так, книга Султан Мухаммад-хана[1], служившего секретарём эмира Абдуррахман-хана, несмотря на автобиографический характер и хронологические рамки (1844–1901 гг.), содержит ценный материал по внутренней и внешней политике Афганистана рассматриваемого периода.

[1] Подробнее см.: Султан Мухаммад-хан. Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана / Султан Мухаммад-хан; пер. с англ. М. Грулёва. – СПб, 1901. – 568 с.

Значимость работы А. Гамильтона[1] заключается в том, что она основана на оригинальных английских и индийских источниках и может служить важным источником для изучения политических процессов и событий в Афганистане и регионе, а также международных отношений соответствующего времени.

Особую ценность представляет труд М. Элфинстона[2], который рассматривается рядом востоковедов как одно из первых фундаментальных научных исследований истории Афганистана.

Работы Г. Белю[3] посвящены анализу родоплеменных и национально-этнических отношений в истории Афганистана. Обращение к данным исследованиям было обусловлено тем, что указанные факторы оказывают существенное влияние на политику правящих режимов в традиционных восточных обществах.

Несмотря на то что труды Н. Кейя[4] посвящены в основном англо-афганским войнам, из них был извлечён значительный аналитический материал, имеющий отношение к рассматриваемой тематике.

В книгах Г. Маллесона[5] история Афганистана анализируется с позиций правящих элит соответствующих периодов, при этом особое внимание уделяется внешнеполитической деятельности афганских правителей XIX века и международной обстановке в регионе.

Книга Г. Хэвлока[6] послужила важным первоисточником при изучении политических процессов и явлений, происходивших в Афганистане в середине XIX века.

---

[1] Подробнее см.: Гамилтон А. Афганистан / А. Гамилтон; пер. с англ. – СПб, 1908. – 404 с.
[2] Подробнее см.: Elphinstone M. Account of the Kingdom of Cabul, and Its Dependencies in Persia, Tartary, and India / M. Elphinstone. – London, 1839. – 2 vols.
[3] Подробнее см.: Bellew, H.W. The Races of Afghanistan: Being a Brief Account of the Principal Nations Inhabiting that Country / H.W. Bellew. – London, 1880. – XII, 210 p; Bellew, H.W. An Inquiry into the Ethnography of Afghanistan / H.W. Bellew. – London, 1883. – VIII, 192.
[4] Подробнее см.: Kaye J. W. History of the War in Afghanistan / J. W. Kaye. – London, 1878.
[5] Подробнее см.: Malleson, G.B. History of Afghanistan / G.B. Malleson. – London, 1878.
[6] Подробнее см.: Havelock H. Narrative of the War in Affghanistan in 1838–39 / H. Havelock. – London, 1840. (Орфография Affghanistan сохранена в оригинальной авторской форме XIX века).

Кроме того, значительный массив англоязычной литературы посвящён исследованию соперничества между Королевством Британской империи и Царской Российской империей в Афганистане и регионе Средней Азии[1].

Особую научную ценность представляет коллективная монография Леона Бакеро Пуллады и Лейлы Джексон Пуллады[2], переведённая на персидский язык. Значимость данной работы заключается в детальном анализе международной и региональной обстановки в начале и середине XX века. Ценность монографии для настоящего исследования определяется тем, что в ней обстоятельно анализируется политическая ситуация в регионе и мире начала XX века, рассматриваемая авторами как благоприятная почва для формирования неофициальных контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном. В книге приводятся сведения о поездках отдельных граждан Америки и представителей торговых компаний, их переговорах с государственными и официальными лицами Афганистана, а также о пребывании в стране первых христианских миссионеров – граждан Соединённых Штатов Америки.

Книга А. Людвика[3] посвящена анализу внешней политики Афганистана в первой половине XX века и проблемам развития внешнеполитической деятельности правительств Кабула в указанный период. Автор подробно исследует первый визит официальной афганской делегации в Соединённые Штаты Америки в годы правления М. Аманулла-хана, возглавляемой специальным

---

[1] Подробнее см.: Trench, F. The Russo-Indian Question / F. Trench. – London, 1869; Rawlinson, H. England and Russia in the East / H. Rawlinson. – London, 1875; Schuyler, E. Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkestan, Kokand, Bukhara, and Kuldja / E. Schuyler. – London, 1876. – 2 vols; Marvin, C. The Russian Campaigns against the Akhal Tekke Turkomans / C. Marvin. – London, 1880; Stumm, H. Russia in Central Asia / H. Stumm ; transl. ed. – London, 1885; Vambéry, A. The Coming Struggle for India / A. Vambéry. – London, 1885; Lansdell, H. Russian Central Asia / H. Lansdell. – London, 1885. – 2 vols; Curzon, G. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question / G. Curzon. – London, 1889; Popowski, S. Rival Powers / S. Popowski ; transl. ed. – London, 1893; Thorburn, S. S. Asiatic Neighbours / S. S. Thorburn. – London, 1894; Krausse, A. Russia in Asia / A. Krausse. – London, 1899; Skrine, F.H., Ross, E.D. The Heart of Asia / F.H. Skrine, E.D. Ross. – London, 1899.

[2] پاولادا، لیون؛ پاولادا، لیلا. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده از سال ۱۸۲۸ تا ۱۹۷۳ / ترجمهٔ فارسی دری غلام صفدر پنجشیری؛ مهتمم نیلاب رحیمی. – کابل، ۱۹۹۹.

[3] آدمک، لودویک. روابط خارجی افغانستان در نیمه اول قرن بیستم / مترجم به فارسی دری محمد فاضل صاحبزاده. پشاور: ۱۳۷۷. ص.

представителем правительства Кабула М. Вали-ханом Дарвози, осуществлённый через Европу.

Научная значимость работы А. Людвика заключается также в том, что на основе достоверных источников автор подробно анализирует внутридворцовые интриги в Афганистане в период правления Аманулла-хана, соперничество ведущих мировых и региональных акторов за влияние в стране после её освобождения от британского контроля, процесс подписания Договора об установлении дипломатических и консульских отношений между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном, а также назначение первых дипломатических представителей двух государств.

В книге Г. Бродшира[1] анализируется внешняя политика Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в послевоенный период. Автор обращает внимание на просчёты афганского руководства, в частности на примере деятельности премьер-министра Ш. Махмуда, связанные с ожиданиями покровительства со стороны Соединённых Штатов Америки в случае возможной внешней агрессии. Значимость данной работы для настоящей диссертации состоит в том, что автор критически оценивает позицию афганских правителей, возлагавших надежды на военно-политическую поддержку Соединённых Штатов Америки.

А. Джордж[2] в своих исследованиях анализирует взаимоотношения Соединённых Штатов Америки и Афганистана в период правления М. Даудхана. Используя материалы Государственного департамента Америки, А. Джордж приходит к выводу, что в рассматриваемый исторический период попытки Соединённых Штатов Америки ослабить влияние Советского Союза в Афганистане не могли привести к положительным результатам.

[1] برادشر، هنری. افغانستان: تجاوز شوروی و مقاومت مجاهدین / ترجمهٔ شورای ثقافتی جهاد افغانستان. – پشاور: مرکز نشراتی میوند، ۱۳۷۸ [۱۹۹۹].

[2] آرنی، جورج. افغانستان، گذرگاه کشورگشایان / ترجمهٔ فارسی دری سیدمحمد یوسف علمی و حبیب‌الرحمن هاله. – پشاور، ۱۳۸۶ [۲۰۰۷].

Существенное значение для настоящего исследования имеют труды Барнет Р. Рубина[1], в которых внешнеполитические процессы рассматриваются через призму внутренней эволюции афганской государственности и общества. Комплексный подход автора, основанный на широком круге источников, позволил выявить взаимосвязь между внутренними политическими трансформациями Афганистана и изменением стратегии ведущих мировых держав, включая Соединённые Штаты Америки, что существенно расширило историографическую основу настоящего исследования.

При подготовке настоящей диссертации существенную помощь автору оказала работа Д. Кордовеза и С. Харрисона[2]. Указанные авторы характеризуют личностные качества М. Дауд-хана – авторитарность, склонность к диктаторским методам управления, политическую неустойчивость, эмоциональность и мстительность – как одни из ключевых факторов краха его демократического проекта и формирования условий для последующего вмешательства Советского Союза во внутренние дела Афганистана.

В седьмую группу литературы включены материалы интернет-ресурсов, из которых автором было извлечено значительное количество необходимой информации. На указанных сайтах, в частности, публиковались воспоминания политических деятелей, высших должностных лиц специальных и военных структур западных государств, прежде всего Соединённых Штатов Америки[3].

Значимость данных материалов заключается в том, что они содержат сведения, исходящие от непосредственных участников политических процессов и событий, а также переговоров между официальными лицами, прини-

[1] Подробнее см.: Рубин Б. Афганистан. Что о нём нужно знать каждому (пер. с англ. М. Тарасова). – СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2003. – 391 с; Rubin, Barnett R. The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse in the International System. – New Haven, CT: Yale University Press, 1995. – 378 p.

[2] كوردويز، دياگو و سل هريسون. حقايق پشت پرده تهاجم شوروی بر افغانستان / ترجمه عبدالجبار ثابت. پشاور: ۱۳۷۵.

[3] Подробнее см.: Franks, Tommy R. American Soldier. – New York: Regan Books/HarperCollins, 2004. – 590 p. [Electronic resource]. – URL: https://archive.org/details/americansoldier00fran (date of access: 12.07.2024).

мавшими участие в разработке и реализации внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана и регионе в целом.

На официальном сайте президентской библиотеки и музей Дж. Ф. Кеннеди[1] показано попытки короля Афганистана М. Захир-шаха установить более тесные политико-дипломатические и военно-технические отношения с Соединёнными Штатами Америки. Автор отмечает, что, несмотря на принятие новой Конституции Афганистана с элементами демократизации, отставку двоюродного брата короля – М. Дауд-хана – с поста премьер-министра, которого М. Захир-шах считал ответственным за неудачи внешней политики в направлении Соединенных Штатов Америки, а также благожелательный приём афганского монарха президентом Дж. Ф. Кеннеди, данные усилия в конечном итоге не привели к ожидаемым результатам.

В восьмую группу включены статьи, опубликованные в русскоязычных научных и аналитических изданиях. В статье К. А. Фурсова рассматривается соперничество между Королевством Британской империи и Царской Россией в регионе Средней Азии в XIX веке.

Работы К. А. Фурсова представляют интерес с точки зрения переосмысления традиционного взгляда на англо-русское соперничество в Центральной Азии: автор ставит под сомнение доминирование геополитической составляющей и предлагает сравнительный анализ соотношения геополитических и экономических целей экспансии двух империй в регионе. Особую значимость имеет компаративный подход К. А. Фурсова к изучению колониальной экономической политики Российской и Британской империй, что позволяет выявить общие закономерности и специфические черты имперского управления в исследуемый период.

В работе А. А. Салиева анализируется влияние конфессиональных факторов на процесс формирования и реализации внешней политики Афганиста-

[1] Подробнее см.: John F. Kennedy Presidential Library and Museum. [Электронный ресурс] URL: https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/jfkpof-111-004#?image_identifier=JFKPOF-111-004-p0005 (дата обращения: 14.07.2023).

на в конце XIX века[1]. Значимость работы А. А. Салиева состоит в том, что автор вводит в научный оборот конфессиональный (религиозный) фактор как самостоятельную переменную, определявшую формирование и реализацию афганской внешней политики конца XIX века. Это позволяет дополнить преимущественно военно-политический и экономический анализ соперничества великих держав в регионе более комплексным пониманием внутренних, идеологических детерминант поведения Афганистана как объекта и одновременно субъекта международных отношений эпохи «Большой игры».

Источниковедческая база исследования. При разработке проблематики взаимоотношений Соединённых Штатов Америки и Афганистана, в том числе в военно-технической и специальной сферах, был привлечён широкий круг доступных источников, которые в целях удобства анализа были сгруппированы следующим образом.

В первую группу источников включены нормативно-правовые акты, регулирующие внешнюю политику Соединённых Штатов Америки и Афганистана[2], а также международные договоры, соглашения и иные правовые документы[3], подписанные между указанными государствами.

Особое место среди них занимают Конституции Соединённых Штатов Америки и Афганистана как базовые нормативные акты, определяющие

[1] Подробнее см.: Фурсов К. А. Геополитика или экономика? Соотношение целей англо-русской экспансии в Центральной Азии в XIX в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2017. – № 1. – С. 6–28; Фурсов К. А. Две империи. Экономическая политика колониальных держав в Русском Туркестане и Британской Индии во второй половине XIX – начале XX в. – М.: Институт экономики РАН, 2009. Салиев А. А. Религиозный фактор во внутренней и внешней политике Афганистана конца XIX века // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2016. – Т. 16. – № 12. – С. 76–80.

[2] Подробнее см.: Конституция Соединённых Штатов Америки – от 17 сентября 1787 года; Основной закон Высокого Государства Афганистана – от 10 апреля 1923 года; Конституция Афганистана – от 31 октября 1931 года; Конституция Афганистана: принята и провозглашена 1 октября 1964 г.

[3] Подробнее см.: *Симлский манифест.* Симла – 1 октября 1838 года; Договор о капитуляции. Кабул – 1879 год; Гандамакский договор. Гандамак – 1879 год; Договор между Его высочеством эмиром Абдуррахман-ханом, эмиром Афганистана и зависимых от него территорий, с одной стороны, и сэром Генри Мортимером Дюрандом, министром иностранных дел правительства Индии, с другой стороны. Кабул – 12 ноября 1893 года; Англо-русская конвенция – 1907 год. Санкт-Петербург – 18 (31) августа 1907 года; Договор о мире между Англией и Афганистаном. Равалпинди – 8 августа 1919 года; Памятная записка о предложениях правительств Великобритании и Афганистана, обсуждаемых делегатами двух государств на конференции в Массури в апреле–июне 1920 года, в качестве предварительных предложений к переговорам о заключении договора о дружбе. Массури – 22 ноября 1922 года.

принципы внешней политики и международных отношений Вашингтона и Кабула в рассматриваемых хронологических рамках.

Важным правовым источником, использованным в ходе работы над диссертацией, является «Симлский манифест», провозглашённый 1 октября 1838 года британским лордом Оклендом. Данный документ стал первым официальным актом, зафиксировавшим прямое вмешательство Королевства Британской империи во внутренние дела Афганистана.

Существенное значение для исследования имеет также так называемый «Договор о капитуляции», подписанный в Кабуле в 1257 году по хиджре (1879 год – прим. авт.) между правительством Афганистана и представителями Королевства Британской империи. Данный договор определял условия капитуляции британских войск и их вывод с территории Афганистана.

При подготовке диссертации важным источником послужил «Договор между Его Величеством эмиром Абдуррахман-ханом – эмиром Афганистана и зависимых от него территорий, с одной стороны, и сэром Генри Мортимером Дюрандом – министром иностранных дел правительства Британской Индии, с другой стороны» от 12 ноября 1893 года. Значимость данного нормативно-правового акта состоит в том, что он определил статус северо-восточных государственных и политических границ Афганистана с Британской Индией, которые после образования в 1947 году Пакистан (название «Исламская Республика Пакистан» страна получила позже – в 1956 году, после принятия конституции и провозглашения республики – прим. авт.) остаются предметом острого спора в отношениях между Кабулом и Исламабадом. Кроме того, данный договор стал одним из ключевых документов, заложивших основу геополитического соперничества между Королевством Британской империи и Царской Российской империей в регионе Средней Азии. В соответствии с его положениями река Окс (ныне Амударья, Пяндж – прим. авт.) была определена в качестве линии разграничения сфер влияния между двумя империями.

Во вторую группу источников вошли мемуары и воспоминания непосредственных участников политических процессов и событий рассматриваемого периода, связанных с разработкой и принятием решений в сфере внешнеполитического курса ведущих мировых и региональных акторов в отношении Афганистана[1].

Особую ценность для настоящего исследования представляют воспоминания афганских, советских, российских, таджикских, иранских, американских, пакистанских и других политических деятелей, дипломатов, военных, экспертов, журналистов и иных участников политических процессов в Афганистане. Анализ данных источников, введённых в научный оборот, показывает, что соперничество великих держав, активность крупных региональных игроков, а также внутридворцовые и внутриэлитные интриги оказывали существенное влияние на эволюцию событий в Афганистане и на внешнеполитическую деятельность правителей Кабула[2].

Так, из воспоминаний Феррье[3] были извлечены материалы, касающиеся внешней политики великих держав в период правления эмира Дуст Мухаммад-хана в Афганистане. В мемуарах А. Бёрнса[4] анализируются процессы и события, происходившие в Афганистане в 1820–1840-е годы. Автор подробно освещает осаду Герата и Кабула, а также ход и характер боевых действий в различных регионах страны.

Воспоминания Дж. Лоуренса, Г.М. Дюранда, Веллингтона, Р. Киплина, лорда Солсбери, М. Арнольда, Кауфмана, А. Лайолда, Примроуза, Б. Дизраэли, У. Гладстона, Дж. Керзона, М. Поло и других авторов[5] представляют собой уникальный источник для анализа международной деятельности Афганистана и характера его взаимоотношений с ведущими мировыми и региональными державами.

---

[1] Подробнее см.: Список литературы.

[2] گروموف، ب. ارتش سرخ در افغانستان / مترجم به فارسی دری عزیز آریان‌فر. کابل: ۱۳۸۴.

[3] Подробнее см.: Перси С. История Афганистана. С древнейших времён до учреждения королевской монархии / пер. с англ. Л. А. Карповой. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2023. – С. 316–322.

[4] Подробнее см.: Там же. – С. 323–332.

[5] Подробнее см.: Там же.

В третью группу источников включены материалы, опубликованные в ежегодниках, альманахах, а также официальные отчёты государственных органов и структур, причастных к событиям в Афганистане в предложенные хронологические рамки.[1]

В процессе подготовки диссертации автор активно использовал материалы «Ежегодника Афганистана»[2]. Преимущество данной группы источников заключается в том, что в них подробно фиксируются конкретные даты официальных визитов и поездок государственных делегаций, встречи и переговоры представителей дипломатических, военных и иных структур, а также повестка дня данных переговоров и иные значимые обстоятельства.

В четвёртую группу источников включены материалы Министерства иностранных дел Афганистана[3]. Аналитические и официальные публикации Центра стратегических исследований МИД Афганистана под названием «Афганистан и мир»[4] оказали существенную помощь при написании настоящей работы. В частности, в данных материалах содержится информация о реальных причинах сокращения официальных контактов между Государственным департаментом Соединённых Штатов Америки и Министерством иностранных дел Афганистана. Следует отметить, что степень объективности подобных оценок варьировалась в зависимости от характера политического режима в стране. Ценность данной группы источников заключается также в наличии конкретных сведений о факторах и мотивах назначения тех или иных лиц на дипломатические должности в системе внешнеполитического ведомства Афганистана.

Целью исследования является комплексный анализ становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в 1919–1973 гг. Многоплановость заявленной темы и значительная хронологическая протяжённость обусловили необходимость

---

[1] Подробнее см.: Список литературы.

[2] وزارت اطلاعات و فرهنگ (افغانستان). سالنامه افغانستان، ۱۳۵۵–۱۳۵۶. کابل: مطبعه دولتی، ۱۳۵۶.

[3] Подробнее см.: Список литературы.

[4] افغانستان و جهان / مرکز مطالعات استراتژیک وزارت امور خارجه؛ زیر نظر عزیز آریان‌فر. کابل: ۲۰۰۴.

сосредоточиться на освещении ключевых этапов становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана, в политической, дипломатической, военно-технической и специальной сферах.

Для достижения поставленной цели в диссертации предполагается решить следующие исследовательские **задачи:**

– раскрыть теоретико-методологические основы изучения внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки, определить применимые к исследованию концептуальные подходы, методы историко-политического анализа и категориальный аппарат, необходимый для комплексного рассмотрения американской политики в отношении Афганистана;

– проанализировать состояние научной разработанности проблемы становления и эволюции стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана, выявить основные направления отечественной, зарубежной и афганской историографии, а также определить степень изученности политических, дипломатических, социально-экономических и стратегических аспектов рассматриваемой темы;

– исследовать характер американо-афганских контактов в контексте трансформации международной обстановки после провозглашения независимости Афганистана, а также выявить особенности внешнеполитической линии Соединённых Штатов Америки в период правления Аманулла-хана и М. Надир-шаха в 1919–1933 гг.;

– определить содержание и специфику стратегии «де-факто признания» Афганистана Соединёнными Штатами Америки в начальный период правления М. Захир-шаха, а также раскрыть влияние международной дестабилизации 1930-х гг. на формирование американского подхода к афганскому направлению в 1933–1941 гг.;

– рассмотреть место Афганистана во внешнеполитических расчётах Соединённых Штатов Америки в годы Второй мировой войны, охарактеризовать

стратегию ограниченного вовлечения Вашингтона и его стремление к сдерживанию влияния держав «оси» на афганском направлении в 1941–1945 гг.;

– выявить предпосылки зарождения стратегии «сдержанного противодействия» Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в послевоенный период, проанализировать влияние афгано-пакистанского кризиса, проблемы Пуштунистана и роста советского присутствия на корректировку американской политики в 1945–1953 гг.;

– исследовать использование Соединёнными Штатами Америки политики модернизации как инструмента внешнеполитического влияния в Афганистане в период премьерства М. Дауд-хана, а также определить её место в системе советско-американского соперничества в 1953–1963 гг.;

– проанализировать эволюцию политико-экономического и военно-технического сотрудничества между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном в 1953–1963 гг. как показатель изменения стратегических приоритетов Вашингтона в условиях усиления холодной войны и расширения советского влияния в регионе;

– раскрыть особенности стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в период перехода от «эры М. Дауд-хана» к «Новой демократии», определить влияние внутренней либерализации, политической нестабильности и внешнеполитических противоречий Афганистана на содержание американской политики в 1963–1973 гг.;

– обобщить основные этапы становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в 1919–1973 гг., выявить её ключевые тенденции, противоречия и результаты, а также определить место афганского направления в системе региональных и глобальных приоритетов американской внешней политики.

Объектом исследования является внешнеполитическая деятельность Соединённых Штатов Америки в направлении Афганистана в системе международных отношений XIX–XX вв., рассматриваемая в контексте регионально-

го соперничества великих держав, изменения геополитического значения Афганистана и формирования глобальных приоритетов американской политики.

Предметом исследования являются закономерности, этапы и особенности становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в 1919–1973 гг., проявившиеся в переходе от ограниченного интереса, дипломатического дистанцирования и фактического признания к политико-экономическому, военно-техническому и модернизационному воздействию, а затем – к стратегии сбалансированного вмешательства в условиях холодной войны.

Научная новизна исследования определяется тем, что в диссертации впервые предпринята комплексная историко-политическая реконструкция становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в 1919–1973 гг. как длительного, поэтапного и внутренне противоречивого процесса, развивавшегося от эпизодических контактов и дипломатического дистанцирования к признанию Афганистана самостоятельным субъектом международных отношений, а затем – к формированию политики ограниченного, сдержанного и сбалансированного вмешательства в условиях глобального советско-американского соперничества.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– уточнены теоретико-методологические подходы к изучению внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана, обоснована необходимость комплексного применения историко-генетического, историко-сравнительного, системного, проблемно-хронологического и геополитического подходов, позволяющих рассматривать афганское направление американской политики не как совокупность отдельных дипломатических акций, а как развивающуюся стратегическую линию;

– в научный оборот вводится авторская периодизация эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана, охватывающая этапы первоначального интереса и дистанцированного наблюдения, ограниченных контактов, де-факто признания, сдер-

жанного вовлечения, противодействия росту советского влияния и сбалансированного вмешательства в условиях холодной войны;

– по-новому раскрыта специфика раннего американского интереса к Афганистану, начиная с середины XIX в., когда Афганистан рассматривался преимущественно в контексте британско-российского соперничества, торгово-дипломатических возможностей и ограниченного информационно-политического интереса Соединённых Штатов Америки к Средней и Южной Азии;

– доказано, что длительное отсутствие активной американской политики в Афганистане не являлось исключительно проявлением дипломатического безразличия, а было обусловлено совокупностью факторов: периферийным положением Афганистана в системе приоритетов Вашингтона, доминированием Британской империи в регионе, ограниченностью американских стратегических ресурсов и отсутствием непосредственной угрозы интересам Соединённых Штатов Америки до середины XX в.;

– выявлены особенности американо-афганских контактов в период независимости Афганистана и межвоенного балансирования, показано, что политика Соединённых Штатов Америки в 1919–1941 гг. развивалась в условиях осторожного признания международной субъектности Афганистана, но при сохранении дистанцированного подхода и нежелании Вашингтона вступать в прямую конкуренцию с ведущими державами региона;

– обосновано, что стратегия «де-факто признания» Афганистана Соединёнными Штатами Америки в 1930-е гг. представляла собой переходную форму американской политики, сочетавшую дипломатическое сближение, экономический интерес и политическую осторожность на фоне нарастания международной нестабильности и приближения Второй мировой войны;

– установлено, что в годы Второй мировой войны Афганистан занимал периферийное, но не полностью второстепенное место во внешнеполитических расчётах Вашингтона, поскольку рассматривался как пространство, где

требовалось ограничивать влияние держав «оси» и одновременно избегать чрезмерного вовлечения в региональные противоречия;

– раскрыты предпосылки формирования послевоенной стратегии «сдержанного противодействия» Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана, связанной с афгано-пакистанским кризисом, проблемой Пуштунистана, усилением советского влияния и изменением баланса сил в Южной и Средней Азии после Второй мировой войны;

– доказано, что в 1953–1963 гг. модернизационная политика Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана выступала не только формой экономической и технической помощи, но и инструментом политического влияния, направленным на ограничение советского присутствия и удержание Афганистана в пространстве нейтрального, но контролируемого внешнеполитического балансирования;

– по-новому интерпретирована эволюция политико-экономического и военно-технического сотрудничества Соединенных Штатов Америки и Афганистана в период премьерства М. Дауд-хана: показано, что именно в это время американская стратегия приобрела более выраженный прагматический характер, основанный на сочетании помощи, дипломатического давления, регионального расчёта и стремления не допустить полного вовлечения Афганистана в орбиту советского влияния;

– выявлено, что в период «Новой демократии» 1963–1973 гг. стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана развивалась в условиях внутренней либерализации, роста политической нестабильности, усиления конкуренции внешних акторов и постепенного исчерпания прежней модели афганского нейтралитета;

– обосновано понятие «сбалансированного вмешательства» как характеристики американской политики в Афганистане в условиях холодной войны, под которым понимается сочетание политико-дипломатического присутствия, экономической помощи, ограниченного военно-технического взаимодействия, разведывательно-аналитического интереса и стремления влиять на

внешнеполитический курс Афганистана без прямого нарушения его формального нейтралитета;

– доказано, что внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в 1919–1973 гг. носила не линейный, а волнообразный и ситуативно адаптивный характер: периоды дистанцирования и ограниченного интереса сменялись этапами активизации, обусловленными изменением международной обстановки, ростом советского влияния, региональными кризисами и внутренними трансформациями афганского государства;

– в диссертации уточняется место Афганистана в системе глобальных и региональных приоритетов американской внешней политики, доказывается, что до середины XX в. он занимал периферийное положение, однако в условиях холодной войны постепенно превратился в один из важных элементов регионального сдерживания СССР в пространстве Южной и Средней Азии;

– на основе комплексного анализа политических, дипломатических, социально-экономических и военно-технических аспектов американской политики выявлены ключевые противоречия стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана: стремление к расширению влияния сочеталось с нежеланием брать на себя чрезмерные обязательства; поддержка модернизации – с ограниченным пониманием внутренних особенностей афганского общества; признание нейтралитета Афганистана – с попытками включить его в систему антисоветского регионального сдерживания.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что содержащиеся в работе положения, выводы и обобщения могут быть использованы:

– при формировании теоретической базы для дальнейшего изучения взаимоотношений ведущих западных держав с традиционными обществами Востока, а также эволюция и перспектив их развития;

– при анализе степени влияния внешнеполитических и внутриполитических факторов на формирование государственной политики в современных условиях международного развития;

– при подготовке учебных пособий, специальных курсов и лекционных материалов по истории международных отношений и внешней политики, дипломатии, политологии, социальной философии, социологии, конфликтологии и смежным дисциплинам;

– в учебном процессе высших учебных заведений при подготовке востоковедов, международников, регионоведов, дипломатов, историков, политологов, научных работников, специалистов в сфере общественных коммуникаций и международной журналистики;

– в учебно-методической работе при разработке программ и курсов лекций по внешнеполитическим процессам стран Востока и стратегии ведущих мировых и региональных акторов в Афганистане и регионе Средней и Южной Азии;

– при подготовке магистерских, кандидатских и докторских диссертаций, посвящённых внешней политике ведущих государств мира в Афганистане и сопредельных регионах;

– при создании обобщающих и фундаментальных исследований по истории признания Афганистана Соединёнными Штатами Америки и становления первых контактов между Вашингтоном и Кабулом, а также эволюции их официальных политико-дипломатических отношений;

– при чтении лекций по вопросам становления и эволюция внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана, регионе Средней и Южной Азии и на Ближнем Востоке;

– при разработке специальных курсов для бакалавров, магистрантов и аспирантов, а также для всех заинтересованных исследователей, изучающих внешнюю политику Соединённых Штатов Америки и проблемы региональной безопасности.

Практическая значимость работы определяется тем, что полученные результаты, обобщения, выводы и рекомендации могут быть использованы:

– в деятельности работников государственных учреждений – администрации президентов, министерств иностранных дел, специальных служб и

иных профильных структур, осуществляющих внешнеполитическую, международную и специальную деятельность в Соединённых Штатах Америки, Афганистане, Республике Таджикистан, Российской Федерации, странах Средней Азии, Королевстве Великобритании, Исламской Республике Иран, Исламской Республике Пакистан, Республике Индии и других заинтересованных государствах;

– при изучении, анализе и прогнозировании политики и политических процессов в Афганистане и регионе в целом, а также при исследовании становления внешней политики восточных государств и предупреждении негативных проявлений во взаимоотношениях с ведущими мировыми акторами;

– при выявлении и уточнении основных подходов внешней политики государств в процессе урегулирования конфликтов на территории Средней Азии как одного из ключевых факторов обеспечения региональной безопасности на постсоветском пространстве;

– при анализе особенностей реализации внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана, а также механизмов налаживания и развития военно-технического сотрудничества между двумя государствами;

– при подготовке практических рекомендаций по развитию многоуровневого сотрудничества между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном;

– при уточнении особенностей деятельности государственных структур и специальных служб Соединённых Штатов Америки, Королевства Великобритании, Исламской Республики Пакистан, Королевства Саудовской Аравии и других заинтересованных государств в Афганистане и регионе;

– при разработке рекомендаций и предложений по развитию международного сотрудничества государств региона с развитыми странами Запада во главе с Соединёнными Штатами Америки в сфере безопасности.

Теоретическая основа исследования сформирована на принципах объективности, историзма, конкретности и системности общественных явле-

ний, которые сочетаются с ценностным подходом к анализу событий как прошлого, так и современного этапов развития отношений Соединённых Штатов Америки и Афганистана.

Теоретическую базу исследования составили взгляды, идеи и выводы представителей исторических и политологических наук, а также научные подходы афганских, региональных, российских и западных исследователей, посвящённые проблематике международных отношений и внешней политики.

Особое внимание в ходе исследования уделено анализу исторических и политологических концепций, представленных в трудах афганских, региональных, российских и западных учёных, а также в материалах научно-теоретических и научно-практических конференций и семинаров, посвящённых осмыслению политических аспектов международных отношений.

Логика исследования заключается:

– в последовательном изучении теоретических основ, раскрывающих сущность взаимоотношений между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном в новых исторических условиях;

– в анализе деятельности государственных структур и специальных служб Соединённых Штатов Америки, Афганистана и других государств, вовлечённых в афганские процессы;

– в рассмотрении внешнеполитической деятельности Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в контексте обеспечения стабильности и безопасности Российской Федерации и государств региона Средней Азии;

– в обосновании возможных сценариев и приоритетов развития ситуации в Афганистане с учётом фундаментальных изменений в мировой политике и системе международных отношений.

Гипотеза исследования заключается в том, что реализация геополитических целей внешними акторами в Афганистане априори невозможна без учёта доминирующих факторов социально-экономического, политического и культурно-цивилизационного развития страны, а также особенностей формирова-

ния её государственности. В условиях традиционного развития восточных обществ решающее значение приобретают национально-этнические, конфессиональные и родоплеменные характеристики, игнорирование которых неизбежно приводит к стратегическим просчётам внешнеполитических акторов.

Методологию исследования составили теория международных отношений (Н. Макиавелли, Т. Гоббс, Г. Моргентау, Дж. Миршаймер, А. Д. Богатуров и др.), концепции внешней политики (работы М. М. Лебедева, Б. Б. Мескиты, С. Уолта, М. А. Хрусталёва, П. Бурдьё, С. Хантингтона), а также концепции стратегического и политического мышления (труды Д. Шварца, Б. Шефера, М. Вебера, Э. Г. Зиммеля, Т. Парсонса, Г. Алмонда, Д. Истона, Дж. Бертона и др.)[1].

Методы исследования. Основу диссертации составляют общенаучные и специальные методы познания, используемые в современной исторической науке и теории международных отношений: принципы историзма, системно-

[1] Подробнее см.: Макиавелли Н. Государь. – М.: АСТ, 2024. – 337 с; Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М.: АСТ, 2025. – 624 с; Вебер М. Избранные произведения. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с; Зиммель Г. Избранное. – М.: Юрист, 1996. – Т. 1. – 672 с; Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2002. – 880 с; Моргентау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир. – М.: Иностранная литература, 1957. – 612 с; Его же. В защиту национального интереса. – М.: Международные отношения, 1965. – 284 с; Его же. Новая внешняя политика для Соединённых Штатов. – М.: Прогресс, 1971. – 336 с; Миршаймер Д. Дж. Великое заблуждение. Либеральные мечты и международные реалии. – М.: АСТ, 2024. – 512 с; Его же. Как мыслят государства. – М.: АСТ, 2025. – 480 с; Mearsheimer J. Conventional Deterrence. – Ithaca: Cornell University Press, 1983. – 272 p; Mearsheimer J. Why Leaders Lie: The Truth About Lying in International Politics. – New York: Oxford University Press, 2011. – 400 p; Mearsheimer J. The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. – New Haven: Yale University Press, 2018. – 384 p; Walt S. The Origins of Alliances. – Ithaca: Cornell University Press, 1987. – 336 p; Богатуров А.Д. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – М.: НОФМО, 2002. – 384 с; Его же. Современные глобальные проблемы. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 416 с; Его же. Современная мировая политика: прикладной анализ. – М.: Аспект Пресс, 2010. – 448 с; Его же. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы. – М.: Аспект Пресс, 2014. – 512 с; Лебедева М. М. Внешняя политика: исчезновение или перезагрузка? [Электронный ресурс]. – М.: МГИМО, 2019. – 48 с. – URL: http://mgimo.ru/upload/iblock/971/971e1919aac157c49641c0acafde535b.pdf (дата обращения: 18.02.2022); Hantington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – Norman: University of Oklahoma Press, 1991. – 366 p; Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003. – 603 с; Его же. Политический порядок в меняющихся обществах. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с; Бурдье П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с; Almond G. The Civil Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton: Princeton University Press, 1963. – 574 p; Шварц Д. Искусство мыслить масштабно. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 256 с; Шефер Б. Законы победителей. – М.: Эксмо, 2017. – 320 с; Easton D. The Analysis of Political Structure. – Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1971. – 493 p; Burton J. (ed.). Conflict: Human Needs Theory. – London: Macmillan, 1990. – 352 p.

сти, объективности и проблемности. Их комплексное применение позволяет рассматривать исторические события и процессы в эволюции, во взаимосвязи и в системе причинно-следственных отношений.

В историческом, правовом и системно-сравнительном измерениях автор стремился выявить и сопоставить уровень становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана, а также определить основные изменения и тенденции внешнеполитической деятельности Вашингтона в рассматриваемых хронологических рамках.

Применение сравнительного метода способствовало выявлению закономерностей и особенностей становления и эволюции внешнеполитической деятельности Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана.

Комплексный подход позволил рассмотреть, как общие, так и специфические черты становления и эволюции межгосударственных связей западных стран во главе с Соединёнными Штатами Америки с Афганистаном и другими государствами региона.

Использование проблемно-хронологического метода дало возможность проследить процесс становления межгосударственных отношений Соединённых Штатов Америки и Афганистана в эволюции и сформировать целостное представление о развитии событий. Данный метод также позволил поэтапно, в хронологической последовательности рассмотреть ключевые проблемные вопросы двусторонних и многосторонних отношений.

В работе применён междисциплинарный подход, обусловленный спецификой предмета исследования, отдельные аспекты которого изучаются в рамках дипломатии, экономики, философии, политологии, социологии и других научных дисциплин.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. По вопросам становления контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном в научной литературе и экспертных оценках представителей различных научных школ и направлений сохраняются суще-

ственные разногласия и противоречия. Наличие разнообразия подходов и порой противоположных интерпретаций представляется закономерным и методологически оправданным при анализе сложных и многоплановых историко-международных процессов. Формирование и развитие внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки, её трансформация в глобальную концепцию, а также попытки обеспечить военно-политическое присутствие Вашингтона в стратегически важном регионе Средней Азии через Афганистан являются результатом эволюции стратегического мышления американских политических элит. Особенность данного процесса заключается в том, что становление внешнеполитической стратегии Америки в направлении Средней Азии через Афганистан происходило в русле колониальной политики Королевства Британской империи в рассматриваемом регионе. Учитывая военно-политическое превосходство и колониальный опыт Лондона, Соединённые Штаты Америки постепенно наращивали своё влияние и в итоге превратились в одного из ключевых нерегиональных акторов, реализующих собственные геополитические интересы. В этом смысле стратегия Вашингтона по обеспечению военно-политического присутствия в регионе Средней Азии через Афганистан начала формироваться ещё в начале XIX века в рамках консервативного стратегического мышления американского руководства.

2. Афганистан, благодаря своему геостратегическому положению на стыке Средней и Южной Азии, Кавказа и Каспийского региона, Ближнего Востока и Персидского залива, а также транзитному потенциалу и иным объективным факторам, традиционно являлся объектом международных социально-экономических отношений и ареной соперничества ведущих мировых и региональных держав, а также транснациональных корпораций. Геополитическое и геоэкономическое противостояние между Царской Российской империей и Королевством Британской империей за доминирование в Средней Азии на рубеже XIX–XX веков не завершилось, а трансформировалось, изменив формы и состав основных участников. Межгосударственные отношения Соединённых Штатов Америки и Афганистана в XIX – начале XX ве-

ка в социально-экономической сфере оставались ограниченными и слаборазвитыми вследствие совокупности факторов: общей социально-экономической отсталости страны, низкой торгово-экономической привлекательности, географической замкнутости и отсутствия морских выходов, внутренней политической нестабильности, сложного геополитического окружения, близости к Российской империи, а затем к Советскому Союзу, а также значительного влияния Королевства Британской империи и впоследствии Исламской Республики Пакистан на внешнеполитическое поведение Вашингтона. В указанный период взаимодействие ограничивалось эпизодическими контактами представителей торгово-деловых кругов и заключением соглашений, которые нередко не реализовывались по различным причинам.

3. Несмотря на обретение Афганистаном государственной независимости от Королевства Британской империи в 1919 году, Соединённые Штаты Америки длительное время не признавали международную правосубъектность правительства Кабула и вплоть до середины 1930-х годов не устанавливали с ним официальные дипломатические отношения. До 1936 года Соединённые Штаты Америки не имели в Афганистане собственной дипломатической миссии и осуществляли контакты с афганским правительством через свои представительства в соседних государствах. В рассматриваемый период внешнеполитическая линия Вашингтона находилась под значительным влиянием стратегии Королевства Британской империи в регионе. В условиях данной зависимости политическое руководство Америки не проявило самостоятельной воли для признания независимости Афганистана вопреки позиции Лондона. Существенным фактором, усилившим пассивность Вашингтона, стало подписание правительством Кабула договора о дружбе и сотрудничестве с Советской Россией. Признание Москвой государственной независимости Афганистана и установление советско-афганских дипломатических отношений воспринималось в Вашингтоне как нежелательный и раздражающий элемент внешнеполитической конфигурации региона.

4. Взаимоотношения Соединённых Штатов Америки и Афганистана в период правления М. Захир-шаха достаточно широко представлены в трудах исследователей различных национальных научных школ. Вместе с тем в настоящей диссертации поставлена задача специального анализа двусторонних отношений Америки и Афганистана в указанный период. Отличительной особенностью данного исследования является, во-первых, опора преимущественно на афганские и региональные источники, а во-вторых, акцент на политической составляющей этих контактов, которая недостаточно полно отражена в существующих работах. В контексте налаживания двусторонних отношений особое значение имеет письмо М. Захир-шаха президенту Соединённых Штатов Америки Ф. Рузвельту, направленное в 1933 году (1312 год по афганскому летоисчислению), в котором молодой монарх уведомлял о начале своего правления и выражал надежду на развитие дружественных отношений между двумя государствами. Оценка реального влияния данного обращения на процесс установления дипломатических отношений между Вашингтоном и Кабулом возможна лишь через комплексный анализ внешнеполитической стратегии Америки в отношении Афганистана в указанный период.

5. Несмотря на определённые изменения во внешнеполитическом курсе Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана накануне Второй мировой войны под влиянием международных событий второй половины 1930-х годов, стратегия Вашингтона в целом сохраняла ограниченный и противоречивый характер и после начала войны. Характерной чертой двусторонних отношений стало смещение акцента с политико-дипломатической сферы в сторону военно-технического взаимодействия, которое, однако, также не привело к качественному улучшению сотрудничества. Стремление афганских правителей к установлению тесных военно-технических связей с Соединёнными Штатами Америки возникло ещё в начале XX века, особенно после обретения независимости в 1919 году. Для руководства Афганистана углубление военно-политических связей с Америкой рассматривалось как средство снижения зависимости от Королевства Британской империи и

укрепления внешнеполитической самостоятельности государства. Вместе с тем данный вопрос превратился в фактор затяжных политических торгов и источником стратегических затруднений для Кабула. Эмир Аманулла-хан, первый правитель независимого Афганистана, осознавал необходимость диверсификации внешнеполитических опор и рассматривал военно-техническое сотрудничество с Соединёнными Штатами Америки как потенциально эффективный инструмент укрепления суверенитета страны.

6. После окончания Второй мировой войны внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана приобретает новые характерные черты. Данный этап приходится на сложный период правления короля М. Захир-шаха. В результате раздела Британской Индии и образования в 1947 году Пакистан Соединённые Штаты Америки, в условиях нарастающего соперничества с Советским Союзом, превратили Исламабад в своего ключевого регионального союзника. Вследствие этого внешняя политика Вашингтона в направлении Афганистана в значительной степени выстраивалась в логике колониального наследия Королевства Британской империи. По совокупности указанных факторов Соединённые Штаты Америки в период правления М. Захир-шаха предпочитали неформальные и ограниченные формы взаимодействия с Кабулом, рассматривая их как более приемлемые.

Премьер-министр Шах Махмуд-хан, сменивший М. Хашим-хана, являлся активным сторонником расширения двусторонних отношений с Соединёнными Штатами Америки. Однако сближение Вашингтона и Кабула с самого начала создания Пакистана в 1947 году рассматривалось Исламабадом как принципиально нежелательное. Соединённые Штаты Америки последовательно демонстрировали солидарность с позицией Пакистана, сохраняя союзнические обязательства и воздерживаясь от содействия справедливому урегулированию спорных вопросов в афгано-пакистанских отношениях, включая проблему линии «Дюранда», а также статуса «Пуштунистана» и «Белуджистана». В данном контексте внешнеполитическая линия Америки носила характер политики двойных стандартов.

7. Отличительной чертой стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана накануне премьерства М. Дауд-хана является опора Вашингтона после Второй мировой войны на теоретические и практические положения неореализма. Сущность новой внешнеполитической линии Америки заключалась в постепенном отходе от идеологии паритета «коммунизма» и «капитализма», сложившейся в годы антифашистской коалиции, и в фактическом пересмотре принципов биполярной системы международных отношений. Вашингтон сделал ставку на формирование так называемой «западной многополярной системы», в рамках которой ключевыми факторами международной политики рассматривались конкуренция и конфликты между государствами.

В этот период в американской внешнеполитической мысли происходит переход от концепции «вильсонизма» к доктрине «труменизма». Если либеральный интернационализм В. Вильсона основывался на морально-этических принципах, идеях коллективной безопасности и распространения демократии, то «доктрина Г. Трумэна» поставила в центр внешнеполитического анализа стратегию сдерживания распространения коммунизма и утверждение глобального лидерства Соединённых Штатов Америки, в том числе под прикрытием риторики защиты прав человека.

8. Стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в период премьерства М. Дауд-хана (1953–1963 гг.) обладает рядом специфических особенностей. Политические процессы и события данного этапа оказали существенное влияние на формирование внешнеполитической линии Вашингтона в отношении Кабула. После назначения М. Дауд-хана премьер-министром Афганистана в 1953 году вместо Шах Махмуд-хана двусторонние отношения с Соединёнными Штатами Америки начали постепенно охлаждаться. Актуальность изучения данного периода определяется, в частности, тем, что, по имеющимся данным, сразу после вступления М. Дауд-хана в должность премьер-министра, посольство Америки в Кабуле подготовило и направило в Вашингтон секретную аналитическую записку, посвящённую

его политическому курсу и возможным направлениям внешней политики Афганистана.

С первых дней своего премьерства М. Дауд-хан стремился к расширению сотрудничества с Соединёнными Штатами Америки. Однако в декабре 1953 года, спустя несколько месяцев после его назначения, Вашингтон принял решение о предоставлении военной помощи Пакистану в связи с присоединением последней к договору СЕНТО. Данный шаг вызвал разочарование афганского руководства и усилил кризис доверия в отношениях с Вашингтоном.

В завершающий период своего правления режим М. Дауд-хана столкнулся с рядом острых проблем, прежде всего в отношениях с Исламской Республикой Пакистан по вопросу «Пуштунистана». Будучи убеждённым пуштунским националистом, премьер-министр занял жёсткую линию политической и военной конфронтации с Исламабадом, не стремясь к компромиссному урегулированию. Несмотря на то что кризис 1955 года был временно урегулирован при посредничестве Соединённых Штатов Америки, Ирана и Египта, М. Дауд-хан не пересмотрел свою позицию. Это привело к росту оппозиции внутри афганской политической элиты, в том числе среди проамерикански ориентированных кругов, недовольных его курсом на сближение с Советским Союзом.

9. Стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в последний период правления М. Захир-шаха (1963–1973 гг.), известный в историографии как «десятилетие демократического эксперимента», представляет собой важную страницу новейшей истории страны. Данный этап начинается с отставки М. Дауд-хана с поста премьер-министра и завершается его возвращением к власти в 1973 году уже в качестве президента Афганистана. В научной литературе до настоящего времени остаётся дискуссионным вопрос о степени влияния Соединённых Штатов Америки на решение короля М. Захир-шаха об отстранении М. Дауд-хана от должности премьер-министра либо о добровольности данного шага со стороны самого политика. Вместе с тем официальный визит М. Захир-шаха в Соединённые Штаты

Америки, состоявшийся вскоре после отставки М. Дауд-хана и ставший первым визитом афганского монарха в Америку за три десятилетия, позволяет косвенно пролить свет на скрытые аспекты этого решения.

Внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в 1963–1973 гг. характеризуется тем, что отставка М. Дауд-хана открыла возможности для проведения ограниченных политических реформ как во внутренней, так и во внешней политике страны. В американских научно-аналитических кругах данный период рассматривается как этап относительно дружественных и конструктивных отношений между Вашингтоном и Кабулом. В это время углублялись политические контакты, развивались культурно-образовательные связи, а нейтральный статус Афганистана в условиях холодной войны позволял ему получать значительную экономическую помощь от Соединённых Штатов Америки, не вступая в прямую конфронтацию с Советским Союзом. В указанный период Америка рассматривали Афганистан как стабильного и умеренного партнёра в нестабильном регионе – государство, которое, не являясь формальным союзником, сохраняло устойчиво дружественную ориентацию.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные выводы и результаты диссертационного исследования были представлены в форме докладов и сообщений на международных, республиканских и университетских научно-практических и научно-теоретических конференциях, проходивших в Российской Федерации, Республике Таджикистан и других странах региона Средней Азии.

Ключевые положения и результаты исследования отражены в монографиях, учебно-методических пособиях и научных статьях, в том числе опубликованных в журналах, включённых в перечни рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечиваются: а) на концептуальном уровне – опорой на труды афганских, регио-

нальных, российских, американских, британских и других исследователей, посвящённые проблематике внешней политики и международных отношений Афганистана; б) на инструментальном уровне – использованием официальных статистических, нормативно-правовых и документальных источников, а также общепринятых методов их анализа; в) на прикладном уровне – публикациями автора в рецензируемых научных журналах, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, актами о внедрении результатов исследования, а также апробацией основных положений работы на научных конференциях и круглых столах различного уровня.

Структура диссертации. Диссертационная работа состоит из введения, четырёх глав, заключения, а также списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ИСТОРИОГРАФИЯ ИЗУЧЕНИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА

1.1. Концептуальные и методологические подходы к изучению внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана

Актуальность исследования истории становления связей между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном для исторических, международных, политологических, социологических, экономических, правовых и иных направлений научных школ Российской Федерации, Республики Таджикистан, Китайской Народной Республики, Исламской Республики Иран, Исламской Республики Пакистан, Республики Индия, Королевства Британской Империи, Европейского Союза и других государств, проявляющих интерес к процессам и событиям, происходящим в данной стране, определяется рядом факторов.

Во-первых, исследование темы становления первых контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном, на наш взгляд, прежде всего, необходимо для более глубокого и адекватного понимания сложных процессов и явлений, протекающих в современной мировой и региональной политике, системе международных отношений, дипломатии и геополитике, а также в условиях обострения экономического, финансово-технологического, культурно-цивилизационного и иного противостояния ведущих мировых центров силы. В этом контексте анализ истинных целей развитых государств современного мира, ключевых региональных акторов и их транснациональных корпораций, в особенности внешнеполитических намерений стран Запада во главе с Соединёнными Штатами Америки в Афганистане и сопредельных регионах, а также традиционного и консервативного (в его позитивном значении) Востока в целом, превратился в устойчивый научный запрос и

объективную исследовательскую необходимость для аналитических школ и научных направлений многих государств.

Во-вторых, с учётом осложнения общей политической, военной, геостратегической и иной обстановки в мире, усиления геополитического соперничества развитых государств в регионах Южной Азии, Ближнего Востока, Восточной Европы, Северной Африки и ряде других районов, а также исторической, культурно-цивилизационной, этноконфессиональной и географической близости указанных регионов со Средней Азией – пространством традиционных интересов Российской Федерации, – изучение становления и эволюции ограниченных контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном приобретает особую актуальность. Сложные процессы и события, разворачивающиеся в этих регионах, оказывают непосредственное влияние на стабильность и безопасность государств Средней Азии, где переплетаются жизненно важные интересы Российской Федерации, Китайской Народной Республики, Исламской Республики Иран, Исламской Республики Пакистана, Республики Индия и ряда других крупных и средних международных акторов.

В-третьих, рассмотрение вопросов становления и эволюции ограниченных контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном обладает существенной научно-практической значимостью в контексте определения стратегических интересов Российской Федерации в регионе Средней Азии, а также защиты национальных интересов Республики Таджикистан в условиях начала так называемой Новой Большой геополитической игры в одном из ключевых стратегических регионов современного мира.

Следует признать, что исследование истории становления и эволюции первых контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном представляет собой сложную научную задачу по ряду причин.

Во-первых, научные труды представителей вышеуказанных научных школ и направлений, посвящённые истории становления связей между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном, носят фрагментарный, раз-

розненный и в значительной степени неструктурированный характер. Востоковеды-афганисты различных научных школ, как правило, специально не занимались комплексным изучением данной проблематики. В рамках анализа иных исследовательских задач они лишь эпизодически и поверхностно затрагивали отдельные аспекты становления и эволюции контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном.

Во-вторых, с учётом соперничества Царской Российской Империи (после победы Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года – Советской России) и Королевства Британской Империи за установление и укрепление влияния в регионе Средней Азии большинство исследователей в своих работах уделяли приоритетное внимание анализу внешнеполитических курсов Лондона и Санкт-Петербурга (столицы Царской Российской Империи в рассматриваемый исторический период) в афганском направлении.

В-третьих, лишь в последние годы отдельные исследователи Афганистана, Исламской Республики Иран, Исламской Республики Пакистана и ряда других государств предприняли попытки анализа истории становления первых контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном. Особо следует отметить вклад афганских, иранских и пакистанских экспертов, изучавших вопросы формирования контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном, военно-политическую стратегию стран Запада во главе с Вашингтоном в отношении Афганистана и региона Средней Азии, а также предпринимавших попытки научного осмысления отдельных аспектов данной проблемы.

В востоковедческой школе Российской Федерации указанная проблематика в обозначенных хронологических рамках, равно как и сформулированные в настоящем исследовании цели и задачи, специально не рассматривалась. Известными советскими и российскими востоковедами-афганистами данный вопрос анализировался преимущественно в контексте иных исследовательских направлений. Отдельная монография, посвящённая проблемам взаимоотношений Соединённых Штатов Америки с Афганистаном, в кото-

рой целенаправленно исследуется афганская политика Вашингтона в 1945–2014 гг., принадлежит М. Р. Аруновой[1].

В научной школе Республики Таджикистан на момент подготовки настоящей диссертации специальные научные исследования по данной проблематике отсутствуют.

В-четвёртых, с учётом того, что проблема приоритетности национальных интересов по-прежнему остаётся актуальной в системе международных отношений, представители различных научных школ и направлений при анализе истории становления и эволюции внешнеполитической стратегии ведущих государств мира в отношении менее развитых стран Востока, как правило, рассматривали данную проблематику сквозь призму национальных и геополитических интересов собственных государств. С одной стороны, подобный подход представляется методологически оправданным, однако, с другой стороны, его односторонность нередко оказывает негативное влияние на уровень объективности и комплексности научного анализа. Указанная двойственность отчётливо прослеживается и в исследованиях, посвящённых истории и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана.

В-пятых, представители большинства научных школ и направлений при изучении истории становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана, как правило, сосредоточивали основное внимание на периоде, начиная со второй половины XX века. Значительная часть работ востоковедов и афганистов посвящена анализу афганской политики Соединённых Штатов Америки после Второй мировой войны. В этой связи представляется необходимым восполнить сложившийся научно-исследовательский вакуум в отношении более раннего этапа становления американо-афганских ограниченных контактов.

Таким образом, приступая к анализу научных аспектов истории становления контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганиста-

[1] Подробнее см.: Арунова М.Р. Афганская политика США в 1945–2014 гг. – М.: РИСИ, 2015. – 220 с.

ном, следует отметить, что соперничество ведущих акторов мировой политики в Афганистане и сопредельных регионах в рамках так называемой «Большой игры»[1] (или «Великой игры»[2]) берёт своё начало ещё в первой половине XIX века. Понятие «Большая игра» впервые было использовано сотрудником специальных служб Королевства Британской Империи А. Конолли в 1840 году в период его службы в Британской Ост-Индии. Спустя шесть десятилетий, в 1901 году, данный термин получил широкое распространение в научной и публицистической литературе благодаря роману Р. Киплина[3].

Наряду с этим для характеристики соперничества Царской Российской Империи и Королевства Британской Империи в трудах английских, американских и немецких исследователей применялось понятие «Война призраков»[4]. Ряд представителей научных школ Афганистана и Исламской Республики Иран при анализе внешнеполитической стратегии развитых стран Запада во главе с Соединёнными Штатами Америки в отношении Афганистана и региона также использовали данное понятие, переведённое на персидский язык как «Джанги ашбох»[5].

Согласно имеющимся источникам, автором термина «Война призраков» считается К. В. Нессельроде – министр иностранных дел Царской Российской Империи в 1822–1856 гг. Так, по свидетельству М. В. Кича, К. В. Нессельроде «под данным понятием подразумевал ситуацию, при которой соперничающие державы не вступают в прямое военное столкновение на поле боя».[6]

С учётом вышеизложенного и вопреки ряду позиций и мнений, сохраняющихся в научной литературе по сей день, считаем возможным утвер-

---

[1] Понятие «Большая игра» в персидско-таджикской литературе переведено с английского понятия «The Grand Game».

[2] Понятие «Великая игра» в персидско-таджикской литературе также переведено с английского понятия «The Great Game».

[3] Подробнее см.: Kipling, R. Kim. Oxford: Oxford University Press, 2007.

[4] Понятие «Война призраков» в персидско-таджикской литературе переведено с немецкого понятия «das Schatttnturnier».

[5] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. کابل: چاپ میوند، ۱۳۸۴ هـ.ش. ۱۱۸ ص. اندیشمند، محمد اکرام. سال‌های تجاوز و مقاومت. کابل، ۱۳۸۳ هـ.ش. ۲۵۸ ص.

[6] Подробнее см.: Кича М. В. Афганистан: подлинная история страны-легенды / М. В. Кича. – М.: Эксмо, 2022. – С. 86–87.

ждать, что, согласно введённым в научный оборот новым научно-аналитическим и нормативно-правовым источникам, история становления первых контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном охватывает приблизительно двухсотлетний период. Иными словами, отдельные граждане, а также представители различных государственных и частных структур Соединённых Штатов Америки и Афганистана уже в начале XIX века посещали Вашингтон и Кабул и предпринимали первые шаги по налаживанию взаимных контактов.

Разумеется, по вопросам становления контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном среди учёных и экспертов различных научных направлений и школ сохраняются определённые разногласия и противоречия. Вместе с тем представляется, что наличие разнообразных подходов, а также порой противоположных точек зрения в научном дискурсе является закономерным и методологически оправданным при анализе и поиске аргументированных ответов на сложные исследовательские вопросы.

Зарождение и последующее развитие внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки, а также её трансформация в глобальную концепцию, в том числе попытки Вашингтона обеспечить военно-политическое присутствие в стратегически важном регионе Средней Азии через Афганистан, следует рассматривать как результат эволюции концептуального мышления американских политических элит и теоретиков внешней политики, во многом выступавших наследниками геополитических установок Королевства Британской Империи.

Особенность становления внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в направлении Средней Азии через Афганистан заключается в том, что она первоначально формировалась в контексте традиционной колониальной политики Королевства Британской Империи в рассматриваемой стране и регионе в соответствующих исторических условиях. В тот период Соединённые Штаты Америки, учитывая сильные военно-политические позиции и обширный колониальный опыт Королевства Бри-

танской Империи, постепенно усиливали своё влияние в данном регионе и со временем превратились в ключевого, еще одного нерегионального конкурента в процессе разработки и реализации собственных национальных геополитических интересов.

Иначе говоря, внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки, направленная на обеспечение военно-политического присутствия Вашингтона в регионе Средней Азии через Афганистан, зародилась в рамках консервативного политического мышления руководства Белого дома ещё в начале XIX века.

В этой связи для объективного исследования процесса формирования внешнеполитической стратегии и мировой политики Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана представляется необходимым обращение к истории зарождения международных отношений Вашингтона, а также комплексное изучение роли консервативного и неоконсервативного мышления в формировании теоретических и практических представлений американских политиков и политологов в обозначенных хронологических рамках. Именно всесторонний и объективный анализ истории становления внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки позволяет, на наш взгляд, глубже понять истинные цели Вашингтона и его стремление к обеспечению долгосрочного военно-политического присутствия в регионе Средней Азии через Афганистан.

Значительная часть учёных и экспертов научных школ Афганистана и Исламской Республики Иран полагает, что внешняя политика Соединённых Штатов Америки не сводится исключительно к расширению зон влияния и извлечению краткосрочных выгод. По их мнению, внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки как государства-наследника Королевства Британской Империи в Афганистане и регионе Средней Азии представляет собой продолжение традиционной неоколониальной политики Лондона. В этой логике провалы и неудачи внешнеполитического курса Соединённых Штатов Америки в рассматриваемой стране и регионе изначально заложены в самой его сущности и содержании. Колониальная политика Королевства

Британской Империи в Афганистане и Средней Азии оставила глубокий след в исторической памяти народов региона, что продолжает оказывать влияние на восприятие внешнего вмешательства.

По мнению ряда региональных исследователей, внешняя политика Соединённых Штатов Америки является продолжением политического мышления, заложенного отцами-основателями данного государства ещё в 1776 году, в период его образования. С первых дней существования Соединённых Штатов Америки их политическое руководство традиционно стремилось к расширению территориального и геополитического пространства, а также к распространению собственного влияния в экономически и стратегически значимых регионах мира с целью обеспечения глобального лидерства Вашингтона.

На протяжении всей истории Соединённых Штатов Америки их лидеры стремились адаптировать колониальную политику Королевства Британской Империи и соответствующее политическое мышление своих предшественников к новым международным условиям, придавая им форму неоколониальной теории и практики. С этой целью американские политические элиты, учитывая фундаментальные изменения в мировой системе международных отношений на различных этапах исторического развития, последовательно пересматривали теорию и практику дипломатии и внешней политики собственного государства, стремясь привести их в соответствие с идеологией американского великодержавия и концепцией исключительности Вашингтона.

Как свидетельствует историческая практика, в течение XIX и начала XX веков Соединённые Штаты Америки установили контроль над рядом стратегически важных регионов на побережьях Атлантического и Тихого океанов, подчинили своим национальным интересам значительные геополитические пространства Западного полушария и оказали существенное влияние на судьбы проживавших там народов. Следует отметить, что Соединённые Штаты Америки с момента завоевания государственной независимости от Королевства Британской Империи в 1776 году и по настоящее время не отказались от практики получения геополитических, геоэкономических, гео-

технологических и иных стратегических преимуществ. В рамках собственной неоколониальной теории и практики Соединённые Штаты Америки фактически провозгласили весь мир зоной своих национальных интересов, что нередко сопровождается вмешательством во внутренние дела суверенных государств под прикрытием псевдогуманных инициатив, программ и проектов.

После укрепления своих позиций на Западном полушарии Соединённые Штаты Америки закономерно обратили внимание на расширение геополитического пространства и усиление влияния Вашингтона в Восточном полушарии. Уже с начала XX века, руководствуясь собственными геостратегическими интересами, Соединённые Штаты Америки последовательно стремились расширить зоны своего влияния в данном полушарии, добиваясь контроля над ключевыми политическими, экономическими и военными процессами в мировом масштабе.

Анализ теоретических основ становления международных отношений и внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в афганском и среднеазиатском направлениях наглядно выявляет сущность политики двойных стандартов Вашингтона. Так, Т. Фаромарз, рассуждая об истинной природе международного поведения Соединённых Штатов Америки, отмечает: «До Второй мировой войны внешняя политика Вашингтона была в основном ограничена Западным полушарием, и признаки устойчивого присутствия данного государства за его пределами практически отсутствовали. Однако политика относительной уединённости, составлявшая основу внешней политики Соединённых Штатов Америки, накануне и в ходе Второй мировой войны утратила свою устойчивость и актуальность».[1]

На наш взгляд, процесс разработки и реализации новой колониальной и экспансионистской внешней политики Соединённых Штатов Америки за пределами Западного полушария берёт своё начало в период правления пятого президента страны, одного из отцов-основателей Соединённых Штатов

[1] تامانّو، فرامرز. سیاست خارجی ایالات متحدهٔ آمریکا در افغانستان: پروژهٔ «آسیای مرکزی بزرگ»، دولت-ملت‌سازی و مبارزه با تروریسم. – تهران: پژوهشکدهٔ مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷. ص. ۲۸.

Америки Дж. Монро (1817–1825 гг. – прим. авт.). Данный государственный деятель вошёл в историю благодаря сформулированной им геополитической концепции, получившей название «Доктрина Монро». Её значимость заключается в том, что в данном документе впервые в истории международных отношений Соединённых Штатов Америки были системно сформулированы ключевые принципы внешней политики Вашингтона. При этом элементы политики двойных стандартов были заложены уже на этом этапе: формально направленная против европейского колониализма в «Новом Свете», «Доктрина Монро» фактически способствовала превращению Соединённых Штатов Америки в нового неоколониального актора в Западном полушарии».[1]

Именно с периода президентства Дж. Монро возникает активная фаза неоколониальной политики Соединённых Штатов Америки и в Восточном полушарии. Как отмечает Р. Ш. Нуриддинов, «сущность политики двойных стандартов Соединённых Штатов Америки проявилась в том, что президент Дж. Монро, с одной стороны, подписал документ, направленный против европейского колониализма в Западном полушарии, а с другой – санкционировал отправку американских войск в Индонезию с целью вмешательства во внутренние дела государства Восточного полушария».[2]

Таким образом, с периода президентства Дж. Монро начинается качественно новый этап в международных отношениях и внешней политике Соединённых Штатов Америки. Отличительной особенностью внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки, начиная с указанного периода, стали беспрецедентное стремление Вашингтона к обеспечению собственного международного авторитета и расширению влияния за пределами Западного полушария, прежде всего посредством всестороннего присутствия и укрепления позиций Белого дома в Европе и Азии. Подобный фундаментальный поворот в теории и практике внешней политики и международных отношений Соединённых Штатов Америки явился результатом формирова-

[1] Подробнее см.: Нуриддинов Р. Ш. Геополитика. – Душанбе: «ЭР-граф», 2016. – С. 117-118.
[2] Там же. – С. 126-127.

ния великодержавного мировоззрения политических элит Вашингтона, их убеждённости в идее собственной исключительности и так называемой «богоизбранности», а также уверенности в праве реализовывать национальные интересы вопреки сопротивлению других народов и государств мира. Принципы международных отношений и внешней политики Соединённых Штатов Америки, заложенные в период президентства Дж. Монро, в дальнейшем во многом определили стратегический статус и внешнеполитический курс Вашингтона в мировой политике.

На различных исторических этапах развития Соединённых Штатов Америки политическое руководство страны последовательно занималось разработкой и реализацией геостратегических и геополитических целей Белого дома, направленных на подчинение мирового пространства собственному влиянию под прикрытием либеральных ценностей. Теория и практика демократии, прав человека, свободы слова и другие подобные категории во многих случаях выступали в качестве привлекательных лозунгов, своеобразной идеологической ширмы и универсального инструментария для навязывания американской модели либеральных ценностей.

Несмотря на существующие разногласия, большинство учёных, экспертов, востоковедов и афганистов различных научных школ сходятся во мнении, что «отличительной особенностью начального этапа контактов между двумя государствами являлось их формирование преимущественно на неофициальном уровне».[1]

Авторы монографии «Королевская страна Афганистан и Соединённые Штаты» Леон Пуллада и Лейла Пуллада подчёркивают, что, несмотря на то что активная фаза внешнеполитического присутствия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана приходится на вторую половину XX – начало XXI века, когда Вашингтон оказывал существенное влияние на международные отношения и глобальные процессы, первые контакты между

[1] پاولادا، لیون ب.؛ پاولادا، لیلا د. ج. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده از سال ۱۸۲۸ تا ۱۹۷۳ / ترجمهٔ دری: غلام صفدر پنجشیری. – کابل، ۱۹۹۹. – ص. ۱۱–۳۲.

двумя странами имеют глубокие исторические корни. По их мнению, «первые попытки установления политических, военных, экономических и культурных связей между двумя государствами были предприняты ещё до того, как Соединённые Штаты Америки превратились в единственную военную и экономическую сверхдержаву мирового масштаба».

С учётом изложенного, для более объективного анализа процесса становления первых контактов и сложного развития первоначальных двусторонних отношений между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном представляется необходимым сосредоточить внимание на следующих ключевых вопросах:

– выявление реальных причин неудачного начала формирования первых контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном;

– определение негативных факторов, обусловивших пренебрежительное и формальное отношение Соединённых Штатов Америки к Афганистану в установленных хронологических рамках настоящего исследования;

– анализ причин ошибок и недостатков афганских правителей в процессе разработки и реализации внешней политики и формирования стратегии межгосударственных, региональных и международных отношений Кабула;

– изучение объективных причин просчётов и недостатков афганского политического руководства при определении базовых принципов внешнеполитического курса страны и стратегии взаимоотношений с Соединёнными Штатами Америки;

– беспристрастное, основанное на исторических фактах исследование других, до настоящего времени недостаточно изученных аспектов взаимоотношений между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном в предложенных хронологических рамках;

– введение в научный оборот новых источников, современных научно-аналитических работ и монографий представителей различных научных школ, а также достоверных данных, ранее не получивших широкого исполь-

зования при изучении проблематики американо-афганских отношений в обозначенных временных рамках.

Таким образом, поиск ответов на поставленные и сопутствующие вопросы, а также исследование научных аспектов становления первых контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном требует выявления их характерных особенностей по сравнению с аналогичными формами взаимодействия Вашингтона с другими государствами.

Согласно имеющимся данным, первые контакты между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном в форме неофициальных отношений были установлены в 1828 году. Иначе говоря, граждане Соединённых Штатов Америки и Афганистана начали взаимодействовать между собой за 91 год до завоевания Афганистаном государственной независимости от Королевства Британской Империи в 1919 году.

«Политики, предприниматели, учёные, религиозные деятели, а также представители иных социальных слоёв Соединённых Штатов Америки и Афганистана, начиная с начала XIX века и вплоть до установления официальных дипломатических отношений между Вашингтоном и Кабулом 26 марта 1936 года, осуществляли взаимные поездки, обсуждали представлявшие интерес вопросы и решали поставленные перед ними задачи».[1]

Востоковеды и афганисты различных научных направлений выделяют несколько групп факторов и мотивов, обусловивших становление первых контактов между представителями двух стран.

Представители первой группы исследователей полагают, что граждане Соединённых Штатов Америки посещали Афганистан преимущественно с целью реализации торговых, просветительских и иных частных интересов.

Вторая группа учёных считает, что поездки граждан Соединённых Штатов Америки в Афганистан были обусловлены стремлением расширить и

[1] Подробнее см.: In Small Things Remembered: The Early Years of U.S.–Afghan Relations / Meridian International Center; United States Department of State. – Washington, D.C.: Meridian International Center, 2011.

укрепить влияние, авторитет и престиж Вашингтона в регионе Средней и Южной Азии.

Третья группа экспертов отмечает, что представители Соединённых Штатов Америки посещали Афганистан для осуществления научно-исследовательской деятельности, направленной на изучение истории, географии, языка, культуры, быта, обычаев и этнонациональной структуры афганского общества.

Четвёртая группа специалистов, преимущественно из числа историков стран Востока, придерживается мнения, что часть граждан Соединённых Штатов Америки находилась в Афганистане в качестве негласных представителей специальных служб Вашингтона с целью изучения внутренней и внешней политики афганского руководства, а также общей обстановки в регионе Средней Азии. Данные исследователи акцентируют внимание на защите интересов транснациональных корпораций Соединённых Штатов Америки и ослаблении позиций геополитических конкурентов – прежде всего Москвы и Пекина – в стратегически важном регионе.

Пятая группа востоковедов-афганистов приходит к выводу, что посещение Афганистана гражданами Соединённых Штатов Америки осуществлялось, в том числе, с целью реализации мессианских установок. Согласно их позиции, часть американских граждан направлялась в Афганистан для ведения пропагандистской деятельности и расширения социальной базы религиозно-культурной идеологии Запада, прежде всего христианства, в условиях традиционного исламского общества.

По нашему мнению, одним из наименее изученных вопросов в контексте становления первичных контактов и развития американо-афганских отношений в современной востоковедческой науке остаётся проблема миссионерской и пропагандистской деятельности христианских проповедников Запада, направленной на распространение собственных ценностей в традиционных обществах Востока, особенно в мусульманских консервативных сообществах. Лишь в последние годы отдельные эксперты Афганистана, Ис-

ламской Республики Иран, Исламской Республики Пакистана и других государств региона начали уделять внимание данной проблеме, оказывающей заметное влияние на характер внешней политики и международных отношений между странами с различными этноконфессиональными, культурными и цивилизационными особенностями.

Следует отметить, что внешнеполитическая стратегия Запада во главе с Соединёнными Штатами Америки традиционно носила и в настоящее время продолжает носить выраженный мессианский характер. В целях продвижения собственных религиозных и культурно-цивилизационных ценностей Соединённые Штаты Америки представляли мировому сообществу, особенно государствам, обладающим значительными ресурсами и выгодным транспортно-логистическим положением, свой общественно-политический строй, рыночную экономику и социальные достижения как «исключительные», «универсальные» и «предпочтительные» модели развития. При этом реальные стратегические цели Вашингтона нередко маскировались под гуманитарными инициативами, программами и проектами оказания «помощи».

Подобная линия внешнеполитического поведения была выгодна Соединённым Штатам Америки по следующим причинам.

Во-первых, Соединённые Штаты Америки получали возможность реализовывать собственные геополитические цели в рассматриваемой стране и региона при минимальных финансовых затратах и ограниченных ресурсных издержках.

Во-вторых, правители Афганистана в случае неудачи тех или иных действий возлагали бы ответственность прежде всего на Королевство Британской Империи, а не на Соединённые Штаты Америки, так как, Вашингтон в указанный период реализовал свои цели в контексте внешней политики Лондона.

В-третьих, как свидетельствует исторический опыт, Соединённые Штаты Америки мыслили и действовали стратегически. В результате интриг и сложных геополитических комбинаций Афганистан дважды в XIX веке и один раз в начале XX века вступал в войну с Королевством Британской Им-

перии и в итоге завоевал государственную независимость. В рамках данной стратегической конфигурации Соединённые Штаты Америки, вытеснив своего ключевого геополитического соперника рассматриваемого периода – Королевство Британской Империи, – из Индии, Афганистана и шире из региона, фактически унаследовали роль Лондона в противовес Москве в контексте «Большой игры».

Учёными и экспертами – востоковедами-афганистами различных научных школ и направлений – достаточно подробно исследованы вопросы колониальной политики Королевства Британской Империи в регионе Средней Азии и её продвижения на север, в геополитическое пространство Царской Российской Империи (а после 1917 года – Советской России и Советского Союза), в том числе через Афганистан. В связи с этим не представляется целесообразным специально углубляться в данный сюжет; вместе с тем для достижения целей настоящего исследования и решения поставленных в диссертации задач – анализа истории становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана – мы будем неоднократно обращаться к указанному массиву работ и выводов.

На наш взгляд, именно в результате разработки и реализации продуманной и последовательно осуществляемой внешнеполитической стратегии Соединённые Штаты Америки умело включились в «Большую игру» Царской Российской Империи и Королевства Британской Империи в рассматриваемом регионе через Афганистан. Указанный фактор актуализирует проблему участия третьей стороны в «Большой игре» в лице Соединённых Штатов Америки, которая по-прежнему остаётся недостаточно изученной в современных научных школах.

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что в начале XX века активизировалась дипломатическая и внешнеполитическая деятельность Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана и регионе в целом. Поскольку Вашингтон ещё не располагал дипломатическим представительством в Кабуле, дипломаты Соединённых Штатов Америки, аккредитован-

ные при посольствах государств, соседствующих с Афганистаном (Китай, Индия, Иран и др.), по поручению Государственного департамента были ориентированы на работу по укреплению позиций Белого дома как в Афганистане, так и в регионах Средней и Южной Азии.

С исторической точки зрения данный этап активизации внешнеполитической деятельности Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана и регионе характеризовался рядом обстоятельств, вызвавших обеспокоенность политического руководства Вашингтона. К их числу относились:

– победа Великой Октябрьской социалистической революции в Царской Российской Империи, свержение императорского строя и приход к власти большевистского правительства под антикапиталистическими и антиимпериалистическими лозунгами в Санкт-Петербурге;

– признание новыми властями России государственной независимости Афганистана от Королевства Британской Империи и установление официальных политико-дипломатических отношений с Кабулом. В свою очередь, афганские власти одними из первых признали новое правительство в России и установили дипломатические отношения с Москвой.

На наш взгляд, предмет обеспокоенности Соединённых Штатов Америки заключался в том, что Вашингтон, выступая как политический наследник Королевства Британской Империи, был заинтересован в недопущении преобладания влияния и авторитета большевистской России в Афганистане и, через него, в регионе Средней Азии.

Между тем, учитывая отсутствие на тот момент официальных политических и дипломатических отношений между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном, большевистская Россия стремилась максимально эффективно использовать сложившуюся благоприятную ситуацию для продвижения своих национальных и геополитических интересов в изучаемой стране и регионе. Следует отметить результативность советской дипломатии: уже в первые годы XX века внешнеполитические структуры Москвы разработали и начали реализовывать наступательную международную стратегию, что поз-

волило укрепить позиции советской власти среди различных общественных слоёв и государственных структур Афганистана. Особое внимание уделялось усилению влияния Москвы в военных кругах Афганистана, что имело стратегическое значение.

Таким образом, в исследованиях авторов научных школ Афганистана, региона, Российской Федерации и Запада, посвящённых становлению первых контактов между простыми гражданами и представителями отдельных государственных и частных структур Вашингтона и Кабула, сохраняются разрозненные и крайне ограниченные сведения. Ряд западных историков также упоминает поездки граждан Соединённых Штатов Америки – торговцев, представителей интеллигенции, христианских проповедников и лиц иных профессий, – преследовавших личные, групповые и, в ряде случаев, государственные цели.

На наш взгляд, поверхностное и во многом безразличное отношение Соединённых Штатов Америки к Афганистану в частности и к региону в целом в XIX – начале XX века впоследствии стало одной из причин многочисленных ошибок, просчётов и неудач при разработке и реализации внешнеполитической стратегии Запада во главе с Вашингтоном в странах традиционного Глобального Юга, последствия которых проявляются и поныне.

Как свидетельствуют доступные воспоминания, заметки и записи представителей различных слоёв общества Соединённых Штатов Америки об Афганистане, в большинстве случаев они отражают необоснованно негативное, настороженное и нередко неприязненное отношение к данной стране и её населению. При этом проблема заключалась не только в негативной тональности подобных свидетельств, но и в том, что они выражали не исключительно личную позицию авторов: на их основе на долгие годы складывался определённый пласт представлений политической элиты Соединённых Штатов Америки об Афганистане и его народах.

Вместе с тем следует отметить, что указанные ранние свидетельства и записи американских граждан и отдельных экспертов об Афганистане и его населении в середине и второй половине XIX – начале XX века оказали столь

устойчивое влияние на представления политической и научной элиты Вашингтона, что по истечении столетия – уже в начале XXI века – существенных изменений в этих установках во многом не произошло. Политические и научные круги на Западе во главе с Соединёнными Штатами Америки и сегодня в ряде случаев продолжают рассуждать и делать выводы, опираясь на те представления и умозаключения, которые были сформированы в американской среде ещё в середине и второй половине XIX – начале XX века.

Описывая данную ситуацию, исследователи и дипломаты Соединённых Штатов Америки Леон Пуллада и Лейла Пуллада отмечают, что уже с того времени «американцы неправильно воспринимали Афганистан как далёкую страну, где якобы проживают дикие племена; население будто бы нарушает и попирает законы, в основном является религиозно фанатичным и не любит чужих»[1] (середина и вторая половина XIX – начало XX века – прим. авт.).

Процессы и события начала XXI века в Афганистане – военное вмешательство Соединённых Штатов Америки под предлогом борьбы с международным терроризмом в течение двадцати лет (2001–2021 гг. – прим. авт.) – подтвердили обоснованность выводов значительной части экспертов (историков, афганистов, востоковедов, политологов, специалистов по международным отношениям и конфликтологов) относительно ошибочности и методологической уязвимости ряда позиций политических и научных кругов Вашингтона в оценке Афганистана и его населения. Иначе говоря, спустя столетие политическая и научная элита Соединённых Штатов Америки в полной мере не преодолела сложившиеся стереотипы и не смогла сформировать более адекватное понимание внутренней специфики афганского общества. В результате негативные представления, сложившиеся в политических и научных кругах Соединённых Штатов Америки, продолжают оказывать заметное влияние на внешнеполитическую стратегию Вашингтона в отношении Афганистана и региона.

[1] پاولادا، لیون ب.؛ پاولادا، لیلا د. ج. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده از سال ۱۸۲۸ تا ۱۹۷۳ / ترجمهٔ دری غلام صفدر پنجشیری. کابل، ۱۹۹۹. ص. ۳۱.

В связи с этим возникает закономерный вопрос: в чём состоит различие между двумя ошибочными представлениями политиков и экспертов Соединённых Штатов Америки – «страна, состоящая из диких племён, нарушающих законы» (произнесённое в начале XX века) и «страна многочисленных воинствующих людей» (высказанное в начале XXI века)? Иными словами, каковы истинные причины неудачного становления первичных контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном?

На наш взгляд, цели, которые преследовали различные поколения американских экспертов и политиков при формировании подобного образа Афганистана и его населения в начале XX и XXI веков, различаются преимущественно по форме. По существу, же восприятие Афганистана в экспертно-политической среде Соединённых Штатов Америки выступает продолжением единой, коллективно выработанной и последовательно реализуемой стратегии Белого дома на протяжении двух веков. Если кратко охарактеризовать внешнеполитическую стратегию Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана и региона Средней Азии в обозначенных исторических рамках, то её можно свести к следующим положениям:

– под различными предлогами уклоняться от установления полноценных контактов с Афганистаном, представляя его как экономически отсталое государство, охваченное бесконечными родоплеменными конфликтами;

– воздерживаться от оказания всесторонней помощи афганским властям под влиянием союзнических обязательств Соединённых Штатов Америки перед Королевством Британской Империи (с XIX века до 1947 года – прим. авт.), а затем – перед Пакистан (с 1947 года, с момента образования данного государства, по 2021 год – прим. авт.);

– использовать Афганистан как инструмент давления на ключевых геополитических соперников Соединённых Штатов Америки: Советский Союз (до 1991 года – прим. авт.), Российскую Федерацию и Китайскую Народную Республику, а также на отдельных региональных соперников Вашингтона (в частности, Исламскую Республику Иран – прим. авт.).

Для более полного представления об истинных целях и мотивах внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в начале XX века, приходящейся на период правления эмира Хабибуллы-хана (1901–1919 гг.), необходимо кратко проанализировать некоторые аспекты внутриполитической и международной ситуации того времени.

Приход к власти эмира Хабибуллы-хана 3 октября 1901 года сопровождался заметными изменениями во внутренней политике и международной деятельности афганского руководства. Характеризуя первые годы правления эмира Хабибуллы-хана после смерти его отца Абдуррахмана-хана, П. Сайкс отмечает, что «10 октября 1901 года вице-король Королевства Британской Империи в Индии лорд Керзон[1] получил письмо от эмира Хабибуллы-хана, в котором тот сообщал, что армия и народ приняли его как законного правителя Афганистана. Мой долг – вести себя точно так же, как и мой почитаемый отец, и я буду другом его друзей и буду избегать его врагов».[2]

С учётом того, что «Договор о достижении взаимопонимания по вопросу афгано-индийской границы» был подписан 12 ноября 1893 года между тогдашним эмиром Абдуррахманом-ханом и представителем Королевства Британской Империи в Индии сэром М. Дюрандом, после смерти правителя Кабула (эмира Абдуррахмана-хана – прим. авт.) «новые власти Лондона в Нью-Дели исходили из того, что указанный нормативно-правовой акт носил преимущественно личностный, а не официально-государственный характер. В этой связи лорд Керзон в ответном письме пригласил эмира Хабибуллу-хана посетить Индию для обсуждения «различных сложных вопросов», связанных с обновлением и продлением сроков действия данного документа».[3]

Как показывает приведённый пример, к сожалению, директивно-административный стиль взаимодействия властей Британской Индии, харак-

[1] *Джордж Натаниэл Керзон* (1859–1925) – британский государственный деятель, лорд Керзон Кедлстонский, вице-король и генерал-губернатор Индии в 1899–1905 гг.; один из ведущих разработчиков британской политики в отношении Афганистана, Персии и Средней Азии.

[2] Подробнее см.: Перси, С. История Афганистана: с древнейших времён до учреждения королевской монархии / С. Перси ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2023. – С. 510.

[3] Подробнее см.: Sykes, P. History of Afghanistan. Vol. II. – London, 1940. – P. 216.

терный для XIX века в отношениях с Афганистаном и рядом государств региона Южной Азии, в начале XX века принципиально не изменился. Более того, высокомерие, директивные практики и политика навязывания воли другим государствам, присущие Королевству Британской Империи в XIX–XX вв., в дальнейшем в определённой мере воспроизводились её политическими наследниками – Соединёнными Штатами Америки. Указанное обстоятельство стало одним из факторов, осложнявших формирование доверительных отношений ведущих западных держав с традиционными государствами Востока.

Следует отметить, что эмир Хабибулла-хан категорически отказал вице-королю Королевства Британской Империи в Индии лорду Керзону (а также ряду последующих представителей Лондона в Нью-Дели – прим. авт.) посетить Индию и подписать новый вариант указанного договора между Лондоном и Кабулом. Как отмечает Л. Адамек, эмир Хабибулла-хан в ответном письме на имя лорда Керзона выразил возмущение и несогласие с настойчивыми требованиями представителей английской короны в Индии следующим образом: «почему после смерти королевы Виктории не возникла необходимость подписания нового договора между нашими странами, а после смерти моего отца такая необходимость возникла?».[1]

В сходном ключе П. Сайкс указывает, что после приглашения эмира Хабибуллы-хана очередным вице-королём Королевства Британской Империи в Индии лордом Минто[2], 21 августа 1907 года правитель Афганистана заявил: «до этого лорд Керзон тоже приглашал меня в Индию, но его письмо на самом деле не было пригласительным; это была угроза прекратить финансирование, если я не подчинюсь его призыву».[3]

---

[1] Подробнее см.: Adamec, L.W. Afghanistan, 1900–1923: A Diplomatic History. – Berkeley: University of California Press, 1967. – P. 30.

[2] *Гилберт Джон Эллиот-Мюррей-Кинимонд,* 4-й граф Минто (9.07.1845–1.03.1914) – британский государственный и колониальный деятель, генерал-губернатор Канады в 1898–1904 гг., вице-король и генерал-губернатор Британской Индии в 1905–1910 гг. В период его управления Индией проводилась политика сохранения британского влияния в регионе и были осуществлены политические преобразования, известные как реформы Морли–Минто.

[3] Подробнее см.: Перси, С. История Афганистана: с древнейших времён до учреждения королевской монархии / С. Перси ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2023. – С. 510.

В начале XX века в средствах массовой информации Королевства Британской Империи и Царской Российской Империи публиковались материалы о якобы намерениях властей Санкт-Петербурга установить более тесные отношения с центральными властями Афганистана и обменяться торговыми представителями между двумя государствами. В соответствии с подобными сообщениями «якобы эмир Хабибулла-хан также приложил к этому руку и, стремясь ослабить влияние Королевства Британской Империи в Афганистане и регионе, решил использовать противостояние Лондона и Санкт-Петербурга в интересах собственной страны».[1]

А. Х. Белграми, анализируя распространение слухов о сближении Санкт-Петербурга и Кабула в указанный период, отмечает, что «официальные и ответственные лица Королевства Британской Империи неправильно воспринимали позицию эмира Хабибуллы-хана в отношении Царской Российской Империи. Эмир Хабибулла-хан не проявлял склонности к сближению со своим северным соседом: его основной целью было максимально использовать имеющиеся возможности ради защиты независимости и интересов страны. Учитывая данное обстоятельство, эмир Хабибулла-хан отказал лорду Керзону и не совершил поездку в Индию, опасаясь, что в условиях «чужой среды» Британской Индии местная администрация могла оказать давление на афганскую делегацию, и Кабул оказался бы в слабой дипломатической позиции на переговорах. Поэтому, эмир Хабибулла-хан предпочитал приглашать представителей британской администрации в Афганистан и заключать договорённости в Кабуле, исходя из защиты национальных интересов и официальной независимости страны».[2]

Если принять позицию А.Х. Белграми, можно предположить, что эмир Хабибулла-хан либо обладал достаточно высоким уровнем понимания дипломатической теории и практики, либо располагал компетентными советниками, осознававшими преимущества переговоров на собственной территории

[1] بلگرامی، ا. ح. افغانستان و هندی بریتانوی. کابل، ۱۹۸۲. ص. ۲۷۲.

[2] Там же.

при обсуждении жизненно важных вопросов и подписании судьбоносных нормативно-правовых актов, соглашений и договоров.

Несколько иную точку зрения относительно причин отказа афганского правителя совершить поездку в Индию и вести переговоры с представителями Лондона высказывает С. Перси. Он утверждает, что «эмир Хабибулла-хан опасался того, что, если он покинет Кабул на длительное время и будет вести переговоры с представителями Королевства Британской Империи в Индии, это может привести к внутриполитической нестабильности в стране».[1]

На наш взгляд, данную ситуацию следует рассматривать как проявление общего обострения международных отношений в начале XX века, обусловленного, во-первых, усилением соперничества Царской Российской Империи и Королевства Британской Империи в Средней и Южной Азии; во-вторых, противостоянием Царской Российской Империи и Японской Империи на Дальнем Востоке; в-третьих, активным вовлечением Соединённых Штатов Америки в борьбу за влияние в указанных стратегически значимых регионах мира.

По данным А. Х. Белграми, в 1902 году был подписан «Договор о создании военно-политического союза между Королевством Британской Империи и Японской Империей», что привело к дальнейшему осложнению международной обстановки. С одной стороны, Царская Российская Империя воспринимала заключение данного договора как угрозу собственным интересам; с другой стороны, Королевство Британской Империи опасалось, что в случае поражения России в войне с Японской Империей Санкт-Петербург активизирует продвижение в направлении Средней и Южной Азии, поставив под угрозу интересы Лондона в Индии и Афганистане. В этих условиях Королевство Британской Империи намеревалось воспользоваться сложившейся ситуацией для разработки и заключения с эмиром Хабибуллой-ханом нового соглашения.

Как указывает А.Х. Белграми, «британская сторона предлагала внести в прежнее соглашение следующие изменения: строительство железной дороги

[1] Подробнее см.: Перси, С. История Афганистана: с древнейших времён до учреждения королевской монархии / С. Перси ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2023. – С. 509-516.

и телеграфных линий на территории Афганистана при содействии Лондона; передача ряда стратегически важных пунктов под контроль британских военных (с согласия эмира); ввод Вооружённых сил Королевства Британской Империи на территорию Афганистана в случае возникновения военной угрозы; привлечение офицеров Королевства Британской Империи в качестве военных советников Вооружённых сил Кабула и т.д.

При этом в новом проекте соглашения между Королевством Британской Империи и Афганистаном Лондон не предусматривал для эмира Хабибуллы-хана каких-либо существенных привилегий или гарантий. В результате эмир Хабибулла-хан принял представителей Королевства Британской Империи в Кабуле, однако в корректной форме выразил готовность утвердить лишь тот текст соглашения, который ранее был подписан его отцом Абдуррахманом-ханом. В ответ на настойчивость британской делегации афганская сторона предложила собственный проект соглашения, в котором не было включено ни одного пункта из предложенных Лондоном изменений. По итогам длительного обсуждения и переговоров стороны приняли и утвердили проект, предложенный правительством Афганистана».[1]

П. Сайкс отмечает, что «данный договор был подписан 21 марта (1905 года – прим. авт.), в день афганского Нового года. Когда эмир ставил свою подпись, он стряхнул немного чернил со своего пера на английскую копию документа и воскликнул: «Она испорчена. Надо написать договор заново». Дейн[2] (Луис Уильям Дейн – прим. авт.), являвшийся знатоком персидской поэзии, ответил: «Это всего лишь небольшое пятнышко на чистой поверхности договора», – и привёл строку из Хафиза: «Если эта ширазская красавица

---

[1] بلگرامی، ا. ح .افغانستان و هندی بریتانوی .کابل، ۱۹۸۲. صص. ۲۸۳–۲۸۸.

[2] *Луис Уильям Дейн* (21 марта 1856 – 22 февраля 1946) – британский колониальный администратор. В 1876 г. направлен в Пенджаб в должности помощника комиссара округа Дера-Гази-Хан. В 1879 г. назначен личным секретарём сэра Р. Эгертона, вице-губернатора Пенджаба. В 1903 году занимал пост министра иностранных дел правительства Британской Индии. В 1904 году возглавил британскую миссию в Афганистан, получившую впоследствии его имя, с целью заключения договора о дружбе с новым эмиром Хабибуллой-ханом. Итоги миссии способствовали укреплению британского влияния в Афганистане и подтвердили контроль Великобритании над внешнеполитическим курсом Кабула в условиях «Большой игры».

примет моё сердце, за её тёмное индусское пятнышко я отдам Самарканд и Бухару!». Эта уместная цитата разрядила обстановку, однако Абдул Кудус (первый министр в правительстве Хабибуллы-хана – прим. авт.) воскликнул: «Смотрите, Ваше Величество, господин Дейн отдает Вам Самарканд и Бухару». На что Дейн ответил: «Нет, пятнышко находится на британской копии договора, и за это эмир покинет Самарканд и Бухару»». Указанный документ вошёл в историю под названием «Договор пятнышка».[1]

Следует отметить, что договорённости, заключённые представителями Королевства Британской Империи в Индии с эмиром Абдуррахманом-ханом, первоначально содержались в форме писем, направленных различным влиятельным лицам. В этой связи определённые сомнения в их подлинности в своё время высказывал Насрулла-хан (брат Хабибуллы-хана, занимавший антибританскую позицию и возражавший против переговоров с представителями Королевства Британской Империи в Индии – прим. авт.). Впоследствии, после соответствующей верификации, указанные письма были приложены к договору между Королевством Британской Империи и Афганистаном.

Среди востоковедов-афганистов различных научных школ и направлений по сей день отсутствует единство в оценках указанных переговоров. Так, П. Сайкс подчёркивает, что «нельзя утверждать, будто миссия добилась успеха в решении многих важных вопросов, на которые возлагались надежды. Наиболее значимым результатом, вероятно, стал контакт, установленный британским уполномоченным и его сотрудниками с официальными лицами, офицерами и другими представителями афганского общества за время трёхмесячного пребывания в Кабуле. Помимо того, что правительство Афганистана настояло на собственном варианте договора, Хабибулла-хан добился признания британскими властями того, что он является «независимым монархом Афганистана и зависимых от него территорий»».[2]

[1] Подробнее см.: Перси, С. История Афганистана: с древнейших времён до учреждения королевской монархии / С. Перси ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2023. – С. 514-515.
[2] Подробнее см.: Там же. – С. 515.

В. Г. Коргун, анализируя данную ситуацию, пишет, что «самолюбие эмира (Хабибуллы-хана – прим. авт.) было частично удовлетворено: в тексте договора его именовали независимым правителем и «Его Величеством». Афганцы с воодушевлением восприняли этот документ как признание независимости страны. По форме он действительно напоминал договор равных сторон, однако по существу сохранял британский контроль над внешней политикой Афганистана. Вместе с тем эмир Хабибулла-хан был удовлетворён тем, что представители Королевства Британской Империи в Индии приняли условия, выдвинутые афганским правительством».[1]

В работе П. Сайкса также отмечается, что «в правительственной депеше лорда Керзона в мае 1905 года, содержавшей отчёт о миссии Дейна, указывалось: «Единственное, что вызывает наше удовлетворение, – это то, что эмир, достигнув своих главных целей так, как он того желал, по-видимому, остался после отъезда британской миссии в благоприятном и дружеском расположении духа. Нельзя отрицать, что такое настроение само по себе более ценно, чем любые условия, зафиксированные на бумаге, однако для того чтобы эта ценность была устойчивой, она должна сохраняться продолжительное время. Нам ещё предстоит проверить её повседневной практикой»».[2]

Л. Адамек, рассматривая сложное положение, в котором находился правитель Афганистана в данный исторический период, отмечает, что «с учётом поражения Царской Российской Империи в войне с Японской Империей эмир Хабибулла-хан в беседе с представителем Королевства Британской Империи в Индии предложил Лондону совместно объявить войну России».[3]

В начале 1906 года вице-король Королевства Британской Империи в Индии по различным дипломатическим каналам получил информацию о готовности эмира Хабибуллы-хана нанести дружественный визит в Нью-Дели. Новый вице-король лорд Минто, воспользовавшись сложившейся ситуацией,

[1] Подробнее см.: Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. – М.: ИВ РАН; Крафт+, 2004. – С. 22.
[2] Подробнее см.: Перси С. История Афганистана: с древнейших времён до учреждения королевской монархии / С. Перси ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2023. – С. 515.
[3] Подробнее см.: Adamec, L.W. Afghanistan, 1900–1923: A Diplomatic History. – Berkeley: University of California Press, 1967. – P. 50.

в июне 1906 года направил эмиру официальное приглашение, сопровождавшееся обширной программой визита. «В своём ответе эмир задал вопрос, следует ли понимать, что его визит будет носить исключительно дружественный характер и не будет затрагивать обсуждение недавно подписанного договора. Подобные гарантии он потребовал с тем, чтобы рассеять подозрения своих подданных и получить их согласие на принятие приглашения».[1]

Таким образом, «в июне 1906 года эмир Хабибулла-хан совершил визит в Нью-Дели с целью ознакомления с научно-техническими достижениями, а также для установления более тесных отношений с новым вице-королём Королевства Британской Империи в Индии лордом Минто».[2]

По оценке В. Г. Коргуна, «данный визит эмира Хабибуллы-хана в Индию имел два последствия: во-первых, британской стороне удалось сделать его более ориентированным на сотрудничество с Лондоном и более податливым; во-вторых, эмир осознал необходимость проведения в стране определённых преобразований, прежде всего в сфере модернизации армии и системы образования».[3]

Следует отметить, что в первое десятилетие XX века Королевство Британской Империи, стремясь укрепить свой международный статус в рассматриваемом регионе, наряду с активной политикой в афганском направлении, предпринимало шаги по сближению с другими ведущими мировыми державами. В Лондоне осознавали, что, с одной стороны, поддержание устойчивых отношений с Афганистаном было необходимо для укрепления британских позиций в Индии, а с другой – сближение с Царской Российской Империей представлялось важным для сохранения баланса сил в регионе и на международной арене. Подобные шаги соответствовали как текущим внешнеполитическим задачам, так и долгосрочному стратегическому видению Лондона.

[1] Подробнее см.: Перси, С. История Афганистана: с древнейших времён до учреждения королевской монархии / С. Перси ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2023. – С. 515.
[2] Подробнее см.: Там же. – С. 226–228.
[3] Подробнее см.: Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. – М.: ИВ РАН; Крафт+, 2004. – С. 23.

Неслучайно ранее Королевство Британской Империи заключило аналогичное соглашение с Францией.

С учётом изложенного следует отметить, что в начале XX века в результате обострения соперничества ключевых мировых и региональных акторов в рассматриваемом пространстве соглашение между Королевством Британской Империи и Афганистаном, подписанное в период правления эмира Хабибуллы-хана, оказалось недолговечным. Так, в 1902 и 1905 годах Королевство Британской Империи заключило союзные договоры с Японской Империей, обновлённые в 1911 году.

«В 1905 году были возобновлены переговоры между Королевством Британской Империи и Царской Российской Империей, а в июле того же года был подписан союзный договор между Царской Российской Империей и Германской Империей. Хотя данный договор не был ратифицирован ни одной из сторон, в германской прессе он рассматривался как направленный против англо-японского союза. В этих условиях в Лондоне пришли к выводу, что дальнейшее обострение отношений с Санкт-Петербургом может сыграть на руку Кайзеровской Германии. Поражение России в войне с Японией подтолкнуло российское руководство к поиску соглашения с Королевством Британской Империи в азиатском направлении. Итогом данного процесса стало подписание 31 августа 1907 года «Соглашения о разграничении сфер влияния в регионе – в Персии, Афганистане и Тибете» между Королевством Британской Империи и Царской Российской Империей».[1]

П. Сайкс отмечает, что значимость подписанного соглашения для Королевства Британской Империи и Царской Российской Империи заключалась в том, что «оно представляло собой всеобъемлющую и окончательную попытку урегулировать англо-российское соперничество в Персии, Афганистане и Тибете. Его сущность состояла в стремлении воплотить в принципах и статьях такие условия, которые устранили бы возможные причины будущих трений.

[1] Подробнее см.: Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. – М.: ИВ РАН; Крафт+, 2004. – С. 24-25; Перси, С. История Афганистана: с древнейших времён до учреждения королевской монархии / С. Перси ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2023. – С. 522-534.

Британская сторона приветствовала уступки в Афганистане и Тибете, демонстрируя готовность пойти на определённые компромиссы в Персии».[1]

Согласно В.Г. Коргуну, соглашение, подписанное между Королевством Британской Империи и Царской Российской Империей 31 августа 1907 года, «послужило предпосылкой к формированию в будущем военно-политического союза (Антанты – прим. авт.) между Лондоном и Санкт-Петербургом. Парадокс данного соглашения заключался в том, что представители тех стран, которые стали объектом торга между двумя империями, не принимали участия в обсуждении статуса собственной родины».[2]

Как отмечает Дж. П. Гуч, слова которого приводит в своей работе П. Сайкс, «заключение англо-российского договора в 1907 году привело к ослаблению напряжённости между государствами, но не к подлинному согласию».[3]

На наш взгляд, наиболее точно сущность договора 1907 года между Королевством Британской Империи и Царской Российской Империей, а также реальные цели Лондона и Санкт-Петербурга по разграничению сфер влияния в регионе – Персии, Афганистане и Тибете – охарактеризовал государственный и общественный деятель Афганистана А. Гавс. Он писал, что «речь шла о договорённости между двумя могущественными державами, традиционными соперниками в Афганистане и регионе Средней Азии, которые осознали невозможность реализации своих интересов посредством прямого соперничества. В этих условиях они приняли решение урегулировать противоречия путём раздела обширного региона Азии на сферы влияния».[4]

Накануне и в период Первой мировой войны, в условиях обострения соперничества ведущих мировых держав – непосредственных участников войны, эмир Хабибулла-хан столкнулся с серьёзными внутриполитическими трудностями, значительная часть которых имела внешний, навязанный ха-

[1] Подробнее см.: Перси, С. История Афганистана: с древнейших времён до учреждения королевской монархии / С. Перси ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2023. – С. 525.
[2] Подробнее см.: Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. – М.: ИВ РАН; Крафт+, 2004. – С. 24-25
[3] Подробнее см.: Перси, С. История Афганистана: с древнейших времён до учреждения королевской монархии / С. Перси ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2023. – С. 525.
[4] Подробнее см.: Ghays, A. S. The Fall of Afghanistan. – New York, 1988. – P. 23.

рактер. В результате усиления давления со стороны мировых держав и роста их влияния на Афганистан, официально объявивший о своём нейтралитете, афганское общество оказалось расколотым на две основные группы: сторонников Антанты (Королевства Британской Империи, Царской Российской Империи и Французской Республики, которых поддерживали Соединённые Штаты Америки) и сторонников Тройственного союза (Германии, Австро-Венгрии и Королевства Италии, к которым примыкали Османская империя и Японская империя). Сложившаяся ситуация стала основой для обострения идеологической борьбы между указанными социально-политическими группами внутри Афганистана, что оказало заметное влияние на дальнейшую эволюцию внешнеполитического курса правительства Кабула.

Так, анализируя данные процессы, Г. Вартан отмечает, что «турбулентные события 1907–1914 годов, а также вступление Османской империи в войну на стороне стран Оси стали фактором зарождения и распространения исламистских идей в Афганистане. Вовлечение части населения страны под влияние Турции, а также активизация специальных служб Германии в Афганистане вынудили Королевство Британской Империи, Царскую Российскую Империю и Соединённые Штаты Америки пересмотреть свою политику в данном направлении».[1]

А. Гавс, оценивая соблюдение политики нейтралитета афганским правительством в период правления эмира Хабибуллы-хана, подчёркивает, что «представители Лондона заверяли эмира, что в случае последовательного соблюдения политики нейтралитета и выполнения условий соглашения между Королевством Британской Империи и Афганистаном после окончания Первой мировой войны будет признана независимость страны и установлены официальные дипломатические отношения с Кабулом».[2]

Исследуя внутриполитическую и внешнеполитическую ситуацию в Афганистане накануне Первой мировой войны, М. Г. М. Губор отмечает, что «24

[1] Подробнее см.: Gregorian, V. The Emergence of Modern Afghanistan: Politics of Reform and Modernization, 1880–1946 / V. Gregorian. – Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1969. – P. 213.
[2] Подробнее см.: Ghays, A. S. The Fall of Afghanistan. – New York, 1988. – P. 25.

августа 1914 года эмир Хабибулла-хан созвал в Кабуле Дарбар (правительство – прим. авт.), объявил о политике нейтралитета страны и, несмотря на внутренние трудности, стремился придерживаться её основных принципов».[1]

П. Сайкс также подчёркивает, что «после начала Первой мировой войны эмир официально объявил о нейтралитете Афганистана на торжественном приёме, состоявшемся в Кабуле 24 августа 1914 года. На другом приёме, прошедшем 3 октября (1914 года – прим. авт.), он вновь подтвердил свою позицию и опроверг слухи о враждебном отношении к России».[2]

Несмотря на официально провозглашённый нейтралитет, эмир Хабибулла-хан в действительности проводил традиционную для афганских правителей политику двойных стандартов. С одной стороны, он стремился сохранять доброжелательные отношения с Королевством Британской Империи и Царской Российской Империей, а с другой – предпринимал попытки сближения с Германией и её союзниками, прежде всего с Османской империей. Следует признать, что в условиях жёсткого давления со стороны двух противоборствующих военно-политических блоков у эмира Хабибуллы-хана фактически не оставалось иного выбора.

В 1914 году, после начала боевых действий Османской империи против Царской Российской Империи в акватории Чёрного моря, Лондон и Санкт-Петербург объявили войну Анкаре, о чём вице-король Британской Индии проинформировал эмира Хабибуллу-хана. В ответ эмир заявил: «Я сожалею, что османское правительство начало войну с высоким правительством Великобритании».[3]

По мнению большинства исследователей, подобное развитие событий существенно осложнило и без того непростое положение эмира Хабибуллы-хана в силу ряда факторов. Во-первых, внутри страны усиливались протурецкие настроения и группировки, во главе которых стоял Насрулла-хан

---

[1] غبار، میر غلام‌محمد. افغانستان در مسیر تاریخ. جلد دوم. تهران: نشر عرفان، ۱۳۷۴ هـ.ش. (۱۹۹۵ م). ص. ۶۸.

[2] Подробнее см.: Перси, С. История Афганистана: с древнейших времён до учреждения королевской монархии / С. Перси ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М.: ЗАО «Центрполиграф», 2023. – С. 535.

[3] Подробнее см.: Там же.

(брат эмира Хабибуллы-хана – прим. авт.), пользовавшийся поддержкой радикально настроенного духовенства и отдельных социальных слоёв общества. Во-вторых, Османская империя обладала значительным религиозным авторитетом в мусульманском мире. В-третьих, Германия и её союзники стремились использовать религиозный фактор, играя на чувствах афганского населения посредством актуализации и спекуляции турецкой темой.

С. Б. Панин, анализируя активизацию Германии и её союзников в Афганистане в годы Первой мировой войны, пишет, что «в январе 1916 года совместная германо-турецкая делегация встретилась с эмиром Хабибуллой-ханом в Кабуле и пыталась убедить его подписать проект соглашения с Германией о признании полной независимости Афганистана».[1]

А. Гавс, также описывая данную встречу, отмечает, что в ходе переговоров «эмир Хабибулла-хан заявил: в случае обеспечения нейтралитета России Афганистан объявит войну Англии. На последующих встречах он выдвинул условие предоставления со стороны Германии и Турции 20 тысяч солдат, 100 тысяч винтовок, 300 артиллерийских орудий с боеприпасами и снаряжением, а также финансовой помощи в размере 10 млн фунтов стерлингов».[2]

В другом месте С. Б. Панин добавляет, что «эмир Хабибулла-хан потребовал от представителей германо-турецкой делегации гарантий того, что в случае победы Германии и её союзников в войне (Первой мировой войне – прим. авт.) Берлин и Анкара окажут содействие в возвращении Афганистану северной Индии (вероятно, имеется в виду часть территории современного Пакистана, населённая пуштунскими племенами и находившаяся тогда под властью Британской Индии – прим. авт.) и Белуджистана».[3]

Г. Вартан, ссылаясь на индийского эксперта М. Пратапа, отмечает, что «представители совместной «официальной делегации Германии и Турции» даже обещали эмиру Хабибулле-хану, что в случае присоединения Афганистана к войне (к Первой мировой войне на стороне стран Оси – прим. авт.) к

[1] Подробнее см.: Панин С. Б. Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. – М., 1998. – С. 37–38.
[2] Подробнее см.: Ghays, A. S. The fall of Afghanistan. – New York, 1988. – P. 28.
[3] Подробнее см.: Панин С. Б. Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. – М., 1998. – С. 40.

Афганистану будут присоединены территории персоязычных народов Средней Азии и Белуджистан. При этом, как уточняет автор, М. Пратап и Баракатулла в 1915 году входили в состав германо-турецкой делегации (около 80 человек) для переговоров с эмиром Хабибуллой-ханом как индийские революционеры, занимавшие антибританскую позицию и выступавшие за независимость Индии от британской короны».[1]

Политика двойных стандартов, неустойчивость в международных, региональных и межгосударственных отношениях, а также сомнительные и порой рискованные политические манёвры эмира Хабибуллы-хана были известны высшему политическому руководству Царской Российской Империи, Королевства Британской Империи и Соединённых Штатов Америки. В связи с этим правящие круги Санкт-Петербурга, Лондона и Вашингтона, исходя из сложной международной обстановки, необходимости защиты собственных национальных и геополитических интересов, а также с учётом непростой внутриполитической ситуации в Афганистане и сопредельных регионах, выстраивали взаимодействие с эмиром Хабибуллой-ханом, руководствуясь прежде всего собственными приоритетами.

Фундаментальные изменения, последовавшие после Первой мировой войны, оказали значительное влияние на внешнеполитический курс Афганистана в период правления эмира Хабибуллы-хана. Находясь под сильным политическим и институциональным давлением Королевства Британской Империи и во многом зависев от него, особенно в сфере разработки и реализации внешней политики, эмир испытывал внутреннюю неудовлетворённость сложившимся положением и стремился занять более твёрдую и самостоятельную позицию в отношениях с Лондоном. Однако, исходя из реальных возможностей афганского правительства, эмир Хабибулла-хан пришёл к выводу, что наиболее целесообразным вариантом обеспечения национальных интересов страны в условиях нового мирового порядка, формировавшегося

[1] Подробнее см.: Gregorian, V. The Emergence of Modern Afghanistan: Politics of Reform and Modernization, 1880–1946 / V. Gregorian. – Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1969. – P. 222.

после Первой мировой войны, является соблюдение политики нейтралитета в международных отношениях.

В последние годы Первой мировой войны, на фоне глубинных изменений в мировой политике и международных отношениях, победы Февральской и Великой Октябрьской социалистической революций в Царской Российской Империи, приведших к смене политического строя и появлению нового антиимпериалистического геополитического полюса, ослабления ряда позиций Королевства Британской Империи в отдельных регионах, активного вовлечения Соединённых Штатов Америки в геостратегические процессы Восточного полушария, а также с учётом политики двойных стандартов эмира Хабибуллы-хана, подъёма национально-освободительных движений и иных факторов, Афганистан столкнулся с глубоким социально-политическим и экономическим кризисом.

Таким образом, рассматривая концептуальные и методологические подходы к изучению внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана, можно сформулировать следующие выводы.

1. Анализ концептуальных и методологических аспектов становления ограниченных контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном подтверждает многообразие подходов и определённый плюрализм мнений представителей различных научных школ и направлений в оценке зарождения внешнеполитической стратегии Вашингтона и его целей в отношении Кабула. При этом представители большинство востоковедческих школ сходятся в том, что:

а) контакты между Вашингтоном и Кабулом начали формироваться уже в 1820-е годы;

б) граждане Соединённых Штатов Америки посещали Афганистан и регион с различными мотивами, включая распространение влияния и авторитета собственной страны, развитие торгово-экономической и образовательной деятельности, изучение истории, географии, языков, культуры, традиций и социальной структуры афганского общества, анализ внутренней и внешней

политики правителей Афганистана и государств региона, осуществление просветительской «мессианской» миссии (пропаганда и распространение христианских ценностей, расширение социальной базы западной религиозной идеологии – прим. авт.), а также реализацию разведывательной деятельности по линии специальных структур.

2. Установлено, что на начальном этапе становления контактов – с 1820-х годов XIX века до завоевания государственной независимости Кабулом в 1919 году – внешнеполитическая линия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана во многом носила ошибочный и несистемный характер. Ряд представителей деловых, торговых, научно-исследовательских и иных кругов Соединённых Штатов Америки по возвращении на родину публиковали воспоминания об Афганистане и его населении, которые зачастую содержали негативные оценки. В результате подобные первичные представления оказывали влияние на формирование установок официальных кругов Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана и, соответственно, на внешнеполитическую стратегию Вашингтона в рассматриваемый период. При этом на негативные оценки влияли и объективные факторы, среди которых следует выделить доминирующее влияние Королевства Британской Империи как на Афганистан через Индию, так и на внешнеполитические установки Соединённых Штатов Америки.

3. Определено также, что правители Афганистана, находясь в условиях социально-экономической и военно-политической зависимости от крупных мировых и региональных субъектов международных отношений, общей отсталости страны и отсутствие достаточного опыта в формировании самостоятельной внешней политики, допустили существенные ошибки в определении внешнеполитического курса и в построении взаимовыгодных отношений с ключевыми центрами принятия решений. Вследствие этого попытки Кабула установить более тесные связи с Соединёнными Штатами Америки и получить от Вашингтона помощь нередко отклонялись под различными предлогами со стороны Белого дома.

4. Зафиксировано, что внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в период правления эмира Хабибуллы-хана (1901–1919 гг.) формировалась под воздействием сложных процессов начала XX века. Фундаментальные изменения, происходившие во внутренней и внешней политике Афганистана, оказывали решающее влияние на характер взаимоотношений Кабула с Вашингтоном и другими субъектами международных отношений.

5. Отмечено, что новая международная ситуация начала XX века – обострение соперничества великих держав, изменения мировой политической структуры, последствия революционных событий в России и появление нового антиимпериалистического центра силы, активизация Соединённых Штатов Америки в Восточном полушарии, подъём национально-освободительных движений, а также внутренние факторы афганской политики – привели к глубокому социально-политическому и экономическому кризису в Афганистане. В этих условиях Афганистан был вынужден пересматривать принципы разработки и реализации внешнеполитического курса в соответствии с изменившейся реальностью международных отношений. Так, накануне и в ходе Первой мировой войны Афганистан уже не мог эффективно обеспечивать свои интересы исключительно за счёт противопоставления Царской Российской Империи и Королевства Британской Империи либо претендовать на активную посредническую роль.

6. Констатирована, что две войны Афганистана с Королевством Британской Империей в XIX веке, появление нового полюса силы в лице большевистской России и Советского Союза, а также подъём национально-освободительных движений на Востоке и другие изменения повысили уверенность афганских правителей в возможности завоевания государственной независимости и усилили соответствующие настроения в обществе.

7. Утверждено, что проблематика становления взаимоотношений Соединённых Штатов Америки с Афганистаном, а также расширения влияния Вашингтона на процессы в стране и формирования политического присут-

ствия на южных направлениях геополитического пространства Советского Союза представляет значительный научный интерес для аналитических центров региона и ряда государств. При этом по вопросам зарождения и развития американо-афганских отношений сохраняются разночтения и дискуссии среди представителей научных школ Афганистана, Соединённых Штатов Америки, Советского Союза/Российской Федерации, государств Средней Азии, Европейского Союза и др.

8. Определено, что характерной особенностью становления американо-афганских отношений в рассматриваемый период является то, что первоначально они формировались преимущественно на неофициальном уровне. Соединённые Штаты Америки по различным причинам – начиная с конца XIX века и до второй половины 1930-х годов – отрицательно отвечали на предложения Афганистана об установлении полноценных политико-дипломатических отношений.

9. Зафиксировано, что внешняя политика Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в рассматриваемый период во многом учитывала интересы Королевства Британской Империи, недовольного сопротивлением афганцев и последствиями двух англо-афганских войн.

10. Отмечено, что в результате формирования несбалансированной и зачастую ошибочной внешнеполитической линии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана у значительной части политической элиты и общественного мнения Вашингтона закреплялись негативные представления об афганском обществе. Проблема заключалась в том, что ранние субъективные стереотипы становились устойчивой основой для последующих поколений американских политиков и экспертов, что в той или иной мере воспроизводилось в дальнейшем.

11. Выявлено, что несмотря на заключение отдельных соглашений, подписание договоров, а также организацию официальных и неофициальных поездок и контактов, взаимоотношения Соединённых Штатов Америки с Аф-

ганистаном в рассматриваемый период не получили должного институционального развития.

По нашему мнению, ключевая причина первоначального искажённого представления политических и экспертных кругов Соединенных Штатов Америки об Афганистане заключалась в том, что оно формировалось под существенным влиянием Центрального разведывательного управления – структуры, сыгравшей важную роль в определении практических подходов Вашингтона к афганскому направлению. В силу специфического характера деятельности данного ведомства подобное восприятие не могло быть иным, кроме как упрощённым и односторонним, что, по сути, и обусловило феномен «неправильного восприятия Афганистана американцами», о котором писали Леон Пуллада и другие исследователи афганской проблематики.

На наш взгляд, различные представления политических и экспертных кругов Соединенных Штатов Америки об Афганистане, отличаясь по форме, по своему содержанию служили достижению единой цели внешнеполитической стратегии Вашингтона: дистанцированию от Кабула и уклонению от оказания ему последовательной, созидательной и справедливой помощи. Подобная установка позволяла Вашингтону избегать долгосрочных обязательств и ответственности за развитие страны, сохраняя при этом инструментальный интерес к афганскому фактору в более широком геополитическом контексте.

Определённый интерес к Афганскому королевству в рассматриваемый период сохранялся главным образом среди отдельных американских путешественников и любителей экзотики. Число состоятельных граждан Соединённых Штатов Америки, желавших посетить Афганистан, не сокращалось, при этом их путь, как правило, пролегал через Британскую Индию. В этих условиях правительство Соединённых Штатов Америки уполномочило генерального консула Америки в Индии, помимо его основных обязанностей, осуществлять консульские функции и в отношении Афганистана.

В декабре 1940 года Соединенные Штаты Америки, с учётом ранее достигнутых договорённостей с кабульской стороной, впервые установила кон-

сульские отношения с Афганистаном, что стало формальным шагом к институционализации двусторонних контактов, остававшихся на протяжении длительного времени преимущественно эпизодическими и ограниченными.

1.2. Историография изучения становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана

Афганистан в силу своего выгодного геостратегического положения по отношению к богатым сырьевым районам Средней и Южной Азии, Кавказа и Каспийского региона, Ближнего Востока и Персидского залива, а также благодаря транзитной привлекательности и ряду иных факторов традиционно являлся объектом международных социально-экономических отношений и ареной соперничества различных корпораций, а также ведущих мировых и региональных держав.

Геополитическое и геоэкономическое противостояние за влияние в Средней Азии между двумя империями, начавшееся на рубеже XIX–XX веков, не утратило своей актуальности и в последующие периоды, претерпев трансформацию форм и состава ключевых акторов. В течение последних столетий Афганистан, переживший три войны с Королевством Британской Империей, Первую и Вторую мировые войны, попытки насаждения коммунистической идеологии, джихадистское сопротивление в период пребывания Ограниченного контингента советских войск (1979–1989 гг.), а также военное присутствие объединённых сил Запада во главе с Соединёнными Штатами Америки в 2001–2021 гг., вновь оказался в центре «Большой игры» после прихода к власти движения «Талибан» в августе 2021 года. Указанные процессы по-прежнему определяют актуальную повестку дня Афганистана, региона и мировой политики в целом.

Приступая к анализу историографии изучения становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана, следует согласиться с позицией большинства экспертов-

афганистов, согласно которой исследуемая страна относилась к числу наименее развитых аграрных государств мира. Внутриполитические процессы в Афганистане протекали в условиях перехода от абсолютистской формы правления к королевской модели государственного управления, тогда как внешнеполитические и внешнеэкономические процессы разворачивались на фоне острейшего соперничества ведущих мировых и региональных центров принятия решений.

Следует отметить, что по проблематике становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в XIX веке и вплоть до середины 1930-х годов отсутствуют специальные комплексные научные исследования. В связи с этим при подготовке настоящего исследования были систематизированы разрозненные и фрагментарные сведения о сотрудничестве двух стран в указанной сфере, содержащиеся в трудах представителей различных научных школ и направлений.

Важное значение для историографии изучения становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана и через него в регионе Средней Азии имеют воспоминания простых граждан, а также представителей научно-исследовательских, журналистских, образовательных, гуманитарных, деловых и официальных кругов Соединённых Штатов Америки. Эти источники, опубликованные после возвращения их авторов на родину, во многом отражали реальное отношение американского общества и политических элит к Афганистану и его населению, что позволяет рассматривать их как показатель внешнеполитических установок Вашингтона в рассматриваемый период.

Существенную помощь в изучении истории первых контактов между деловыми и торгово-экономическими кругами Соединённых Штатов Америки и Афганистана оказала работа афганского исследователя М.А. Андешманда «Америка в Афганистане». Вопреки распространённому мнению о том, что социально-экономическое сотрудничество двух стран начинается лишь с середины 1930-х годов – после установления официальных дипломатических

отношений между Вашингтоном и Кабулом, – автор на основе достоверных данных утверждает, что первые контакты представителей торговых, исследовательских и образовательных кругов имели место уже в начале XIX века.

М. А. Андешманд в своей книге указывает, что «Джозиан Харлан являлся первым американским авантюристом и искателем приключений, который в 1829 году (1207 год по афганскому летоисчислению – прим. авт.) прибыл в Кабул под видом нищего странствующего отшельника. Он действовал как тайный агент шаха Шуджи Дурани – беглого правителя страны, проживал в Афганистане и сопредельных районах до 1841 года, работал в интересах различных принцев, некоторое время служил шаху Пенджаба, выступая под прикрытием хирурга, генерала, преподавателя и разведчика, а позднее вернулся в Соединённые Штаты Америки. Его воспоминания, по всей вероятности, стали первой книгой об Афганистане, опубликованной в Соединённых Штатах Америки».[1]

По данным Т. Фаромарз, «в 1902 году американская гражданка по имени Олни была замечена в составе торговых караванов, следовавших из Кабула в Пешавар. В тот же период фиксировались и тайные поездки религиозных просветителей – граждан Соединённых Штатов Америки – в Афганистан. Первые сведения о присутствии христианских миссионеров из Америки в Афганистане содержатся в архивных записях посольства Вашингтона в Тегеране».[2]

Говоря об установлении внешнеполитических контактов между двумя государствами, М. А. Андешманд отмечает, что «в 1911 году в Афганистан для установки энергетического оборудования в Джабаль ус-Сирадже был приглашён инженер из Соединённых Штатов Америки А. С. Джевет, работавший по контракту британской компании. Впоследствии он проживал и трудился в Афганистане в течение семи лет».[3]

---

[1] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. کابل، ۱۳۸۴ هـ.ش. ص. ۱۲.

[2] تامانو، ف. سیاست خارجی ایالات متحدهٔ آمریکا در افغانستان: دولت-ملت‌سازی و مبارزه با تروریسم. تهران: پژوهشکدهٔ مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷. ص. ۱۰۱.

[3] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. کابل: میوند، ۱۳۸۴ هـ.ش. ص. ۱۴

Приведённые данные позволяют дополнительно подтвердить позицию о том, что в середине XIX – начале XX века Соединённые Штаты Америки в своей внешнеполитической и геоэкономической стратегии в Афганистане также активно использовали возможности Королевства Британской Империи, контролировавшей Британскую Индию и стремившейся распространить своё влияние на Афганистан и регион. Учитывая высокий уровень развития и опыт британских специальных служб, Соединённые Штаты Америки в указанный период нередко проникали в Афганистан и регион Средней Азии под прикрытием структур Лондона.

К сожалению, сведения о поездках деловых, торговых, исследовательских, образовательных и просветительских кругов Соединённых Штатов Америки и Афганистана друг к другу носили фрагментарный характер и отражались преимущественно в кратких заметках и статьях прессы Вашингтона и Кабула. При этом авторы публикаций в Соединённых Штатах Америки, как правило, давали негативную оценку Афганистану и его социально-экономической значимости для Вашингтона. Ранние американские журналисты и эксперты характеризовали Афганистан как экономически непривлекательную страну, а его население – как поголовно неграмотное и отсталое.

На наш взгляд, подобные оценки были односторонними и не отражали объективной реальности Афганистана. Американские публицисты и журналисты, как правило, не уделяли внимания богатому историко-культурному наследию Афганистана, развитию науки и образования, литературным традициям, многообразию художественных форм, ремеслу и архитектуре, а также таким социальным ценностям афганского общества, как семейная сплочённость, гостеприимство, чувство коллективной ответственности и взаимной поддержки.

В отличие от американской прессы, афганские средства массовой информации и печати конца XIX – начала XX века в своих публикациях, как правило, формировали позитивный образ Америки. Афганские авторы представляли Соединённых Штатов Америки как «могущественную», «великодушную» и «развитую» страну, готовую нести ответственность за судьбу ма-

лых и слабых государств. Вместе с тем недостатком подобных публикаций было отсутствие критического анализа истинных целей политики Вашингтона в Афганистане, регионе и мире в целом.

Леон Пуллада и Лейла Пуллада в коллективной монографии «Королевская страна Афганистан и Соединённые Штаты» подтверждают сведения Т. Фаромарз и сообщают о поездке в Афганистан гражданки Соединённых Штатов Америки по имени Олни, уточняя при этом, что указанная поездка состоялась в 1910 году.[1]

По данным этих же авторов, «в 1922 году Афганистан посетил известный американский журналист У. Томас. В ходе путешествия по стране его сопровождали фотожурналист Д. Чейз и американский предприниматель Д.В. Кинг. Кроме того, в 1933 году гражданин Соединённых Штатов Америки Дж. Ванкунер совершил продолжительную поездку в Афганистан».[2]

Ю. В. Ганковский отмечает, что «в начале XX века в Афганистан, хотя и в ограниченных объёмах, начала поступать современная техника. Проведение телефонной линии между Кабулом и Джелалабадом в 1909–1910 гг. стало первым шагом в развитии современных средств связи. Были построены несколько небольших электростанций и принято решение о строительстве гидроэлектростанции в Джабаль ус-Сирадже (около 60 км от Кабула) для обеспечения энергией ряда новых казённых предприятий фабрично-заводского типа. Оборудование и материалы для строительства первой в Афганистане ГЭС импортировались преимущественно из Соединённых Штатов Америки, а руководство проектом осуществлялось американским инженером. Строительство началось в 1907 году и завершилось в 1919 году».[3]

Леон Пуллада и Лейла Пуллада также указывают на пребывание в Афганистане ряда других граждан Соединённых Штатов Америки, которые под

[1] پولاده، و. لیون؛ پولاده، لیلا د. ج. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده. ترجمهٔ فارسی دری: غلام صفدر پنجشیری. کابل، ۱۹۹۹. صص. ۱۱–۳۲.

[2] Подробнее см.: Пуллада, Л. В. Провал американской дипломатии в Афганистане // События в мире. 1982. – № 145 (3). – С. 230–252.

[3] Подробнее см.: Ганковский Ю.В. История Афганистана с древнейших времён до наших дней. – М.: Мысль, 1982. – С. 204.

различными предлогами занимались деятельностью, имевшей выраженный пропагандистский характер, в том числе направленной на распространение христианских ценностей в традиционной восточной среде. Так, по их сведениям, «в 1930 году гражданин Соединённых Штатов Америки Двайт М. Дональдсон посетил Афганистан с аналогичными целями. В последующие десятилетия, в частности в 1950-е годы, определённое число американских граждан – представителей христианских просветительских кругов – посещали Афганистан под прикрытием различных гуманитарных проектов. Так, Кристи Уилсон, длительное время преподававшая в лицее «Хабибия» и проживавшая в Кабуле, занималась пропагандой христианства и предпринимала попытки строительства церкви в столице страны, однако афганские власти впоследствии разрушили данное сооружение. В 1934 году граждане Соединённых Штатов Америки Лоуренс Беб и Клайр Петерс посетили Афганистан с целью съёмок документального фильма о стране».[1]

Т. Фаромарз в своей работе подтверждает сведения, приведённые В. Леоном Пулладой и Лейлой Пулладой, сообщая о Кристи Уилсон, которая «прибыла в Афганистан под прикрытием преподавательской деятельности и на протяжении длительного времени преподавала в лицее «Хабибия», проживая в Кабуле и занимаясь распространением христианских ценностей».[2]

Аналогичную информацию приводит и М. А. Андешманд, который отмечает, что «в 1922 году известный американский журналист Уильям Томас посетил Афганистан. В ходе поездки его сопровождали фотограф Дэвид Чейз и американский коммерсант Дэвид Уэстер Кинг. В 1933 году гражданин Соединённых Штатов Америки Джон Ванкунер находился в Афганистане в течение продолжительного времени».[3]

Американские журналисты и публицисты, публиковавшие в начале XX века негативные статьи и воспоминания об Афганистане и его населении, в

[1] پولاده، و. لیون؛ پولاده، لیلا د. ج. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده. ترجمهٔ فارسی دری: غلام صفدر پنجشیری. کابل، ۱۹۹۹. صص. ۱۱–۳۲.

[2] تامانو، ف .سیاست خارجی ایالات متحدهٔ آمریکا در افغانستان: دولت-ملت‌سازی و مبارزه با تروریسم .تهران: پژوهشکدهٔ مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷. – ص. ۱۰۱

[3] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. کابل، ۱۳۸۴ هـ.ش. – ص. ۱۲

определённой степени способствовали формированию атмосферы недоверия и взаимного непонимания между Вашингтоном и Кабулом. Так, «первым американским журналистом, опубликовавшим негативную статью об Афганистане в журнале «National Geographic» в 1909 году, был Эллсворт Хантингтон».[1]

Вплоть до начала 1930-х годов в средствах массовой информации Соединённых Штатов Америки практически отсутствовали публикации положительного характера об Афганистане. Существенным исключением стала статья американского журналиста Мэйнарда Оуэна Уильямса[2], посетившего Афганистан в 1931 году, в которой он дал высокую оценку культуре и быту афганского общества, а также одобрительно охарактеризовал усилия короля М. Надир-шаха, направленные на модернизацию и развитие страны.

Положительные публикации об Афганистане также подготовили американский репортёр Хокинс Флемин и Мат Мет Смит[3], сотрудничавшие с журналом «Asia». Их материалы способствовали формированию интереса части американской аудитории к Афганистану и в определённой мере изменили ранее устоявшиеся негативные представления о стране.[4]

Несмотря на определённые изменения в содержании и тональности американских публикаций в 1930-е годы, данные процессы не привели к принципиальному пересмотру негативного отношения официальных кругов Соединённых Штатов Америки к Афганистану и перспективам углубления двусторонних отношений.

Как отмечает Т. Фаромарз, «в 1930-е годы торговцы и коммерсанты Соединённых Штатов Америки постепенно начали проявлять интерес к развитию связей с Афганистаном. Афганская сторона традиционно сохраняла заинтересованность в установлении торгово-экономических отношений с Со-

---

[1] Подробнее см.: Huntington E. Life in the Great Desert of Central Asia // National Geographic Magazine. Vol. XX. – Washington, D.C.: National Geographic Society, 1909. – P. 749-763.

[2] Подробнее см.: Williams, M. O. The Citroën Trans-Asiatic Expedition Reaches Kashmir and Afghanistan // National Geographic Magazine. Vol. LXIII, No. X (1931). – Pp. 200–215.

[3] Подробнее см.: Williams, M. O. Afghanistan Makes Haste Slowly // National Geographic Magazine. – Vol. LXIV, No. 6, Dec. 1933. – Washington, D.C.: National Geographic Society, 1933. – Pp. 731–769.

[4] تامانو، ف. سیاست خارجی ایالات متحدۀ آمریکا در افغانستان: دولت-ملت‌سازی و مبارزه با تروریسم. تهران: پژوهشکدۀ مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷. – ص. ۱۰۲

единенными Штатами Америки. Взаимное стремление к развитию двустороннего сотрудничества особенно усилилось после прихода к власти в Кабуле М. Захир-шаха в 1933 году. Афганистан, стремившийся к включению в модернизирующийся мир, осознавал, что влияние Королевства Британской Империи в Индии постепенно ослабевает, Соединённые Штаты Америки географически удалены от региона и не обладают колониальными амбициями, что делало их удобным партнёром для развития сотрудничества».[1]

Таким образом, взаимодействие между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном начало приобретать более системный характер параллельно с активизацией политических и дипломатических контактов в начале 1930-х годов. В 1935 году в Кабуле была проведена международная торговая ярмарка, на которой были представлены американские компании «General Motors», «General Electric», «Ford» и ряд других, направившие своих представителей с образцами промышленной продукции. Из числа указанных компаний лишь «General Motors» в дальнейшем смогла реализовать ограниченные товарные операции на афганском рынке.

М. А. Андешманд сообщает, что «в 1936 году одна из крупных американских компаний впервые заключила соглашение с правительством Афганистана о проведении нефтеразведочных работ. В мае 1937 года крупная американская торгово-промышленная компания «Inland Exploration Company», объединявшая такие структуры, как «Mexican Seaboard Oil Company» и «Early Seaboard Oil Company», а также ряд менее крупных концернов, добилась предоставления монопольного права на разведку и эксплуатацию нефтяных месторождений на всей территории Афганистана сроком на 75 лет».

Однако данное соглашение не было реализовано по ряду причин. Во-первых, в связи с относительной дешевизной, простотой добычи и транспортировки нефти из стран Персидского залива в Соединённые Штаты Америки. Во-вторых, вследствие начала Второй мировой войны и общего осложнения

[1] تامانو، ف. سیاست خارجی ایالات متحدهٔ آمریکا در افغانستان: دولت-ملت‌سازی و مبارزه با تروریسم. تهران: پژوهشکدهٔ مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷. – ص. ۱۰۲

международной обстановки, что негативно сказалось на геологоразведочных работах и инвестиционной активности. В-третьих, в силу одностороннего подхода Соединённых Штатов Америки к афганскому направлению и ориентации на собственные краткосрочные национальные интересы, первые шаги в социально-экономической сфере в Афганистане остались незавершёнными.

Следует отметить, что, несмотря на отдельные позитивные сдвиги в двусторонних отношениях, официальные и политические круги Вашингтона в рассматриваемый период не проявляли устойчивой заинтересованности в расширении торгово-экономического присутствия американского бизнеса в Афганистане. Вместе с тем отдельные американские предприниматели и представители торговых кругов, нередко вопреки сдержанной позиции собственного правительства, по собственной инициативе посещали Афганистан и устанавливали взаимовыгодные контакты с деловыми кругами Кабула.

На наш взгляд, данный пример наглядно демонстрирует расхождение интересов политики и экономики, которые нередко развиваются по различным, а порой и противоречивым траекториям.

Как отмечает Т. Фаромарз, «результатом этих поездок стало создание афгано-американской торговой компании в 1926 году. Гарри Гутфильд[1] – основатель данной компании – через сенатора С. М. Шортриджа[2] от штата Калифорния оказывал активное влияние на Министерство иностранных дел Соединённых Штатов Америки (Государственный департамент Соединённых Штатов Америки – прим. авт.) с целью побудить Вашингтон к официальному признанию Афганистана, защите торговых интересов американских коммерсантов и развитию экономических связей с данной страной. Однако предпри-

[1] *Гарри Гутфилд* – американский предприниматель, один из инициаторов и основатель афгано-американской торговой компании, созданной в 1936 году. Активно выступал за расширение торгово-экономических связей Соединенных Штатов Америки с Афганистаном; через сенатора С. М. Шортриджа предпринимал попытки повлиять на позицию Государственного департамента Соединенных Штатов Америки в вопросах официального признания и защиты интересов американских коммерсантов в Афганистане.

[2] *Сэмюэл Моррис Шортридж* – американский политический деятель, сенатор от штата Калифорния (1921–1933). Поддерживал обращения представителей американского бизнеса, в том числе Г. Гутфилда, по вопросам расширения экономического присутствия Америки в Афганистане и развития двусторонних торговых отношений.

нятые усилия не увенчались успехом. Лишь в 1936 году крупная компания Соединённых Штатов Америки под названием «The Inland Exploration Oil Company» подписала соглашение с государством Афганистан о разведке и производстве нефти и бензина. Чарлз С. Харт[1] – полномочный министр Соединённых Штатов Америки в Иране и Албании – курировал деятельность американского персонала в Кабуле и в своих письмах на имя Министерства иностранных дел Соединённых Штатов Америки последовательно выступал за установление более тесных отношений с Афганистаном».[2]

Леон Пуллада и Лейла Пуллада характеризуют данную ситуацию следующим образом: «среди первых неофициальных контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном особое место занимает поездка представителя политических кругов Вашингтона Гарри Гутфильда в эту страну. Во-первых, это была первая поездка представителя политической элиты Соединённых Штатов Америки в Афганистан; во-вторых, в 1926 году, находясь в статусе сенатора от штата Калифорния, он содействовал созданию первой американо-афганской торговой компании. В качестве сенатора он предпринимал неоднократные, однако безуспешные попытки добиться официального признания независимости Афганистана Соединёнными Штатами Америки и установления дипломатических отношений между Государственным департаментом страны и Кабулом с целью защиты экономических интересов американской стороны. В 1928 году он посетил Париж, где стремился провести переговоры с королём Афганистана Аманулой-ханом по вопросу предоставления концессии на разведку и добычу нефти».[3]

Леон Пуллада и Лейла Пуллада также сообщают о ряде фактов, свидетельствующих о пребывании граждан Соединённых Штатов Америки в Аф-

---

[1] *Чарлз С. Харт* – американский дипломат, полномочный министр Соединённых Штатов Америки в Иране. В 1930-е гг. курировал деятельность американского персонала в Кабуле и представлял интересы Соединенных Штатов Америки в регионе в период активизации экономических контактов с Афганистаном.

[2] تامانو، ف .سیاست خارجی ایالات متحدۀ آمریکا در افغانستان: دولت-ملت‌سازی و مبارزه با تروریسم .تهران: پژوهشکدۀ مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷. – ص. ۱۰۳

[3] پولاده، و. لیون؛ پولاده، لیلا د. ج .کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده .ترجمۀ فارسی دری: غلام صفدر پنجشیری. کابل، ۱۹۹۹. صص. ۱۱–۳۲.

ганистане в межвоенный период. Так, по их данным, «в 1931 году Э. Дулчин – представитель компании «John Klugman and Sons» – с целью налаживания торговли кожевенным сырьём в течение определённого времени проживал в Кабуле, стремясь получить монопольное право на экспорт каракулевой шкуры. В том же году представитель концерна «Sandy Magazine», а также американской ежедневной газеты «New York Herald Tribune» В. Джеймс также находился в Кабуле. В 1932 году афганскую столицу посетил американский предприниматель Д. Гофф, занимавшийся торговыми операциями. Через год супруга президента Соединённых Штатов Америки Ф. Д. Рузвельта – Э. Рузвельт – нанесла визит королю Афганистана М. Надир-шаху в Кабуле».[1]

Значительное место в трудах западных авторов занимают материалы, посвящённые пребыванию в Афганистане первых христианских проповедников – граждан Соединённых Штатов Америки. Согласно имеющимся сведениям, «в 1930 году гражданин Соединённых Штатов Америки Д.М. Дональдс посещал Афганистан в качестве христианского проповедника. В 1950-е годы группа проповедников под прикрытием участия в гуманитарных проектах также прибыла в страну. В частности, гражданка Соединённых Штатов Америки К. Уилсон, работая под видом преподавательницы, на протяжении длительного времени осуществляла деятельность в лицее «Хабибия» в городе Кабуле. Она предпринимала попытку возведения христианского храма, однако данное сооружение было разрушено властями Афганистана. В 1934 году два гражданина Соединённых Штатов Америки – Л. Беб и К. Петерс – посетили Афганистан с целью съёмки документального фильма о стране».[2]

По данным М. А. Андешманда, «в 1938 году американская торгово-промышленная компания «The Inland Exploration Oil Company» официально уведомила правительство Афганистана об отказе от ранее полученной концессии. Помимо указанной компании, в период правления короля М. Захир-шаха и другие американские концерны, и объединения, специализировавши-

[1] پولاده، و. لیون؛ پولاده، لیلا د. ج .کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده .ترجمهٔ فارسی دری: غلام صفدر پنجشیری. کابل، ۱۹۹۹. صص. ۱۱–۳۲.

[2] Подробнее см.: Там же.

еся на производстве машинного оборудования и технических средств, предпринимали попытки выхода на афганский рынок с целью установления экономических связей и поиска рынков сбыта. Однако их деятельность завершилась неудачей, что было обусловлено ошибочной внешнеполитической стратегией Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана и региона в целом, характеризовавшейся ограниченным и пренебрежительным подходом к развитию двустороннего сотрудничества».[1]

По сведениям афганских историков, «после отказа американской компании «The Inland Exploration Oil Company» от нефтяной концессии, спустя десять лет была предпринята вторая попытка установления экономических отношений между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном в рамках реализации проекта «Гильменд». Государство Афганистан, получившее в годы Второй мировой войны около 20 млн долларов США за счёт экспорта каракулевой шкуры и фруктов, в послевоенный период приняло решение направить данные средства на орошение земель в долине Гильменд. В марте 1946 года было подписано соглашение с американской компанией «Morrison-Knudsen» о проведении соответствующих работ».[2]

Как отмечает М. Г. М. Губор, «договорённости по указанному проекту и предоставление концессии компании возникли ещё до официального объявления конкурса. Впоследствии, на основании научных заключений зарубежных и национальных специалистов, было установлено, что значительная часть предусмотренной территории является малопригодной для сельскохозяйственного освоения, а предполагаемые расходы не соразмерны ожидаемым результатам. Несмотря на планы введения в оборот до 300 тыс. гектаров земель и переселения около 15 тыс. крестьянских хозяйств, фактический результат проекта ограничился освоением лишь около 3 тыс. гектаров пахотных земель, способных обеспечить проживание не более 1,5 тыс. семей. Ос-

[1] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. کابل، ۱۳۸۴ هـ.ش. – ص. ۴۷

[2] فرهنگ، میر محمد صدیق. افغانستان در پنج قرن اخیر. جلد دوم. کابل: انتشارات بین‌المللی ثروت–صنعت، ۲۰۱۵. – ص. ۱۹۰

новная часть территории оказалась засолённой и требовала значительных дополнительных капиталовложений».[1]

В ходе реализации проекта «Гильменд» стало очевидно, что как американская, так и афганская стороны допустили серьёзные просчёты в оценке затрат и перспектив проекта. Его корректировка и попытки достижения первоначально заявленных целей потребовали значительных дополнительных финансовых ресурсов. С момента реализации проекта и по настоящее время он остаётся предметом острых дискуссий в трудах зарубежных и национальных исследователей, в рамках которых критике подвергались как администрация Соединённых Штатов Америки, так и правительство Афганистана.

М. М. С. Фарханг оценивает участие Соединённых Штатов Америки в реализации проекта «Гильменд» как противоречащее национальным интересам Афганистана. По его мнению, афганское правительство продемонстрировало недостаточную осведомлённость и неподготовленность при расчёте экономических выгод и возможных потерь при заключении соглашения с американской компанией.

М. М. С. Фарханг подчёркивает, что «уже через год после подписания соглашения американская компания приступила к реализации проекта, установив на территории Афганистана дорогостоящее оборудование, ранее неизвестное местному населению. В отличие от прежней практики, когда аналогичные работы выполнялись преимущественно силами афганского населения под контролем ограниченного числа зарубежных специалистов, сотрудники компании «Morrison-Knudsen» стремились обеспечить для себя уровень комфорта, соответствующий американским стандартам жизни, включая отдалённые районы страны. Одновременно профильные министерства Афганистана, не обладая полной информацией о содержании соглашения, поручили компании выполнение дополнительных работ за пределами бассейна рек Гильменд и Аргандаб. Воспользовавшись сложившейся ситуацией, компания расширила сферу своей деятельности, что привело к отказу афганской сторо-

[1] غبار، میر غلام‌محمد. افغانستان در مسیر تاریخ. جلد دوم. تهران، ۱۳۷۳. – ص. ۲۲۱

ны от реализации части первоначально запланированных мероприятий, включая работы в долине Аргандаб, независимо от степени их готовности».[1]

Несмотря на то что проект «Гильменд» рассматривался как наиболее масштабный пример экономического сотрудничества Соединённых Штатов Америки с Афганистаном в первые десятилетия после Второй мировой войны, на практике он отразил слабость, противоречивость и ограниченную результативность двусторонних отношений между Вашингтоном и Кабулом. Ожидания афганской стороны, которая в послевоенный период связывала с Соединёнными Штатами Америки надежды на получение всесторонней экономической помощи и поддержки, в значительной степени не оправдались. Ряд американских специалистов полагал, что государство Афганистан не способно эффективно привлекать экономическую помощь Соединённых Штатов Америки для реализации проектов национального развития вследствие недостаточной компетентности законодательного органа страны. По их мнению, парламент Афганистана не обладал необходимым профессиональным потенциалом в вопросах стратегического планирования и государственного управления.

После окончания Второй мировой войны произошла глубокая трансформация системы международных отношений, в результате которой Соединённые Штаты Америки утвердились в качестве одного из ведущих центров мировой политики и экономики. В условиях формирования биполярной системы международных отношений внешнеполитическая стратегия Вашингтона была ориентирована на создание благоприятного баланса сил, ограничение расширения влияния Советского Союза и постепенное вытеснение традиционных европейских держав, прежде всего Великобритании, из ряда стратегически важных регионов мира. В этой связи особое значение приобрёл Афганистан, занимавший выгодное геостратегическое положение на стыке Средней и Южной Азии, Ближнего Востока и сопредельных районов

[1] فرهنگ، میر محمد صدیق. افغانستان در پنج قرن اخیر. جلد دوم. کابل: انتشارات بین‌المللی ثروت–صنعت، ۲۰۱۵. – ص. ۶۷۰

Каспийского региона, что объективно повышало его роль в долгосрочных внешнеполитических расчётах Соединённых Штатов Америки.

Следует отметить, что в первые послевоенные годы западные средства массовой информации активно формировали представление об особом военно-политическом значении Афганистана в условиях начавшейся холодной войны. Так, английский журнал «The Contemporary Review» в апреле 1949 года отмечал, что «Афганистан, который традиционно служил политическим буфером между Индией и Россией, возможно, приобретает такое же значение, какое в настоящее время имеют государства, расположенные вдоль «железного занавеса» в Европе».[1] Данная оценка отражала изменение восприятия Афганистана в западной политической мысли: из периферийного буферного государства он постепенно превращался в важный элемент геостратегического противоборства между ведущими мировыми державами.

В условиях формирования биполярной системы международных отношений стратегическое значение Афганистана в американской внешнеполитической мысли существенно возросло. Его выгодное географическое положение рассматривалось частью американских политических и экспертных кругов в контексте глобального противоборства с Советским Союзом. В западной политико-аналитической литературе всё чаще высказывалась мысль о том, что Афганистан способен стать важным элементом системы военно-политического сдерживания СССР на южном направлении.

Характерным отражением подобных представлений стала публикация в американском журнале «The Current History» (1950), в которой отмечалось: «Одна из причин заинтересованности Америки в Афганистане – это возможное значение этой страны в будущем в качестве плацдарма для нападения на Россию. Рано или поздно западные страны предпримут вторжение в Советский Союз».[2] Приведённая публикация свидетельствует о том, что уже в

[1] Подробнее см.: The Contemporary Review. 1949. – № 4. Цит. по Теплинский Л. Б. СССР и Афганистан. 1919–1981. – М.: Изд-во Главная редакция восточной литературы, 1982. – С. 113–114.
[2] Подробнее см.: The Current History. 1950. – № 106. Цит. по Теплинский Л. Б. СССР и Афганистан. 1919–1981. – М.: Изд-во Главная редакция восточной литературы, 1982. – С. 114.

начале 1950-х гг. в отдельных американских экспертных кругах Афганистан рассматривался не только как объект политико-дипломатического взаимодействия, но и как потенциально важный геостратегический рубеж в системе противостояния двух мировых центров силы.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что уже в первые послевоенные годы в американском экспертно-политическом дискурсе происходила постепенная трансформация восприятия Афганистана: от периферийного государства, не представлявшего самостоятельного интереса для Вашингтона, к важному геостратегическому элементу политики глобального сдерживания Советского Союза. Именно данная трансформация впоследствии стала одной из концептуальных основ эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана.

Используя экономические трудности Афганистана, вызванные последствиями Второй мировой войны, Соединённые Штаты Америки постепенно заняли ключевые позиции во внешней торговле страны, игравшей исключительно важную роль в её экономической жизни. Соединённые Штаты Америки превратились в основного покупателя каракуля – на тот момент главной статьи афганского экспорта. В условиях резкого ограничения экспорта американских товаров в военные годы у Соединённых Штатов Америки сформировалось пассивное сальдо торгового баланса с Афганистаном, что привело к замораживанию значительных афганских валютных средств в американских банках.

Таким образом, послевоенные социально-экономические трудности Афганистана создали благоприятные условия для расширения американского экономического присутствия в стране. Проведённый анализ показывает, что Соединённые Штаты Америки сумели существенно укрепить свои позиции во внешней торговле Афганистана, превратившись в одного из её ключевых участников. В рассматриваемый период именно Соединённые Штаты Америки стали основным импортёром афганского каракуля, являвшегося важнейшей экспортной статьёй афганской экономики.

Вместе с тем ограничения, введённые Соединёнными Штатами Америки в годы Второй мировой войны на экспорт собственной продукции, привели к образованию пассивного для США торгового баланса с Афганистаном. В результате значительная часть валютных поступлений Кабула оказалась аккумулированной на счетах американских банков, что объективно усилило финансово-экономическую зависимость Афганистана от Соединённых Штатов Америки и расширило возможности Вашингтона по использованию экономических инструментов в реализации своей внешнеполитической стратегии.

Автор приходит к выводу, что экономическое проникновение Соединённых Штатов Америки в Афганистан в первые послевоенные годы являлось не только следствием изменения структуры мировой торговли, но и важным элементом формирования американской внешнеполитической стратегии в отношении Кабула. Установлено, что укрепление торгово-финансовых позиций Вашингтона создавало предпосылки для последующего расширения его политического влияния в Афганистане в условиях начавшейся холодной войны.

Указанные обстоятельства были использованы Соединёнными Штатами Америки для достижения в первые послевоенные годы практически монопольного положения во внешней торговле Афганистана. «В 1950–1951 гг. экспорт каракуля осуществлялся исключительно в Соединённые Штаты Америки, при этом его доля в общем объёме афганского экспорта достигала 56,2 %. Монопольное положение американской стороны в качестве основного импортёра афганского каракуля позволило систематически снижать закупочные цены. Так, средние цены реализации одной каракулевой шкуры составляли: в 1946 году – 14,4 долл., в 1947 году – 8,8 долл., в 1950 году – 7,9 долл., в 1952 году – 6,2 долл., в 1953 году – 5,5 долл».[1]

«Ориентация внешнеторговых связей Афганистана на Соединённые Штаты Америки в первые послевоенные годы отрицательно сказалась на состоянии животноводства – одной из ключевых отраслей национальной эко-

[1] Подробнее см.: Теплинский Л. Б. История советско-афганских отношений, 1919–1987 / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М.: Изд-во «Мысль», 1988. – С. 145–146.

номики. Снижение заготовительных цен на каракуль делало его производство экономически невыгодным, что привело к сокращению объёмов выпуска. Товарный выход каракуля снизился с 2,5 млн шкур в 1950/1951 гг. до 1,5 млн шкур в 1952/1953 гг., в результате чего существенно уменьшился приток иностранной валюты, что негативно отразилось на состоянии экономики Афганистана в целом».[1]

«Укрепив позиции во внешней торговле, американские монополии начали активное проникновение и в другие сферы афганской экономики. Сотрудники дипломатической миссии К. ван Энгерт[2] сумели установить широкие контакты в правящих и деловых кругах Афганистана. Пребывание миссии Соединённых Штатов Америки в стране попытались использовать в своих интересах и американские нефтяные корпорации. В 1944 году в Кабул в качестве военного атташе Соединённых Штатов Америки был направлен специалист в области нефтяной геологии Фокс, ранее принимавший участие в разведке нефтяных месторождений на территории Афганистана».[3]

«В 1945 году Соединённые Штаты Америки предложили афганскому правительству проект ирригационных и дорожных работ общей стоимостью около 20 млн долл., что примерно соответствовало объёму афганских валютных накоплений, замороженных в американских банках. 14 марта 1946 года американская строительная компания «Morrison-Knudsen» заключила с правительством Афганистана договор на строительство ирригационных сооружений, дорог и иных объектов в долинах рек Гильменд и Аргандаб, выполнение

[1] Подробнее см.: Теплинский Л. Б. История советско-афганских отношений, 1919–1987 / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М.: Изд-во «Мысль», 1988. – С. 146.

[2] *Корнелиус ван Хемерт Энгерт* (Cornelius Van Hemert Engert; 1887–1985) – американский дипломат, связанный с ранним этапом афгано-американских контактов. В 1922 году, после завершения службы в Персии, посетил Афганистан и Кабул, где был принят при Аманулы-хана; в 1942–1945 гг. являлся чрезвычайным посланником и полномочным министром Соединенных Штатов Америки в Афганистане. Данные о его официальной дипломатической должности в Афганистане подтверждаются Office of the Historian Госдепартамента Соединенных Штатов Америки: он был назначен 2 мая 1942 года, вручил верительные грамоты 2 июля 1942 года и служил до 17 августа 1945 года [электронный ресурс] URL: https://history.state.gov/departmenthistory/people/engert-cornelius-van-hemert (дата обращения: 10.07.2024).

[3] Подробнее см.: Теплинский Л. Б. История советско-афганских отношений, 1919–1987 / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М.: Изд-во «Мысль», 1988. – С. 145–146.

которого планировалось завершить в течение трёх с половиной лет. При этом компания предварительно не провела всестороннего исследования земель, предназначенных для орошения, несмотря на то что ещё в 1929 году советские учёные Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич в труде «Земледельческий Афганистан» опубликованное еще в 1929 году, указывали на их низкую пригодность для сельскохозяйственного использования вследствие высокой засолённости».[1]

Первоначальная стоимость ирригационных и строительных работ была определена в размере 17,5 млн долл. По расчётам американской стороны, деятельность компании «Morrison-Knudsen» в Афганистане должна была способствовать вовлечению афганского правительства в сферу политико-экономического влияния Соединённых Штатов Америки. Стремясь закрепиться в стране на длительный период, компания одновременно приступила к строительству большого числа объектов. Однако к установленному сроку завершения работ ни один из них не был полностью введён в эксплуатацию. Несмотря на невыполнение договорных обязательств со стороны американской компании, афганское правительство не имело возможности разорвать с ней отношения, поскольку уже в течение первых двух лет значительная часть афганских долларовых резервов была израсходована на покрытие расходов, связанных с деятельностью компании. Отсутствие свободных финансовых ресурсов вынудило правительство обратиться к Соединённым Штатам Америки с просьбой о предоставлении займа.

Воспользовавшись сложившейся ситуацией, Соединённые Штаты Америки в 1949 году предоставили Афганистану заём в размере 21 млн долл., добившись при этом не только продления договора с компанией «Morrison-Knudsen», но и расширения объёма выполняемых ею работ. Целевым назначением займа была определена оплата деятельности данной компании, что вынудило афганское правительство весной 1950 года продлить договор ещё на шесть лет. К этому времени афганская сторона уже израсходо-

[1] Подробнее см.: Теплинский Л. Б. История советско-афганских отношений, 1919–1987 / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М.: Изд-во «Мысль», 1988. – С. 147.

вала на финансирование строительства около 22 млн долл., что привело к серьёзному истощению валютных резервов страны. В свою очередь, американская компания заявила о необходимости увеличения общих затрат до 75 млн долл., что более чем в четыре раза превышало сумму, предусмотренную первоначальным соглашением».[1]

«Деятельность компании вызвала резкое недовольство афганской общественности и стала объектом широкой критики. 7 января 1950 года по инициативе группы депутатов Народный совет Афганистана принял решение направить официальный запрос министрам иностранных дел, национальной экономики, финансов и общественных работ с требованием представить исчерпывающую информацию о финансовых расчётах с компанией «Morrison-Knudsen» и фактическом объёме выполненных работ. Проведённое расследование показало, что компания сознательно приступила к реализации объектов, практическая отдача от которых могла быть получена лишь в отдалённой перспективе и при условии значительных дополнительных затрат. Существенная часть средств расходовалась непроизводительно. Так, афганский журнал «Иктесад» в 1950 году отмечал, что из 12,5 млн долл. годовых расходов половина была направлена на оплату импортируемого оборудования, а другая – на содержание американских специалистов, численность и уровень оплаты труда которых существенно превышали реальные потребности проекта».[2]

«Специальная парламентская комиссия Афганистана, занимавшаяся анализом деятельности компании «Morrison-Knudsen», в своём заключении указала, что её сотрудники не выполнили значительную часть договорных обязательств, допускали расточительное использование материалов и имущества, приобретённого афганским государством для ирригационных работ».[3]

Соединённые Штаты Америки, заинтересованные в сохранении экономической зависимости Афганистана, рекомендовали правительству отказать-

[1] Подробнее см.: Теплинский Л. Б. История советско-афганских отношений, 1919–1987 / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. – М.: Изд-во «Мысль», 1988. – С. 145–146.
[2] Подробнее см.: Там же.. – С. 147–148.
[3] Подробнее см.: Пикулин М. Г. Американская экспансия в Афганистане после второй мировой войны // Труды Института востоковедения АН Узбекской ССР. Вып. 1. Ташкент, 1954. – С. 55.

ся от создания национальных промышленных предприятий и удовлетворять внутренние потребности за счёт увеличения импорта промышленных товаров. Американский советник В. Фрэнк в журнале «Иктесад» утверждал, что «строительство текстильных и пищевых предприятий даёт меньший экономический эффект по сравнению с импортом, поскольку требует значительных финансовых вложений».[1]

Г. Бродшир, ссылаясь на рассекреченный документ о предоставлении Афганистану помощи в размере 10 млн долл. на строительство аэропорта Кандагар, отмечал, что «Соединённые Штаты Америки преследовали при этом собственные военно-стратегические цели, рассматривая данный объект как потенциальную военную базу в условиях возможных вооружённых конфликтов с участием Пентагона. Согласно данному документу, американские военные самолёты в случае нанесения ударов по целям в Сибири или Средней Азии могли использовать аэропорт Кандагар для дозаправки и пополнения боекомплекта на обратном пути в Европу или Африку».[2]

До начала Второй мировой войны технические сотрудники и специалисты Германии составляли большинство среди иностранного технического персонала, работавшего в Афганистане. В тот период к немецким специалистам в афганском обществе относились с теми же ожиданиями и надеждами, которые впоследствии возлагались на специалистов из Соединённых Штатов Америки. Сущность подобного подхода заключалась в стремлении посредством установления взаимовыгодных отношений с Германией – как с мощным, индустриально развитым и, что немаловажно, географически удалённым от Афганистана государством – найти способ защиты от политического давления и возможных угроз со стороны Англии и России (впоследствии Советского Союза – прим. авт.).

Следует признать, что Германия своими обещаниями и практическими шагами формировала у части афганского общества устойчивую заинтересо-

[1] اقتصاد (کابل). 1950. شمارۀ 361.
[2] گنری برادشیر. افغانستان: تجاوز شوروی و مقاومت مجاهدین. ترجمۀ شورای ثقافت جهادی افغانستان. چاپ پشاور: مرکزی نشراتی میوند، ۱۳۷۸. – ص. ۳۲

ванность и определённые ожидания. Так, уже в первый год Второй мировой войны при содействии германской стороны были введены в эксплуатацию сахарный завод в Баглане и текстильная фабрика в Пули-Хумри. Наряду с формированием благоприятного общественного мнения в отношении Германии, отдельные влиятельные представители королевской семьи и их ближайшего окружения – в частности М. Дауд-хан и его брат М. Наим-хан, А. Зобули и ряд других высокопоставленных лиц – поддерживали тесные идейные и политические контакты с гитлеровской Германией. Связи данной группы с германской стороной особенно активизировались в преддверии Второй мировой войны.

По свидетельству М. М. С. Фарханга, «эти контакты (связи представителей королевской семьи с Германией – прим. авт.) оказали глубокое и в целом положительное влияние на мировоззрение государственных деятелей Афганистана. Они пришли к выводу, что новый гитлеровский режим основывается на трёх ключевых принципах: расовом превосходстве, личной диктатуре и тесном взаимодействии государства с капиталом, которые в значительной мере соответствовали политическим взглядам афганского монарха. Афганские государственные деятели надеялись, что при поддержке Германии удастся реализовать аналогичную модель в стране, но в более современной и адаптированной форме».[1]

Как отмечает В. Г. Коргун, «с началом Второй мировой войны Афганистан, несмотря на сопротивление вышеуказанной группы сторонников Германии (в частности министра обороны Ш. Махмуда и командующего кабульским гарнизоном М. Дауд-хана – прим. авт.), объявил о своём нейтралитете и, под давлением союзников – Советского Союза, Англии и Соединённых Штатов Америки, – приступил к выдворению граждан Германии, Турции и

[1] فرهنگ، میر محمد صدیق. افغانستان در پنج قرن اخیر. جلد دوم. کابل: انتشارات بین‌المللی ثروت–صنعت، ۲۰۱۵. – ص. ۶۴۱

Италии, среди которых находились главным образом внедрённые агенты этих государств».[1]

По завершении Второй мировой войны, правящие круги Афганистана исходили из убеждённости, что Соединённые Штаты Америки будут последовательно расширять и углублять отношения с Кабулом по всем направлениям межгосударственного взаимодействия, прежде всего в сфере экономического сотрудничества. Предполагалось, что расширение американской помощи и развитие двусторонних экономических связей, с одной стороны, будут способствовать модернизации и развитию Афганистана, а с другой – станут фактором ограничения дальнейшего усиления зависимости страны от Советского Союза. О масштабности этих ожиданий и во многом иллюзорных надеждах афганского руководства на получение от Соединённых Штатов Америки так называемых «золотых гор» уже упоминалось выше и к данному вопросу ещё неоднократно предстоит обратиться.

Однако Соединённые Штаты Америки, как и в предшествующий период, не только не способствовали реализации ожиданий афганской стороны, но и не придали им сколько-нибудь серьёзного значения. Если до Второй мировой войны внешнеполитический курс Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана основывался на безразличии и пренебрежительном отношении, унаследованных от британской политики в регионе, то после войны, особенно после образования государства Исламская Республика Пакистан, стратегическая линия Вашингтона стала формироваться исходя из приоритетного партнёрства с Исламабадом. Иными словами, если ранее Соединённые Штаты Америки рассматривали Афганистан сквозь «призму Лондона», то в послевоенный период их восприятие Кабула во всё большей степени определялось «оптикой Исламабада».

В газете «Анис» указывается «Американские правящие круги последовательно стремились поставить Афганистан в экономическую и политиче-

[1] Подробнее см.: Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. – М.: ИВ РАН; «Крафт+», 2004. – С. 270–274.

скую зависимость от Соединённых Штатов Америки. 7 февраля 1951 года в Кабуле было подписано общее соглашение о техническом сотрудничестве между правительствами Афганистана и Соединённых Штатов Америки, основанное на четвёртом пункте так называемой «доктрины Трумэна». После принятия в Соединённых Штатах Америки в 1951 году закона «О взаимном обеспечении безопасности» предоставление американской помощи было увязано с выполнением рядом обременительных условий. В частности, от афганской стороны потребовали сокращения торгово-экономических связей с Советским Союзом и странами народной демократии».[1]

Министр торговли Соединённых Штатов Америки Ч. Уилсон Сойер, выступая в 1952 году в Детройте, прямо заявил: «В январе мы потребовали от Афганистана сократить торговлю с восточным блоком на основании закона «О взаимном обеспечении безопасности», хотя сами не могли предложить афганцам что-либо взамен. Совсем недавно мы чрезмерно настаивали на выполнении этих требований, включая стремление получить свободу действий в северных районах Афганистана».[2]

Придавая большое значение советско-афганским отношениям, в том числе торговым, Афганистан отказался выполнить выдвинутые Соединёнными Штатами Америки условия. В ответ 23 января 1952 года глава администрации Соединённых Штатов Америки по реализации закона «О взаимном обеспечении безопасности» Уильям Аверелл Гарриман[3] в целях оказания давления на афганское правительство, объявил о прекращении экономической и технической помощи Афганистану. Несмотря на оказанное давление, афганское правительство не пересмотрело свою позицию и продолжило раз-

---

[1] انیس (کابل). – ۲۰ اپریل ۱۹۵۵.

[2] Подробнее см.: Бочкарев П. С. Афганистан. – М.: Государственное издательство географической литературы, 1953. – С. 31.

[3] *Гарриман Уильям Аверелл* (William Averell Harriman; 1891–1986 гг.) – американский государственный деятель, дипломат и предприниматель; в 1951–1953 гг. – директор Администрации по взаимному обеспечению безопасности (Mutual Security Agency), отвечавшей за реализацию программ американской военно-экономической помощи зарубежным государствам. Являлся посланником Соединенных Штатов Америки в Советском Союзе, также в Великобритании. Занимал должность заместителя государственного секретаря Соединенных Штатов Америки по политическим вопросам.

витие торговых связей с Советским Союзом и другими странами социалистического содружества.

Г. Бродшир, анализируя данную ситуацию, отмечает, что «в 1951 и 1954 гг. Соединённые Штаты Америки, наряду с отказом удовлетворить просьбы Афганистана о поставках вооружения, напомнили Кабулу, что ключевым условием предоставления оружия, боеприпасов и военного снаряжения является урегулирование вопроса о «Пуштунистане» с Исламской Республикой Пакистан».[1]

По мнению М. М. С. Фарханга, безразличное отношение Соединённых Штатов Америки к Афганистану подтверждается и материалами Объединённого комитета начальников штабов Соединённых Штатов Америки за 1949 год, в которых указывалось, что «Афганистан либо не имеет для Соединённых Штатов Америки значимого стратегического значения, либо его значение является минимальным. Географическое положение страны в сочетании с признанием её руководством влияния Советского Союза в регионе позволяет предположить, что при благоприятных международных условиях Москва может сравнительно быстро установить контроль над Афганистаном».[2]

Сотрудничество Соединённых Штатов Америки с Афганистаном в социальной сфере – образования, науки и культуры началось с прибытия первых американских преподавателей для работы в афганских учебных заведениях, а также с направления афганских учащихся и студентов для продолжения обучения в образовательных учреждениях Соединённых Штатов Америки. Согласно имеющимся данным, в 1930-е годы первые преподаватели из Соединённых Штатов Америки приступили к работе в лицеях «Хабибия» и «Наджот» («Амони»), а также в Кабульском университете. Во второй половине данного десятилетия первые афганские учащиеся и студенты были направлены на обучение в школы и университеты Соединённых Штатов Америки.

---

[1] گنری برادشیر. افغانستان: تجاوز شوروی و مقاومت مجاهدین. ترجمهٔ شورای ثقافت جهادی افغانستان. چاپ پشاور: مرکزی نشراتی میوند، ۱۳۷۸. – ص. ۱۷

[2] فرهنگ، میر محمد صدیق. افغانستان در پنج قرن اخیر. جلد دوم. کابل: انتشارات بین‌المللی ثروت–صنعت، ۲۰۱۵. – ص. ۱۹۰

Т. Фаромарз отмечает, что «в 1930-е годы в системе образования Афганистана работала значительная группа преподавателей из Соединённых Штатов Америки, приглашённых правительством Кабула. Их деятельность оказала заметное, хотя и непродолжительное влияние на развитие отношений между двумя странами. Примечательно, что первый американец, родившийся на территории Афганистана, был ребёнком одного из этих преподавателей».[1]

Кроме того, «в 1920–1930-е годы значительное число граждан Афганистана посещало Соединённые Штаты Америки. Самым возрастным (по возрасту – прим. авт.) афганским гражданином, побывавшим в тот период в Соединённых Штатах Америки, был путешественник доктор Шах, выступавший за присоединение «Пуштунистана» к Афганистану и пытавшийся привлечь внимание политических кругов Вашингтона к данному вопросу».[2]

«В 1921 году официальная делегация правительства Афганистана во главе с М. Вали-ханом (Дарвози) по поручению короля Амануллы-хана была направлена в Соединённые Штаты Америки с целью привлечения внимания политических кругов Вашингтона к вопросам официального признания государственной независимости Кабула от Королевства Британской империи и установления дипломатических отношений между двумя государствами. Однако данная миссия, как и последующие попытки афганской стороны, столкнулась с холодным приёмом со стороны политического истеблишмента Соединённых Штатов Америки».[3]

Кроме того, самой многочисленной категорией граждан Афганистана, посещавших Соединённые Штаты Америки, являлись молодые мужчины, направлявшиеся правительством Кабула для обучения в высших учебных заведениях данной страны. Следует отметить, что значительная часть будущих руководителей министерств и государственных структур Афганистана формировалась именно из их числа. Так, будущий премьер-министр Афганиста-

[1] تامانو، ف .سیاست خارجی ایالات متحدهٔ آمریکا در افغانستان: دولت-ملت‌سازی و مبارزه با تروریسم .تهران: پژوهشکدهٔ مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷. – ص. ۱۰۳

[2] Там же. – С. 103–104.

[3] Там же.

на доктор Абдулзохир обучался в 1930-е годы в Соединённых Штатах Америки. Вместе с тем указанные культурные и научные обмены не привели к заметному улучшению двусторонних отношений между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном. Более того, американская сторона не предпринимала целенаправленных попыток использовать афганских выпускников своих вузов в качестве инструмента противодействия усилению влияния Советского Союза в Афганистане.[1]

Лицей «Хабибия», впоследствии преимущественно стал основным местом преподавательской деятельности американских педагогов. В данном учебном заведении изучению английского языка уделялось особое внимание, в связи с чем большинство лиц, направленных для продолжения обучения в Соединённые Штаты Америки, являлись выпускниками именно этого лицея. Часть из них, вернувшись в Афганистан после получения образования и профессиональной подготовки, заняла высокие государственные должности, включая посты премьер-министра и министров.

По данным М. М. С. Фарханга, «наиболее известными среди них были доктор Абдулзохир, получивший медицинское образование в Соединённых Штатах Америки и по возвращении на родину занимавший должность министра здравоохранения, а в годы «десятилетия демократии» – в течение определённого времени пост премьер-министра Афганистана. Его брат Абдулкаюм, защитивший докторскую диссертацию по педагогике в Соединённых Штатах Америки, впоследствии занимал посты министра внутренних дел и министра образования Афганистана. М. М. Шафик – последний премьер-министр периода «десятилетия демократии» – также получил высшее образование в Соединённых Штатах Америки в области юриспруденции. Доктор Абдулмаджид прошёл обучение по медицинской специальности в Соединённых Штатах Америки и в дальнейшем работал министром здравоохранения Афганистана и заместителем министра данного ведомства. М. К. Лудин, обу-

[1] تامانو، ف. سیاست خارجی ایالات متحدهٔ آمریکا در افغانستان: دولت-ملت‌سازی و مبارزه با تروریسم. تهران: پژوهشکدهٔ مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷. – صص. ۱۰۳–۱۰۴.

чавшийся в Соединённых Штатах Америки по инженерной специальности, впоследствии занял пост министра социального обеспечения Афганистана, а в 1953–1956 гг. исполнял обязанности Чрезвычайного и Полномочного посла Афганистана в Соединённых Штатах Америки».[1]

Тот же автор подчёркивает, что «направление учащихся и студентов Афганистана для продолжения обучения в университеты и учебные центры зарубежных стран в рамках программ помощи Соединённых Штатов Америки рассматривалось как новая форма двустороннего сотрудничества в сфере образования. До 1972 года, который считается последним годом королевского периода, около 2 143 учащихся, студентов и преподавателей школ и университетов Афганистана были направлены для обучения в Соединённые Штаты Америки либо, при содействии данного государства, в другие страны».[2]

Леон Пуллада и Лейла Пуллада также фиксируют факт направления учащихся, студентов и преподавателей Афганистана в Соединённые Штаты Америки, а также при поддержке Вашингтона – в третьи страны, прежде всего для подготовки специалистов по тем направлениям, которые на тот момент отсутствовали в системе высшего образования Афганистана. Несмотря на то что в гендерном отношении большинство направленных на обучение составляли мужчины, определённая часть афганских девушек и женщин также получила возможность продолжить образование за рубежом. По данным указанных авторов, «в период с 1952 по 1978 гг. для получения образования, прохождения краткосрочных курсов, а также в качестве приглашённых исследователей в высшие учебные заведения Соединённых Штатов Америки или третьих стран были направлены 2 790 человек, включая 187 женщин. Из этого числа 1307 человек обучались в Соединённых Штатах Америки, 1332 человека – в других странах, а 102 человека – в-третьих странах, где функционировали американские высшие учебные заведения. В частности, Университет Соединённых Штатов Америки в городе Бейруте являлся одним из ключевых обра-

[1] فرهنگ، میر محمد صدیق. افغانستان در پنج قرن اخیر. جلد دوم. کابل: انتشارات بین‌المللی ثروت–صنعت، ۲۰۱۵. – ص. ۷۷۹.
[2] Там же.

зовательных центров, в котором значительное число граждан Афганистана обучалось за счёт грантов Вашингтона. До 1976 года свыше 396 граждан Афганистана получили образование в данном университете по специальностям педагогика, инженерное дело, государственное управление и медицина».[1]

Согласно имеющимся данным, «специальность «педагогика» являлась наиболее востребованной и охватывала наибольшее число обучающихся. Из общего количества направленных на обучение в Соединённые Штаты Америки и третьи страны 909 студентов осваивали педагогические специальности. Второй по популярности являлась специальность «сельское хозяйство», по которой обучались 340 человек. Помимо педагогики и сельского хозяйства, подготовка осуществлялась по таким направлениям, как геология, гражданская авиация, геодезия, дорожное строительство, транспорт, почтовая связь, государственное управление, финансы, бухгалтерский учёт, правоохранительная деятельность, банковское дело, экономика, юриспруденция, здравоохранение, статистика, торговля, дошкольное воспитание и другим. Следует отметить, что 369 человек были направлены на обучение по специальностям, непосредственно связанным с реализацией работ в долине Гильменд, из которых лишь 116 человек обучались непосредственно в Соединённых Штатах Америки».[2]

Важным аспектом отбора контингента для направления на обучение и профессиональную подготовку в Соединённые Штаты Америки являлась кадровая политика правительства Афганистана, требующая особого внимания при анализе данного процесса. Характерной чертой этой политики было наличие существенного неравенства и нарушений принципов национального, этнического и языкового представительства, допускавшихся афганскими чиновниками в достаточно откровенной форме. Анализ источников свидетельствует о том, что подавляющее большинство кандидатов, направлявшихся за рубеж для получения образования, прохождения стажировок и специальных курсов, принадлежало к пуштунскому этносу.

---

[1] مفصل‌تر نگرید: پولاده، و. لیون؛ پولاده، لیلا د. ج. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده. مترجم به فارسی دری: غلام صفدر پنجشیری. کابل، ۱۹۹۹. – ص. ۲۸۰.

[2] Там же.

По данным М. А. Андешманда, «свыше 80 % учащихся, студентов и преподавателей, направленных в Соединённые Штаты Америки либо в другие страны в рамках программ помощи, проектов и грантов Соединённых Штатов Америки, являлись представителями родоплеменных структур пуштунского народа. Внутри данной группы наибольшие преимущества получали лица, принадлежавшие к племени Мухаммадзай. Подобные диспропорции и нарушения этнического баланса сохранялись и в период правления короля М. Захир-шаха. В результате, если рассматривать общее число подготовленных специалистов данного периода, особенно получивших образование в Соединённых Штатах Америки и западных странах в целом, доля представителей непуштунских народов оставалась крайне незначительной».[1]

Ряд организаций и учреждений Соединённых Штатов Америки, включая «Asia Foundation», «American Field Service» и университет Небраска, играл заметную роль в развитии системы обучения, воспитания и образования Афганистана. В конце 1960-х годов университет Небраска приступил к созданию Центра изучения Афганистана, который оказал существенное содействие реализации образовательных программ и проектов в стране.

Соединённые Штаты Америки, наряду с созданием условий для обучения и получения специальности за рубежом, оказывали Афганистану и определённую помощь в развитии образования внутри страны, хотя и в более ограниченных масштабах. В частности, строительство корпусов Кабульского университета и студенческого общежития в 1964 году, а также возведение дополнительного корпуса лицея «Хабибия» в 1965 году относятся к наиболее заметным примерам двустороннего сотрудничества в сфере образования. Кроме того, группа американских преподавателей осуществляла учебную деятельность в Кабульском университете, прежде всего на политехническом и сельскохозяйственном факультетах. Соединённые Штаты Америки также оказывали содействие Афганистану в рамках программ развития образования, включая

[1] مفصل‌تر نگرید: اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. کابل، ۱۳۸۴ هـ.ش. – ص. ۵۹

строительство общеобразовательных школ в провинциях и сельских районах, а также издание учебной литературы для учащихся средних школ.[1]

Таким образом, анализ историографии и проблемы изучения становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана позволяет сделать ряд обобщающих выводов.

Во-первых, межгосударственные отношения между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном в XIX – начале XX века в социально-экономической сфере в силу совокупности объективных и субъективных факторов традиционно отличались слабой интенсивностью. К числу таких факторов относились общая социально-экономическая отсталость Афганистана, низкая торгово-экономическая привлекательность, географическая замкнутость и отсутствие выхода к морю, внутриполитическая нестабильность, сложность геополитического окружения, непосредственная близость к Царской Российской империи, а затем к Советскому Союзу, а также существенное влияние Королевства Британской империи и в более поздний период – Исламской Республики Пакистан на внешнеполитическое поведение Вашингтона. В результате данные отношения, как правило, ограничивались визитами отдельных представителей торгово-коммерческих кругов, а также заключением соглашений и договоров, которые нередко оставались нереализованными по различным причинам.

Во-вторых, к вопросу о гуманитарном характере социально-экономической помощи, оказываемой Соединёнными Штатами Америки Афганистану в рассматриваемый период, следует подходить критически. В афганском направлении, как и в регионе в целом, Соединённые Штаты Америки традиционно не реализовывали значимых проектов без учёта собственных национальных и геостратегических интересов. Показательным примером является предоставление десяти миллионов долларов безвозмездной помощи на строительство аэродрома в городе Кандагар, которое трудно рассматривать исключительно как акт гуманитарной поддержки. В данном случае Вашингтон преследовал долгосрочные геополитические цели, стремясь создать

[1] مفصل‌تر نگرید: اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. کابل، ۱۳۸۴ هـ.ش. – صص. ۶۰–۶۱

в Афганистане условия для стратегического противостояния со своими потенциальными противниками. Как показано в диссертации, согласие Соединённых Штатов Америки на финансирование строительства аэродрома в Кандагаре, расположенного вблизи границы с Пакистаном, рассматривалось в контексте возможного противостояния с Советским Союзом в стратегически важном регионе.

В-третьих, с окончанием Второй мировой войны интерес Соединённых Штатов Америки к развитию и расширению многосторонних социально-экономических отношений с Афганистаном начал постепенно ослабевать. Более того, американская сторона воздерживалась от активного направления в Афганистан преподавателей и технических специалистов. Следует подчеркнуть, что численность и профессиональный потенциал американских сотрудников так и не смогли компенсировать вакуум, образовавшийся после прекращения деятельности специалистов Германии и Турции, ранее игравших значительную роль в модернизационных процессах в Афганистане. При этом географическая близость Советского Союза, Китайской Народной Республики, Республики Индии, а также ряда европейских государств восточного полушария, наряду с историческими, культурными, религиозными и ментальными связями исламских региональных сообществ, объективно превосходила фактор удалённости и культурной чуждости Соединённых Штатов Америки для афганского общества и региона в целом.

В-четвертых, в рамках образовательных программ Агентства Соединённых Штатов Америки по международному развитию осуществлялось направление учащихся, студентов и преподавателей средних и высших учебных заведений Афганистана для обучения в университетах и учебных центрах Соединённых Штатов Америки, а также в американских университетах, действовавших в третьих странах. Финансирование данных программ осуществлялось за счёт средств помощи Афганистану, предоставлявшийся в форме безвозмездных ассигнований. Однако и в данной сфере действия Соединённых Штатов Америки носили стратегически избирательный характер

и подчинялись их национальным интересам. Как и в случае с другими внешними игроками, недостаточное знание истории, этноконфессиональной структуры, культурно-традиционных особенностей Афганистана приводило к серьёзным просчётам при разработке и реализации образовательной и кадровой стратегии. В частности, при подготовке будущей политической и научной элиты страны Соединённые Штаты Америки ориентировались преимущественно на представителей пуштунского этноса, что в перспективе способствовало углублению внутренних диспропорций и ограничивало устойчивость проводимой политики.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Таким образом, исследование теоретико-методологических основ и историографии внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов Америки в Афганистане позволяет сформулировать следующие обобщающие выводы.

Во-первых, анализ теоретических, методологических и практических аспектов взаимоотношений между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном до завоевания Кабулом государственной независимости от Королевства Британской империи свидетельствует о том, что внешнеполитическая стратегия Вашингтона в отношении Афганистана и других стран региона существенно отличалась от его политики в отношении иных государств и народов. История становления политических, дипломатических и социально-экономических отношений между двумя странами, процесс официального признания независимости Афганистана Соединёнными Штатами Америки, а также эволюция сотрудничества Вашингтона и Кабула в рассматриваемый период в научно-аналитической и экспертной литературе оцениваются неоднозначно. Изучение существующих исследований показывает, что даже внутри каждой национальной (страновой – прим. авт.) научной школы присутствуют различные точки зрения, подходы и выводы. Большинство специалистов, анализируя начальный этап контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном, сосредотачивали внимание преимущественно на внутриполитических и внешнеполитических процессах в Афганистане

после прихода к власти эмира Аманулла-хана в 1919 году и провозглашения государственной независимости. При этом в настоящем исследовании, с опорой на новые материалы и данные, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, доказывается, что первые контакты между представителями различных слоёв обществ Соединённых Штатов Америки и Афганистана были установлены ещё в 1828 году, за 91 год до завоевания Кабулом государственной независимости от Королевства Британской империи. Практически все исследователи сходятся во мнении, что отношения Соединённых Штатов Америки с Афганистаном на первоначальном этапе носили неофициальный характер и лишь в середине 1930-х годов XX века, под воздействием масштабных геополитических изменений, Вашингтон принял решение об открытии своего дипломатического представительства в Кабуле.

Во-вторых, с точки зрения большинства афганских, иранских, пакистанских, российских и других региональных экспертов, на трудах которых во многом базируется данное исследование, характерной особенностью внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана и региона в целом, начиная с 1820-х годов и вплоть до завершения Второй мировой войны, являлись просчёты и пренебрежительный подход, что в дальнейшем стало одной из причин системных ошибок Вашингтона в афганском направлении.

В-третьих, проблема становления и эволюция внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана и региона Средней Азии в контексте стремления американского руководства к расширению международного престижа, ослаблению позиций своего основного соперника – Советского Союза, а также углублению военно-политического влияния для контроля процессов в стратегически важном регионе мира, представляет собой актуальную и недостаточно изученную научную проблему. Её исследование позволяет представителям различных научных школ раскрыть новые аспекты и реальные цели деятельности ведущих мировых держав в Афганистане и регионе в целом.

В-четвёртых, по мнению большинства востоковедов-афганистов, при анализе истории становления первых контактов между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном, а также сложного процесса межгосударственных отношений между Вашингтоном и Кабулом в рассматриваемый период, первоочередное внимание следует уделять выявлению истинных причин неудачного начала сотрудничества, анализу факторов, обусловивших небрежное и формальное отношение Соединённых Штатов Америки к Афганистану, а также раскрытию причин ошибок и просчётов афганских правителей в процессе разработки и реализации внешнеполитического курса и межгосударственных отношений с Вашингтоном.

В-пятых, значимость и актуальность исследования рассматриваемой проблематики усиливаются тем, что расширение военно-политического, социально-экономического и иного присутствия Соединённых Штатов Америки в геополитически и геостратегически важном регионе, где традиционно присутствовали интересы другого крупного центра мировой политики – Советского Союза, привело к обострению соперничества между Вашингтоном и Москвой в Афганистане и регионе в целом. Данный фактор оказал негативное воздействие на судьбу Афганистана, других государств региона и их народов, а также существенно изменил региональный баланс сил.

В-шестых, во внешней политике эмира Хабибуллы-хана в период его правления (1901–1919 гг.) прослеживалось стремление преодолеть внешнеполитическую и внешнеэкономическую изоляцию Афганистана, в которую страна была фактически поставлена в годы правления эмира Абдуррахман-хана (1844–1901 гг.). С этой целью эмир Хабибулла-хан официально провозгласил политику нейтралитета и стремился придерживаться её на практике. Однако, как показал исторический опыт, данная политика была во многом навязана Афганистану ведущими акторами международных отношений начала XX века – Царской Российской империей и Королевством Британской империи – исходя из их собственных геостратегических интересов. Внутриполитические и внешнеполитические условия не позволили эмиру Хабибул-

ле-хану последовательно реализовать курс нейтралитета. Подписание 31 августа 1907 года «Соглашения о разграничении сфер влияния в Персии, Афганистане и Тибете» между Царской Российской империей и Королевством Британской империи без участия и согласия Афганистана, а также Китая и Ирана, существенно ослабило позиции афганского правителя и осложнило внутриполитическое положение режима, вынуждая его вновь прибегать к сложным внешнеполитическим манёврам между великими державами.

В-седьмых, характерным и длительным элементом неофициальных отношений Соединённых Штатов Америки с Афганистаном являлись поездки отдельных американских граждан на территорию страны. Их значимость заключалась в том, что часть этих лиц по возвращении на родину публиковала воспоминания и описания Афганистана и его населения. Анализ данных источников показывает, что большинство подобных мемуаров носило субъективный, негативный и зачастую предвзятый характер. Именно эти ранние и нередко враждебные представления во многом сформировали устойчивый образ Афганистана в общественном сознании Соединённых Штатов Америки. Примечательно, что данные стереотипы, сложившиеся более века назад, в значительной степени сохраняются и в риторике части американской политической элиты вплоть до настоящего времени.

По мнению Леона Пуллады и Лейлы Пуллады, интересовавшихся историей Афганистана и эволюцией отношений между Вашингтоном и Кабулом, «в тот период американцы ошибочно воспринимали Афганистан как удалённую территорию, населённую дикими племенами, жителей которой считали нарушителями законов, религиозными фанатиками и противниками всего чужого».[1]

В-восьмых, социально-экономические отношения между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном после приобретения Кабулом независимости в 1919 году сохраняли ограниченный и фрагментарный характер, не выходя за рамки эпизодических контактов и отдельных инициатив.

[1] پولاده، و. لیون؛ پولاده، لیلا د. ج .کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده .مترجم به فارسی دری: غلام صفدر پنجشیری. کابل، ۱۹۹۹. – ص. ۳۱

В-девятых, Соединённые Штаты Америки, исходя из собственных геополитических интересов, проявили определённую заинтересованность в расширении и развитии социально-экономических связей с Афганистаном. В частности, предпринимались попытки предоставления Афганистану отдельных торгово-экономических льгот для реализации афганских товаров через территорию Индии. Вместе с тем следует отметить, что Королевство Британской империи, осуществлявшее в тот период контроль над Индией и не заинтересованное в политической и экономической самостоятельности Кабула, создавало как объективные, так и субъективные препятствия для развития сотрудничества между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном.

В-десятых, установлено, что в первые послевоенные годы Соединённые Штаты Америки рассматривали развитие отношений с Афганистаном в тесной взаимосвязи с задачами ограничения советского влияния в Средней и Южной Азии. Одним из направлений американской стратегии являлось стремление приблизить Кабул к формировавшейся системе военно-политического взаимодействия западных государств и их региональных союзников. Вместе с тем проведённый анализ показывает, что, несмотря на использование Вашингтоном дипломатических и экономических инструментов воздействия, Афганистан сохранил приверженность политике нейтралитета и не присоединился к военно-политическим блокам западных держав. Тем самым попытки включить Афганистан в систему регионального сдерживания Советского Союза не достигли предполагаемого результата.

В-одиннадцатых, выявлено, что расширение экономического присутствия Соединённых Штатов Америки в Афганистане сопровождалось усилением конкуренции американского и британского капитала на афганском рынке. Важной особенностью торгово-финансовых отношений рассматриваемого периода являлось накопление части валютной выручки Афганистана от экспорта товаров в Соединённые Штаты Америки на счетах американских банков. Данное обстоятельство свидетельствовало о возрастающем значении финансовых механизмов в системе американо-афганских экономических от-

ношений и одновременно создавало дополнительную зависимость Кабула от внешних каналов расчётов и финансирования.

В-двенадцатых, доказано, что расширение торгово-экономических связей с Соединёнными Штатами Америки имело для Афганистана противоречивые последствия. С одной стороны, американский рынок предоставлял возможности для реализации важнейших экспортных товаров страны; с другой – зависимость их реализации от конъюнктуры рынка Соединённых Штатов Америки повышала уязвимость афганской экономики перед внешними ценовыми колебаниями. Отсутствие устойчивых механизмов долгосрочного регулирования отдельных экспортных поставок и возникавшие диспропорции во взаимных расчётах отрицательно воздействовали на финансовое положение Афганистана. Таким образом, установлено, что развитие американо-афганских экономических связей не обеспечило формирования равноправной и устойчивой модели торгового взаимодействия.

В-тринадцатых, установлено, что заключённые в начале 1950-х годов американо-афганские соглашения о техническом сотрудничестве способствовали институционализации экономического присутствия Соединённых Штатов Америки в Афганистане. В соответствии с соглашением 1951 года афганское правительство взаимодействовало с американскими структурами при реализации программ технической помощи и предоставляло информацию о содействии, запрашиваемом у других государств и международных организаций. Последующее Программное соглашение о техническом сотрудничестве, заключённое в июне 1953 года, расширило сферу деятельности американских специалистов в Афганистане, охватив сельское хозяйство, промышленность, транспорт, образование и здравоохранение. Впервые в двусторонних отношениях техническая помощь приобрела характер системного инструмента американского присутствия, позволявшего Вашингтону сочетать задачи модернизации афганской экономики с реализацией собственных долгосрочных внешнеполитических интересов.

ГЛАВА 2. СТАНОВЛЕНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (1919–1941 ГГ.)

2.1. Американо-афганские отношения в контексте «Большой игры»: стратегия Соединённых Штатов Америки в период правления Аманулла-хана и Мухаммад Надир-шаха (1919–1933 гг.)

Несмотря на то, что в 1919 году Афганистан завоевал государственную независимость от Королевства Британской империи, Соединённые Штаты Америки длительное время не признавали правосубъектность правительства Кабула в системе международных отношений и вплоть до середины 1930-х годов не устанавливали с ним официальные дипломатические отношения. Более того, до 1936 года Соединённые Штаты Америки не имели в Афганистане собственного дипломатического представительства и поддерживали контакты с правительством Кабула через свои посольства в соседних государствах региона.

На наш взгляд, в период с 1919 по 1936 год Соединённые Штаты Америки по ряду причин не признавали государственную независимость Афганистана от Королевства Британской империи, не устанавливали с Кабулом официальных дипломатических и межгосударственных отношений и не открывали собственного представительства:

Во-первых, Соединённые Штаты Америки в указанный период находились под значительным влиянием внешнеполитической стратегии Королевства Британской империи в регионе. Под воздействием данного фактора высшее политическое руководство Соединённых Штатов Америки в начале XX века не проявило достаточной самостоятельности для объективной оценки складывающейся ситуации и признания государственной независимости правительства Кабула вопреки позиции Лондона.

Во-вторых, существенным обстоятельством, повлиявшим на пассивность Соединённых Штатов Америки в вопросе признания независимости Афганистана и установления с ним официальных отношений, стало то, что правительство Кабула в первую очередь заключило договор о дружбе и сотрудничестве с Советской Россией. Признание Советской Россией государственной независимости Афганистана и установление дипломатических отношений с новыми властями в Москве превратились в раздражающий фактор во внешнеполитическом расчёте Вашингтона.

Как отмечает Т. Фаромарз, «когда Соединённые Штаты Америки, поддержав позицию большинства государств мира и подписав Пакт Бриана–Келлога 1928 года об отказе от войны как средства внешней политики, обратили внимание на то, что поддержка стран, с которыми Вашингтон не имеет дипломатических связей, может нанести ущерб международной деятельности Белого дома в условиях меняющейся системы международных отношений. Усилия американских дипломатов, поддерживавших контакты со своими афганскими коллегами через третьи государства, а также осознание возможных выгод от установления прямых отношений с Кабулом повлияли на постепенную корректировку позиции Государственного департамента. Тенденция к сближению с Афганистаном усилилась после прихода к власти в Вашингтоне Франклина Д. Рузвельта, что ознаменовало начало пересмотра прежнего подхода к вопросу признания афганской независимости».[1]

С учётом изложенного, а также для формирования объективного представления об истинных целях внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана после завоевания им государственной независимости в 1919 году, представляется необходимым кратко рассмотреть основные этапы становления и эволюция двусторонних отношений Вашингтона и Кабула.

[1] تمنّا، ف. .سیاست خارجی ایالات متحدهٔ آمریکا در افغانستان: دولت-ملت‌سازی و مبارزه با تروریسم. – تهران: پژوهشکدهٔ مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷. – ص. ۱۰۴.

Как пишет Л. Адамек, «в 1919 году (1298 год по афганскому летоисчислению – прим. авт.), в период третьей англо-афганской войны и провозглашения независимости, эмир Афганистана Аманулла-хан сформировал правительственную делегацию во главе с М. Вали-ханом Дарвози (Дарвози – выходец из селения Дарваза в провинции Бадахшан – прим. авт.) для поездки по странам Европы и в Соединённые Штаты Америки. Целью миссии являлось информирование мирового сообщества о факте государственной независимости Афганистана, подтверждение его международной правосубъектности, установление дипломатических отношений и развитие сотрудничества во всех сферах. В состав делегации входили М. М. Яфтали, А. Луди, Сардор Ф. М. Закариё, М. Г. Махманд и другие официальные лица»[1].

Забегая вперёд, следует отметить, что М. Вали-хан Дарвози, после всех предпринятых усилий по международному признанию независимости страны, в апреле 1930 года по распоряжению короля М. Надир-шаха был обвинён в попытке вернуть Амануллу-хана на престол (по другим данным был обвинён в связях с Хабибуллы-хана Калакани – при. авт.) и по решению публичного суда казнён.

Для понимания значимости указанной миссии необходимо учитывать, что Королевство Британской империи долгое время не признавало право Афганистана на самостоятельную внешнюю политику в соответствии с Гандамакским договором[2], подписанным в 1879 году с эмиром М. Якуб-ханом. В соответствии с условиями данного договора внешняя политика Афганистана до 1919 года фактически находилась под контролем Великобритании.

По свидетельству источников, «Мухаммад Вали-хан Дарвози в ходе поездки в Европу и Соединённые Штаты Америки в конце сентября 1919 года прибыл в Ташкент, где провёл официальные переговоры с представителя-

[1] آدمک، لودویک.روابط خارجی افغانستان در نیمهٔ اول قرن بیستم / ترجمهٔ محمد فاضل صاحبزاده. – پشاور، ۱۳۷۷. – ص. ۷۴.
[2] Подробнее см.: *Гандамакский договор* (Treaty of Gandamak) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://alphapedia.ru/w/Treaty_of_Gandamak (дата обращения: 26.02.2025).

ми Советской России во главе с Н. З. Бравиным[1], имеющего дипломатический опыт, знающего Востока, друга восточных народов, сторонника независимости мусульманских народов и знатока персидского языка, уполномоченного[2] (большевистской власти – прим. авт.) на установление дружественных и торговых отношений (с ними – прим. авт.). Из Ташкента он направил послание президенту Соединённых Штатов Америки Уоррену Г. Гардину, в котором сообщал, что представляет правительство Афганистана на международной конференции «Мировое согласие» и просит содействия в вопросе признания независимости Афганистана Соединёнными Штатами Америки»[3].

Афганская делегация намеревалась продолжить путь из Москвы в Соединённые Штаты Америки через страны Западной Европы. Однако в результате давления со стороны Королевства Британской империи маршрут был изменён, и поездка в Соединённые Штаты Америки в 1919 году не состоялась. Более того, Вашингтон не дал официального ответа на послание, направленное М. Вали-ханом Дарвози из Ташкента. Подобная позиция свидетельствовала о том, что Соединённые Штаты Америки, несмотря на дипломатические усилия Кабула, не проявили заинтересованности в признании афганской независимости в тот период.

Вместе с тем, как отмечает М. А. Андешманд, «ситуация имела и более сложный характер. С одной стороны, Советская Россия не проявила достаточной настойчивости в вопросе содействия дальнейшему продвижению афганской делегации через европейскую территорию, что могло бы облегчить её прибытие в Соединённые Штаты Америки. С другой стороны, именно Советская Россия стала первым иностранным государством, официально признавшим независимость Афганистана. 14 октября 1919 года В.И. Ленин при-

[1] *Николай Захарьевич Бравин* (1881–1921 гг.) – советский дипломат, первый Чрезвычайный уполномоченный РСФСР в Афганистане. В 1919–1921 гг. возглавлял советскую дипломатическую миссию в Кабуле и сыграл ключевую роль в установлении официальных советско-афганских дипломатических отношений после провозглашения независимости Афганистана.

[2] Подробнее см.: Советско-афганские отношения 1919–1969 гг. Документы и материалы. – М. 1971. – С. 7. Цит. по Теплинский Л. Б. СССР и Афганистан. 1919–1981 гг. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1982. – С. 20.

[3] آدمک، لودویک. روابط خارجی افغانستان در نیمهٔ اول قرن بیستم / ترجمهٔ محمد فاضل صاحب‌زاده. – پشاور، ۱۳۷۷. – ص. ۷۴.

нял афганскую делегацию в Москве и в ходе переговоров подчеркнул свою поддержку «представителям дружественного народа Афганистана, борющегося против империалистического гнёта»[1].

Как отмечает М. Г. М. Губор, «одной из ключевых причин неудачного начала установления взаимоотношений между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном, наряду с другими обстоятельствами (которые будут рассмотрены в последующих главах настоящего исследования), являлся тот факт, что поездка официальной делегации Афганистана через Европу в Соединённые Штаты Америки планировалась и осуществлялась вопреки интересам Королевства Британской империи – основного стратегического союзника Вашингтона в рассматриваемый исторический период»[2].

По мнению М. Г. М. Губора, «Советская Россия вела переговорный процесс с афганской делегацией, исходя прежде всего из собственных интересов. Сотрудничество Советской России с официальной делегацией Афганистана и оказание ей содействия в подготовке поездки в Соединённые Штаты Америки через Европу вызвали раздражение и обеспокоенность со стороны британского руководства. Для молодого большевистского государства, ещё не признанного рядом европейских держав, тёплый приём афганской делегации имел важное политическое значение. Одновременно Советская Россия стремилась расширить своё влияние на территориях Средней Азии и Кавказа, населённых преимущественно мусульманскими народами. Поддержка борьбы афганского народа против империалистического давления, признание независимости Афганистана и предложения о защите, озвученные в заявлениях В. И. Ленина, носили не только идеологический, но и прагматический характер. В ходе переговоров с делегацией Кабула Советская Россия признала независимость Афганистана и допускала возможность признания независимости Бухары и Хивы в перспективе».[3]

---

[1] اندیشمند، محمد اکرام .امریکا در افغانستان. – کابل: میوند، ۱۳۸۴. – ص. ۱۸

[2] غبار، میر غلام محمد. افغانستان در مسیر تاریخ. جلد دوم، تهران: 1373.

[3] Там же.

Согласно приведённым в исследовании источникам, Советская Россия уже в первые месяцы 1919 года рассматривала вопрос независимости Афганистана в контексте формирующейся послевоенной системы международных отношений. Показательным в этом отношении является беседа В. И. Ленина с сотрудником Государственного департамента США, атташе американской делегации на Парижской мирной конференции Уильямом Буллитом, состоявшаяся 11 марта 1919 года, то есть ещё до получения официального сообщения из Афганистана о восстановлении его независимости. Как отмечается в использованном источнике, В. И. Ленин настаивал на включении в проект послевоенного соглашения положения о международной гарантии невмешательства во внутренние дела Афганистана и недопустимости применения силы для свержения существующего афганского государства.[1]

Данное свидетельство имеет существенное значение для понимания международного контекста афганского вопроса в 1919 года и позволяет установить, что Советская Россия стремилась представить независимость Афганистана не только как двустороннюю проблему Кабула и Лондона, но и как вопрос, имеющий международно-политическое значение. Одновременно позиция советского руководства свидетельствовала о стремлении использовать афганский вопрос для формирования собственной модели международных отношений, основанной на принципе государственного суверенитета и противодействии колониальной политике европейских держав.[2]

По данным Л. Б. Теплинского, Советское правительство не ограничилось признанием независимости Афганистана и установлением дипломатических отношений с Кабулом. В соответствии с просьбой афганской миссии оно обратилось по радио к ряду государств с просьбой обеспечить её представителям возможность проезда в Европу и Соединённые Штаты Америки. Однако,

[1] Подробнее см.: Год 1919. Миссия Уильяма Буллита. – «США: экономика, политика, идеология». – 1970. – № 1. – С. 81–82. Цит. по Теплинский Л. Б. СССР и Афганистан. 1919–1981. – М.: «Главная редакция восточной литературы», 1982. – С. 21.
[2] Подробнее см.: Там же. – С. 84.

согласно приведённому источнику, эта просьба не была удовлетворена, вследствие чего афганская миссия была вынуждена возвратиться на родину.[1]

Таким образом, выявлено, что уже в 1919 году афганский вопрос оказался непосредственно связан с формированием конкурирующих подходов Советской России и западных держав к проблеме государственной независимости Афганистана. В отличие от Москвы, которая стремилась использовать дипломатические каналы для содействия международному признанию Кабула, западные государства не проявили аналогичной готовности. Для формирования внешнеполитической стратегии США в отношении Афганистана данный фактор имел принципиальное значение: Вашингтон с самого начала оказался перед необходимостью определять свою позицию не только относительно независимости Афганистана, но и относительно расширения советского дипломатического присутствия в регионе.

И. Дауди пишет, что «после первой неудачной попытки посещения Европы и Соединённых Штатов Америки в 1919 году афганская делегация во главе с М. Вали-ханом Дарвози предприняла вторую попытку в 1921 году. 28 февраля 1921 года после повторного визита в Москву был подписан Договор «О дружбе» между Афганистаном и государством Советская Россия. По мнению ряда экспертов, установление дипломатических отношений в 1921 году и подписание Аманулой-ханом договора «О дружбе» с РСФСР вопреки интересам Королевства Британской империи стали важным этапом во внешнеполитическом маневрировании Кабула. В 1926 году между двумя государствами был заключён договор «О нейтралитете и взаимном ненападении». Решением Политбюро Центрального комитета ВКП(б) от 15 сентября 1927 года Афганистану была оказана военная помощь, включавшая передачу двенадцати самолётов Р-1, двух зенитных батарей (восемь орудий) и средств для организации лётной школы».[2]

[1] Подробнее см.: Теплинский Л. Б. СССР и Афганистан. 1919–1981. – М.: «Главная редакция восточной литературы», 1982. – С. 31.
[2] Подробнее см.: Дауди И. Большая игра в Афганистане / И. Дауди. – М.: Де’Либри, 2021. – С. 16.

Леон Пуллада и Лейла Пуллада по указанному факту отмечают, что «далее афганская делегация через Польшу прибыла в Берлин и добилась согласия германского правительства на принятие официального дипломатического представителя Афганистана, хотя направление германского представителя в Кабул было отложено. Затем делегация посетила Италию, где в Риме получила согласие на обмен дипломатическими представителями. После этого афганская делегация прибыла в Париж, откуда планировала направиться в Соединённые Штаты Америки. В Париже представители Афганистана встретились с послом Соединённых Штатов Америки во Франции У. Х. Кемпбеллом и довели до его сведения содержание официального письма эмира Амануллы-хана и министра иностранных дел М. Б. Тарзи, а также свои намерения посетить Соединённые Штаты Америки».[1]

Афганская делегация в ходе встречи с американским послом во Франции открыто заявила о намерении добиться официального признания независимости Афганистана и установить полноценные дипломатические отношения с Вашингтоном.

Согласно сведениям Леона Пуллады и Лейлы Пуллады, «посланник Соединённых Штатов Америки во Франции ещё до прибытия делегации в Париж провёл телефонный разговор с лордом Г. Хардинджем – посланником Королевства Британской империи во Франции – с целью выяснить позицию Лондона относительно намерений афганской делегации. В письменном ответе британская сторона отметила, что после приёма делегации президентом Франции А. Брианом американский посланник не мог отказаться от встречи, однако правительство Англии не поддерживает активность афганской делегации и её намерения заключать соглашения с другими государствами».[2]

На наш взгляд, сам факт обращения американского посланника в Париже к своему британскому коллеге после встречи с афганской делегацией и стремление согласовать позицию по данному вопросу свидетельствуют не просто о

[1] Подробнее см.: Pullada L. W. Afghanistan and the United States: The Crucial Years // Middle East Journal. – 1981. – Vol. 35. – No. 2. – P. 178–190.
[2] Подробнее см.: Там же.

дипломатическом взаимодействии, а о формировании устойчивой модели внешнеполитического поведения Вашингтона в афганском направлении. Уже в этот период политика Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана во многом коррелировала с интересами Королевства Британской империи.

«Официальная делегация Афганистана во главе с М. Вали-ханом Дарвози прибыла в Соединённые Штаты Америки 21 июля 1921 года и 22 июля провела встречу с государственным секретарём Соединённых Штатов Америки Чарльзом Э. Хьюзом. Следует подчеркнуть, что к моменту данной встречи государственный секретарь уже был ознакомлен с письмом британского посла во Франции, направленным американскому представителю в Париже, в котором акцентировалось внимание на тесных отношениях Афганистана с Советской Россией. При этом большевистский режим в Советской России в тот период ещё не был официально признан Соединёнными Штатами Америки и Королевством Британской империи».[1]

В ходе переговоров афганская делегация передала письмо министра иностранных дел Афганистана М. Б. Тарзи и вновь подняла вопрос о признании независимости страны и установлении официальных дипломатических отношений. Однако данная инициатива встретила сдержанную и отрицательную реакцию американской стороны. После краткой встречи государственный секретарь заявил, что решение вопроса об установлении политических и дипломатических отношений относится к компетенции Конгресса Соединённых Штатов Америки.

«Тем не менее, афганская делегация была принята президентом Соединённых Штатов Америки Уорреном Г. Гардином. В ходе встречи при вручении письма эмира Амануллы-хана вновь был поднят вопрос о признании независимости и развитии двусторонних отношений. Президент повторил позицию государственного секретаря, не дав положительного ответа на запрос афганской стороны. В результате 2 августа 1921 года, получив визу в посоль-

[1] آدمک، لودویک. روابط خارجی افغانستان در نیمهٔ اول قرن بیست / مترجم محمد فاضل صاحبزاده. – پشاور، ۱۳۷۷ [۱۹۹۹/۱۹۹۸]. – ص. ۸۶.

стве Королевства Британской империи в Вашингтоне и разрешение на поездку в Лондон, М. Вали-хан Дарвози со своей делегацией покинул столицу Соединённых Штатов Америки».[1]

Следует отметить, что процесс поездки официальной делегации Афганистана во главе с М. Вали-ханом Дарвози в Европу и Соединённые Штаты Америки, а также её результаты, оцениваются неоднозначно как самими участниками миссии, так и исследователями. Члены делегации в своих воспоминаниях, как правило, подчёркивают положительное значение предпринятой поездки. В частности, М. Вали-хан Дарвози, «несмотря на допущенные в ходе миссии ошибки, сложности и неудачи, в целом характеризовал её как дипломатическую победу молодой афганской государственности. По его мнению, сам факт поездки и вручения официальных писем эмира и министра иностранных дел Афганистана президенту и государственному секретарю Соединённых Штатов Америки, отражавших провозглашённую независимость страны, являлся важным шагом в становлении национальной дипломатии».[2]

В то же время ряд афганских авторов, сопоставляя отношение президента Соединённых Штатов Америки Уоррена Г. Гардина и руководителя Советской России В. И. Ленина к афганской делегации в начале XX века (более ста лет назад – прим. авт.), приходят к выводу о том, что Вашингтон с самого начала проводил в отношении Афганистана сдержанную и высокомерную политику. По их оценке, даже после установления дипломатических отношений Соединённые Штаты Америки на протяжении XX века неоднократно демонстрировали негативную реакцию на инициативы Кабула. Более того, в первые два десятилетия XXI века, несмотря на масштабное военно-политическое присутствие в Афганистане, Вашингтон не поддержал ряд предложений Кабула, направленных на углубление и расширение двустороннего сотрудничества.

---

[1] آدمک، لودویک. روابط خارجی افغانستان در نیمهٔ اول قرن بیست / مترجم محمد فاضل صاحبزاده. – پشاور، ۱۳۷۷ [۱۹۹۹/۱۹۹۸]. – ص. ۸۶.

[2] Там же.

В данном контексте некоторые исследователи отмечают, что со второй половины XX века (точнее – с 1947 года, после образования государства Пакистан – прим. авт.) внешнеполитическая линия Соединённых Штатов Америки в афганском направлении всё в большей степени учитывала позицию Исламабада. Если в начале XX века отказ от установления полноформатных отношений с Афганистаном во многом соотносился с интересами Королевства Британской империи, то начиная с середины столетия к британскому фактору добавился пакистанский. При этом следует подчеркнуть, что первые попытки Кабула установить официальные отношения с Соединёнными Штатами Америки были предприняты задолго до появления Исламской Республики Пакистан как самостоятельного государства.

В 1922 году поверенный в делах Соединённых Штатов Америки в Иране К. ван Энгерт, следовавший по дипломатической миссии в Китай, проехал через территорию Афганистана. Примечательно, что спустя двадцать лет, в 1942 году, он вновь прибыл в Афганистан уже в качестве посланника Соединённых Штатов Америки в Кабуле. По мнению Леона Пуллады, «учитывая, что К. ван Энгерт был подданным Нидерландов, он сохранял относительно благожелательное и оптимистичное представление об Афганистане и его населении»[1].

Несмотря на перечисленные обстоятельства, в 1930-е годы Афганистан продолжал курс на сближение с западными государствами, включая Соединённые Штаты Америки. Однако Вашингтон и после поездки делегации во главе с М. Вали-ханом Дарвози сохранял осторожную позицию и под различными предлогами воздерживался от признания независимости Афганистана и установления официальных дипломатических отношений. Усилия Кабула, направленные на убеждение правительства Соединённых Штатов Америки как через американских предпринимателей, заинтересованных в торгово-экономическом сотрудничестве, так и через афганских дипломатов, аккредитованных в зарубежных государствах, в целом не приносили ожидаемых ре-

[1] Подробнее см.: Pullada L. W. Afghanistan and the United States: The Crucial Years // Middle East Journal. – 1981. – Vol. 35. – No. 2. – P. 178–190.

зультатов. Лишь однажды, в 1930 году, вопрос об установлении политических отношений между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном был включён в повестку дня Конгресса Соединённых Штатов Америки.

Однако, как указывают авторы книги «Королевская страна Афганистан и Соединённые Штаты», заведующий отделом по делам Востока Государственного департамента Соединённых Штатов Америки, выступая на заседании Конгресса против установления политических отношений с Афганистаном, аргументировал свою позицию следующим образом: «Афганистан является крайне нестабильным и труднодоступным государством. Там отсутствуют гарантии соблюдения международного права в отношении иностранцев, не обеспечено равноправие религиозных общин, не развита банковская система, а торговые караваны подвергаются нападениям. Британская сторона на протяжении длительного времени ограничивала въезд своих граждан на территорию Афганистана».[1]

Эмир Афганистана Аманулла-хан также предпринимал попытки лично посетить Соединённые Штаты Америки с целью установления дружественных отношений. Однако данные намерения не были реализованы. По имеющимся сведениям, 1 января 1928 года, во время официального визита эмира Амануллы-хана в Рим, афганский дипломатический представитель поднял в беседе с послом Соединённых Штатов Америки вопрос о возможности визита эмира в Вашингтон. Американский посол направил соответствующий запрос в столицу Соединённых Штатов Америки и получил письменный ответ, в котором просьба эмира была отклонена. В письме указывалось, что правительство Соединённых Штатов Америки не располагает необходимыми финансовыми средствами и не имеет полномочий приглашать иностранных правителей. Вместе с тем отмечалось, что в случае личного визита эмира ему будет оказан должный приём.[2]

---

[1] پولاده، و. لیون؛ پولاده، لیلا د. ج. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده. ترجمه به فارسی دری: غلام‌صفدر پنجشیری. کابل، 1999. ص 59.

[2] Там же.

Нереализованность этих дипломатических инициатив во многом отражала общее состояние американо-афганских отношений: Афганистан стремился расширить внешнеполитические контакты и выйти за рамки традиционной зависимости от региональных центров силы, тогда как Соединённые Штаты Америки сохраняли осторожную и дистанцированную позицию. Дальнейшее развитие событий внутри Афганистана ещё более осложнило перспективы установления устойчивых отношений между Кабулом и Вашингтоном. Падение режима Аманулла-хана и приход к власти Хабибуллы-хана Калакани в январе 1929 года создали ситуацию политической неопределённости, в условиях которой ведущие державы предпочитали занимать выжидательную позицию.

В этой связи особое значение приобретает анализ периода правления Хабибуллы-хана Калакани, продолжавшегося с января по октябрь 1929 года. Данный этап представляет исследовательский интерес не только в силу его кратковременности, но и потому, что он пришёлся на один из наиболее острых кризисов афганской государственности в межвоенный период. В научной литературе существуют диаметрально противоположные оценки личности и политики Хабибуллы-хана Калакани, а также международного положения Афганистана в период его правления. Кроме того, в историографии широко использовалось прозвище «Бача-и-Саккао» («сын водоноса» – прим. авт.), что нередко придавало оценкам эмоционально-политический характер. В целях соблюдения научной нейтральности в настоящем исследовании используется официальное имя правителя – Хабибулла-хан Калакани.

Большинство исследователей сходятся во мнении, что правление Хабибуллы-хана Калакани было кратковременным и проходило в условиях острой внутренней нестабильности, этнополитической напряжённости и гражданской войны. Именно поэтому внешняя политика Афганистана в данный период остаётся одной из наименее изученных тем афганистики и истории международных отношений. После распада Советского Союза в научных кругах Республики Таджикистан сформировалась оценка личности Хабибуллы-хана Калакани и его политического курса, что также обусловливает необ-

ходимость более взвешенного и источниковедчески обоснованного анализа данного периода.

Ограниченность и фрагментарность информации, которой располагали дипломатические и аналитические круги ведущих держав, предопределила сдержанную реакцию, в том числе Вашингтона на приход к власти Хабибуллы-хана Калакани. Несмотря на продолжение отдельных официальных контактов, новая афганская государственная власть не получила широкого международного признания. Создание правительства во главе с представителем непуштунских этнических групп усилило национально-этническое противостояние внутри страны, а такие крупные международные акторы и другие государства, предпочли занять выжидательную позицию.

Геополитические последствия прихода Хабибуллы-хана Калакани к власти проявились прежде всего в обострении региональной нестабильности. Массовые выступления начались ещё в последние годы правления Амануллы-хана, однако смена власти привела к их дальнейшему расширению. Начало гражданской войны в Афганистане осложнило ситуацию в регионе Средней Азии, имевшем стратегическое значение. В этих условиях Москва оказалась перед необходимостью защиты собственных интересов в непосредственной близости от своих южных границ.

Одновременно приход к власти Хабибуллы-хана Калакани активизировал деятельность дипломатических и специальных служб Британской империи в Афганистане и регионе. Советское руководство, рассматривая происходившие события как потенциальную угрозу своим интересам, предприняло шаги по поддержке альтернативных политических сил. Таким образом, кратковременное правление Хабибуллы-хана Калакани стало чувствительным этапом как для внешней политики Советского Союза, так и для международных позиций Афганистана. Стремясь предотвратить стратегические потери, советское руководство перешло к более активному воздействию на афганские процессы.

На этом фоне позиция Соединённых Штатов Америки оставалась сдержанной. В период правления Хабибуллы-хана Калакани Вашингтон не

проявил готовности к установлению официальных дипломатических отношений с Кабулом, учитывая нестабильность внутриполитической ситуации, отсутствие прочной международной легитимации нового режима и традиционную ориентацию американской политики на учёт британских интересов в регионе. Тем самым события 1929 года стали дополнительным фактором, затормозившим развитие американо-афганских отношений и укрепившим осторожный характер внешнеполитического курса Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана.

После восстановления относительной внутриполитической стабильности и прихода к власти М. Надир-шаха Соединённые Штаты Америки также не проявляли активной заинтересованности в установлении близких политических и дипломатических отношений с Афганистаном. В то же время правительство Афганистана, сосредоточившее в своих руках ключевые рычаги управления, демонстрировало стремление к диверсификации внешнеполитической деятельности и установлению более устойчивых двусторонних отношений с Вашингтоном. Однако эти усилия не привели к заметному изменению американской позиции.

Ю. В. Ганковский отмечает, что «развивались отношения Афганистана и с другими государствами. Особенно тесные контакты режим М. Надир-шаха стремился установить с Турцией и Ираном, подписав с ними в 1932 году договоры о дружбе. Были установлены дипломатические отношения с Саудовской Аравией и Ираком. Предпринимались попытки укрепить связи с Германией и Францией и использовать их экономические возможности. Однако эти контакты не получили должного развития, поскольку Афганистан отказался предоставить концессии. В 1930 году был подписан договор о дружбе с Японией, который, тем не менее, не привёл к значительному расширению взаимодействия. Была предпринята попытка привлечь капиталы Соединённых Штатов Америки; в эту страну была направлена афганская миссия. Однако американские промышленные круги, в тот период озабоченные экономическим спадом в собственной стране, не проявили интереса к

Афганистану. Период активной экономической и политической экспансии Соединённых Штатов Америки в Афганистан начался позднее – после Второй мировой войны».[1]

События конца 1920-х – начала 1930-х годов свидетельствуют о том, что внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана оставалась пассивной и преимущественно выжидательной. Попытки афганских правителей – от Аманулла-хана до М. Надир-шаха – расширить контакты с Вашингтоном не получили должного отклика. Внутриполитическая нестабильность Афганистана, ограниченность американских интересов в регионе, экономический кризис в самих Соединённых Штатах Америки и зависимость американских оценок от британского фактора обусловили слабую динамику двусторонних отношений в рассматриваемый период.

Особенность взаимоотношений Соединённых Штатов Америки с Афганистаном в период правления М. Надир-шаха заключалась в том, что афганское руководство стремилось использовать противоречия между ведущими державами, активизируя контакты с представителями Германии, Италии, Японии и Турции, что воспринималось Вашингтоном как элемент балансирующей политики Кабула[2].

Таким образом, анализ американо-афганских контактов в контексте «Большой игры»: стратегия Соединенных Штатов Америки в период правления Аманулла-хана и М. Надир-шаха (1919–1933 гг.) позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Исследование взаимоотношений Соединённых Штатов Америки и Афганистана в период правления эмира Амануллы-хана (1919–1929 гг.) представляет собой одновременно актуальную и недостаточно изученную проблематику исторической науки. Вероятно, вследствие ограниченной источниковой базы и фрагментарности доступных материалов представители различных научных школ уделяли недостаточное внимание анализу внешней политики

[1] Подробнее см.: Ганковский Ю. В. История Афганистана с древнейших времён до наших дней / отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – С. 247.
[2] Подробнее см.: Дауди И. Большая игра в Афганистане. – М.: Де'Либри, 2021. – С. 19-20.

Вашингтона в афганском направлении в указанных хронологических рамках. Вместе с тем в последние годы данная проблематика привлекла внимание исследователей Афганистана, Исламской Республики Иран и ряда других стран. Настоящее исследование, опираясь преимущественно на труды афганских и региональных авторов, а также на разрозненные данные представителей иных научных направлений, стремится восполнить существующий научный пробел.

2. В 1919 году, сразу после провозглашения независимости, эмир Аманулла-хан предпринял активные шаги по установлению контактов с ведущими западными державами. Учитывая возрастающую роль Соединённых Штатов Америки в международной политике начала XX века, была сформирована официальная делегация во главе с М. Вали-ханом Дарвози (уроженцем Дарвоза в провинции Бадахшан – прим. авт.), направленная в Соединённые Штаты Америки через территорию Советской России и Европы.

3. Основной целью миссии являлось доведение до правительства и общественности Соединённых Штатов Америки информации о государственной независимости Афганистана от Королевства Британской империи, установление двусторонних отношений и получение поддержки со стороны Вашингтона. Одновременно делегация должна была информировать Советскую Россию, Королевство Британской империи и другие ведущие державы о политических изменениях в Афганистане, добиться признания независимости Кабула и восстановления полноформатных дипломатических связей.

4. Сложность положения эмира Амануллы-хана определялась двойственностью внешнеполитической ситуации. С одной стороны, он стремился к модернизации страны посредством сотрудничества с Соединёнными Штатами Америки и другими западными государствами. С другой стороны, географическая близость Советской России, её политическое влияние в регионе Средней Азии, а также соображения безопасности и логистики обусловили необходимость учёта позиции Москвы. Таким образом, афганское руководство стремилось параллельно оценить позиции всех ключевых держав по вопросу признания независимости страны.

5. Одним из практических результатов деятельности делегации стало установление дипломатических отношений с Советской Россией, Французской Республикой, Королевством Италия и Веймарской Германией. Персия (современный Иран – прим. авт.) и Турецкая Республика также признали независимость Афганистана и установили с ним дипломатические отношения. В условиях отказа Соединённых Штатов Америки от признания независимости данный результат имел для Кабула принципиальное значение.

6. Реформаторская политика эмира Аманулла-хана, направленная на модернизацию государства, напрямую влияла на внешнеполитическую активность Кабула. Для успешной реализации преобразований требовалось расширение сотрудничества как с западными странами во главе с Соединёнными Штатами Америки, так и с восточными государствами – Советской Россией, позднее Союзом Советских Социалистических Республик, Ираном и Турцией. Однако противоречия интересов ведущих держав в Афганистане и регионе Средней Азии негативно сказались на судьбе реформ. Ряд исследователей указывает также на недостаток управленческого опыта эмира и ограниченность административных ресурсов афганского государства. Как отмечают специалисты, «до 1928 года эмир Аманулла-хан (как правитель Афганистана – прим. авт.) не располагал полной и систематизированной информацией о международных процессах»[1].

7. Причины краха государственной системы Аманулла-хана поразному интерпретируются представителями различных научных школ. Многие исследователи советского периода акцентировали внимание на внешнеполитических факторах, включая соперничество Союза Советских Социалистических Республик и Королевства Британской империи. Одни авторы указывали на сложность балансирования между крупными державами, другие – на активность британских структур в Британской Индии, стремившихся сохранить своё влияние в Афганистане.

[1] Подробнее см.: Дауди И. Большая игра в Афганистане. – М.: Де'Либри, 2021. – С. 154.

8. Анализ периода правления М. Хабибуллы Калакани также важен для понимания внешнеполитической эволюции. В советской историографии М. Хабибулла Калакани (часто именуемый «Бача-и-Саккао» – прим. авт.) характеризовался как реакционная фигура и инструмент британского влияния. В работах И. М. Рейснера, К. И. Соколова-Страхова, А. В. Станишевского, Л. Б. Теплинского, В. Г. Коргуна и других утверждалось, что Королевство Британской империи стремилось устранить реформаторски настроенного правителя. В советской публицистике того времени, включая материалы газет «Правда» и «Известия», ответственность за антиправительственные выступления возлагалась на британскую политику в регионе и её стратегическое соперничество с Советским государством.

9. Тогдашний посол Союза Советских Социалистических Республик в Афганистане Ф. Ф. Раскольников отмечал, что несчастье Аманулла-хана заключалось в попытке проведения буржуазных реформ при отсутствии национальной буржуазии как социальной опоры. Реформы не имели прочной социальной базы. Правитель опирался преимущественно на вооружённые силы и представителей формирующегося городского среднего слоя. Земельная реформа была объявлена и начата, однако крестьяне не сразу ощутили её практические результаты.

10. Не только средства массовой информации Союза Советских Социалистических Республик, но и периодическая печать европейских государств, прежде всего Германии и Франции, возлагали на Королевство Британской империи ответственность за разжигание гражданской войны в Афганистане в 1928–1929 гг. и поражение правительства короля М. Аманулла-хана. В германской прессе падение режима интерпретировалось как следствие политики Лондона, направленной на восстановление утраченного после 1919 года влияния и недопущение формирования независимого государства в стратегически важном регионе.

11. Ряд британских исследователей, напротив, усматривал основную причину поражения правительства М. Аманулла-хана во внутренней поли-

тике самого правителя. По их мнению, реформы противоречили традиционным устоям восточного общества и проводились поспешно, без достаточной подготовки населения. Они полагали, что радикальные преобразования вызвали сопротивление духовенства и племенной знати, что и стало непосредственным источником дестабилизации.

12. Афганские авторы также по-разному оценивают причины и факторы, приведшие к гражданской войне, а также итоги реформаторской политики. Сам М. Аманулла-хан характеризовал события 1928–1929 гг. как «реакционные» выступления, тогда как его оппоненты трактовали их как «революционные» процессы.

13. Следует признать, что вследствие ограниченности аналитической базы, субъективных оценок, этнополитических предпочтений и недостаточной комплексности подхода афганская историография долгое время не выработала единой позиции относительно причин гражданской войны. Одни исследователи акцентировали внимание преимущественно на внутренних факторах, другие – на внешнем вмешательстве. В целом значительная часть национальных авторов указывала на политическую поспешность реформ, недостаточный учёт социально-культурной специфики афганского общества и слабость идеологического сопровождения преобразований. Недостатком большинства исследований являлся односторонний анализ – преобладание либо внутреннего, либо внешнего объяснения без учёта их взаимосвязи (внутренние и внешние факторы – прим. авт.).

14. М. Г. М. Губор занимал более комплексную позицию, рассматривая события в контексте одновременного воздействия внутренних и внешних факторов. При этом он возлагал основную ответственность за дестабилизацию на Королевство Британской империи, утверждая, что Великобритания целенаправленно использовала внутренние противоречия для ослабления и свержения реформаторского режима (правительства короля М. Амануллы-хана – прим. авт.).

15. В результате поражения правительства Аманулы-хана в 1928–1929 гг. Афганистан оказался фактически раздробленным на несколько регионов, контролируемых различными центрами силы. Сложная внутриполитическая обстановка, усиленная международной конкуренцией держав, стала катализатором полномасштабной гражданской войны.

Анализ внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в период кратковременного правления шаха М. Надир-шаха (1929–1933 гг.) является актуальным для исторической науки, афганистики и истории международных отношений по следующим причинам:

Во-первых, вопросы внешнеполитической деятельности Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в указанный период до настоящего времени не становились предметом самостоятельного диссертационного исследования.

Во-вторых, правление М. Надир-шаха (1929–1933 гг.) относится к числу наиболее сложных этапов в истории Афганистана. Государство находилось в состоянии постгражданской дестабилизации, что во многом предопределило как политическую судьбу самого правителя, так и характер его внешнеполитического курса.

Соединённые Штаты Америки в период правления М. Надир-шаха не проявили готовности к установлению официальных дипломатических отношений с Афганистаном. Несмотря на выраженное стремление афганского руководства, в том числе представителей королевской семьи, к развитию двусторонних связей, Вашингтон продолжал занимать выжидательную позицию, руководствуясь собственными геополитическими интересами.

Особенности выхода М. Надир-шаха на афганскую политическую арену в сложных международных и внутриполитических условиях заключались в следующем:

Во-первых, реформы Аманулы-хана привели к серьёзной политической, социальной и этнической напряжённости внутри страны.

Во-вторых, в начале 1930-х годов вновь обострилась конкуренция между ведущими державами за сохранение нейтрального статуса Афганистана в условиях изменяющейся международной обстановки.

В-третьих, к традиционному соперничеству Союза Советских Социалистических Республик и Королевства Британской империи в регионе Центральной Азии постепенно подключались новые акторы – Соединённые Штаты Америки, а также Германия и её союзники в Европе и Азии.

В-четвёртых, М. Надир-шаху приходилось противостоять сторонникам низложенного Аманулла-хана, а также региональным племенным лидерам, стремившимся к автономии от центральной власти.

В-пятых, следует учитывать, что М. Надир-шах родился на территории Британской Индии и получил там военное образование, что, безусловно, повлияло на его мировоззрение и политическую культуру. Несмотря на его участие в Третьей англо-афганской войне 1919 года и статус национального героя, в своей государственной деятельности он стремился учитывать интересы, как Кабула, так и Лондона, проводя осторожную и прагматичную внешнюю политику.

2.2. Развитие политических и дипломатических отношений Соединённых Штатов Америки с Афганистаном в период правления М. Захир-шаха (1933–1941 гг.)

История взаимоотношений Соединённых Штатов Америки и Афганистана в эпоху правления М. Захир-шаха скудно освещена в работах представителей различных научных школ. Более того, значительная часть работ посвящены социально-экономическим, научным и другим гуманитарным сферам. В настоящем исследовании ставится задача комплексного анализа двусторонних отношений в данный период с акцентом на их политическую составляющую. Особенностью нашего подхода является опора преимущественно на афганские и региональные источники, а также стремление рассмотреть данные контакты в контексте трансформации внешнеполитической

стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в сложные предвоенные годы.

С целью активизации двусторонних отношений между Вашингтоном и Кабулом в 1933 году (1312 год по афганскому летоисчислению) молодой король М. Захир-шах, вступивший на престол после убийства своего отца М. Надир-шаха, направил письмо президенту Соединённых Штатов Америки Франклину Д. Рузвельту. В письме он уведомлял о начале своего правления и выражал надежду на расширение и укрепление дружественных отношений между Афганистаном и Соединёнными Штатами Америки.

Степень влияния данного обращения на процесс установления дипломатических отношений требует рассмотрения в более широком контексте внешнеполитической линии Вашингтона в отношении Афганистана. Примечательно, что Соединённые Штаты Америки лишь спустя три года после получения письма предприняли конкретные шаги к установлению официальных дипломатических отношений. Большинство исследователей сходятся во мнении, что выбор времени для принятия соответствующего решения был обусловлен национальными интересами Соединённых Штатов Америки.

Согласно Л. Б. Теплинского «в начале 1930-х годов отсутствовали серьёзные точки соприкосновения между внешнеполитическими ведомствами двух государств. Представители Афганистана и Соединённых Штатов Америки занимали различные позиции на Женевской конференции по сокращению и ограничению вооружений 1932 года. В 1933 году Афганистан подписал Конвенцию об определении агрессии, предложенную Союзом Советских Социалистических Республик и ранее не поддержанную Соединёнными Штатами Америки. В 1934 году Афганистан вступил в Лигу Наций и по ключевым вопросам международной повестки, как правило, придерживался позиции, близкой к советской, а не к американской».[1]

[1] Подробнее см.: Теплинский Л. Б. История советско-афганских отношений, 1919–1987 / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. – М.: Изд-во «Мысль», 1988. – С. 115-120.

Как указывает С. Таннер «после вступления Афганистана в Лигу Наций Соединённые Штаты Америки установили дипломатические контакты с Кабулом через своего представителя в Иране. Вместе с тем в предвоенный период более активное развитие получили связи Афганистана с Германией и Японией. Япония, успешно противостоявшая европейским колониальным державам, и Германия, выступавшая в годы Первой мировой войны против Антанты, вызывали определённые симпатии в афганском обществе».[1]

В результате в предвоенный период афгано-американские отношения носили ограниченный и эпизодический характер. Например, на международной промышленной выставке в Кабуле в 1934 году среди 34 иностранных фирм лишь три представляли Соединённые Штаты Америки.

Американское присутствие среди иностранных специалистов, работавших по контракту в Афганистане, также оставалось минимальным – не более трёх человек. Их деятельность носила скорее наблюдательный характер и не свидетельствовала о системной политике Соединенных Штатов Америки в Афганистане и регионе.

Т. Фаромарз указывает на «настойчивые попытки М. Захир-шаха добиться дипломатического признания со стороны Соединённых Штатов Америки. По его данным, последовательные письма короля, переданные через министра иностранных дел Ф. Мухаммада-хана Закарию (тогдашнего руководителя внешнеполитического ведомства Афганистана – прим. авт.), содержали просьбу о развитии двусторонних отношений. Ответ Франклина Д. Рузвельта фактически означал согласие на установление дипломатических контактов. Процесс был ускорен инициативой афганского представителя во Французской Республике Шах-Вали, предложившего американской стороне оформить отношения в договорной форме».[2]

---

[1] Подробнее см.: Таннер С. Афганистан: история войн от Александра Македонского до падения «Талибана» / пер. с англ. С. М. Саксина. – М.: Эксмо, 2004. – С. 291.

[2] تمنا، فرامرز. سیاست خارجی آمریکا در افغانستان: طرح خاورمیانه بزرگ، دولت ـ ملت‌سازی و مبارزه با تروریسم. مقدمهٔ محمود سریع‌القلم. چاپ اول. تهران: پژوهشکده مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷ [۲۰۰۸]. ص. ۱۰۴

По данным Л. Адамека, «26 марта 1936 года было подписано «Предварительное соглашение между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном о дружбе и установлении дипломатических и консульских отношений». Документ был подписан в Париже послом Соединённых Штатов Америки во Французской Республике Д. И. Страусом и министром иностранных дел Афганистана Али Мухаммад-ханом»[1] (в указанный период 1929–1938 гг. пост министра иностранных дел Афганистана занимал Ф. Мухаммад-хан Закария, – прим. авт.).

Также Л. Адамек указывает на то, что «одновременно чрезвычайный посланник и полномочный министр Соединённых Штатов Америки в Тегеране Уильям Х. Хорнибрук[2] указом президента Франклина Д. Рузвельта был назначен дипломатическим представителем в Афганистане по совместительству. 4 мая 1936 года он вручил верительные грамоты королю Афганистана М. Захир-шаху». [3]

По сведениям Л. Адамека, «кроме Уильяма Х. Хорнибрука, в Кабул прибыли и другие представители дипломатического корпуса Соединённых Штатов Америки, аккредитованные в Британской Индии: генеральный консул в Калькутте У. С. Ховелл-младший, консул Уильям М. Грот, консул в Карачи Дж. Дж. Грингер, вице-консул Л. Е. Риггс и другие дипломаты, выполнявшие функции по совместительству».[4]

Т. Фаромарз уточняет, что «указ о назначении Уильяма Х. Хорнибрука первым дипломатическим представителем Соединённых Штатов Америки в Афганистане был подписан 22 января 1935 года, а верительные грамоты бы-

[1] ودویک آدمک، روابط خارجی افغانستان در نیمه اول قرن بیست. مترجم محمد فاضل صاحب زاده، چاپ پشاور، 1377، ص 86.
[2] *Уильям Харрисон Хорнибрук* (William Harrison Hornibrook, 1884–1946) – американский дипломат, чрезвычайный посланник и полномочный министр Соединённых Штатов Америки в Иране в 1934–1936 гг., одновременно был аккредитован в Афганистане, оставаясь резидентом в Тегеране. Его назначение имело значение для начального этапа официальных афгано-американских дипломатических отношений.
[3] ودویک آدمک، روابط خارجی افغانستان در نیمه اول قرن بیست. مترجم محمد فاضل صاحب زاده، چاپ پشاور، 1377، ص 86.
[4] Там же.

ли вручены в Кабуле 3 мая 1935 года»[1] (по данным Л. Адамека – 4 мая – прим. авт.).

Позднее, 27 января 1937 года, К. ван Энгерт был назначен чрезвычайным посланником и полномочным министром Соединённых Штатов Америки в Тегеране и одновременно исполнял обязанности временного поверенного в делах Соединённых Штатов Америки в Кабуле.[2]

По данным Т. Фаромарз, «после Хорнибрука чрезвычайным посланником и полномочным министром Соединённых Штатов Америки в Иране был назначен Луис Гёте Дрейфус-младший[3], который также выполнял функции временного поверенного в делах в Кабуле. 19 мая 1941 года он вручил верительные грамоты афганскому монарху. В период Второй мировой войны в центре внимания американских дипломатических представителей находились активизация стран «оси» в Афганистане и стратегическое положение страны».[4]

Как пишет Т. Фаромарз, «в своих донесениях в Вашингтон Л. Г. Дрейфус-младший подчёркивал стратегическую значимость Афганистана как государства, граничащего с Союзом Советских Социалистических Республик и Британской Индией. Данный вопрос получил отражение в деятельности Государственного департамента и Министерства обороны Соединённых Штатов Америки. Впоследствии майор Гордон Эндерс[5] был назначен первым военным атташе Соединённых Штатов Америки в Кабуле».[6]

На наш взгляд, использование дипломатического корпуса Соединённых Штатов Америки в Тегеране для поддержания контактов с Кабулом объ-

---

[1] تمنا، فرامرز. سیاست خارجی آمریکا در افغانستان. – تهران: پژوهشکده مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷ [۲۰۰۸]. – ص. ۱۰۵.

[2] Там же.

[3] *Луис Гёте Дрейфус-младший* (Louis Goethe Dreyfus Jr., 1889–1973) – кадровый американский дипломат, назначенный 7 июля 1939 году чрезвычайным посланником и полномочным министром Соединенных Штатов Америки в Иране; вручил верительные грамоты 18 декабря 1940 года и занимал этот пост до 12 декабря 1943 года. Одновременно был аккредитован в Афганистане, оставаясь резидентом в Тегеране.

[4] تمنا، فرامرز. سیاست خارجی آمریکا در افغانستان. – تهران: پژوهشکده مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷ [۲۰۰۸]. – ص. ۱۰۵.

[5] *Гордон Б. Эндерс* (Gordon B. Enders) – майор армии атташе Соединённых Штатов Америки, первый военный атташе в Кабуле; в справочнике Государственного департамента атташе Соединённых Штатов Америки Foreign Service List за 1944 года указан как Maj. Gordon B. Enders, military attaché при американской миссии в Афганистане.

[6] تمنا، فرامرز. سیاست خارجی آمریکا در افغانستان. – تهران: پژوهشکده مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷ [۲۰۰۸]. – ص. ۱۰۵.

яснялось прагматическими соображениями: отсутствием самостоятельной миссии в Афганистане и необходимостью опоры на уже функционирующую региональную инфраструктуру.[1]

После завершения миссии Уильяма Х. Хорнибрука в 1937 году первый секретарь посольства Соединённых Штатов Америки в Тегеране К. ван Энгерт вновь посетил Кабул и вручил верительные грамоты в качестве временного поверенного в делах по совместительству. Несмотря на опосредованный характер дипломатических отношений во второй половине 1930-х годов, в столицах обеих стран это воспринималось как позитивная динамика.

Согласно сведениям архива внешней политики Российской Федерации «с целью усиления интереса Соединённых Штатов Америки к развитию экономических связей в январе 1936 года правительство Афганистана подписало трёхлетний концессионный договор с американской компанией «Exploitation Company» на проведение разведки нефтяных месторождений на севере страны».[2]

Тем не менее, несмотря на рекомендации отдельных представителей политических, парламентских и деловых кругов, Соединённые Штаты Америки продолжали воздерживаться от назначения постоянного чрезвычайного и полномочного посла в Кабуле и открытия полноценного дипломатического представительства.

Решение об учреждении постоянной миссии было принято лишь после вступления Соединённых Штатов Америки во Вторую мировую войну и осознания стратегической значимости Афганистана в условиях глобального противостояния.

По оценкам советских дипломатов, «в конце 1930-х годов неблагоприятная международная обстановка, а также жёсткая позиция Москвы относительно

[1] Подробнее см.: Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 059. Оп. 1. П. 154. Д. 1177. Л. 88. Телеграмма полномочного представителя СССР в Афганистане Л. Н. Старка в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 3 мая 1933 г.

[2] Подробнее см.: Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 059. Оп. 1. П. 249. Д. 1751. Л. 10. Телеграмма полномочного представителя СССР в Афганистане Б. Е. Сквирского в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 12 января 1937 г.

недопустимости разработки иностранных концессий в районах, прилегающих к советско-афганской границе, подтолкнули Соединённые Штаты Америки к установлению более прямых дипломатических контактов с Кабулом».[1]

С началом Второй мировой войны стратегическая роль Афганистана существенно возросла. Соединённые Штаты Америки и Королевство Британской империи исходили из того, что в случае осложнения ситуации в Иране территория Афганистана могла использоваться как транзитный маршрут для снабжения Союза Советских Социалистических Республик через порты Британской Индии. Одновременно постоянное дипломатическое присутствие в Кабуле позволяло ограничивать влияние Германии и её союзников.

М. А. Андешманд указывает, что «внутри афганской политической элиты в предвоенный период сформировалась влиятельная прогерманская группа во главе с М. Дауд-ханом, его братом М. Наим-ханом и министром экономики Абдулом Маджидом Зобули. Учитывая данные обстоятельства, открытие постоянной политической миссии Соединённых Штатов Америки в Кабуле приобретало особое значение».[2]

Как отмечает В. Г. Коргун, «с началом Второй мировой войны Афганистан, несмотря на сопротивление части элиты, объявил о нейтралитете и под давлением Союза Советских Социалистических Республик, Королевства Британской империи и Соединённых Штатов Америки приступил к выдворению граждан Германии, Италии и Турции, подозревавшихся в разведывательной деятельности».[3]

Согласно М. М. С. Фархангу, «эти контакты (связи вышеуказанной группы из королевской семьи с Германией – прим. авт.) оказали заметное влияние на мировоззрение части афганской политической элиты. Они пришли к выводу, что гитлеровский режим основывается на трёх принципах: расовом превосходстве, личной диктатуре и сотрудничестве государства с ка-

[1] Подробнее см.: Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 059. Оп. 1. П. 37. Д. 5370. Л. 9. Телеграмма полномочного представителя СССР в Афганистане К. А. Михайлова в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 12 июня 1943 г.

[2] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. چاپ اول. – کابل: بنگاه انتشارات میوند، ۱۳۸۴ [۲۰۰۵]. – ص. ۲۷.

[3] Подробнее см.: Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. – М.: ИВ РАН: «Крафт+». – С. 270–274.

питалом, что, по их мнению, в определённой степени соответствовало взглядам короля. Отдельные государственные деятели Афганистана полагали, что при поддержке Германии возможно реализовать аналогичную модель в более модернизированной форме».[1]

Таким образом, со второй половины 1930-х годов Афганистан постепенно начал рассматриваться в более широком контексте геополитических расчётов ведущих держав. Изменение международной обстановки и приближение глобального конфликта привели к трансформации места и роли Афганистана во внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки.

Эта трансформация была обусловлена фундаментальными изменениями в мировой политике. Государственные структуры Соединённых Штатов Америки, ответственные за внешнюю политику – администрация президента, Конгресс, Государственный департамент, Министерство обороны, разведывательные и специальные службы – разрабатывали стратегические программы с учётом усиливающейся международной напряжённости.

Характерной особенностью данного этапа являлось следующее:

– значительная часть программ и проектов приобрела закрытый и конфиденциальный характер;

– стратегические инициативы были ориентированы на достижение долгосрочных геополитических преимуществ Соединённых Штатов Америки в соперничестве с ведущими мировыми и региональными оппонентами.

В целом данный период характеризуется заметной эволюцией внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в афганском направлении.

Т. Фаромарз указывает, что «радикальные изменения во внешнеполитической стратегии Вашингтона были связаны с рядом ключевых обстоятельств: (1) формирование послевоенной архитектуры международных отношений и создание нового мирового центра принятия решений по итогам Второй мировой войны; (2) усиление влияния государств-союзников на внешнюю политику Афганистана и постепенное ослабление позиций стран «оси»;

[1] فرهنگ، میر محمد صدیق. *افغانستان در پنج قرن اخیر*. جلد دوم. – کابل: انتشارات بین‌المللی ثروت ـ صنعت، ۲۰۱۵. – ص. ۶۴۱.

(3) ухудшение социально-экономического положения Афганистана в период войны».[1]

Американские стратеги исходили из того, что Германия и её союзники традиционно рассматривали Афганистан как (1) стратегический район в Средней и Южной Азии и (2) потенциальный плацдарм для ослабления позиций Королевства Британской империи.

Как отмечает Т. Фаромарз, «германская геополитическая стратегия предполагала продвижение сил стран «оси» с запада – из Центральной Европы – через территорию Союза Советских Социалистических Республик с последующим манёвром на юг, в направлении Афганистана и Индии. Одновременно силы Италии планировали продвижение через Северную Африку и Ближний Восток. Япония, согласно стратегическим расчётам, должна была наступать с востока через Бирму. Предполагалось, что соединение этих трёх направлений позволит создать давление на Британскую Индию».[2]

Согласно Т. Фаромарз, «сложившаяся военно-стратегическая ситуация заставила Соединённые Штаты Америки обратить более пристальное внимание на Афганистан. Вашингтон рекомендовал К. ван Энгерту – полномочному представителю Соединённых Штатов Америки – расширять контакты с различными слоями афганского общества и добиваться укрепления позиций союзников в Кабуле».[3]

Одновременно Т. Фаромарз утверждает «при этом К. ван Энгерт отмечал, что афганское общественное мнение сохраняло негативные воспоминания о политике Союза Советских Социалистических Республик и Королевства Британской империи. Однако исторический опыт британских военных

[1] تمنا، فرامرز. سیاست خارجی آمریکا در افغانستان: طرح خاورمیانه بزرگ، دولت ـ ملت‌سازی و مبارزه با تروریسم. – تهران: پژوهشکده مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷ [۲۰۰۸]. – ص. ۱۰۵.

[2] تمنا، فرامرز. سیاست خارجی آمریکا در افغانستان: طرح خاورمیانه بزرگ، دولت ـ ملت‌سازی و مبارزه با تروریسم. مقدمهٔ محمود سریع‌القلم. – تهران: پژوهشکده مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷ [۲۰۰۸]. – ص. ۱۰۶.

[3] Там же.

кампаний XIX века, завершившихся поражениями, мог, по мнению американской стороны, использоваться в интересах Вашингтона».[1]

По мнению Т. Фаромарз «после перелома во Второй мировой войне и ослабления позиций стран «оси» их влияние в Афганистане существенно сократилось. Это привело к дефициту квалифицированных специалистов и обострению экономических проблем. Афганское правительство обратилось к Соединённым Штатам Америки с просьбой о содействии в получении экономической помощи. К. ван Энгерт активно поддерживал данную инициативу, полагая, что ухудшение социально-экономической ситуации может привести к росту антизападных настроений. В этих условиях Соединённые Штаты Америки и Королевство Британской империи приняли решение о предоставлении помощи Афганистану. Освободившиеся позиции специалистов стран «оси» постепенно заняли американские преподаватели и технические сотрудники. Данные шаги во многом стали результатом усилий американской дипломатической миссии в Кабуле».[2]

Показательным эпизодом является публикация 27 мая 1940 года в афганской газете «Ислах» поздравительного послания президента Соединённых Штатов Америки Ф. Д. Рузвельта по случаю Дня независимости Афганистана. Телеграмма носила преимущественно протокольный характер и не содержала персонализированных обращений к королю М. Захир-шаху. Тем не менее, афганская сторона ответила в дипломатически корректной форме, выразив благодарность и пожелав процветания народу Соединённых Штатов Америки.[3]

Следует отметить, что в целом ожидания новой правящей элиты Кабула относительно радикального пересмотра двусторонних межгосударственных отношений между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном накануне и в начальный период Второй мировой войны не оправдались.

---

[1] تمنا، فرامرز. سیاست خارجی آمریکا در افغانستان: طرح خاورمیانه بزرگ، دولت ـ ملت‌سازی و مبارزه با تروریسم. مقدمهٔ محمود سریع‌القلم. – تهران: پژوهشکده مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷ [۲۰۰۸]. – ص. ۱۰۶.

[2] Там же.

[3] اصلاح. – کابل، ۱۳۱۹ [۱۹۴۰]. – ۶ و ۷ جوزا [۲۷ و ۲۸ مه].

Как сообщал в своей телеграмме полномочный представитель Союза Советских Социалистических Республик в Афганистане К. А. Михайлов, «некоторое оживление и ожидание перемен в них вносили рутинные протокольные визиты в Афганистан в первые годы Второй мировой войны (1939–1941 гг.) посланника Соединённых Штатов Америки в Иране Л. Дрейфус-младшего. Он строго по графику посещал Кабул, встречался с министром иностранных дел и другими официальными лицами Афганистана, наносил визиты вежливости главам иностранных дипломатических миссий, аккредитованных в афганской столице, в том числе советскому послу».[1]

Таким образом, контакты носили преимущественно формальный и протокольный характер и не сопровождались качественным изменением уровня двустороннего взаимодействия.

Согласно М. А. Андешманд «в 1941 году в Афганистане была создана постоянная дипломатическая миссия Соединённых Штатов Америки. К. ван Энгерт был назначен первым чрезвычайным и полномочным представителем Вашингтона в Кабуле и в конце мая 1942 года (1321 год по афганскому летоисчислению) вручил верительные грамоты королю М. Захир-шаху. В 1943 году (1322 год по афганскому летоисчислению) Азиз-хан был направлен в Соединённые Штаты Америки в качестве первого чрезвычайного и полномочного представителя Афганистана, где занимал свой пост до 1948 года».[2]

Как указывает С. Таннер, «в сентябре 1941 года Великобритания и Союз Советских Социалистических Республик совместно потребовали выдворения из Афганистана 210 граждан Германии, за исключением минимально необходимого дипломатического персонала. После того как советские и британские войска осуществили ввод контингентов в соседний Иран, отказав-

[1] Подробнее см.: Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 059. Оп. 1. П. 349. Д. 2383. Л. 118. Телеграмма полномочного представителя СССР в Афганистане К. А. Михайлова в НКИД СССР от 20 мая 1941 г.

[2] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. کابل، ۱۳۸۴. صص. ۲۸–۲۹.

шийся выполнить аналогичные требования, афганское руководство согласилось на выдворение германских граждан».[1]

Согласно С. Таннеру «к концу 1942 года стратегическая инициатива окончательно перешла к государствам антигитлеровской коалиции. Афганистан формально сохранял нейтралитет, однако изменение международной обстановки существенно повлияло на его внешнеполитические ориентиры».[2]

Пауза в развитии афгано-американских отношений оказалась непродолжительной. После нападения нацистской Германии на Союз Советских Социалистических Республик произошло коренное изменение баланса сил на международной арене. 14 августа 1941 года Соединённые Штаты Америки и Великобритания подписали «Декларацию о целях войны и послевоенном устройстве мира», вошедшую в историю как Атлантическая хартия. В документе провозглашались отказ от территориальных приобретений, уважение права народов на самоопределение и равенство в торговле.

24 сентября 1941 года Союз Советских Социалистических Республик официально поддержал основные положения Атлантической хартии.

8 декабря 1941 года Соединённые Штаты Америки объявили войну Японии, а 11 декабря Германия, и Италия объявили войну Соединённым Штатам Америки. Несмотря на существовавшее распределение зон ответственности между Вашингтоном и Лондоном, Соединённые Штаты Америки активизировали свою деятельность в регионе, включая Британскую Индию, Иран и Афганистан.[3]

Американская администрация учредила институт военных наблюдателей, разместив их в Дели, Калькутте и на острове Цейлон. Формально они являлись личными представителями президента Франклина Д. Рузвельта,

[1] Подробнее см.: Таннер С. Афганистан: история войн от Александра Македонского до падения «Талибана» / пер. с англ. С. М. Саксина. – М.: Эксмо, 2004. – С. 292.
[2] Там же.
[3] Подробнее см.: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 23. Оп. 10617. Д. 1. Л. 6. Запись беседы помощника военного атташе Посольства СССР в Афганистане майора В. А. Райцева с майором Эндерсом и капитаном Фоксом от 25 февраля 1944 года.

фактически выполняя функции военных атташе, однако без официального дипломатического ранга.[1]

По данным И. Дауди, основанным на материалах советской внешней разведки 1942 года, Германия ещё «в 1938 году предоставила афганскому правительству крупный беспроцентный заём для закупки техники и вооружений. Торговое соглашение 1939 года закрепляло за германской стороной приоритет в привлечении специалистов для строительства промышленных объектов и коммуникаций».[2]

К началу войны германское дипломатическое, торговое и техническое присутствие в Афганистане являлось наиболее значительным среди иностранных представительств – более 300 специалистов. Они были задействованы в министерствах, вооружённых силах и пользовались расширенными привилегиями. По данным разведывательных источников, германские представители обладали правом ношения оружия и поддерживали контакты с местным населением, что являлось исключением из действовавших ограничений.[3]

Согласно указанным материалам, представители германской дипломатической миссии поддерживали тесные неформальные связи с частью афганского военного и политического руководства. В числе лиц, поддерживавших контакты с германской стороной, упоминались военный министр Шах Махмуд-хан, начальник Генерального штаба М. Мустафа-хан, руководитель оперативного управления Генштаба М. Сераджуддин-хан, начальник военной разведки М. Анвар-хан, командир центрального армейского корпуса М. Дауд-хан.

В июле 1941 года министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп поручил послу в Кабуле Г. Пильгеру добиваться подписания афгано-германского соглашения о сотрудничестве. Подписание такого документа означало бы отказ от традиционного нейтралитета и фактическое вовлечение Афганистана во Вторую мировую войну.

---

[1] Подробнее см.: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 23. Оп. 10617. Д. 1. Л. 6. Запись беседы помощника военного атташе Посольства СССР в Афганистане майора В. А. Райцева с майором Эндерсом и капитаном Фоксом от 25 февраля 1944 года.

[2] Подробнее см.: Дауди И. Большая игра в Афганистан / Ильяс Дауди. – М.: Де'Либри, 2021. – С. 51.

[3] Там же.

Однако король М. Захир-шах уклонился от подписания соглашения и передал вопрос на рассмотрение Лойя-джирги – традиционного общенационального собрания. 1 ноября 1941 года Лойя-джирга постановила, что «никакому иностранному государству не будет позволено использовать территорию Афганистана для ведения военных действий или получения военных преимуществ».[1]

В историографии обращается внимание и на характер взаимодействия американской и британской дипломатии в Кабуле. Первый чрезвычайный и полномочный посол Соединённых Штатов Америки, аккредитованный в Афганистане, К. ван Энгерт осуществлял свою деятельность в тесной координации с британским послом в Кабуле сэром Ф. Уайли.[2]

По имеющимся сведениям, одним из первых официальных писем, полученных К. ван Энгертом после вступления в должность, было обращение британского посланника с предложением о тесном сотрудничестве между дипломатическими миссиями двух государств. Это обстоятельство подтверждает, что американская дипломатическая линия в афганском направлении формировалась с учётом союзнических обязательств и стратегических интересов Великобритании в регионе.[3]

Следует отметить, что даже без упомянутого письма британского посла своему американскому коллеге и без очередного призыва к координации деятельности дипломатических представительств Вашингтона и Лондона по афганскому вопросу большинство афганцев осознавали близость позиций этих государств в отношении Афганистана.

С другой стороны, чрезвычайный посланник Соединённых Штатов Америки в Афганистане К. ван Энгерт хорошо понимал, что афганское общественное мнение, сформированное под влиянием исторической памяти, с настороженностью воспринимает тесное взаимодействие американского и британского дипломатических представительств в Кабуле. Более того, по-

---

[1] Подробнее см.: Дауди И. Большая игра в Афганистан / Ильяс Дауди. – М.: Де'Либри, 2021. – С. 52.

[2] پاولادا، لیون؛ پاولادا، لیلا. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده از سال ۱۸۲۸ تا ۱۹۷۳ / مترجم غلام صفدر پنجشیری؛ مهتمم نیلاب رحیمی. – کابل، ۱۹۹۹. – ص. ۱۰۰.

[3] Там же.

сольство Соединённых Штатов Америки в Афганистане имело среди части населения негативную репутацию: его нередко воспринимали как своего рода «отдел посольства Англии».

В период Второй мировой войны на К. ван Энгерта была возложена сложная и стратегически значимая задача: способствовать ослаблению связей Афганистана с государствами «оси», прежде всего с Германией, и одновременно обеспечить ориентацию Кабула на сотрудничество с государствами антигитлеровской коалиции – Соединёнными Штатами Америки, Союзом Советских Социалистических Республик и Великобританией.

По мнению М. А. Андешманда, в этом направлении «К. ван Энгерту удалось установить конструктивные контакты с премьер-министром Афганистана М. Хашим-ханом – дядей короля М. Захир-шаха, занимавшим относительно благожелательную позицию по отношению к государствам-союзникам. Деятельность американского посланника осуществлялась в тесной координации с британским дипломатическим представительством во главе с сэром Ф. Уайли».[1]

Согласно М. А. Андешманда «традиционная ориентация части афганской королевской семьи на Лондон, а также вступление Союза Советских Социалистических Республик в антигерманскую коалицию способствовали созданию благоприятных условий для реализации задач, поставленных перед американской дипломатической миссией».[2]

Как отмечает М. А. Андешманд, «К. ван Энгерт, расширяя контакты с представителями различных политических и административных кругов Афганистана, стремился углублять как экономические, так и иные формы сотрудничества с Соединёнными Штатами Америки, тем самым постепенно отдаляя Кабул от германского влияния».[3]

На уровне части политической элиты и городского общества развитие отношений с Соединёнными Штатами Америки воспринималось как привле-

[1] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. – کابل: انتشارات میوند، ۱۳۸۴ [۲۰۰۵]. – ص. ۳۰.

[2] Там же.

[3] Там же.

кательная альтернатива доминированию Великобритании и давлению со стороны Союза Советских Социалистических Республик.

Следует учитывать, что историческая память афганского общества о трёх англо-афганских войнах формировала устойчивое недоверие к британской политике. Одновременно в отношении Российской империи, а затем Союза Советских Социалистических Республик сохранялись опасения, связанные с установлением советской власти в мусульманских регионах Средней Азии.

В этих условиях часть афганской элиты и общественности рассматривала Соединённые Штаты Америки как географически удалённую державу, не претендующую на территориальную экспансию. Однако подобные ожидания не всегда соответствовали реальным стратегическим расчётам Вашингтона, где приоритетом оставались национальные и государственные интересы.

По оценкам афганских исследователей, «интересы Соединённых Штатов Америки в рассматриваемый период заключались в следующем:

– окончательное ослабление германского присутствия в Афганистане;

– предотвращение использования афганской территории в интересах государств «оси»;

– вовлечение Афганистана в сотрудничество с государствами-союзниками в форме, выгодной антигитлеровской коалиции, включая потенциальное использование его территории как транзитного и логистического узла в случае необходимости».[1]

В ходе встреч с афганским руководством американская дипломатия демонстрировала готовность к развитию отношений, однако вопросы конкретной помощи и расширения сотрудничества неизменно увязывались с ограничениями военного времени.

Так, на просьбы афганского правительства содействовать смягчению ограничений на экспорт и импорт через территорию Британской Индии, введённых в условиях войны, К. ван Энгерт ссылался на сложность международной обстановки и военные приоритеты Соединённых Штатов Америки.

[1] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. – کابل: انتشارات میوند، ۱۳۸۴ [۲۰۰۵]. – صص. ۳۱–۳۲.

Вместе с тем, по свидетельству авторов книги «Королевская страна Афганистан и Соединённые Штаты», «К. ван Энгерт направил в Вашингтон телеграмму, в которой предупреждал, что «экономические трудности и недовольство населения могут быть использованы государствами «оси» для дестабилизации ситуации. Он подчёркивал, что ухудшение социально-экономического положения способно усилить антизападные настроения, особенно в племенных районах, и создать дополнительные трудности для союзников».[1]

И. Дауди, анализируя ситуацию в Северо-Восточном Афганистане в 1941–1942 гг., указывает на «существование прогерманских настроений в отдельных кругах афганского военного руководства. Согласно этим источникам, рассматривались планы антисоветских действий, а германская разведка создала на территории Афганистана диверсионную структуру под условным названием «Унион»».[2]

В то же время, как свидетельствуют последующие события, отказ Соединённых Штатов Америки от углубления военно-политического сотрудничества с Афганистаном в этот период в определённой степени способствовал усилению влияния Союза Советских Социалистических Республик в стране.

Таким образом, исследуя развитие политических и дипломатических отношений Соединённых Штатов Америки с Афганистаном в эпоху правления М. Захир-шаха (1933–1941 гг.), можно сформулировать следующие выводы:

– в рассматриваемый период Афганистан под воздействием геополитической конкуренции ведущих держав постепенно вовлекался в систему международных отношений и становился объектом возрастающего внимания со стороны основных мировых центров силы. Установлено, что руководство Кабула стремилось использовать противоречия между конкурирующими державами для сохранения самостоятельности внешнеполитического курса и получения необходимых экономических, технических и политических ресурсов. При этом важнейшим инструментом обеспечения национальных интере-

[1] پاولادا، لیون؛ پاولادا، لیلا. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده از سال ۱۸۲۸ تا ۱۹۷۳ / مترجم غلام صفدر پنجشیری؛ مهتمم نیلاب رحیمی. – کابل، ۱۹۹۹. – ص. ۱۰۴.

[2] Подробнее см.: Дауди И. Д. Большая игра в Афганистан. – М.: Де’Либри, 2021. – С. 44.

сов Афганистана выступала политика нейтралитета, позволявшая Кабулу избегать формального присоединения к противоборствующим военно-политическим блокам и сохранять возможность маневрирования между ними. Выявлено, что дипломатические представители Советского Союза, Соединённых Штатов Америки и Великобритании, исходя из собственных стратегических интересов, одновременно учитывали значение нейтрального статуса Афганистана для поддержания относительной стабильности в регионе. Тем самым нейтралитет Афганистана в рассматриваемый период являлся не пассивным отказом от участия в международной политике, а активным инструментом внешнеполитического маневрирования, посредством которого Кабул стремился сохранить государственный суверенитет и расширить пространство для взаимодействия с конкурирующими державами.

– выявлено, что после вступления на престол М. Захир-шаха установление официальных политико-дипломатических отношений между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном не произошло автоматически. Установлено, что затягивание дипломатического сближения было обусловлено совокупностью внешнеполитических и геополитических факторов, интерпретируемых в историографии неоднозначно. Данный период следует рассматривать как переходный этап в эволюции американской стратегии в отношении Афганистана, когда Вашингтон постепенно переоценивал значение Кабула в системе региональных международных отношений.

Первая группа исследователей подчёркивает фактор молодости и политической неопытности нового монарха. Вторая группа обращает внимание на то, что реальное управление государством в этот период осуществляли представители королевской семьи – дяди М. Захир-шаха и их сыновья, занимавшие посты премьер-министра и другие ключевые должности. По мнению этих авторов, указанные лица также не обладали достаточным опытом стратегического государственного управления и разработки долгосрочной внешнеполитической концепции. В результате приоритетом становились внутридворцовые интересы, укрепление личной власти и узкосемейные политиче-

ские расчёты, тогда как формирование устойчивых межгосударственных отношений с Соединёнными Штатами Америки отходило на второй план;

– в рассматриваемый период Соединённые Штаты Америки во многом продолжали линию, сформировавшуюся под влиянием британской политики в регионе. На наш взгляд, одной из концептуальных ошибок американской дипломатии Соединенных Штатов Америки являлось восприятие Афганистана через призму британского колониального опыта. Дипломатическая стратегия Вашингтона в значительной степени учитывала негативное отношение Лондона к Кабулу в предшествующий период, что ограничивало самостоятельность американского подхода. Таким образом, американская внешняя политика в афганском направлении сохраняла элементы зависимости от британского геополитического наследия;

– существенное влияние на характер афгано-американских отношений оказывали процессы середины 1930-х годов в Европе, связанные с приходом к власти национал-социалистических и фашистских режимов в Германии и Италии, а также в Японии. Эти события способствовали радикализации международной политики и отражались на внешнеполитических ориентирах государств Азии. В частности, активизация германской дипломатии в Афганистане, а также укрепление позиций Японии и Италии требовали соответствующей реакции со стороны Соединённых Штатов Америки;

– в условиях обострения международной обстановки внешнеполитическая стратегия Вашингтона в Афганистане стала частью более широкой линии антигитлеровской коалиции, сформированной совместно с Союзом Советских Социалистических Республик и Королевством Великобритания. Основной задачей на данном этапе являлось ослабление позиций государств «оси» в регионе, прежде всего Германии;

– характерной особенностью внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана накануне и в годы Второй мировой войны являлось отсутствие выраженной антисоветской направленности. Исходя из собственных геополитических интересов, Вашингтон на

данном этапе не занимал конфронтационной позиции в отношении сближения Кабула с Союзом Советских Социалистических Республик;

– в период войны приоритетом американской дипломатии и разведывательных структур стало противодействие влиянию Германии, Италии, Японии и их союзников. Следовательно, внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана определялась преимущественно задачами борьбы против государств «оси», а не противодействием советскому влиянию.

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Таким образом, рассмотрев становление внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в межвоенный период (1919–1941 гг.), можно сформулировать следующие выводы:

– после завершения Третьей англо-афганской войны 1919 года эмир Аманулла-хан сформировал официальную делегацию во главе с М. Вали-ханом Дарвази и направил её в Европу и Соединённые Штаты Америки с целью добиться признания государственной независимости Афганистана и установить официальные дипломатические отношения. Эта инициатива свидетельствовала о стремлении Кабула выйти за пределы традиционной зависимости от британского влияния и диверсифицировать внешнеполитические контакты;

– внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в 1919–1941 гг. остаётся предметом дискуссий среди исследователей различных научных школ, занимающихся востоковедением и афганистикой. Многообразие подходов обусловлено тем, что, несмотря на обретение Афганистаном государственной независимости в 1919 году, значительная часть исследователей продолжает рассматривать его как пассивный объект геополитического соперничества в рамках «Большой игры» между Союзом Советских Социалистических Республик и Королевством Великобритания в регионе Средней Азии, традиционно считавшемся зоной жизненно важных интересов Москвы и Лондона;

– чрезвычайно важное значение для определения внешнеполитического курса Афганистана имел Договор о дружбе между РСФСР и Афганистаном от 28 февраля 1921 года, в частности ст. 2, предусматривавшая обязательство сторон не вступать с третьими державами в военные или политические соглашения, направленные против интересов одной из договаривающихся сторон. В контексте последующего развития международных отношений данное положение приобретало особое значение, поскольку ограничивало возможности вовлечения Афганистана в военно-политические объединения, создававшиеся западными державами в период холодной войны. В частности, речь идет о СЕНТО[1] (Организации Центрального договора) и СЕАТО (Организации Договора Юго-Восточной Азии), рассматривавшихся Соединёнными Штатами Америки и их союзниками как инструменты сдерживания распространения советского влияния. Анализ внешнеполитического курса Кабула показывает, что стремление западных держав вовлечь Афганистан в формирующуюся систему военно-политических союзов вступало в противоречие с традиционно проводимой им политикой неприсоединения и нейтралитета. В результате Афганистан, несмотря на оказываемое на него внешнее воздействие, сохранил внеблоковый статус, что соответствовало его стремлению избежать непосредственного включения в противостояние двух военно-политических систем.

– на наш взгляд общепринятый подход, согласно которому Афганистан после 1919 года вплоть до начала 1940-х годов выступал исключительно пассивным участником международных отношений, представляется недостаточно обоснованным. Указанный этап характеризуется существенным изменением международного статуса страны, активными попытками её руководите-

[1] СЕНТО (CENTO – Central Treaty Organization, Организация Центрального договора) – военно-политический блок, созданный на основе Багдадского пакта 1955 года в целях укрепления военно-политического сотрудничества государств Ближнего и Среднего Востока и сдерживания распространения советского влияния. Первоначально в него вошли Ирак, Иран, Пакистан, Турция и Великобритания; после выхода Ирака в 1959 году организация была переименована в СЕНТО. Соединённые Штаты Америки, не являясь формальным участником договора, принимали активное участие в деятельности организации и связанных с ней структурах. Организация прекратила существование в 1979 г.

лей интегрировать Афганистан в систему международных отношений, проведением модернизационных реформ и одновременным усилением конкуренции между мировыми державами в регионе накануне и в годы Второй мировой войны. Не отрицая сложности дискуссии о степени самостоятельности внешней политики Кабула, следует подчеркнуть, что эмир Аманулла-хан (1919–1929 гг.), Хабибулла Калакани (январь–октябрь 1929 г.), М. Надир-шах (1929–1933 гг.) и в первые годы правления М. Захир-шах (1933–1941 гг.) предпринимали последовательные усилия по укреплению внешнеполитической самостоятельности государства;

– становление и эволюция внешней политики Афганистана в 1919–1941 гг. в отношении ведущих акторов международной системы остаётся недостаточно изученным в отечественной и зарубежной историографии. Вопросы внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в указанные хронологические рамки не становились предметом комплексного исследования. Одной из причин ограниченности анализа является превращение Афганистана в арену пересечения геополитических интересов крупных держав, что объективно осложняло формирование и реализацию самостоятельной внешнеполитической линии Кабула;

– в исследовании обоснована позиция, согласно которой Афганистан в рассматриваемый период выступал не только объектом внешнего воздействия, но и относительно активным участником региональных процессов. На основе анализа новых источников показано, что Кабул стремился проводить самостоятельную линию во взаимодействии с Москвой, Лондоном и Вашингтоном. Географическое положение Афганистана, его транзитный потенциал и стратегическое расположение обусловливали более значимую роль страны в региональной политике по сравнению с рядом других образований Центральной Азии того времени;

– модернизационные реформы правителей Афганистана в 1920–1930-е гг. оказывали прямое влияние на их внешнеполитические приоритеты. Для реализации внутренних преобразований требовалось установление связей с

индустриально развитыми государствами. Именно этим объясняется стремление кабульского руководства к развитию отношений, как с Соединёнными Штатами Америки, так и с Союзом Советских Социалистических Республик, Ираном, Турцией и другими государствами.

Однако столкновение интересов мировых и региональных держав в Афганистане, а также ограниченность административных и управленческих ресурсов афганской государственности существенно осложняли реализацию намеченных реформ и формирование устойчивой внешнеполитической стратегии.

– актуальность изучения внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки и других мировых и региональных держав в Афганистане в период правления Хабибуллы-хана Калакани (январь–октябрь 1929 г.) определяется рядом обстоятельств.

Во-первых, в научной литературе сохраняются диаметрально противоположные оценки личности Хабибуллы-хана Калакани и характера его внешнеполитической деятельности. Различия в интерпретациях касаются как степени самостоятельности его правительства, так и роли внешнего фактора в формировании внешней политики Кабула в указанный период. Эти разночтения существенно влияют на понимание международного положения Афганистана в 1929 году.

Во-вторых, большинство исследователей сходятся во мнении, что правление Хабибуллы-хана Калакани было крайне кратковременным и осуществлялось в условиях глубокой внутриполитической нестабильности, этнической и территориальной фрагментации страны и фактической гражданской войны. Указанные обстоятельства объективно ограничивали возможности Кабула по проведению последовательной внешней политики и одновременно оказывали влияние на корректировку стратегических расчётов Соединённых Штатов Америки и других центров принятия решений.

В-третьих, внешняя политика правительства Хабибуллы-хана Калакани остаётся одной из наименее изученных тем в истории международных отношений Афганистана. Этнический фактор – происхождение правителя как

представителя таджикского населения страны – обусловил различия в оценках его деятельности в научных кругах Афганистана, Республики Таджикистан и зарубежных исследовательских центров, что дополнительно усиливает дискуссионный характер проблемы;

– внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки в направлении Афганистана в период правления М. Надир-шаха (1929–1933 гг.) формировалась в условиях сложной внутренней и международной обстановки и характеризовалась рядом особенностей.

Во-первых, внутренняя политическая, социально-экономическая и этническая ситуация в Афганистане, осложнённая последствиями реформ эмира Амануллы-хана, создавала нестабильную среду, в которой Соединённые Штаты Америки проявляли осторожность и сдержанность.

Во-вторых, противостояние ведущих мировых держав за обеспечение нейтрального статуса Афганистана в 1930-е годы вновь обострилось. Стратегическое положение страны делало её важным элементом регионального баланса сил.

– в исторической литературе отсутствует единая оценка внешнеполитического курса правительства М. Надир-шаха. Выявлено, что позиция исследователей нередко определялась отдельными внешнеполитическими решениями и дипломатическими шагами афганского руководства, тогда как целостная внешнеполитическая концепция периода оставалась недостаточно изученной. В условиях идеологического противостояния между Западом и Советским Союзом внешнеполитический курс М. Надир-шаха рядом авторов характеризовался как «западнофильский», тогда как политика Аманулла-хана – как «советофильская». Проведённый анализ показывает ограниченность подобной бинарной интерпретации. Обосновано, что ни Аманулла-хан не придерживался однозначно просоветской ориентации, ни М. Надир-шах не проводил последовательно прозападный курс. Внешняя политика обоих правителей в большей степени определялась стремлением сохранить государственную независимость, обеспечить безопасность страны и использовать

противоречия между ведущими державами в интересах Афганистана. В этом смысле их внешнеполитические подходы целесообразно рассматривать как проявление прагматичного государственного курса, ориентированного прежде всего на защиту национальных интересов Афганистана, а не на устойчивую принадлежность к одной из внешнеполитических группировок.

– внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в первые годы правления М. Захир-шаха (1933–1941 гг.) формировалась под влиянием экспансионистской политики Германии и распространения влияния государств «оси» в регионе. Активизация германской дипломатии и экономического присутствия в Афганистане противоречила стратегическим интересам Вашингтона.

В этих условиях политика Соединённых Штатов Америки была направлена на ослабление германо-афганских связей, предотвращение усиления позиций государств «оси» в Кабуле, а также на формирование условий для координации действий с Союзом Советских Социалистических Республик и Королевством Великобритания. Одновременно американская сторона стремилась постепенно расширять экономическое присутствие и готовить почву для участия американского бизнеса на афганском рынке;

– в рассматриваемые хронологические рамки взаимоотношения Соединённых Штатов Америки с Афганистаном не носили полноформатного и устойчивого характера. До середины 1930-х годов Соединённые Штаты Америки воздерживались от открытия постоянного дипломатического представительства в Кабуле и назначения чрезвычайного и полномочного посла, что свидетельствует о второстепенном месте афганского направления в структуре американских внешнеполитических приоритетов;

– сдержанность и осторожность Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана, затягивание процесса признания и установления полноценных дипломатических связей, а также ориентация на позиции Лондона сформировали в двусторонних отношениях атмосферу неопределённости.

Данный этап можно охарактеризовать как период формирующейся, но ещё не институционализированной стратегии Вашингтона в афганском направлении;

– в целом в 1919–1941 гг. Соединённые Штаты Америки по различным причинам воздерживались от установления полноформатных взаимовыгодных отношений с Афганистаном как в социально-экономической, так и в военно-политической сфере. На неоднократные обращения афганского руководства о предоставлении экономической, финансовой, военно-технической и образовательной помощи американская сторона реагировала ограниченно либо откладывала принятие решений.

При этом развитие сотрудничества рассматривалось Вашингтоном сквозь призму долгосрочных стратегических интересов, включая формирование ориентированной на Соединённые Штаты Америки управленческой элиты, ослабление позиций конкурирующих держав и решение собственных геостратегических задач в регионе.

ГЛАВА 3. ЭВОЛЮЦИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ В ОТНОШЕНИИ АФГАНИСТАНА В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И НА РАННЕМ ЭТАПЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1941–1953 ГГ.)

3.1. Афганистан как периферийное направление внешней политики Соединенных Штатов Америки в годы Второй мировой войны: стратегия ограниченного вовлечения и сдерживания стран «оси» (1941–1945 гг.)

Внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в годы Великой отечественной войны 1941–9145 гг. качественно отличалась от предыдущих этапов двусторонних отношений Вашингтона и Кабула. Данный период характеризуется институционализацией Соединённых Штатов Америки в регионе через Афганистан, присутствия, усилением военно-стратегического измерения взаимодействия и включением афганского направления в более широкий контекст глобального противостояния Вашингтона с его оппонентами.

Вторая мировая война обусловила существенную эволюцию внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана, выразившуюся в переходе от преимущественно эпизодических и неформальных контактов к более системному и институционализированному взаимодействию с Кабулом. Выявлено, что изменение международного положения после войны создало для Вашингтона новые возможности для расширения политического и экономического присутствия в стратегически значимых регионах мира, включая Южную и Среднюю Азию. Ослабление позиций европейских держав, прежде всего Великобритании, а также формирование нового соотношения сил между Соединёнными Штатами Америки и Со-

ветским Союзом способствовали переосмыслению Вашингтоном значения Афганистана в системе послевоенных международных отношений.

Обосновано, что послевоенная стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана постепенно приобрела выраженный геополитический характер. Вашингтон рассматривал Кабул не только как самостоятельного участника международных отношений, но и как государство, обладавшее важным геостратегическим положением в непосредственной близости от советской Средней Азии и на пересечении интересов ведущих держав. В этих условиях Афганистан занял более заметное место в американских внешнеполитических расчётах, а развитие двусторонних контактов стало рассматриваться в контексте формировавшегося послевоенного противостояния между Соединёнными Штатами Америки и Советским Союзом.

Впервые показано в рамках данного исследования, что именно в годы Второй мировой войны и непосредственно после её завершения были сформированы предпосылки для качественного изменения характера американского присутствия в Афганистане: от преимущественно ограниченного дипломатического и торгового взаимодействия – к последовательному использованию политических, экономических и гуманитарных инструментов для укрепления позиций Вашингтона в стране и регионе. При этом стремление Соединённых Штатов Америки использовать сложившееся после войны международное соотношение сил для расширения собственного влияния следует рассматривать как один из ключевых факторов дальнейшей эволюции американской внешнеполитической стратегии в отношении Афганистана.

Как было показано в предыдущих главах, до начала войны политика Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана отличалась осторожностью, ограниченностью и зависимостью от позиции Великобритании. Несмотря на определённые сдвиги во второй половине 1930-х годов, вызванные усилением влияния Германии в регионе, в целом стратегия Соединенных Штатов Америки сохраняла элементы дистанцирования и сдержанности.

С учетом вышесказанного после начало Второй мировой войны формальные политико-дипломатические контакты между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном (26 марта 1936 года в Париже представители двух государств подписали предварительное соглашение о дружбе и установлении дипломатических и консульских отношений – прим. авт.) начали приобретать более выраженный военно-стратегический характер. Однако это не означало автоматического перехода к полноценному союзническому взаимодействию. Напротив, в политической и военно-технической сфере сохранялась значительная степень недоверия и взаимных ожиданий, не подкреплённых реальными договорённостями.

Важным этапом институционализации американо-афганских отношений стало открытие в июне 1942 года дипломатической миссии Соединённых Штатов Америки в Кабуле. 2 июля того же года Корнелиус ван Хемерт Энгерт вручил верительные грамоты правительству Афганистана, став первым американским дипломатическим представителем в этой стране.[1] Тем самым эпизодические и преимущественно неформальные контакты предыдущего периода были переведены на официальный дипломатический уровень.

В советской историографии столь позднее установление дипломатических отношений между Вашингтоном и Кабулом объяснялось не столько отсутствием экономического интереса Соединённых Штатов Америки к Афганистану, сколько настороженным отношением Вашингтона к афганскому государству, восстановившему независимость вооружённым путём и поддерживавшему дружественные отношения с Советским Союзом. Согласно Л. Б. Теплинскому, до июля 1943 года ряд вопросов, затрагивавших интересы Соединённых Штатов Америки и Афганистана, решался через американские дипломатические представительства в Тегеране и Карачи.[2]

[1] Подробнее см.: Современный Афганистан. Академия наук СССР. Институт востоковедения. – М.: Издательство восточной литературы, 1969. – С. 267.
[2] Подробнее см.: Теплинский Л. Б. СССР и Афганистан. 1919–1981. Главная редакция восточной литературы. – М.: Издательство «Наука», 1982. – С. 114.

Проведённый анализ позволяет рассматривать открытие американской дипломатической миссии в Кабуле в 1942 году как качественный рубеж в развитии двусторонних отношений. Установлено, что именно с этого времени взаимодействие Вашингтона с Кабулом приобрело более устойчивый институциональный характер, создав дипломатическую основу для последующего расширения политических, экономических и гуманитарных контактов. Вместе с тем сам факт установления дипломатических отношений ещё не свидетельствовал о переходе Соединённых Штатов Америки к активной стратегической политике в отношении Афганистана; такая трансформация стала более отчётливо проявляться уже в послевоенный период.

По мнению большинство советских востоковедов, стремление руководство Афганистана к установлению тесных военно-технических связей с Соединёнными Штатами Америки возникшее ещё в начале XX века, особенно после провозглашения государственной независимости в 1919 году, в условиях обострения международной обстановки рассматривалось Кабулом как инструмент укрепления внешнеполитической самостоятельности и снижения зависимости от Королевства Великобритания.

Военно-техническое сотрудничество с Вашингтоном воспринималось в Кабуле не только как средство модернизации вооружённых сил, но и как элемент стратегического баланса между крупными державами мира в регионе. Более того, правители Афганистана исходили из того, что установление устойчивых военных связей с Соединенными Штатами Америки способно стать гарантом сохранения суверенитета государства.

Тем не менее, в рассматриваемый период по объективным и субъективным причинам, Афганистану не удалось выстроить устойчивые военно-технические отношения с Соединёнными Штатами Америки. Несмотря на трудности, идея приобретения американского вооружения и налаживания прямого военного сотрудничества с Вашингтоном сохранялась в качестве приоритетной задачи внешней политики Афганистана.

Даже до установления полноценных дипломатических отношений афганская сторона предпринимала шаги по приобретению американского вооружения и техники. По свидетельству Л. Пуллада и Л. Пуллада, «первая официальная просьба о военном сотрудничестве была передана через консульство Соединённых Штатов Америки в Карачи в 1935 году. Повторное обращение последовало в 1939 году через американское посольство в Тегеране. В 1944 году аналогичный вопрос был поднят руководством Афганистана перед представителем президента Соединённых Штатов Америки П. Дж. Хёрли во время его визита в Кабул».[1]

Анализ источников показывает, что на протяжении всего рассматриваемого периода Соединённые Штаты Америки не предоставляли Афганистану значимой военно-технической помощи. Запросы Кабула на поставку вооружений, боеприпасов и военного оборудования американского производства не получали положительного ответа.

Таким образом, в годы Второй мировой войны военно-политическое измерение взаимоотношений Соединенных Штатов Америки и Афганистана характеризовалось асимметрией ожиданий: Кабул стремился к углублению военно-технического сотрудничества, тогда как Вашингтон ограничивался дипломатическими контактами и стратегическим наблюдением.

С точки зрения афганских политиков и экспертов, одной из причин сдержанной позиции Соединенных Штатов Америки в отношении Афганистана являлась сохранявшаяся зависимость политики Вашингтона от влияния Лондона в направлении Кабула. Соединённые Штаты Америки, несмотря на постепенное усиление самостоятельности в глобальной политике, продолжали учитывать позицию Великобритании в вопросах военно-технического взаимодействия с Афганистаном.

На наш взгляд, дополнительным фактором являлось восприятие Афганистана частью американского политического и экспертного сообщества как

[1] پاولادا، لیون؛ پاولادا، لیلا. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده از سال ۱۸۲۸ تا ۱۹۷۳ / مترجم غلام صفدر پنجشیری؛ مهتمم نیلاب رحیمی. – کابل، ۱۹۹۹. – ص. ۱۷۳.

потенциально нестабильного государства, способного при изменении международной обстановки попасть под влияние Союза Советских Социалистических Республик. Например, американский журнал United States News and World Report отмечал, что «американские дипломаты в Кабуле … по стратегическим и политическим соображениям стремятся предупредить укрепление взаимоотношений между Афганистаном и Россией».[1] Данное свидетельство позволяет предположить, что дипломатическая активность Соединённых Штатов Америки в Афганистане в рассматриваемый период была обусловлена не только развитием двусторонних отношений, но и стремлением Вашингтона ограничить дальнейшее укрепление советско-афганского взаимодействия. Тем самым Афганистан постепенно приобретал значение объекта геополитического соперничества между Соединёнными Штатами Америки и Советским Союзом. Как показала практика в условиях формирования послевоенного миропорядка и растущего недоверия между будущими союзниками по антигитлеровской коалиции данный фактор приобретал стратегическое значение.

Следовательно, ограниченность военно-технического сотрудничества между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном в 1941–1945 гг. объясняется не только влиянием позиции Великобритании, но и более широкими геополитическими расчётами Вашингтона, стремившегося избежать чрезмерного вовлечения в нестабильный регион до окончательного определения послевоенной архитектуры международных отношений.

Таким образом, исследование внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в годы Второй мировой войны предполагает обращение к ряду сложных вопросов. В частности, необходимо определить, в чём заключались глубинные причины ограниченной эффективности американской политики на афганском направлении, несмотря на объективную сложность международной обстановки для Вашингтона. Не менее важным является выявление тех просчётов, которые были допущены правящими кругами Афганистана, что выступали сдерживающим

[1] United States News and World Report. 3. XII. 1948. – P. 14.

фактором в процессе установления более тесных отношений с Соединёнными Штатами Америки.

При анализе внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в годы Второй мировой войны большинство исследователей обращают внимание прежде всего на деятельность дипломатических миссий и специальных служб государств антигитлеровской коалиции и стран «оси», а также на их соперничество за политическое, экономическое и военно-стратегическое влияние в Афганистане. В этих условиях Афганистан, сохраняя формальный нейтралитет, постепенно превращался в один из объектов разведывательной, дипломатической и политической активности противоборствующих сторон.

Так, по сообщению И. Дауди, «в июле 1941 года министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп поручил германскому послу в Кабуле Г. Пильгеру убедить короля М. Захир-шаха подписать афгано-германский договор о сотрудничестве. Подписание такого документа фактически означало бы отказ Афганистана от традиционной политики нейтралитета и создавало угрозу втягивания страны во Вторую мировую войну. Однако М. Захир-шах уклонился от принятия единоличного решения и адресовал вопрос на рассмотрение Лойя-джирги, в состав которой входили авторитетные вожди пуштунских племён, представители высшего духовенства и члены правительства. 1 ноября 1941 года Лойя-джирга постановила, что ни одному иностранному государству не будет позволено занимать афганскую территорию, использовать её для военных действий либо получать какие-либо привилегии в условиях войны».[1]

Далее И. Дауди, опираясь на материалы 1942 года, подчёркивает, что «одним из ключевых факторов трансформации американской политики в отношении Афганистана стала активизация деятельности специальных служб и дипломатических структур Германии и её союзников в регионе. Германия ещё до начала активной фазы войны стремилась укрепить свои позиции в

[1] Подробнее см.: Дауди И. Большая игра в Афганистан. – М.: Де’Либри, 2021. – С. 50–51.

Афганистане: в 1938 году она предоставила Кабулу крупный беспроцентный заём на приобретение техники и вооружений, а торговое соглашение 1939 года закрепило широкое участие немецких специалистов в строительстве промышленных и коммуникационных объектов. В результате германское присутствие в Афганистане стало наиболее значительным среди иностранных представительств».[1]

Особую тревогу у Великобритании, Советского Союза и Соединенных Штатов Америки вызывало то обстоятельство, что немецкие специалисты находились в различных министерствах, ведомствах и военных структурах Афганистана, обладали привилегированным статусом и имели доступ к местному населению. По данным И. Дауди, «агенты влияния Третьего рейха занимали заметные позиции в афганском государственном аппарате и армии, а деятельность Абвера была направлена на использование антибританских и антисоветских настроений под лозунгами защиты ислама».[2]

Советское правительство, основываясь на положениях статей 2 и 3 Договора о нейтралитете и взаимном ненападении между СССР и Афганистаном 1931 года, через своего посланника в Кабуле К. Михайлова 11 октября 1941 года обратилось к афганскому правительству с нотой, в которой предлагало принять меры по пресечению антисоветской деятельности фашистской агентуры и настаивало на удалении из Афганистана германских и итальянских подданных.[3]

Афганское правительство в целом учло позицию советской стороны. Как сообщала газета «Ислах», около 200 немецких и итальянских граждан, не являвшихся сотрудниками дипломатических представительств Германии и Италии, 2–3 октября 1941 года выехали из Кабула, а 30–31 октября того же года покинули пределы Афганистана. Вместе с тем дипломатические отношения Кабула с Германией и Италией были сохранены.[4] Таким образом, афганское руководство, с одной стороны, пошло навстречу требованиям Советского Со-

[1] Подробнее см.: Дауди И. Большая игра в Афганистан. – М.: Де’Либри, 2021. – С. 50–51.
[2] Там же.
[3] Подробнее см.: Архив внешней политики СССР. 172. 5. XI. 1941.
[4] «Ислах». 6. XI. 1941.

юза в вопросе ограничения деятельности представителей стран «оси», а с другой – стремилось сохранить дипломатические отношения с Германией и Италией, продолжая придерживаться политики формального нейтралитета.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о попытках Кабула получить военную помощь от Соединённых Штатов Америки. Л. Пуллада и Л. Пуллада отмечают, что «во время встречи личного представителя президента Америки П. Дж. Хёрли с премьер-министром Афганистана М. Хашим-ханом афганская сторона поставила вопрос о возможности получения единовременной военной помощи либо, по меньшей мере, разрешения на закупку вооружений в Соединенных Штатов Америки. Первоначально П. Дж. Хёрли выразил сомнение в положительном решении данного вопроса, однако затем обсудил просьбу Кабула с британским послом в Афганистане, стремясь выяснить позицию Лондона».[1]

Британская сторона отнеслась к инициативе Афганистана настороженно. Посол Великобритании передал содержание афганской просьбы в Лондон, после чего заместитель министра иностранных дел Великобритании М. Петерсон 14 апреля 1944 году во время поездки в Вашингтон обсудил этот вопрос с представителями Государственного департамента. Он заявил, что Великобритания возражает против оказания военной помощи Афганистану. Тем самым позиция Лондона стала одним из факторов, ограничивавших возможности Вашингтона в развитии военно-политического сотрудничества с Кабулом.[2]

Более того, по данным И. Дауди, «в конце мая 1943 года британское правительство поручило своему посланнику в Кабуле Ф. Уайли вручить премьер-министру М. Хашим-хану ноту с требованием пресечь деятельность германской и японской резидентур и выслать их представителей из Кабула и Кандагара. 8 июня 1943 году аналогичную ноту премьер-министру Афганистана передал советский посол К. Михайлов. В основу британской и совет-

[1] پاولادا، لیون؛ پاولادا، لیلا. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده از سال ۱۸۲۸ تا ۱۹۷۳ / مترجم غلام صفدر پنجشیری؛ مهتمم نیلاب رحیمی. – کابل، ۱۹۹۹. – ص. ۱۷۳.

[2] Там же.

ской нот были положены доказательства подрывной деятельности Абвера и разведывательных структур стран «оси» на территории Афганистана».[1]

Следует подчеркнуть, что после нападения Германии на Советский Союз в июне 1941 года произошёл существенный сдвиг во внешнеполитической стратегии основных участников афганского направления «Большой игры». В условиях первоначальных военных успехов Германии и её союзников Вашингтон и Лондон уделяли первостепенное внимание сохранению нейтралитета Афганистана, рассматривая его как важнейшее условие недопущения расширения влияния стран «оси» в регионе.

Несмотря на активность германских и японских структур, в первые годы войны М. Захир-шах в целом придерживался политики нейтралитета. Однако крупные поражения Красной армии и оккупация значительной части европейской территории СССР усилили позиции прогермански настроенных кругов в афганской политической элите. Эти силы всё чаще утверждали, что Советский Союз проигрывает войну, а Афганистану необходимо пересмотреть нейтральный курс и открыто поддержать Германию.

По свидетельству германского посланника в Кабуле Г. Пильгера, премьер-министр М. Хашим-хан и вице-премьер М. Наим-хан относились к Германии с особым уважением.[2] Более того, в период Сталинградской битвы М. Наим-хан сообщил германскому посланнику, что афганское правительство якобы полностью поддерживает Германию и готово оказать ей военную помощь.[3]

На наш взгляд, несмотря на подобные заявления отдельных представителей афганской правящей элиты, Берлин не испытывал полного доверия к Кабулу. В германских политических кругах сохранялось убеждение, что король М. Захир-шах находится под значительным влиянием Великобритании и при любых обстоятельствах будет стремиться сохранить политику нейтралитета.

Необходимо отметить, что Германия и её союзники, в том числе Турция, обладавшая определённым авторитетом в мусульманском мире и влия-

[1] Подробнее см.: Дауди И. Д. Большая игра в Афганистан. – М.: Де’Либри, 2021. – С. 50–51.
[2] Там же.
[3] Там же.

нием в Афганистане, допустили ряд серьёзных просчётов при разработке своей линии в отношении Кабула в годы Второй мировой войны. Один из них заключался в попытке использовать в качестве инструмента давления на М. Захир-шаха фактор возможного возвращения на афганский престол бывшего короля Аманулла-хана, который после событий 1929 года находился в эмиграции в Швейцарии.

Второй существенный просчёт стран «оси» в рассматриваемый период состоял в стремлении сделать ставку на возрождение басмаческого движения в Средней Азии. Для этого германские и союзные им специальные службы активизировали контакты с оставшимися лидерами басмаческого движения, находившимися в северных и центральных районах Афганистана. Однако подобная стратегия не учитывала реальное соотношение сил в регионе, ограниченность социальной базы басмачества и осторожность афганского руководства, опасавшегося прямого вовлечения страны в военный конфликт.

На наш взгляд, стратегические планы и проекты руководства Германии и её союзников, направленные на противостояние Советскому Союзу, Соединённым Штатам Америки и Королевству Британской Империи, а также на оказание давления на М. Захир-шаха с целью отказа от политики нейтралитета, в конечном итоге потерпели неудачу по ряду ключевых причин.

Во-первых, существенное влияние оказали военные успехи Советского Союза в конце 1941 – начале 1942 гг., приведшие к коренному перелому в ходе Второй мировой войны. Особенно значимыми стали разгром немецких войск в Сталинградской битве и победа на Курской дуге, которые не только изменили общий баланс сил, но и радикально скорректировали подходы Соединённых Штатов Америки и Великобритании к оказанию помощи СССР, в том числе через афганское направление. Одновременно данные события существенно ослабили позиции стран «оси» в Афганистане.

Во-вторых, важным фактором стало негативное отношение значительной части афганского общества, прежде всего духовенства и сельского населения, к фигуре Аманулллы-хана, обусловленное неоднозначным восприятием

его реформ. Дополнительно следует учитывать отсутствие устойчивой социальной базы для возрождения басмаческого движения в советских республиках Средней Азии, на которое рассчитывали германские стратеги.

В-третьих, существенную роль сыграла активизация внешнеполитической и информационной деятельности Соединённых Штатов Америки и Великобритании. В годы войны Вашингтон и Лондон значительно усилили работу своих дипломатических миссий и специальных служб в Афганистане, сосредоточив усилия на нейтрализации влияния стран «оси» и предотвращении втягивания Кабула в военный конфликт.

Открытие американского политического представительства в Афганистане и постепенное налаживание контактов между Вашингтоном и Кабулом способствовали сокращению экономического и политического присутствия стран «оси», в том числе ограничению их торговой активности. Это, в свою очередь, укрепило надежды М. Захир-шаха на дальнейшее развитие двусторонних отношений с Соединёнными Штатами Америки.

По сведениям М. А. Андешманда, «М. Дауд-хан – двоюродный брат и зять М. Захир-шаха – ещё в 1944 году, занимая должность командующего центральной группировкой афганской армии, довёл до сведения военного атташе Соединенных Штатов Америки в Кабуле Э. Фокса заинтересованность афганской стороны в установлении тесного военно-технического сотрудничества с Вашингтоном, включая возможность подготовки афганских офицеров в военных учебных заведениях Соединенных Штатов Америки».[1]

В первые послевоенные годы стремление Афганистана к приобретению вооружений и развитию военно-технического сотрудничества с Соединёнными Штатами Америки заметно усилилось. Вероятно, афганское руководство рассматривало возможную военную помощь как своего рода компенсацию со стороны союзников, прежде всего Вашингтона, за сохранение нейтралитета в годы войны и за выдворение представителей стран «оси» со своей территории.

[1] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. چاپ اول. – کابل: بنگاه انتشارات میوند، ۱۳۸۴ [۲۰۰۵]. – ص. ۳۸–۳۹.

К концу Второй мировой войны в Кабуле сформировалось устойчивое ожидание, что Соединённые Штаты Америки перейдут к более активной линии и расширят сотрудничество с Афганистаном во всех ключевых сферах. М. Захир-шах, в частности, связывал с этим перспективы экономической модернизации страны и укрепления её военно-технического потенциала. Более того, афганское руководство рассматривало углубление сотрудничества с Соединенными Штатами Америки как инструмент снижения зависимости от Советского Союза и ограничения его влияния.

Однако данные ожидания не оправдались. Соединённые Штаты Америки, даже в условиях трансформации международной системы, не проявили готовности к существенному расширению сотрудничества с Афганистаном. Более того, традиционная линия Вашингтона, сформировавшаяся ещё в довоенный период и во многом унаследованная от политики Королевства Британской Империи, продолжала характеризоваться сдержанностью, дистанцированностью и ограниченным вниманием к афганскому направлению.

Несмотря на отсутствие масштабной военно-технической помощи, определённые элементы сотрудничества всё же имели место. Так, в период правления М. Захир-шаха некоторое число афганских граждан было направлено в Соединённые Штаты Америки для получения военного образования. По данным М. М. С. Фарханга, «их общее число составило 487 человек»[1], тогда как Леон Пуллада и Лейла Пуллада приводят более скромную цифру – 96 человек.[2] При этом авторы подчёркивают, что подавляющее большинство обучавшихся представляло пуштунский этнос, что отражало этнополитическую специфику формирования афганского военного корпуса.

В 1940-х гг. Соединённые Штаты Америки продолжали предпринять попытки вовлечь Афганистан в создаваемую систему военно-политических союзов на Ближнем и Среднем Востоке. В американской прессе распространялись утверждения о якобы существующей угрозе со стороны Советского

[1] فرهنگ، میر محمد صدیق. افغانستان در پنج قرن اخیر. جلد دوم. – کابل: انتشارات بین‌المللی ثروت-صنعت، ۲۰۱۵. – ص. ۸۸۹.
[2] پولاده، و. لیون، پولاده، لیلا د. ج. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده / مترجم به فارسی دری: غلام صفدر پنجشیری. – کابل، ۱۹۹۹. – ص. ۲۰۲.

Союза, что должно было, по замыслу Вашингтона, подтолкнуть Кабул к участию в данных блоках.

Однако афганское руководство заняло принципиально иную позицию отвечающее его интересам. В феврале 1949 году газета «Анис» опровергла подобные утверждения, подчеркнув наличие нормальных и дружественных отношений с северным соседом.[1] В дальнейшем Кабул также последовательно отвергал предложения Вашингтона о военном сотрудничестве, включая инициативы, озвученные в ходе визитов в страну вице-президента Соединенных Штатов Америки Р. Никсона и сенатора У. Ноуленда.[2]

Согласно А. Куча «афганская сторона отказалась как от размещения военных объектов Соединенных Штатов Америки на своей территории, так и от участия в региональных военно-политических блоках».[3] Было также отклонено предложение о присоединении к пакистано-турецкому пакту. Данное решение отражало стремление Афганистана сохранить суверенитет и избежать вовлечения в конфронтационные геополитические проекты.

Несмотря на давление со стороны западных держав, Афганистан последовательно придерживался политики нейтралитета. В афганской прессе активно критиковались попытки создания военных блоков, рассматриваемых как новая форма внешнего контроля. Таким образом, в рассматриваемый период Афганистан стремился сохранить самостоятельность внешнеполитического курса, балансируя между интересами ведущих мировых держав.

Таким образом, проанализировав стратегию ограниченного вовлечения и сдерживания «оси» в Афганистане, как периферийный театр в годы Второй мировой войны (1941–1945 гг.), можно сформулировать следующие обобщающие выводы:

– в рассматриваемый период Афганистан не выступал пассивным объектом международных отношений, а старался играть роль активного буфер-

---

[1] انیس. کابل، فبروری ۱۹۴۹.

[2] Подробнее см.: Кучи А. К. Развитие отношений между Афганистаном и Советским Союзом (1946–1969 гг.). – М., 1970. – С. 104–109.

[3] Там же.

ного государства, стремящимся использовать противоречия между ведущими мировыми центрами силы в собственных интересах. Например, правители Кабула последовательно пытались выстроить многоуровневое сотрудничество с Соединёнными Штатами Америки – от политико-дипломатического до военно-технического – с целью ускоренной модернизации экономики и укрепления обороноспособности страны;

– внешнеполитическая линия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в контексте предложенных хронологических рамках формировалась в условиях асимметрии стратегических приоритетов: если для Кабула сотрудничество с Вашингтоном имело экзистенциальное значение (модернизация, безопасность, снижение зависимости от соседей), то для Вашингтона афганское направление носило вторичный характер и рассматривалось преимущественно через призму интересов Великобритания. Такая зависимость ограничивала самостоятельность политики Соединенных Штатов Америки и снижала её эффективность;

– характерной особенностью внешней политики Вашингтона на данном этапе стало использование стратегии уклонения и контролируемого дистанцирования: формально демонстрируя заинтересованность в развитии отношений, американская сторона выдвигала Кабулу сложные и заведомо трудновыполнимые условия военно-технического сотрудничества. Это свидетельствует о стремлении сохранить политическое влияние Соединенных Штатов Америки без принятия долгосрочных обязательств перед Афганистаном;

– отказ Соединённых Штатов Америки от полноценного военно-технического взаимодействия с Афганистаном привёл к перекосу баланса сил в пользу Советский Союз, что усилило его политическое и стратегическое влияние в стране. Тем самым Вашингтон фактически способствовал формированию той конфигурации внешних зависимостей Афганистана, которую впоследствии стремился ограничить;

– в более широком историческом контексте можно утверждать, что решения, принятые Соединёнными Штатами Америки в отношении Афгани-

стана в годы Второй мировой войны, заложили основы долгосрочной геополитической конкуренции в регионе. Непоследовательность и ограниченность американской политики, а также встречные стратегии других держав привели к формированию устойчивой модели внешней зависимости Кабула, что в дальнейшем стало одним из факторов политической нестабильности во второй половине XX века.

– одно из главных ошибок Соединённых Штатов Америки в рассматриваемый период заключалась в том, что их внешнеполитическая стратегия в отношении Афганистана формировалась не на основе собственных долгосрочных интересов, а под сильным влиянием политики Великобритании, что привело к отказу от полноценного сотрудничества с Кабулом и, как следствие, к усилению позиций Советский Союз в Афганистане.

3.2. Формирование стратегии «сдерживания»: Соединённые Штаты Америки в условиях афгано-пакистанского кризиса и усиления советского влияния (1945–1953 гг.)

После окончания Второй мировой войны Соединённые Штаты Америки существенно усилили свои позиции в международных отношениях и стремились использовать ослабление традиционных колониальных держав, прежде всего Великобритании, для расширения собственного политического, экономического и военно-стратегического влияния в различных регионах мира. Опираясь на временную монополию в области ядерного оружия, американское руководство стремилось сформировать и навязывать остальным странам новую систему международных отношений, основанную на глобальном лидерстве Вашингтона.

Во внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки, а также в политике других западных государств, ориентированной на сдерживание Советского Союза, важное место отводилось Афганистану, занимавшему стратегически значимое положение на стыке Средней и Южной Азии, Ближнего Востока, Каспийского региона и Кавказа. Характерной особенно-

стью послевоенной политики Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана стала активизация деятельности американских нефтяных компаний в стране. Их экономическое проникновение не ограничивалось коммерческими интересами, но постепенно приобрело геополитическое значение и оказало определённое влияние на социально-экономические и внутриполитические процессы в Афганистане.

Как отмечает Ю. В. Ганковский, «усиление внешнего давления со стороны Соединенных Штатов Америки сопровождалось нарастанием внутренней напряжённости в самом Афганистане. Несмотря на все сложности Кабул рассчитывал на расширение сотрудничества с Вашингтоном и стремился использовать американский фактор для модернизации экономики и укрепления международных позиций страны».[1]

С этой целью афганское правительство направило в Вашингтон своего первого чрезвычайного и полномочного посланника – «Х. Тарзи, который в 1946 году вручил верительные грамоты президенту Соединенных Штатов Америки Г. Трумэну. В том же году Афганистан вступил в Организацию Объединённых Наций, что свидетельствовало о стремлении Кабула активизировать своё участие в международных отношениях и укрепить собственную международную легитимность».[2]

В послевоенный период руководство Афганистана связывало большие надежды на привлечение американского капитала и технологий. В частности, Х. Тарзи провёл переговоры с представителями американской инженерно-строительной компании «Morrison-Knudsen», предложив участие в реализации масштабных инфраструктурных проектов в Афганистане. Следует отметить, что в годы Второй мировой войны Афганистан, придерживаясь формального нейтралитета, поддерживал торговые отношения с различными государствами, включая Соединенных Штатов Америки. Например, поставки

[1] Подробнее см.: Ганковский Ю. В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – С. 253.
[2] Подробнее см.: Кича М. В. Афганистан: подлинная история страны – легенды. – М.: Эксмо, 2002. – С. 217.

афганского каракуля использовались американской военной промышленностью при производстве экипировки для военно-воздушных сил.[1]

Как отмечает Ю. В. Ганковский, «ухудшение социально-экономической ситуации в Афганистане сопровождалось активизацией деятельности американских компаний. Важным этапом данного процесса стало заключение в 1946 году соглашения между правительством Афганистана и компанией «Morrison-Knudsen», предусматривавшего строительство ирригационных систем, разведку полезных ископаемых, развитие дорожной инфраструктуры и подготовку национальных кадров».[2]

Вместе с тем афгано-американские отношения в послевоенный период постепенно становились частью формирующегося глобального противостояния между Советский Союзом и Соединенными Штатами Америки. Афганистан оказался вовлечён в систему геополитического соперничества сверхдержав, где ключевое значение приобретала борьба за влияние в государствах, придерживавшихся политики нейтралитета и неприсоединения.[3]

Особое значение Афганистана в послевоенный период определялось его геостратегическим положением на стыке Средней и Южной Азии. Для обеих сверхдержав контроль над афганским направлением открывал возможности политического и военно-стратегического влияния на обширный регион, включавший Среднюю Азию, Ближний Восток и Индийский субконтинент. В этих условиях логика «Большой игры» XIX века трансформировалась в механизм глобального противостояния периода «холодной войны».[4]

Как подчёркивает Ю. В. Ганковский, «наряду с экономическим проникновением Соединенных Штаты Америки активизировали и политическую деятельность в Афганистане, стремясь включить страну в собственную сферу влияния и постепенно ослабить её традиционный курс нейтралитета. Уже к

[1] Подробнее см.: Кича М. В. Афганистан: подлинная история страны – легенды. – М.: Эксмо, 2002. – С. 217.
[2] Подробнее см.: Ганковский Ю. В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – С. 252–253.
[3] Подробнее см.: Кича М. В. Афганистан: подлинная история страны – легенды. – М.: Эксмо, 2002. – С. 217.
[4] Там же. – С. 225.

началу 1950-х гг. Вашингтон предпринимал попытки вовлечения Афганистана в формируемую систему военно-политических союзов на Ближнем и Среднем Востоке».[1]

Одновременно Ю. В. Ганковский утверждает, что в послевоенные годы «важным инструментом давления Вашингтона на Кабул стала так называемая «пуштунская проблема». После образования в 1947 году Пакистан афганское руководство выступило в поддержку права пуштунского населения бывшей Британской Индии на самоопределение. Однако, как Великобритания, так и новое пакистанское руководство отказались учитывать требования Кабула, что привело к серьёзному ухудшению афгано-пакистанских отношений».[2]

Внешняя политика Соединенных Штатов Америки в Афганистане в период пребывания у власти премьер-министра Шах Махмуд-хана (1946–1953 гг.) не претерпела принципиальных изменений. Несмотря на стремление афганского руководства расширить сотрудничество с Вашингтоном, американская сторона по-прежнему проявляла осторожность и избегала установления полноформатного военно-политического партнёрства с Кабулом.

Согласно С. Кушкаки, «Шах Махмуд-хан рассматривал Соединенных Штатов Америки как государство, которое, в отличие от других внешних сил, не имело опыта непосредственного вмешательства во внутренние дела Афганистана. Вероятно, именно этим объясняется стремление премьер-министра Афганистана проводить более умеренный внутриполитический курс, включавший элементы ограниченной либерализации и попытки демонстрации приверженности принципам политической открытости. На наш взгляд, данные шаги были также направлены на формирование благоприятного имиджа Афганистана в представлениях американского руководства».[3]

В западной аналитической литературе того периода открыто подчёркивалось военно-стратегическое значение Афганистана. Так, английский жур-

[1] Подробнее см.: Ганковский Ю.В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – С. 266.
[2] Там же.
[3] کشککی، صباح‌الدین. دهه قانون اساسی: غفلت‌زدگی افغان‌ها و فرصت‌طلبی روس‌ها. – کابل، ۱۳۸۴. – ص. ۶.

нал «Contemporary Review» в 1949 году «характеризовал Афганистан как потенциальный «буфер» на южных рубежах Советского Союза».[1] Фактически речь шла о стремлении западных держав превратить Афганистан в элемент системы сдерживания СССР.

М. А. Андешманд отмечает, что «в период правления Шах Махмуд-хана усилились попытки Кабула добиться военно-технического сотрудничества с Соединенными Штатами Америки. Однако старания премьер-министра Афганистана не привели к существенным результатам».[2]

Также согласно М. А. Андешманду «особенно показателен официальный визит Шах Махмуд-хана в Соединенных Штатов Америки в 1947 году. В ходе переговоров с государственным секретарём Дж. Маршалл афганская сторона подняла вопрос о поставках вооружений и развитии военного сотрудничества. Реакция американского руководства продемонстрировала противоречивость подходов Вашингтона к Афганистану. С одной стороны, Соединенные Штаты Америки стремились ограничить влияние Советского Союза в регионе, а с другой – не рассматривали Афганистан как полноценного военно-политического партнёра».[3]

Диалог между Шах Махмуд-ханом и Дж. Маршаллом, приведённый в работах Леона Пуллады и Лейлы Пуллады, показывает наличие взаимного недоверия и различий в стратегическом восприятии международной обстановки. Афганское руководство стремилось использовать американскую поддержку для укрепления собственной безопасности и модернизации армии, тогда как Вашингтон продолжал рассматривать Кабул преимущественно в контексте глобального противостояния с Советским Союзом.[4]

Г. Бродшир приводит высказывание Шах Махмуд-хана, отражающее надежды афганского руководства на стратегическое сближение с Соединённые Штаты Америки после Второй мировой войны. По словам премьер-

[1] Подробнее см.: Contemporary Review. – L., 1949. – № 4.
[2] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. چاپ اول. – کابل: بنگاه انتشارات میوند، ۱۳۸۴ [۲۰۰۵]. – ص. ۶۴.
[3] Там же.
[4] پولاده، و. لیون؛ پولاده، لیلا د. ج. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده / مترجم به فارسی دری: غلام صفدر پنجشیری. – کابل، ۱۹۹۹. – ص. ۱۷۹.

министра Афганистана, американский опыт и военная мощь воспринимались в Кабуле как гарантия безопасности малых государств перед угрозой внешнего давления со стороны великих держав. В данном контексте афганское руководство связывало развитие отношений с Вашингтоном с возможностью окончательного выхода страны из состояния постоянной зависимости от внешних центров силы.[1]

Как отмечает Ю. В. Ганковский, «в послевоенные годы внешняя политика Афганистана претерпела определённую эволюцию, а сама страна стала рассматриваться американским руководством как важный элемент политики экономического проникновения Соединенных Штатов Америки на Ближний и Средний Восток. Уже в первые годы после войны американские компании заняли доминирующее положение во внешней торговле Афганистана, прежде всего в экспорте каракуля, навязав Кабулу выгодные для себя условия торговли».[2]

Особое значение приобрело соглашение 1946 года между афганским правительством и американской компанией «Morrison-Knudsen», предусматривавшее реализацию крупных инфраструктурных и ирригационных проектов. Формально данный проект должен был способствовать модернизации экономики страны, однако на практике деятельность компании сопровождалась серьёзными финансовыми и организационными проблемами. К установленному сроку основные объекты не были завершены, первоначальная смета оказалась существенно превышена, а афганское правительство было вынуждено обратиться к Вашингтону за дополнительными кредитами.[3] В 1949 году Афганистан получил американский заём в размере 21 млн долл., одновременно продлив соглашение с «Morrison-Knudsen».[4]

---

[1] برادشیر، هنری. افغانستان: تجاوز شوروی و مقاومت مجاهدین / مترجم: شورای ثقافت جهادی افغانستان. – پشاور: مرکز نشراتی میوند، ۱۳۷۸. – ص. ۱۳.

[2] Подробнее см.: Ганковский Ю. В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – С. 265–266.

[3] Там же.

[4] Там же.

Таким образом, экономическое сотрудничество постепенно приобретало форму финансовой зависимости. На наш взгляд, реализация инфраструктурных проектов стала одним из механизмов экономического закрепления американского влияния в Афганистане и включения страны в систему долговых и технических обязательств перед Вашингтоном.

Стремясь усилить собственные позиции, Соединенные Штаты Америки в 1951 году подписали с Афганистаном общее соглашение о техническом сотрудничестве в рамках так называемой «программы Трумэна». В результате американское присутствие в экономике Афганистана стало приобретать системный характер.[1]

Вместе с тем в американских политических и экспертных кругах Афганистан рассматривался не только как объект экономического проникновения, но и как важный военно-стратегический плацдарм в условиях начинающейся «холодной войны». Так, в 1950 году журнал «Current History» прямо указывал, что одной из причин заинтересованности Соединенных Штатов Америки в Афганистане являлась возможность использования его территории в будущем против Советский Союз.[2]

Деятельность «Morrison-Knudsen» вызвала серьёзную критику внутри самого Афганистана. В прессе и парламенте развернулись острые дискуссии относительно злоупотреблений компании и её негативного влияния на национальную экономику. В 1950 году была создана специальная государственная комиссия, выявившая многочисленные финансовые и организационные нарушения.[3]

После образования Пакистан в 1947 году внешнеполитическая стратегия Соединенных Штатов Америки в регионе окончательно стала строиться с учётом интересов Исламабада как главного регионального союзника Вашингтона. Если ранее американская политика в отношении Афганистана во

[1] Подробнее см.: Ганковский Ю. В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – С. 265–266.
[2] Подробнее см.: Current History. – N.Y., 1950. – № 4.
[3] Подробнее см.: Ганковский Ю. В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – С. 266.

многом определялась позицией Великобритании, то в послевоенный период она всё больше зависела от пакистанского фактора. На наш взгляд, именно это обстоятельство стало одной из ключевых причин дальнейшего ухудшения афгано-американских отношений после Второй мировой войны.

Американское руководство также рассматривало Афганистан как потенциальный район проведения разведывательной и подрывной деятельности против Советского Союза. С этой целью Соединенные Штаты Америки стремились не допустить дальнейшего укрепления отношений между Советским Союзом и Афганистаном.[1]

Как отмечал журнал «United States News & World Report», американская дипломатия в Кабуле руководствовалась прежде всего задачей предотвращения сближения Афганистана с Советским Союзом. В этой связи военная помощь Кабулу рассматривалась Вашингтоном как инструмент политического давления.[2]

Г. Бродшир подчёркивает, что «в 1951 и 1954 гг. Соединенные Штаты Америки, отказывая Афганистану в поставках вооружений, одновременно увязывали возможность военно-технического сотрудничества с урегулированием «пуштунской проблемы» между Кабулом и Исламабадом. Тем самым американская сторона фактически использовала региональные противоречия в качестве инструмента политического давления на афганское руководство».[3]

По мнению М. М. С. Фарханга, «отношение Соединенных Штатов Америки к Афганистану в послевоенный период характеризовалось стратегической сдержанностью и ограниченным доверием. В аналитических материалах американского военного руководства подчёркивалось, что географическое положение Афганистана и объективное влияние Советского Союза в

[1] Подробнее см.: Ганковский Ю. В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. – М.: Наука, 1967. – С. 174.
[2] Подробнее см.: Правда об Афганистане. Документы, факты, свидетельства. – М.: АПН, 1980. – С. 33.
[3] برادشیر، هنری. افغانستان: تجاوز شوروی و مقاومت مجاهدین / مترجم: شورای ثقافت جهادی افغانستان. – پشاور: مرکز نشراتی میوند، ۱۳۷۸. – ص. ۱۷.

регионе делают страну крайне уязвимой для возможного установления советского контроля в случае серьёзного международного кризиса».[1]

Следует отметить, до Второй мировой войны прямые политико-дипломатические связи между Кабулом и Вашингтоном оставались весьма ограниченными. Несмотря на подписание в 1936 году в Париже соглашения о дружбе и установлении дипломатических и консульских отношений, реальные контакты между двумя государствами долгое время осуществлялись через американские дипломатические представительства в Тегеране и Карачи.

Т. Фаромарз указывает, что «чрезвычайный посланник Соединенных Штатов Америки К. ван Энгерт в июле 1946 году вновь прибыл в Кабул и официально вручил верительные документы М. Захир-шаху. В 1948 году между двумя государствами была достигнута договорённость об обмене дипломатическими представителями на уровне послов, что свидетельствовало о постепенном институциональном оформлении афгано-американских отношений в условиях начавшейся «холодной войны»».[2]

М. А. Андешманд отмечает, что «в августе 1947 года Шах Махмуд-хан совершил официальный визит в Соединённые Штаты Америки и в ходе переговоров с руководством Вашингтона поставил вопрос об оказании Афганистану помощи в различных сферах. Однако, по оценке автора, американская сторона с самого начала не проявила серьёзной заинтересованности в предложениях афганского премьер-министра. В дальнейшем, по мере нарастания напряжённости между Афганистаном и недавно образованной Исламской Республикой Пакистан по вопросу линии «Дюранда»[3] и проблемы «Пуштунистана», отношение Вашингтона к Кабулу становилось ещё более сдержанным».[4]

Несмотря на более длительную историю официальных и неофициальных контактов с Афганистаном, Соединённые Штаты Америки предпочли

---

[1] فرهنگ، میر محمد صدیق. افغانستان در پنج قرن اخیر. جلد دوم. – کابل: انتشارات بین‌المللی ثروت-صنعت، ۲۰۱۵. – ص. ۱۹۰.

[2] تامانّو، فرامرز. سیاست خارجی ایالات متحدهٔ آمریکا در افغانستان: پروژهٔ «آسیای مرکزی بزرگ»، دولت-ملت‌سازی و مبارزه با تروریسم. – تهران: پژوهشکدهٔ مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷. – ص. ۱۰۵.

[3] *Линия «Дюранда»* – демаркационная линия протяжённостью около 2 640 км, проведённая в 1893 году между Афганистаном и Британской Индией по соглашению Абдуррахман-хана и Мортимера Дюранда; после образования Пакистана в 1947 году стала афгано-пакистанской границей.

[4] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. چاپ اول. – کابل: بنگاه انتشارات میوند، ۱۳۸۴ [۲۰۰۵]. – ص. ۳۶–۳۷.

выстраивать приоритетные отношения с Пакистаном как с новым региональным союзником. Данный фактор, на наш взгляд, свидетельствовал о сохранении преемственности между американской региональной политикой и прежней британской колониальной стратегией. Так, в 1949 году на настойчивые просьбы Афганистана о посредничестве в урегулировании спора с Пакистаном по вопросу линии «Дюранда» и «Пуштунистана» Вашингтон ответил отказом и фактически воспрепятствовал вынесению данного вопроса на рассмотрение Организации Объединённых Наций. Тем не менее в том же году Афганистан посетил Джордж С. Макги, сотрудник Государственного департамента Соединённых Штатов Америки, занимавшийся вопросами Ближнего Востока и Южной Азии.[1]

Ещё более показательной была реакция американской стороны на аналогичные обращения афганского посланника в Вашингтоне М. Наим-хана. В 1951 году, находясь на посту посланника Афганистана в Соединённых Штатах Америки, он во время встречи с Дж. Макги, заместителем государственного секретаря по делам Ближнего Востока и Южной Азии, вновь поставил вопрос об установлении двусторонних отношений в военной сфере и о предоставлении Кабулу вооружения, боеприпасов и военной техники американского производства. В своих воспоминаниях Дж. Макги передавал содержание беседы в ироничном тоне: когда М. Наим-хан заявил, что в случае дальнейшего затягивания вопроса Афганистан может быть вынужден обратиться к Советскому Союзу, американский дипломат демонстративно предложил ему номер телефона советского посольства в Вашингтоне. Данный эпизод свидетельствует не только о недооценке афганских запросов, но и о высокомерном отношении части американского дипломатического аппарата к стратегическим опасениям Кабула.[2]

Вопрос о том, в какой степени жёсткая позиция М. Дауд-хана в бытности министра обороны Афганистана по проблемам «Пуштунистана», «Бе-

[1] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. چاپ اول. – کابل: بنگاه انتشارات میوند، ۱۳۸۴ [۲۰۰۵]. – ص. ۳۶–۳۷.
[2] پولاده، و. لیون؛ پولاده، لیلا د. ج. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده / مترجم به فارسی دری: غلام صفدر پنجشیری. – کابل، ۱۹۹۹. – ص. ۱۷۹.

луджистана» и линии «Дюранда» препятствовала установлению военно-технических отношений с Соединёнными Штатами Америки и способствовала усилению советского влияния в Афганистане, остаётся дискуссионным. В афганистике по данному вопросу сохраняются различные, нередко противоположные точки зрения.

На наш взгляд, оценка роли М. Дауд-хана в данной ситуации требует отдельного научного рассмотрения. Однако очевидно, что в этот период в политике афганского правительства по отношению к Соединённым Штатам Америки произошли существенные изменения. Правящие круги Кабула пришли к выводу, что Вашингтон односторонне интерпретирует афгано-пакистанский конфликт и фактически поддерживает Исламскую Республику Пакистан в вопросах «Пуштунистана», «Белуджистана» и линии «Дюранда».

Следует отметить, что в конце 1951 года должностные лица Соединённых Штатов Америки впервые формально выразили готовность рассмотреть вопрос о продаже Афганистану оружия, боеприпасов, снаряжения и техники американского производства. Это произошло после настойчивых обращений премьер-министра Шах Махмуд-хана, министра обороны М. Дауд-хана, посла Афганистана в Вашингтоне М. Наим-хана и представителя Афганистана при Организации Объединённых Наций А. Азиза. Однако согласие Вашингтона сопровождалось выдвижением сложных и практически невыполнимых условий.

Как указывает О. Акрам, «основные условия американской стороны сводились к следующему: правительство Афганистана должно было приобрести вооружение и снаряжение исключительно за наличные средства и осуществить полную предоплату; после завершения финансовой сделки передача товара должна была произойти в одном из портов Соединённых Штатов Америки без какой-либо помощи в транспортировке; Афганистан должен был официально заявить, что приобретённое оружие будет использоваться исключительно в оборонительных целях и для обеспечения внутренней без-

опасности; данное заявление должно было соответствовать положениям Организации Объединённых Наций».[1]

Указанные предварительные условия фактически делали сделку трудно-реализуемой. До 1951 года отрицательные ответы Вашингтона часто выражались в форме уклончивости, иронии либо навязывания заведомо сложных процедур. Однако их общий смысл сводился к нежеланию Соединённых Штатов Америки продавать Афганистану вооружение и устанавливать с ним полноценные военные отношения.

Как пишут Леон Пуллада и Лейла Пуллада, «в 1954 году данная позиция была впервые сформулирована открыто. Это было сделано в письме государственного секретаря Соединённых Штатов Америки Дж. Ф. Даллеса послу Афганистана в Вашингтоне М. К. Лудину от 28 декабря 1954 года. В ответ на просьбу министра иностранных дел Афганистана М. Наим-хана, высказанную во время его официального визита в Соединённые Штаты Америки в октябре 1954 года, Дж. Ф. Даллес заявил, что предоставление военной помощи Кабулу связано с серьёзными трудностями. Фактически Вашингтон поставил вопрос о военно-техническом сотрудничестве в зависимость от урегулирования спора о «Пуштунистане» с Исламской Республикой Пакистан».[2]

Особое значение имело то, что копия ответа Даллеса была направлена послу Исламской Республики Пакистан в Вашингтоне. На наш взгляд, данный шаг был крайне проблематичным с точки зрения дипломатической этики, поскольку создавал впечатление согласования американской позиции с пакистанской стороной по вопросу, непосредственно затрагивавшему суверенные интересы Афганистана.

Следует подчеркнуть, что направление М. Наим-хана в Соединённые Штаты Америки по поручению М. Дауд-хана не было первой попыткой Кабула установить военно-технические отношения с Вашингтоном. Сам

---

[1] عاصم، اکرم. نگاهی به شخصیت، نظریات و سیاست‌های محمد داود. – تهران: انتشارات میزان، ۱۳۸۰. – ص. ۱۰۳. – به نقل از: اسناد وزارت خارجه ایالات متحدۀ امریکا. سند شمارۀ ۹/۱۳-۱۴۵۳/۷۸۹۰، آرشیف ملی امریکا، واشنگتن.

[2] پولاده، و. لیون؛ پولاده، لیلا د. ج. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده / مترجم به فارسی دری: غلام صفدر پنجشیری. – کابل، ۱۹۹۹. – ص. ۱۹۹.

М. Дауд-хан неоднократно предпринимал усилия по развитию сотрудничества с Соединёнными Штатами Америки во всех сферах. При этом его позиция имела двойственный характер: с одной стороны, он наиболее последовательно отстаивал вопросы линии «Дюранда», «Пуштунистана» и «Белуджистана»; с другой стороны, именно он был одним из наиболее активных сторонников получения американского вооружения и установления тесных военных отношений с Вашингтоном.

По сведениям М. А. Андешманда, «даже после 1955 года, несмотря на подписание соглашения о военном сотрудничестве с Советским Союзом, М. Дауд-хан продолжал предпринимать усилия по расширению связей с Соединёнными Штатами Америки, включая сферу военно-технического взаимодействия».[1]

По сообщениям Леона Пуллады и Лейлы Пуллады, «после достижения взаимного согласия Соединённые Штаты Америки и Афганистан приступили к обмену послами. М. Наим-хан, двоюродный брат короля М. Захир-шаха, был назначен посланником Афганистана в Соединённых Штатах Америки, а Э. Э. Палмер – чрезвычайным и полномочным посланником Соединённых Штатов Америки в Афганистане. В 1949 году его сменил Л. Дж. Дрейфус, занимавший эту должность два года, а в 1951 году чрезвычайным и полномочным послом Вашингтона в Кабуле был назначен Дж. Р. Меррел».[2]

В 1947 году в истории афгано-американских отношений произошёл важный перелом. С образованием Пакистана Соединённые Штаты Америки начали рассматривать региональную политику преимущественно через призму союзнических отношений с Исламабадом. По мнению большинства исследователей-афганистов, именно пакистанский фактор стал одной из главных причин осложнения отношений между Вашингтоном и Кабулом в послевоенный период. Он оказал длительное негативное влияние на весь комплекс афгано-американских отношений.

---

[1] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. چاپ اول. – کابل: بنگاه انتشارات میوند، ۱۳۸۴ [۲۰۰۵]. – ص. ۳۸–۳۹.

[2] پولاده، و. لیون؛ پولاده، لیلا د. ج. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده / مترجم به فارسی دری: غلام صفدر پنجشیری. – کابل، ۱۹۹۹. – ص. ۳۴.

Когда Шах Махмуд-хан в 1947 году в качестве премьер-министра Афганистана впервые совершил официальный визит в Соединённые Штаты Америки, на переговорах с государственным секретарём Дж. Маршаллом был поставлен вопрос о поставках вооружения и установлении военного сотрудничества между двумя государствами. Авторы книги «Королевская страна Афганистан и Соединённые Штаты» отмечают, что реакция Дж. Маршалла на просьбу афганского премьер-министра была скептической. На вопрос о том, кого Кабул считает своим противником, Шах Махмуд-хан ответил: «русских». После этого, по свидетельству авторов, Дж. Маршалл с иронией воспринял возможность сопротивления Афганистана военной мощи Советского Союза. Шах Махмуд-хан, несмотря на задетое достоинство, подчеркнул, что оружие необходимо Афганистану также для обеспечения внутренней безопасности, а в случае отказа Вашингтона Кабул может обратиться к Москве. На это Дж. Маршалл заметил, что «хорошие мусульмане, как афганцы, не просят помощи у безбожных русских». Афганский премьер ответил, что ислам действительно запрещает употребление свинины, однако при угрозе жизни и отсутствии иного выхода это становится допустимым.[1]

Установление близких отношений между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном с самого начала вызывало возражения со стороны Исламской Республики Пакистан. Вашингтон, сохраняя верность союзническим связям с Исламабадом, воздерживался от объективного и сбалансированного подхода к спорным вопросам афгано-пакистанских отношений – линии «Дюранда», проблеме «Пуштунистана» и «Белуджистана». В данном случае политика Соединённых Штатов Америки приобретала характер двойных стандартов.

Афганские и региональные востоковеды неоднократно обращали внимание на противоречивость объяснений Вашингтона, согласно которым основной причиной отказа от военно-технического сотрудничества с Афгани-

[1] پولاده، و. لیون؛ پولاده، لیلا د. ج. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده / مترجم به فارسی دری: غلام صفدر پنجشیری. – کابل، ۱۹۹۹. – ص. ۳۴.

станом являлись его сложные отношения с Пакистаном. М. А. Андешманд, например, указывает, что «между Республикой Индия и Исламской Республикой Пакистан с 1947 года сохранялись напряжённые отношения, неоднократно доходившие до вооружённых столкновений, однако это не мешало Вашингтону развивать военное сотрудничество как с Исламабадом, так и с Дели».[1]

На наш взгляд, в данном контексте важно учитывать особенности возникновения Исламской Республики Пакистан как нового государства в регионе. Не отрицая объективных предпосылок раздела Британской Индии, следует признать, что создание Пакистана было связано и с субъективными политическими расчётами Королевства Британской империи, стремившейся сохранить влияние в стратегически важном регионе после ухода из Индии. Британская политика «разделяй и властвуй» способствовала формированию долгосрочных этноконфессиональных, территориальных и политических противоречий, последствия которых проявились в отношениях Пакистана как с Индией, так и с Афганистаном.

С этой точки зрения образование Пакистана можно рассматривать как фактор, изменивший региональный баланс сил и создавший новые линии напряжённости. Вопросы, связанные с последующим развитием пакистанской ядерной программы и её противостоянием с Индией, выходят за рамки настоящего исследования, однако сами истоки афгано-пакистанских противоречий имеют прямое значение для анализа политики Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана.

Как пишет М. Г. М. Губор, «весной 1951 года специальный представитель президента Соединённых Штатов Америки, посол по особым поручениям Ф. К. Джессуп, посетил Кабул. Предполагалось, что его миссия была связана с призывом правительств Афганистана и Пакистана к участию в формируемых военно-политических блоках, а также с попыткой добиться от Кабула признания существующего положения по линии «Дюранда» и вопросу «Пуштунистана». Кроме того, после возникновения разногласий между Афгани-

[1] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. چاپ اول. – کابل: بنگاه انتشارات میوند، ۱۳۸۴ [۲۰۰۵]. – ص. ۶۲.

станом и Ираном по вопросу использования вод реки Гильменд Соединённые Штаты Америки, Канада и Чили выступили посредниками в его урегулировании в 1950 году».[1]

Согласно М. Г. М. Губор «в 1951 году Кабул посетил заместитель государственного секретаря Соединённых Штатов Америки, который вновь поднял вопрос «Пуштунистана» на переговорах с официальными лицами Афганистана, включая короля М. Захир-шаха. Однако и эти переговоры не привели к практическим результатам. В том же году премьер-министр Шах Махмуд-хан вновь посетил Соединённые Штаты Америки. Несмотря на то что поездка была связана преимущественно с лечением в Балтиморе, он стремился встретиться с президентом и другими представителями американского руководства, чтобы привлечь их внимание к развитию сотрудничества с Афганистаном».[2]

Открытие американского политического представительства в Кабуле, частичное ослабление торговых ограничений и развитие контактов в годы Второй мировой войны укрепили у афганского руководства надежды на последующее расширение сотрудничества с Соединёнными Штатами Америки. В период премьерства Шах Махмуд-хана усилились попытки Афганистана установить военно-технические отношения с Вашингтоном, однако, как отмечают исследователи, эти усилия вновь не увенчались успехом.[3]

Как пишет Г. Бродшир, «в конце апреля 1951 года Шах Махмуд-хану удалось провести переговоры с президентом Соединённых Штатов Америки Г. Трумэном и государственным секретарём Д. Ачесоном. Однако и на этих встречах просьбы короля М. Захир-шаха, переданные через премьер-министра, о расширении сотрудничества между двумя государствами не получили положительного ответа».[4]

---

[1] غبار، میر غلام محمد. افغانستان در مسیر تاریخ. جلد دوم. – تهران، ۱۳۷۳. – ص. ۲۳۶.

[2] Там же.

[3] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. چاپ اول. – کابل: بنگاه انتشارات میوند، ۱۳۸۴ [۲۰۰۵]. – ص. ۶۴.

[4] برادشیر، هنری. افغانستان: تجاوز شوروی و مقاومت مجاهدین / مترجم: شورای ثقافت جهادی افغانستان. – پشاور: مرکز نشراتی میوند، ۱۳۷۸. – ص. ۱۲.

Г. Бродшир отмечает, что «во время визита Шах Махмуд-хана в Вашингтон в 1951 году один из высокопоставленных сотрудников Государственного департамента рекомендовал президенту Г. Трумэну занять уклончивую позицию: формально не отвергать просьбу Афганистана о поставках оружия американского производства, но фактически не принимать решений по данному вопросу. Президенту также советовали объяснить афганскому премьер-министру ограниченность возможностей Соединённых Штатов Америки в сфере военной помощи и склонить Кабул к опоре на принципы коллективной безопасности в рамках Организации Объединённых Наций. Кроме того, советники рекомендовали не создавать у афганской стороны ожиданий значительной финансовой помощи со стороны Вашингтона.[1]

Как отмечает Н. М. Гуревич, «поскольку Афганистан не мог собственными силами обеспечить реализацию широкой программы экономического развития, он неоднократно обращался за помощью к Соединённым Штатам Америки. Однако Вашингтон либо отказывал в предоставлении такой помощи, либо соглашался оказывать её на условиях, ограничивавших экономическую самостоятельность и политический суверенитет страны. Так, Экспортно-импортный банк Соединённых Штатов Америки в течение трёх лет рассматривал просьбу Афганистана о финансировании пятилетнего плана развития, после чего отказал в выделении соответствующих средств».[2]

А. З. Арабаджян указывает, что «в 1956 году Афганистан вновь обратился к Международному банку реконструкции и развития, находившемуся под значительным влиянием Соединённых Штатов Америки, с просьбой о предоставлении займа в размере 74 млн долларов для финансирования пятилетнего плана на 1956/57–1960/61 гг. Министр финансов Афганистана А. Малек подчёркивал, что Банк обещал направить своих представителей в страну в течение месяца, однако фактически они прибыли лишь через год.

[1] برادشیر، هنری. افغانستان: تجاوز شوروی و مقاومت مجاهدین / مترجم: شورای ثقافت جهادی افغانستان. – پشاور: مرکز نشراتی میوند، ۱۳۷۸. – ص. ۱۲.

[2] Подробнее см.: Гуревич Н. М. Развитие фабрично-заводской промышленности в Афганистане // Народы Азии и Африки. – 1962. – № 3. – С. 47–48.

Для экономически отсталого и слаборазвитого государства такая задержка имела серьёзные негативные последствия».[1]

Особое значение имело то, что кредиты Советского Союза способствовали развитию прежде всего государственного сектора афганской экономики, который рассматривался как важная основа достижения экономической самостоятельности и укрепления политической независимости страны. Условия советского кредитования были для Афганистана значительно более выгодными по сравнению с условиями, предлагавшимися Соединёнными Штатами Америки и другими западными государствами.

Во-первых, Афганистан получил возможность погашать советские кредиты поставками традиционных экспортных товаров. В отличие от этого, Соединённые Штаты Америки, как правило, требовали погашения кредитов в твёрдой валюте. Погашение займов товарными поставками обеспечивало Кабулу устойчивый рынок сбыта, менее зависимый от колебаний мировой конъюнктуры.

Во-вторых, советские кредиты предоставлялись под низкие проценты – обычно 2–3 % годовых – либо на беспроцентной основе. Западные державы, напротив, чаще предоставляли кредиты на менее выгодных условиях, как правило под 3,5–4 % годовых и выше.

Следует подчеркнуть, что советские кредиты вынуждали капиталистические государства пересматривать свои подходы и идти на определённые уступки Афганистану. Так, если по соглашению от 29 апреля 1954 года Экспортно-импортный банк Соединённых Штатов Америки предоставил Афганистану кредит под 4,5 % годовых, то после получения Кабулом советского кредита в размере 100 млн долларов Управление международного сотрудничества Соединённых Штатов Америки было вынуждено предоставить афган-

[1] Подробнее см.: Арабаджян А. З. Внешняя политика и экономическое развитие Ирана и Афганистана // Проблемы востоковедения. – 1960. – № 3. – С. 50.

скому правительству два кредита – 28 ноября 1956 года и 27 июня 1957 года – уже под 3 % годовых.[1]

В-третьих, афгано-советское экономическое сотрудничество, по оценке ряда исследователей, не сопровождалось прямым ограничением суверенитета страны-получателя. В отличие от этого, Соединённые Штаты Америки нередко стремились увязывать предоставление помощи с политическими условиями. Так, после завершения афгано-американских переговоров в феврале 1960 года заместитель премьер-министра и министр иностранных дел Афганистана заявил, что «Соединённые Штаты Америки связывают помощь с политическими требованиями, в частности со вступлением Афганистана в военно-политический блок, что противоречило курсу Кабула на нейтралитет и неприсоединение».[2]

Советский Союз, в отличие от западных держав, не требовал права собственности на построенные или строящиеся предприятия и объекты, не добивался контроля над экономикой Афганистана и не выдвигал требований, несовместимых с национальным суверенитетом страны.

Ухудшение условий экспорта афганских товаров, вызванное попытками Соединённых Штатов Америки монополизировать афганскую внешнюю торговлю, а также трудности транзита через территорию Пакистана в условиях обострения афгано-пакистанских отношений серьёзно осложнили финансовое положение страны. Рост расходов на импорт потребительских товаров неблагоприятно сказался на состоянии внутренней торговли. Попытки правительства найти дополнительные средства за счёт увеличения налогов на мелкое производство, скот и другие сферы хозяйства вызвали рост цен, прежде всего на продовольственные товары.

Так, согласно Ю. В. Ганковского «ставка на участие крупных торговых ширкетов в реализации семилетнего плана экономического развития, объявленного в 1946 году, не оправдала себя. Пользуясь финансовыми и иными

[1] Подробнее см.: Арабаджян А. З. Внешняя политика и экономическое развитие Ирана и Афганистана // Проблемы востоковедения. – 1960. – № 3. – С. 50–51.
[2] Подробнее см.: Внешняя торговля. – 1962. – № 3. – С. 7.

льготами, предоставленными для стимулирования промышленной деятельности, ширкеты предпочитали более прибыльные торговые операции и уклонялись от вложения капитала в промышленное строительство. Обострившийся продовольственный кризис вынудил правительство Афганистана обратиться за внешней помощью к Соединённым Штатам Америки, которые в 1953 году предоставили Кабулу заём для закупки американского зерна. В результате экономическая зависимость Афганистана от Соединённых Штатов Америки ещё более усилилась».[1]

Таким образом, исследование стратегии «сдержанного противодействия»: Соединенные Штаты Америки в условиях афганско-пакистанского кризиса и роста советского влияния (1945–1953 гг.) позволяет сделать следующие выводы:

– после окончания Второй мировой войны внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана вступила в качественно новый этап, определявшийся началом глобального противостояния между Вашингтоном и Москвой. Внешняя политика Соединенных Штатов Америки в афганском направлении стала формироваться уже не только под влиянием колониального наследия Королевства Британской Империи, но и в контексте стратегии сдерживания Советского Союза в Южной Азии и Ближнего Востока. При этом образование Исламской Республики Пакистан в 1947 году радикально изменило региональный баланс сил и обусловило переориентацию американской политики в пользу Исламабада как основного стратегического союзника Вашингтона в Южной Азии;

– характерной особенностью внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана состояло в том, что Белый дом фактически поставил развитие отношений с Кабулом в зависимость от интересов Исламской Республики Пакистан. Вашингтон стремился сохранить устойчивый военно-политический союз с Исламабадом и потому избе-

[1] Подробнее см.: Ганковский Ю. В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – С. 268.

гал шагов, которые могли бы укрепить позиции Кабула в спорах по линии «Дюранда», проблемам «Пуштунистана» и «Белуджистана». В результате руководство Афганистана воспринимало позицию Соединенных Штатов Америки как проявление политики двойных стандартов и продолжение прежнего подхода Великобритании к региону;

– особую роль в обострении афгано-пакистанских противоречий играли влиятельные члены королевской семьи М. Дауд-хан и М. Наим-хан, которые наиболее активно поднимали вопросы «Пуштунистана», «Белуджистана» и линии «Дюранда». Их жёсткая позиция по данным вопросам неоднократно приводила к серьёзным кризисам в отношениях между Кабулом и Исламабадом и усиливала настороженность Соединённых Штатов Америки по отношению к афганскому руководству;

– после Второй мировой войны Соединённые Штаты Америки оказались в противоречивом положении в отношениях с Афганистаном. С одной стороны, Вашингтон не был готов к установлению полноформатного военно-технического сотрудничества с Афганистаном, учитывая интересы Пакистана как своего ключевого регионального союзника. С другой стороны, руководство Соединенных Штатов Америки опасалось дальнейшего расширения экономического и военного сотрудничества Афганистана с Советским Союзом. Таким образом, политика Соединённых Штатов Америки приобрела внутренне противоречивый характер: Вашингтон стремился ограничить советское влияние в Афганистане, но собственными действиями способствовал усилению зависимости Кабула от Москвы;

– в американских политических и аналитических кругах именно М. Дауд-хан рассматривался как главный инициатор военно-политического сближения Афганистана с Советским Союзом. Однако проведённый анализ показывает, что обращение Кабула к Москве стало во многом следствием неоднократных отказов Соединённых Штатов Америки предоставить Афганистану финансово-экономическую и военно-техническую помощь. Следовательно, курс М. Дауд-хана на развитие отношений с Советским Союзом был

продиктован не столько идеологической близостью, сколько стремлением компенсировать внешнеполитическую изоляцию и обеспечить безопасность государства в условиях отказа Запада от равноправного сотрудничества;

– М. Дауд-хан стремился использовать соперничество между Соединёнными Штатами Америки и Советским Союзом в интересах Афганистана и пытался проводить относительно самостоятельную внешнюю политику. Однако его жёсткая линия в отношении Исламской Республики Пакистан и стремление одновременно добиться военной помощи от Вашингтона поставили Соединённые Штаты Америки в сложное положение в рамках их региональной стратегии и ещё более осложнили афгано-американские отношения.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Таким образом, проведённое исследование эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в период перехода от Второй мировой войны к раннему этапу холодной войны (1941–1953 гг.) позволяет сформулировать следующие выводы:

1) установлено, что внешнеполитический курс Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в 40–50-е годы XX века формировался под влиянием фундаментальных изменений в мировой политике, вызванных Второй мировой войной и последующим становлением биполярной системы международных отношений. В рассматриваемый период Афганистан постепенно перестал быть исключительно объектом традиционного соперничества Королевства Британской Империи и Советского Союза и превратился в важный элемент глобального противостояния между двумя военно-политическими блоками;

2) определено, что радикальные изменения в международной системе, рост геополитической роли Соединённых Штатов Америки и усиление борьбы за влияние в Средней и Южной Азии обусловили превращение Афганистана в один из ключевых объектов стратегической конкуренции мировых держав. В этих условиях правители Афганистана стремились проводить политику балансирования между интересами ведущих акторов мировой поли-

тики, используя противоречия между ними для укрепления собственной государственности и сохранения внешнеполитической самостоятельности;

3) нами обнаружено, что правительство М. Захир-шаха последовательно стремилось к развитию широкого сотрудничества с Соединёнными Штатами Америки в экономической, политической, научной, образовательной и культурной сферах. Особое значение афганское руководство придавало военно-техническому сотрудничеству с Вашингтоном, рассматривая получение американского вооружения и подготовку национальных военных кадров как важнейшее условие модернизации государства и укрепления национальной независимости;

4) анализ формирования афгано-американских отношений в военной сфере показало, что попытки Кабула установить полноценное военно-техническое сотрудничество с Соединёнными Штатами Америки в рассматриваемый период не дали ожидаемых результатов. На первоначальном этапе американская политика оставалась под сильным влиянием британского колониального наследия и традиционного восприятия Афганистана как нестабильного и трудноконтролируемого пространства. После образования Исламской Республики Пакистан данная линия была дополнительно скорректирована в пользу интересов нового регионального союзника Вашингтона;

5) автором замечено, что начиная с 1947 года Соединённые Штаты Америки всё в большей степени определяли свою афганскую политику через призму отношений с Пакистаном. В результате Вашингтон фактически отказался от проведения самостоятельной линии в отношении Афганистана и систематически отклонял просьбы Кабула о военно-технической помощи, опасаясь ухудшения отношений с Исламабадом;

6) вместе с тем проведённый анализ продемонстрировало, что ответственность за отсутствие полноформатного военно-политического сотрудничества между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном нельзя полностью возлагать исключительно на Вашингтон. Жёсткая позиция афганского руководства по вопросам «Пуштунистана», «Белуджистана» и линии

«Дюранда» также осложняла возможности для компромисса и усиливала настороженность американской стороны;

7) диссертантом раскрыта, что характерной особенностью афгано-американских отношений данного периода являлось то, что они развивались в условиях масштабных геополитических трансформаций, связанных с крушением колониальной системы и началом «холодной войны». Афганистан, как и многие освободившиеся государства Азии и Африки, оказался вовлечён в глобальное соперничество двух мировых систем во главе с Соединёнными Штатами Америки и Советским Союзом;

8) исследователем выяснено, что если в годы Второй мировой войны политика Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана не носила ярко выраженного антисоветского характера вследствие союзнических отношений между Вашингтоном и Москвой, то после окончания войны американская стратегия приобрела отчётливо выраженную антиссоветскую направленность. Основной целью Соединённых Штатов Америки стало недопущение усиления советского влияния в Афганистане и превращения страны в опорный пункт Москвы в Средней и Южной Азии. В этих условиях деятельность американского дипломатического аппарата, разведывательных структур и иных профильных ведомств была переориентирована на сдерживание позиций Советского Союза в Афганистане и прилегающих стратегических регионах.

ГЛАВА 4. СТРАТЕГИЯ «СБАЛАНСИРОВАННОГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА» В ПЕРИОД ОБОСТРЕНИЯ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ (1953–1973 ГГ.)

4.1. «Модернизация» как инструмент внешней политики: политика Соединённых Штатов Америки в период правления М. Дауд-хана в контексте советско-американского соперничества

Характерной особенностью внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в период деятельности правительства М. Дауд-хана (1953–1963 гг.), наряду с другими факторами, являлось то, что данный этап совпал с бурным развитием национально-освободительного движения и распадом колониальной системы, происходившими в условиях глубоких изменений в системе международных отношений после Второй мировой войны. Эти процессы существенно повлияли на стратегические подходы Вашингтона к странам Азии и Ближнего Востока, в том числе к Афганистану, поскольку усиление национально-освободительных движений и появление новых независимых государств сопровождались расширением международного влияния Советского Союза и обострением советско-американского соперничества.

Одновременно характеризуя внешнеполитическую стратегию Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в период премьерства М. Дауд-хана, необходимо прежде всего учитывать изменения в системе международных отношений, произошедшие после Второй мировой войны. Формирование биполярной структуры международных отношений, усиление советско-американского противостояния и стремление Вашингтона ограничить расширение влияния Советского Союза обусловили постепенное изменение приоритетов американской внешней политики. В этих условиях Афганистан, занимавший стратегически важное геополитическое положение в Центральной и Южной Азии, приобрёл для Соединённых Штатов Америки значение не только как

потенциальный объект экономического и технического сотрудничества, но и как важный элемент региональной стратегии сдерживания.

Теоретически данную эволюцию внешнеполитического курса Соединённых Штатов Америки можно рассматривать в контексте подходов представителей школы политического реализма, уделявших особое внимание соотношению сил, национальным интересам и обеспечению безопасности государства. В послевоенный период Вашингтон постепенно отходил от союзнической логики военного времени, когда антигитлеровская коалиция временно объединяла государства с различными общественно-политическими системами – Советский Союз, Соединённые Штаты Америки и Великобританию. На смену этой логике пришла стратегия, основанная на формировании системы союзов, расширении американского политического и экономического влияния и ограничении геополитических позиций Советского Союза. В рамках данного подхода международная политика всё в большей степени рассматривалась через призму конкуренции государств, борьбы за влияние и обеспечения стратегической безопасности.[1]

Именно в условиях такой эволюции внешнеполитического мышления Соединённых Штатов Америки произошло концептуальное оформление политики сдерживания, наиболее последовательно связанной с доктриной Г. Трумэна. Д. Хасин, анализируя послевоенную ситуацию в международных отношениях, отмечает, что «в Соединённых Штатах Америки начался переход от идеи «вильсонизма» – связанной с именем В. Вильсона, президента Соединённых Штатов Америки (1913–1921 гг. – прим. авт.), – к политической доктрине «трумэнизма», ассоциируемой с Г. Трумэном, президентом Соединённых Штатов Америки (1945–1953 гг. – прим. авт.). В отличие от концепции В. Вильсона, основанной на либеральном интернационализме, идеях мира, распространения демократии и морально-этическом подходе к международным отношениям, доктрина Г. Трумэна выдвинула на первый

[1] کالینز، آلن. مطالعات امنیتی معاصر / مترجمان: داکتر سید داوود آقایی، علیرضا ثمودی. چ. ۱. – تهران: انتشارات خرسندی، ۱۳۹۲. – ص. ۳۲۴.

план стратегию сдерживания распространения коммунизма и укрепления глобального лидерства Соединённых Штатов Америки».[1]

Следовательно, изменение внешнеполитической доктрины Вашингтона имело непосредственное значение и для формирования его подходов к Афганистану. Если на предшествующих этапах американское присутствие в стране носило преимущественно ограниченный дипломатический и экономический характер, то в условиях обострения советско-американского соперничества Афганистан постепенно стал рассматриваться через призму более широких геополитических задач. В этой связи политика модернизации, экономического и технического содействия, развития инфраструктуры и расширения гуманитарных контактов приобрела для Вашингтона не только самостоятельное экономическое и социальное значение, но и определённое стратегическое содержание.

Таким образом, период премьерства М. Дауд-хана (1953–1963 гг.) следует рассматривать как важный этап дальнейшей эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана. Именно в этот период экономические, технические, гуманитарные и инфраструктурные проекты Вашингтона всё теснее переплетались с задачами советско-американского соперничества. Для определения характера этой политики необходимо далее рассмотреть, каким образом Соединённые Штаты Америки использовали идею модернизации Афганистана в качестве инструмента укрепления собственного влияния в стране и регионе.

Х. Хатами и С. Ибрахими подчёркивают, что «после Второй мировой войны Советский Союз, обладавший одной из наиболее мощных армий мира, превратился в один из главных центров глобальной силы наряду с Соединёнными Штатами Америки. В этих условиях Афганистан стал одним из пространств геополитического соперничества между двумя сверхдержавами. Более того, в этот период Соединённые Штаты Америки постепенно переходили от традиционного реализма, рассматривавшего баланс сил как основной

[1] دهشیار، حسین. سیاست خارجی امریکا در تیوری و عمل. چ. ۲. – تهران: انتشارات میزان، ۱۳۹۱. – ص. ۴۲.

механизм международной политики, к новому реализму, ориентированному на достижение стратегического превосходства».[1]

Стратегия расширения сфер влияния Соединённых Штатов Америки в рассматриваемый период реализовывалась по принципу «игры с нулевой суммой». Это означало, что усиление позиций одного центра силы автоматически воспринималось как ослабление другого. В рамках данного принципа Вашингтон активно прибегал к избирательному вмешательству во внутренние дела отдельных государств, в основном государств, занимавшие удобные геополитические и геоэкономические положения, стремясь обеспечить реализацию собственных геополитических целей.

А. Накибзода выделяет несколько факторов, оказавших негативное влияние на формирование внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в рассматриваемый период:

– завершение прежней анархичности международных отношений и начало формирования биполярной системы;

– избирательное вмешательство во внутренние дела отдельных государств в условиях разделения сфер влияния между Москвой и Вашингтоном;

– обострение борьбы за власть и влияние в международных отношениях;

– кризис «Пуштунистана» и восприятие Афганистана через призму интересов Исламской Республики Пакистан.[2]

После Второй мировой войны вопросы, связанные с линией «Дюранда», разделявшей Афганистан и Исламскую Республику Пакистан, продолжали оставаться юридически и политически нерешёнными. Данная проблема, особенно обострившаяся после ухода Великобритании из Британской Индии в 1947 году и образования Республики Индия и Исламской Республики Пакистан, стала одним из ключевых факторов, определявших внешнеполитическое поведение Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана.

---

[1] خسروشاهی، سید ابراهیم خاتمی. کتاب آسیا: ویژه‌ی افغانستان پس از طالبان. چ. ۱. – تهران: انتشارات مؤسسه فرهنگی مطالعات و تحقیقات بین‌المللی، ۱۳۸۳. – ص. ۱۱۴.

[2] نقیب‌زاده، احمد. تحولات روابط بین‌الملل. چ. ۱. – تهران: انتشارات قومس، ۱۳۸۱. – ص. ۲۴۳.

В контексте настоящего исследования необходимо отметить, что после раздела Британской Индии часть территорий, исторически, этнически и культурно связанных с Афганистаном, оказалась в составе Пакистана. Афганская сторона рассматривала данную ситуацию как следствие договоров, заключённых в условиях политического давления ещё в конце XIX века. В результате вопрос «Пуштунистана» и проблема линии «Дюранда» превратились не только в территориальный спор между Кабулом и Исламабадом, но и в источник устойчивой взаимной враждебности. Более того, данные проблемы оказали влияние на всю систему внешних связей Афганистана и Пакистана как на региональном, так и на глобальном уровне.

На наш взгляд, вопрос линии «Дюранда», возникший как одна из наиболее болезненных проблем новой истории Афганистана, сохраняет актуальность и в современной политической повестке. Проблемы, связанные с линией «Дюранда», «Пуштунистаном», «Белуджистаном» и другими спорными вопросами, во многом имеют искусственный и навязанный характер, поскольку были сформированы в контексте колониальной политики Королевства Британской империи, основанной на принципе «разделяй и властвуй».

Данные вопросы также показывают, что в международных отношениях территориальные споры нередко решаются не только на основе исторической справедливости и этнокультурной принадлежности, но и исходя из соотношения сил, политического влияния и интересов крупных центров принятия решений. Именно поэтому позиции более слабых государств часто оказываются зависимыми от стратегических расчётов более влиятельных акторов мировой политики.

Соединённые Штаты Америки и их союзники, осознавая сложность проблемы линии «Дюранда», «Пуштунистана» и «Белуджистана», тем не менее в своей практической политике традиционно отдавали предпочтение сохранению отношений с Исламской Республикой Пакистан. В результате Вашингтон использовал данные противоречия как инструмент давления на Кабул. С гуманитарной точки зрения линия «Дюранда» разделила пуштунское

население по обе стороны афгано-пакистанской границы, что стало одной из причин длительной нестабильности в регионе.

Анализ данного вопроса позволяет утверждать, что политика западных держав в отношении территориальных споров часто носила избирательный характер. Например, если судьба одних разделённых народов (немцев, корейцев и других – прим. авт.), становилась предметом активной международной дискуссии, то проблема пуштунов, оказавшихся по разные стороны линии «Дюранда», долгое время оставалась на периферии внимания ведущих западных государств. Более того, Афганистан с самого начала не признал линию «Дюранда», поскольку земли пуштунов по итогам «референдума», проведённого британскими колониальными властями Индии – в котором приняло участие лишь около 5 % населения этих территорий, – были включены в состав Пакистана.[1]

Вместе с тем нельзя утверждать, что неэффективность политики Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана после Второй мировой войны объяснялась исключительно афгано-пакистанским спором вокруг линии «Дюранда». На наш взгляд, вопросы «Пуштунистана», «Белуджистана» и линии «Дюранда» сыграли важную, но не единственную роль в нежелании Вашингтона углублять военно-техническое сотрудничество с Кабулом. Более глубокие причины заключались в стратегическом прагматизме Соединённых Штатов Америки, которые рассматривали Афганистан через призму собственных национальных интересов и ценностей региональных приоритетов Великобритании и Пакистана.

При этом региональные цели Вашингтона после 1947 года тесно увязывались с политикой Исламской Республики Пакистан как главного союзника Соединённых Штатов Америки в данном геополитическом пространстве. Иными словами, американская политика в отношении Афганистана бы-

[1] Подробнее см.: Современный Афганистан. Академия наук СССР. Институт востоковедения. – М.: Издательство восточной литературы, 1969. – С. 276.

ла ограничена необходимостью учитывать позиции Исламабада и не вступать в противоречие с интересами пакистанского руководства.

Как указывает Ю. В. Ганковский, «в начале 50-х годов Афганистан продолжал испытывать серьёзные экономические трудности, что вынуждало его обращаться за помощью к Соединённым Штатам Америки. В 1954 году американское правительство предоставило Афганистану заём в размере 18,5 млн долл. для финансирования, затянувшегося Гильмендского проекта, усилив тем самым своё влияние в стране. Вместе с тем в Афганистане возрастало разочарование деятельностью западных монополий, которые, по мнению афганской стороны, не приносили ощутимой пользы национальной экономике и были ориентированы преимущественно на извлечение односторонней выгоды».[1]

В 50–60-е годы XX века Афганистан и Исламская Республика Пакистан, находясь в состоянии затяжного политического противостояния, объективно нуждались в поддержке крупных мировых и региональных держав. В этой связи обе стороны активно использовали дипломатические и внешнеполитические инструменты для привлечения на свою сторону влиятельных субъектов международных отношений.

Анализ межгосударственных отношений Афганистана в рассматриваемый период показывает, что кабульское руководство предпринимало значительные усилия для установления всестороннего сотрудничества с Соединёнными Штатами Америки. Правители Афганистана были заинтересованы в том, чтобы Вашингтон, как одна из ведущих мировых держав того времени, содействовал Кабулу в решении ключевых внешнеполитических проблем, включая вопрос «Пуштунистана» и проблему линии «Дюранда». Однако ни один из основных запросов афганской стороны, касавшихся восстановления полноформатных отношений и создания взаимовыгодного сотрудничества с Соединёнными Штатами Америки, не получил должной поддержки со стороны Вашингтона.

[1] Подробнее см.: Ганковский Ю. В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – С. 271.

Особенно заметно стремление к сближению с Соединёнными Штатами Америки проявилось в период пребывания у власти премьер-министров Шах Махмуд-хана и М. Дауд-хана. Кабульское руководство всё активнее добивалось расширения политических, экономических и военно-технических связей с Вашингтоном.

Ш. Афзали в работе «Нападение Америки на Афганистан» отмечает, что «Шах Махмуд-хан во время своих визитов в Соединённые Штаты Америки и переговоров с американским руководством неоднократно пытался привлечь финансовую и военную помощь для Афганистана. Однако двустороннее сотрудничество между Кабулом и Вашингтоном, с учётом интересов Исламской Республики Пакистан, ограничивалось главным образом сферами образования и сельского хозяйства. При этом даже в указанных областях объёмы американской помощи оставались весьма ограниченными. В 1951 году Соединённые Штаты Америки начали оказывать техническое содействие Афганистану в рамках программы «Четвёртый пункт программы Трумэна»[1]. Во время засухи 1952 года американская сторона предоставила Афганистану определённое количество муки в форме займа. В целом, несмотря на относительное развитие экономических связей, сторонам не удалось достичь желаемого уровня взаимопонимания в политической сфере. Более того, Соединённые Штаты Америки не проявили значительного интереса к внутренним политическим преобразованиям и ограниченным демократическим изменениям, происходившим в Афганистане в рассматриваемый период».[2]

В 50–60-е годы XX века взаимоотношения Соединённых Штатов Америки и Афганистана подвергались существенному негативному воздействию

[1] *«Четвёртый пункт программы Трумэна»* – долгосрочная программа технической помощи Соединенных Штатов Америки экономически слаборазвитым странам Азии, Африки и Латинской Америки. Провозглашена президентом Америки Г. Трумэном 20 января 1949 года в качестве четвёртого пункта (отсюда и название) внешнеполитической программы американского правительства и подробно изложена в специальном послании Трумэна конгрессу Соединенных Штатов Америки от 24 июня 1949 года. Наряду с декларируемыми целями содействия развитию, задачей «Четвёртого пункта» являлось ослабление позиций соперников Вашингтона в этих странах. Помощь по «Четвёртому пункту» оказывалась на основе двусторонних соглашений между Америкой и странами-получателями, а также предусматривала возможность её предоставления через Организацию Объединённых Наций.

[2] افضلی، شاهین. حمله امریکا به افغانستان. چ. ۳. – تهران: انتشارات شاهین فیروز افضلی، ۱۳۸۶. – ص. ۵۴–۵۵.

как объективных, так и субъективных факторов. Обобщая оценки афганских и региональных исследователей, можно выделить несколько основных причин настороженного и нередко негативного отношения Вашингтона к Кабулу.

Во-первых, руководство Соединённых Штатов Америки с подозрением относилось к политике нейтралитета и неприсоединения, которой придерживался Афганистан. Особенно заметно подобное отношение проявилось в период премьерства М. Дауд-хана, когда Вашингтон всё чаще демонстрировал политическую сдержанность и ограниченный интерес к углублению отношений с Кабулом.

Во-вторых, в американских политических кругах М. Дауд-хан воспринимался как афганский националист, готовый принимать помощь от любого внешнего партнёра ради модернизации страны и укрепления государственной власти. В Вашингтоне исходили из того, что М. Дауд-хан всё больше ориентируется на Москву и рассчитывает на широкомасштабную поддержку со стороны Советского Союза.

В-третьих, администрация Соединённых Штатов Америки с определённым недоверием относилась к заявлениям М. Дауд-хана о приверженности политике неприсоединения. Более того, сам афганский премьер нередко давал основания для подобных сомнений. В частности, широкую известность получила его фраза о том, что он «получает больше удовольствия, когда зажигает свою американскую сигару русской спичкой».[1]

Вместе с тем, с точки зрения самого М. Дауд-хана, обращение к Советскому Союзу за финансовой, экономической и военно-технической помощью носило во многом вынужденный характер. Афганское руководство объясняло своё сближение с Москвой тем, что Соединённые Штаты Америки оказывали масштабную поддержку Исламской Республике Пакистан и шахскому Ирану, одновременно отказывая Кабулу в удовлетворении его многочисленных просьб о помощи.

[1] رهمند، عزیزاحمد. تاریخ روابط بین‌المللی افغانستان طی سال‌های ۱۲۹۳–۱۳۵. فصل ششم: مناسبات جمهوری افغانستان با ایالات متحدۀ امریکا. کابل، ۱۳۵۷. – ص. ۱۹۳.

Следует учитывать, что в 50-е годы XX века Афганистан, как и многие другие государства мира, столкнулся с серьёзными социально-экономическими трудностями, связанными с последствиями Второй мировой войны и структурной отсталостью национальной экономики. С учётом того, что большинство развитых стран мира вышли из войны ослабленными, афганское руководство неоднократно обращалось именно к Соединённым Штатам Америки как к наиболее мощной экономической державе послевоенного периода.

З. Танин, отмечает, что «М. Наим-хан в 1951 году действительно обращался к американской стороне с просьбой о продаже оружия афганскому правительству, однако получил отрицательный ответ. Более того, в конце 1951 года Соединённые Штаты Америки, реагируя на многочисленные обращения премьер-министра Шах Махмуд-хана, министра обороны М. Даудхана, посланника Афганистана в Вашингтоне М. Наим-хана и представителя Афганистана в Организации Объединённых Наций А. Азиза, выдвинули ряд сложных и практически невыполнимых условий продажи Кабулу американского вооружения и военной техники».[1]

Как указывает О. Акрам, общая суть условий, выдвинутых Соединёнными Штатами Америки и переданных премьер-министру Афганистана Шах Махмуд-хану через представителя Государственного департамента Дж. Меррела, сводилась к следующему:

– «правительство Афганистана должно приобретать товары (оружие, боеприпасы, амуницию и иную военную продукцию американского производства – прим. авт.) исключительно за наличный расчёт. Более того, денежные средства должны быть переведены в банки Соединённых Штатов Америки ещё до получения товара;

– в случае осуществления финансовой сделки правительство Соединённых Штатов Америки обязуется передать товар афганской стороне в одном из американских портов, однако не будет оказывать никакой помощи в вопросах разгрузки, погрузки и транспортировки;

[1] طنین، ظاهر. افغانستان در قرن بیستم. چ. ۱. – تهران: انتشارات عرفان، ۱۳۸۲. – ص. ۵۸.

– Афганистан должен официально заявить и взять на себя обязательство использовать приобретённое вооружение исключительно в оборонительных целях и для обеспечения внутренней безопасности, а не в целях агрессии. Соответствующее заявление должно быть составлено с учётом положений Организации Объединённых Наций».[1]

На наш взгляд, выдвинутые Соединёнными Штатами Америки предварительные условия продажи вооружения Афганистану носили заведомо ограничительный и фактически невыполнимый характер. До 1951 года Вашингтон, как правило, избегал прямого отказа Кабулу в вопросах военно-технического сотрудничества, предпочитая использовать дипломатические формулы, затягивание переговоров либо навязывание сложных условий. Однако реальная цель американской стороны заключалась в отказе от установления полноформатных военных отношений с Афганистаном и недопущении поставок американского вооружения Кабулу.

М. В. Кича отмечает, что «афганским правительством было создано «Управление долины Гильменд и Аргандоба» (первоначально в декабре 1952 года было образовано «Управление долины Гильменд», а после расширения проекта в него была включена и долина Аргандоба – прим. авт.). По данным исследователя, первоначальный афганский бюджет проекта в размере 10 млн долларов оказался исчерпан, после чего американская сторона инвестировала в проект сумму, примерно вдвое превышавшую первоначальные расходы Кабула. Для реализации проекта афганское руководство сформировало специальную административную команду во главе с А. Каюмом[2]. С американской стороны работы курировало Агентство Соединённых Штатов Америки по международному развитию (USAID), являвшееся одним из важнейших

[1] عاصم، اکرم. نگاهی به شخصیت، نظریات و سیاست‌های محمد داود. – تهران: انتشارات میزان، ۱۳۸۰. – ص. ۱۰۳. – به نقل از: اسناد وزارت خارجه ایالات متحدهٔ امریکا. سند شمارهٔ ۹/۱۳-۱۴۵۳/۷۸۹۰، آرشیف ملی امریکا، واشنگتن.

[2] *Абдул Каюм* – выпускник лицея «Хабибия», получивший образование в Соединённых Штатах Америки на рубеже 1930-х – 1940-х гг. Прочие должности заняли другие афганцы с западным образованием.

инструментов реализации политики «мягкой силы» Вашингтона в годы «холодной войны»».[1]

Из приведённого сообщения можно сделать вывод, что афганское руководство стремилось использовать Гильмендский проект не только как экономическую программу, но и как средство укрепления отношений с Соединёнными Штатами Америки. Примечательно, что к реализации проекта активно привлекались афганские специалисты, получившие образование в американских университетах и ориентированные на сотрудничество с Западом.

По данным М. А. Андешманда, «после того как в декабре 1953 года Соединённые Штаты Америки объявили о предоставлении военной помощи Исламской Республике Пакистан, М. Дауд-хан воспринял данный шаг как фактор, угрожающий безопасности Афганистана. В 1954 году вице-президент Соединённых Штатов Америки Р. Никсон посетил Кабул, где наряду с королём М. Захир-шахом встретился и с М. Дауд-ханом. Афганский политик вновь поставил вопрос об оказании Кабулу экономической и военной помощи. Однако и эта просьба не получила поддержки со стороны Вашингтона. После дальнейшего ухудшения отношений с Исламской Республикой Пакистан в 1955 году М. Дауд-хан проявил ещё больший интерес к получению помощи от Советского Союза. Впоследствии советская военно-техническая поддержка Афганистана стала одним из факторов дальнейшего охлаждения отношений между Кабулом и Вашингтоном».[2]

Как пишет А. С. Гаус, «в 1953 году Афганистан обратился к Соединённым Штатам Америки с просьбой о предоставлении кредита в размере 36 млн долларов для финансирования ряда проектов экономического развития, включая асфальтирование улиц Кабула. Однако в 1954 году американская сторона согласилась выделить лишь 18,5 млн долларов, причём исключительно на продолжение Гильмендского проекта».[3]

---

[1] Кича М.В. Афганистан. Подлинная история страны-легенды. – М.: Эксмо, 2022. – С. 226.

[2] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. چاپ اول. – کابل: بنگاه انتشارات میوند، ۱۳۸۴ [۲۰۰۵]. – ص. ۳۸.

[3] Подробнее см.: Ghaus A. S. The Fall of Afghanistan: An Insider's Account. – Washington: Pergamon-Brassey's International Defense Publishers, 1988. – P. 80.

По сообщениям В. Г. Коргуна, «в декабре 1954 года вице-президент Соединённых Штатов Америки Р. Никсон в рамках поездки по странам Азии посетил Кабул. Во время переговоров с афганским руководством он, обещая содействие Афганистану, одновременно настаивал на том, чтобы Кабул отказался от требований, связанных с «Пуштунистаном», поскольку, по мнению американской стороны, данные претензии лишь усиливали напряжённость между соседними государствами».[1]

На наш взгляд, именно данный фактор оказал серьёзное негативное влияние на отношения между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном в период премьерства М. Дауд-хана. Окружение афганского премьера и значительная часть афганского общества были глубоко разочарованы позицией Вашингтона по вопросу «Пуштунистана», который занимал центральное место во внешнеполитической стратегии Кабула. В результате первый серьёзный контакт правительства М. Дауд-хана с высокопоставленным представителем администрации Соединённых Штатов Америки фактически завершился политическим разочарованием афганской стороны.

М. В. Кича отмечает, что «в 50-е годы XX века Соединённые Штаты Америки активно стремились усилить своё влияние в Афганистане. Особенно заметным этот процесс стал после смерти И. В. Сталина в 1953 году, когда в страну начала поступать американская помощь, связанная прежде всего с реализацией Гильмендского проекта. Западные государства во главе с Соединёнными Штатами Америки активно проникали в образовательную систему Афганистана. Французские, германские, британские и американские специалисты участвовали в разработке школьных программ, афганские студенты изучали европейские языки, американские преподаватели работали в афганских учебных заведениях, а молодёжь направлялась на обучение в университеты Соединённых Штатов Америки по специальностям в области сельского хозяйства, инженерии, медицины, права и государственного управления. По мнению автора, именно образовательная и культурная поли-

[1] Подробнее см.: Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. – С. 306.

тика становилась одним из ключевых механизмов идеологического влияния Запада в Афганистане».[1]

Очередная попытка Афганистана получить американское вооружение завершилась неудачей и в 1954 году. Причины этого продолжают оставаться предметом научных дискуссий. Согласно одной из распространённых точек зрения, Вашингтон был недоволен отказом Кабула присоединиться к военно-политическому блоку СЕНТО, в который уже вошли Пакистан и шахский Иран. Кроме того, американская сторона опасалась, что поставленное Афганистану оружие может быть использовано против Пакистана.

Ю. В. Ганковский отмечает, что «после заключения в 1954 году турецко-пакистанского пакта под эгидой Соединённых Штатов Америки давление на Афганистан с целью его вовлечения в систему западных военно-политических блоков значительно усилилось. При этом активно использовалась антисоветская риторика и тезис о якобы существующей «угрозе с севера». Однако афганское руководство открыто заявило о намерении сохранить политику нейтралитета и отказаться от участия в военно-политических союзах».[2]

Леон Пуллада и Лейла Пуллада подчёркивают, что «именно в 1954 году американская сторона впервые открыто заявила о нежелании устанавливать с Афганистаном полноценное военно-техническое сотрудничество. Это было сделано государственным секретарём Соединённых Штатов Америки Дж. Ф. Даллесом в письме от 28 декабря 1954 года на имя афганского посла в Вашингтоне М. К. Лудина. В ответ на просьбу министра иностранных дел Афганистана М. Наим-хана об оказании военной помощи, озвученную во время его визита в Соединённые Штаты Америки в октябре 1954 года, Дж. Ф. Даллес заявил, что вопрос предоставления Афганистану военной помощи

[1] Подробнее см.: Кича М. В. Афганистан. Подлинная история страны-легенды. – М.: Эксмо, 2022. – С. 228-229.
[2] Подробнее см.: Ганковский Ю. В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – С. 271.

связан с рядом сложностей, прежде всего с необходимостью урегулирования Кабулом спора о «Пуштунистане» с Исламской Республикой Пакистан».[1]

Государственный секретарь Соединённых Штатов Америки Дж. Ф. Даллес, помимо отрицательного ответа на просьбу Афганистана о предоставлении вооружения и увязки данного вопроса с урегулированием проблемы «Пуштунистана», направил копию своего письма также послу Исламской Республики Пакистан в Вашингтоне. На наш взгляд, подобный шаг носил откровенно недипломатический характер, противоречил общепринятым нормам межгосударственных отношений и свидетельствовал о демонстративной поддержке Вашингтоном позиции Исламабада в афгано-пакистанском споре.

Как пишет А. Гаус, «посланник Соединённых Штатов Америки в Кабуле А. И. Уорд в одной из бесед с М. Дауд-ханом назвал расширение отношений между Советским Союзом и Афганистаном рискованным шагом, на что М. Дауд-хан упрекнул Вашингтон в пренебрежительном отношении к Кабулу и отказе предоставить Афганистану военную помощь».[2] Следует отметить, что А. И. Уорд занимал должность посланника Соединённых Штатов Америки в Афганистане в 1952–1956 гг., а в 1956–1959 гг. его сменил Ш. Т. Миллс.

Несмотря на то, что военно-политический блок СЕАТО[3], членом которого являлись Соединённые Штаты Америки, в 1956 году официально признал линию «Дюранда» государственной границей между Афганистаном и Исламской Республикой Пакистан и фактически поддержал позицию Исламабада, М. Дауд-хан в 1957 году совершил официальный визит в Соединённые Штаты Америки и продолжил предпринимать попытки по развитию сотрудничества с Вашингтоном. Однако, как отмечает автор книги «Афганистан за последние пять веков» М. М. С. Фарханг, «из-за своей настойчивости

---

[1] پولاده، و. لیون؛ پولاده، لیلا د. ج. کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده / مترجم به فارسی دری: غلام صفدر پنجشیری. – کابل، ۱۹۹۹. – ص. ۱۹۹.

[2] غوث، عبدالصمد. سقوط افغانستان: بیان شاهد عینی / مترجم از انگلیسی به فارسی دری: محمد یونس طغیان سکایی. – پشاور، ۲۰۰۰. – ص. ۱۲۴.

[3] *Организация Договора Юго-Восточной Азии* (СЕАТО) была создана по инициативе Соединенных Штатов Америки 8 сентября 1954 года путём подписания «Манильского пакта». Членами организации являлись Австралия, Великобритания, Новая Зеландия, Пакистан, Соединенные Штаты Америки, Таиланд, Филиппины и Франция.

в вопросе «Пуштунистана» М. Дауд-хан не смог добиться укрепления отношений с Вашингтоном».[1]

В то же время необходимо подчеркнуть, что М. Дауд-хан, несмотря на серьёзные разногласия с Соединёнными Штатами Америки по вопросам «Пуштунистана» и линии «Дюранда», не отказывался от попыток наладить сотрудничество с Вашингтоном. Так, ещё до своего визита в Соединённые Штаты Америки, в 1956 году, он принял в Кабуле американскую делегацию во главе с Дж. П. Ричардсом, прибывшую с целью склонить Афганистан к поддержке «доктрины Эйзенхауэра», направленной на создание системы противодействия влиянию Советского Союза на Ближнем и Среднем Востоке. Хотя данные переговоры не привели к практическим результатам, сам факт их проведения свидетельствовал о стремлении афганского руководства сохранить каналы взаимодействия с Соединёнными Штатами Америки.

По сведениям М. А. Андешманда, «М. Дауд-хан ещё в 1944 году, занимая должность командующего армией «Центра» Афганистана, довёл до сведения Э. Фокса – военного атташе посольства Соединённых Штатов Америки в Кабуле – желание афганской стороны установить военные отношения с Вашингтоном и попросил содействия в организации обучения афганских офицеров в военных учебных заведениях Соединённых Штатов Америки».[2] Более того, даже после заключения советско-афганского соглашения о военном сотрудничестве в 1955 году М. Дауд-хан продолжал предпринимать усилия по расширению отношений с Соединёнными Штатами Америки, в том числе и в военно-технической сфере.

В рассматриваемый период Афганистан неоднократно обращался к Соединённым Штатам Америки с просьбами об оказании финансово-экономической помощи. Однако соответствующие институты Соединенных Штатов Америки либо отклоняли эти просьбы, либо Вашингтон соглашался предоставить Кабулу помощь на условиях, ущемлявших суверенитет Афга-

[1] فرهنگ، میر محمد صدیق. افغانستان در پنج قرن اخیر. جلد دوم. – کابل: انتشارات بین‌المللی ثروت-صنعت، ۲۰۱۵. – ص. ۶۹۸.
[2] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. چاپ اول. – کابل: بنگاه انتشارات میوند، ۱۳۸۴ [۲۰۰۵]. – ص. ۳۸–۳۹.

нистана. Так, «Экспортно-импортный банк США в течение трёх лет рассматривал просьбу Афганистана, а затем отказался финансировать пятилетний план развития страны».[1]

На наш взгляд, данный факт имеет принципиальное значение для понимания внешнеполитической стратегии Афганистана в рассматриваемый период. Он показывает, что М. Дауд-хан не стремился к односторонней ориентации исключительно на Советский Союз, а пытался проводить многовекторную политику, используя соперничество сверхдержав в интересах модернизации Афганистана и укрепления его международных позиций.

В период «холодной войны» американская и советская финансово-экономическая помощь в совокупности составляла значительную часть афганского государственного бюджета. Как отмечают исследователи, «в декабре 1959 года Афганистан посетил президент Соединённых Штатов Америки Д. Д. Эйзенхауэр, который объявил о предоставлении Кабулу новых кредитов и грантов, а также о реализации инфраструктурных проектов, включая строительство автомобильной дороги Кабул – Кандагар и транспортных магистралей, связывающих Афганистан с Ираном и Пакистаном».[2]

Однако активизация военно-стратегической деятельности Соединённых Штатов Америки в регионе вызывала в Афганистане всё более негативную реакцию. Ю. В. Ганковский отмечает, что «курс Вашингтона на оказание масштабной военной помощи Исламской Республике Пакистан воспринимался в Кабуле как попытка превратить Северо-Западную пограничную провинцию Пакистана в плацдарм для реализации антиафганских стратегических планов. В афганском обществе усиливались идеи национального единства пуштунов, а движение в поддержку прав пуштунского населения по

[1] Подробнее см.: Гуревич Н. М. Развитие фабрично-заводской промышленности в Афганистане // Народы Азии и Африки. – 1962. – № 3. – С. 47–48.
[2] Подробнее см.: Кича М. В. Афганистан. Подлинная история страны-легенды. – М.: Эксмо, 2022. – С. 231.

обе стороны линии «Дюранда» постепенно приобретало антиколониальный и антиимпериалистический характер».[1]

Таким образом, к концу 50-х годов XX века внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана всё более воспринималась афганскими политическими и общественными кругами как политика двойных стандартов. С одной стороны, Вашингтон декларировал заинтересованность в развитии сотрудничества с Кабулом и расширял своё экономическое присутствие в стране, а с другой – последовательно поддерживал Исламскую Республику Пакистан в ключевых для Афганистана вопросах безопасности и территориально-политических споров. Именно данное противоречие стало одной из важнейших причин постепенного усиления советского влияния в Афганистане в последующие годы.

Таким образом, проанализировав «модернизацию» как инструмент политики Соединённых Штатов Америки в период премьерства М. Дауд-хана (1953–1963 гг.) в контексте советско-американского соперничества, мы пришли к следующим выводам:

– проблематика негативной внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в рассматриваемый период в предложенной концептуальной постановке до настоящего времени не становилась предметом самостоятельного комплексного исследования в современной афганистике. В рамках настоящей работы предпринята попытка систематизации разрозненных источников и научных материалов, посвящённых данному вопросу. Автором впервые введён в научный оборот ряд малоизвестных исследований афганских и иранских специалистов, позволяющих по-новому оценить эволюцию американской политики в отношении Афганистана в период премьерства М. Дауд-хана (1953–1963 гг.);

– распространённый в историографии тезис о том, что именно жёсткая политика М. Дауд-хана по вопросам линии «Дюранда», «Пуштунистана» и

[1] Подробнее см.: Ганковский Ю. В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – С. 272.

«Белуджистана» стала основной причиной отказа Соединённых Штатов Америки от установления тесного военно-технического сотрудничества с Афганистаном и одновременно обусловила усиление советского влияния в стране, представляется дискуссионным. Анализ различных научных подходов показывает, что среди афганистов и экспертов по международным отношениям отсутствует единое мнение относительно степени ответственности афганской стороны за ухудшение отношений Кабула с Вашингтоном;

– на наш взгляд, проблема оценки роли М. Дауд-хана в афгано-американских отношениях требует отдельного научного анализа. Вместе с тем можно утверждать, что именно в рассматриваемый период в Кабуле окончательно сформировалось представление о том, что Соединённые Штаты Америки рассматривают афгано-пакистанские отношения исключительно через призму стратегических интересов Исламской Республики Пакистан. Поддержка Вашингтоном позиции Исламабада по вопросу линии «Дюранда» стала одним из ключевых факторов роста недоверия афганских правящих кругов к американской политике;

– Соединённые Штаты Америки, исходя из собственных геостратегических интересов в регионе и обязательств перед Исламской Республикой Пакистан как главным региональным союзником, последовательно избегали установления полноформатного военно-технического сотрудничества с Афганистаном. Для этого Вашингтон использовал систему дипломатических ограничений, политических условий и заведомо трудновыполнимых требований, фактически блокировавших поставки американского вооружения Кабулу;

– подобная политика Вашингтона объективно способствовала укреплению позиций Советского Союза в Афганистане. Отказ Соединённых Штатов Америки от удовлетворения запросов Кабула в военно-технической и экономической сферах создал благоприятные условия для расширения советского присутствия в стране. Именно в рассматриваемый период были заложены основы долговременной геополитической конкуренции между Советским Союзом и Соединёнными Штатами Америки в Афганистане, последствия кото-

рой оказали серьёзное влияние на развитие афганской государственности во второй половине XX века;

– М. Дауд-хан и М. Наим-хан стремились использовать противостояние Советского Союза и Соединённых Штатов Америки в интересах модернизации Афганистана и укрепления его международных позиций. Афганское руководство пыталось проводить многовекторную политику, добиваясь получения экономической, финансовой и военно-технической помощи одновременно от обеих сверхдержав, не отказываясь при этом от официально провозглашённого курса нейтралитета;

– особое место во взаимоотношениях Соединённых Штатов Америки и Афганистана занимал Гильмендский проект, ставший крупнейшей инфраструктурной программой в истории страны. Реализация данного проекта превратилась не только в экономический, но и в геополитический фактор. Для Вашингтона успех проекта означал укрепление американского влияния в Афганистане и демонстрацию эффективности собственной модели развития, тогда как для Кабула он рассматривался как инструмент модернизации экономики и укрепления внутренней стабильности. Поэтому интересы Соединённых Штатов Америки и Афганистана в долине Гильменда временно совпали, а сам проект стал одним из символов соперничества сверхдержав в рамках «холодной войны»;

– вместе с тем в рассматриваемый период в Афганистане частично совпадали интересы как Соединённых Штатов Америки, так и Советского Союза. Советские и американские специалисты участвовали в реализации крупных инфраструктурных проектов, включая строительство автомобильных дорог, объектов энергетики и ирригационных систем. Эти проекты способствовали интеграции ранее труднодоступных районов Афганистана в единое экономическое пространство страны. При этом Соединённые Штаты Америки концентрировали своё инфраструктурное присутствие преимущественно в южных и восточных районах, ориентированных на Пакистан, тогда как Советский Союз укреплял транспортные коммуникации между северными регионами Афганистана и советскими республиками Средней Азии;

– характерной особенностью внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки и Советского Союза в Афганистане являлось также постепенное признание ими необходимости сосуществования и взаимного присутствия в данной стране. Несмотря на жёсткое геополитическое соперничество, обе сверхдержавы в отдельных сферах были вынуждены учитывать интересы друг друга. Афганистан в рассматриваемый период превратился в своеобразное пространство ограниченного соперничества и осторожного баланса, где Кабул пытался сохранить нейтралитет и избежать окончательного втягивания в орбиту одной из противоборствующих сторон.

4.2. Эволюция политико-экономического и военно-технического сотрудничества как отражение изменения стратегических приоритетов Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана (1953–1963 гг.)

Внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в 1953–1963 гг. отличалась рядом характерных особенностей, обусловленных как внутренней трансформацией афганского государства, так и изменением международной и региональной обстановки в условиях «холодной войны». Процессы и события, происходившие в Афганистане и регионе в рассматриваемый период, оказали существенное влияние на формирование политики Вашингтона в отношении Кабула. После назначения в 1953 году М. Дауд-хана – двоюродного брата и зятя короля М. Захир-шаха – на пост премьер-министра страны афгано-американские отношения постепенно вступили в фазу охлаждения.

Актуальность стратегических приоритетов Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в контексте эволюции политико-экономического и военно-технического сотрудничества Белого дома с исследуемой страны в рассматриваемый период определяется тем, что именно в это время в Вашингтоне начали рассматривать Кабул не только как нейтральное государство, расположенное на стыке Средней и Южной Азии,

но и как потенциальное пространство геополитического соперничества с Советским Союзом. По недостаточно изученным материалам, сразу после назначения М. Дауд-хана премьер-министром посольство Соединённых Штатов Америки в Кабуле подготовило и направило в Вашингтон секретный информационно-аналитический доклад, посвящённый личности нового главы афганского правительства, его политическим взглядам и вероятным направлениям внешней политики.

Так, по данным, О. Акрама в указанном аналитическом докладе дипломаты Вашингтона отмечали, что «Он (М. Дауд-хан – прим. авт.) положительно относится к Германии, поддерживает тесные контакты с немцами и выступает за развитие торговли с этим государством. Не любит Англию. Холодно относится к Соединённым Штатам Америки, поэтому в ближайшее время положительных сдвигов в отношениях между двумя государствами (Вашингтон и Кабул – прим. авт.) не ожидается. Отношения с Францией останутся без существенных изменений. Явной ориентации на Советский Союз не наблюдается, однако его политика в данном направлении будет зависеть от конкретных обстоятельств».[1]

Как следует из содержания данного документа, американские дипломаты ещё в начале премьерства М. Дауд-хана связывали возможное сближение Афганистана с Советским Союзом прежде всего с изменением внешнеполитической конъюнктуры и позицией Соединенных Штатов Америки. По мнению большинства афганских и региональных исследователей, главными факторами, подтолкнувшими М. Дауд-хана к развитию отношений с Советским Союзом, стали отказ Соединённых Штатов Америки от установления полноформатного военно-технического сотрудничества с Афганистаном, а также демонстративно пренебрежительное отношение ряда высокопоставленных представителей американской администрации к афганским инициативам.

[1] عاصم، اکرم. نگاهی به شخصیت، نظریات و سیاست‌های محمد داود. – تهران: انتشارات میزان، ۱۳۸۰. – ص. ۸۳. – به نقل از: اسناد وزارت خارجه ایالات متحدۀ امریکا. سند شمارۀ ۱۴۵۳/۷۸۹۰-۹/۱۳، آرشیف ملی امریکا، واشنگتن.

На наш взгляд, именно политика администрации президента Соединенных Штатов Америки Д. Д. Эйзенхауэра, а также позиция вице-президента Р. Никсона и государственного секретаря Дж. Ф. Даллеса сыграли важную роль в постепенном переориентировании внешней политики Афганистана в сторону Советского Союза. Значительная часть экспертов считает, что охлаждение отношений между Вашингтоном и Кабулом объяснялось прежде всего тем, что Соединённые Штаты Америки последовательно отвергали просьбы афганского руководства о развитии сотрудничества, особенно в военно-технической сфере.

Следует отметить, что М. Дауд-хан с первых дней пребывания на посту премьер-министра стремился к установлению всестороннего сотрудничества с Соединёнными Штатами Америки. Однако уже в декабре 1953 года, спустя всего несколько месяцев после его назначения, Вашингтон предоставил масштабную военную помощь Исламской Республике Пакистан в связи с присоединением последней к военно-политическим структурам западного блока, прежде всего к СЕНТО. Данный шаг был воспринят в Кабуле как прямой вызов национальной безопасности Афганистана.

По словам А. Ансори, «в ответ М. Дауд-хан заявил, что американская военная помощь Пакистану представляет угрозу интересам и безопасности Афганистана».[1] Исследователь отмечает, «несмотря на многолетние попытки афганского руководства добиться военной помощи от Соединённых Штатов Америки, Вашингтон предпочитал строить свою региональную стратегию в контексте интересов Пакистана. В результате помощь Соединённых Штатов Америки Афганистану фактически ограничилась Гильмендским проектом и отдельными программами экономического сотрудничества».[2]

З. Хасин подчёркивает, что «особенно серьёзный удар по афганской дипломатии был нанесён в 1956 году, когда СЕНТО и Соединённые Штаты Америки официально признали линию «Дюранда» государственной границей

[1] انصاری، خواجه بشیر احمد. افغانستان در آتش نفت. چ. ۲. – کابل: انتشارات میوند، ۱۳۸۰. – ص. ۸۰.

[2] Там же.

между Афганистаном и Исламской Республикой Пакистан. С точки зрения афганского руководства, данный шаг означал фактическую поддержку Вашингтоном позиции Исламабада в одном из наиболее чувствительных для Кабула вопросов».[1]

Как отмечает Р. Т. Ахрамович, «западные державы стремились использовать обострение афгано-пакистанских отношений как инструмент давления на Кабул с целью изменения его внешнеполитического курса и втягивания Афганистана в орбиту западного влияния. После того как в 1955 году Пакистан закрыл афганские консульства и торговые представительства, а также ограничил транзит товаров через свою территорию, экономика Афганистана оказалась в крайне сложном положении. В ответ афганское правительство объявило чрезвычайное положение и всеобщую мобилизацию».[2]

На наш взгляд недружественное и агрессивное отношение Пакистана к Афганистану было осуществлено с одобрением Соединенных Штатов Америки. Так, американская ежедневная газета «New York Herald Tribune» от 2 февраля 1955 года писала: «Новые события, связанные с установлением более тесных экономических связей между Афганистаном и СССР, могут побудить Соединенных Штатов Америки принять меры для нейтрализации советско-афганских связей».[3]

Ю. В. Ганковский в этой связи отмечает, что «Кабул одновременно поддерживал посреднические инициативы ряда ближневосточных государств по урегулированию конфликта с Пакистаном, что вызывало недовольство Соединённых Штатов Америки, опасавшихся ослабления собственных позиций в регионе. При этом Исламабад продолжал увязывать нормализацию от-

[1] ارشاد، ذاکر حسین. استراتژی امریکا در افغانستان پس از طالبان. چ. ۱. – کابل: انتشارات تاک، ۱۳۹۰. – ص. ۶۷–۷۰.
[2] Подробнее см.: Ахрамович Р. Т. Афганистан после Второй мировой войны: Очерк истории. – М.: ИВЛ, 1961. – С. 139.
[3] Подробнее см.: Советско-афганские отношения 1919–1969 гг. Документы и материалы. – М. 1971. – С. 7. Цит. по Теплинский Л. Б. СССР и Афганистан. 1919–1981 гг. – М.: Главная редакция восточной литературы, 1982. – С. 135.

ношений с Афганистаном с отказом Кабула от поддержки пуштунского национального движения».[1]

Данное сочетание факторов – настороженность Вашингтона в отношении посреднических инициатив Кабула, и неизменная жёсткость позиции Исламабада – заведомо ограничивало пространство для манёвра афганской дипломатии на американском направлении. Показательно, что визит М. Наим-хана в 1954 году по поручении М. Дауд-хана в Соединённые Штаты Америки не стал первым случаем, когда подобная конфигурация интересов обрекала на неудачу попытки афганского руководства наладить тесные отношения с Вашингтоном. Аналогичная проблема – только в ещё более острой форме – проявлялась и в политике М. Дауд-хана, занимавшего наиболее жёсткую позицию по вопросу «Пуштунистана» среди членов королевской семьи и одновременно являвшегося одним из наиболее последовательных сторонников развития военно-политического сотрудничества с Вашингтоном и получения американского вооружения. Именно это противоречие – сочетание жёсткого национализма и стремления к стратегическому партнёрству с Соединёнными Штатами Америки – стало одной из ключевых особенностей внешнеполитического курса М. Дауд-хана в рассматриваемый период.

Более того, как пишет М. Г. М. Губор, «М. Дауд-хан ещё в 1944 году обсуждал вопрос военно-технического сотрудничества с сотрудниками посольства Соединённых Штатов Америки в Афганистане. Будучи командующим армией «Центра», он обращался к американской стороне с просьбой оказать содействие в подготовке офицеров Вооружённых сил Афганистана в военных учебных заведениях Соединённых Штатов Америки. Более того, даже после подписания в 1955 году соглашения о военно-техническом сотрудничестве с Советским Союзом, укрепившего позиции Москвы в афганских Вооружённых

[1] Подробнее см.: Ганковский Ю. В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – С. 273.

силах, М. Дауд-хан продолжал предпринимать усилия по развитию отношений с Соединёнными Штатами Америки, в том числе в военной сфере».[1]

Несмотря на признание Вашингтоном линии «Дюранда» официальной границей между Афганистаном и Исламской Республикой Пакистан, М. Дауд-хан за год до своего визита в Соединённые Штаты Америки принял в Кабуле правительственную делегацию во главе с Дж. П. Ричардсом. Делегация прибыла в Афганистан в 1957 году с целью продвижения «доктрины Д. Д. Эйзенхауэра», предусматривавшей военную защиту государств Ближнего Востока от предполагаемой советской угрозы. Хотя переговоры М. Дауд-хана с Дж. П. Ричардсом не дали ожидаемых результатов, афганский премьер продолжал курс на установление более тесных отношений с Соединёнными Штатами Америки, прежде всего в военно-политической области.[2]

При этом в период правления М. Захир-шаха Афганистан, не имея возможности закупать вооружение американского производства в значительных объёмах, всё же направлял определённое число афганских слушателей и студентов на обучение в учебные заведения Соединённых Штатов Америки, включая подготовку по военным специальностям.[3]

Часть исследователей считает, что бескомпромиссная политика М. Дауд-хана по вопросу «Пуштунистана» стала главным препятствием для установления устойчивого военно-технического сотрудничества между Афганистаном и Соединёнными Штатами Америки. Так, З. Хасин подчёркивает, что «суть проблемы заключалась в односторонности американского подхода, при котором Вашингтон фактически отдавал приоритет защите интересов Исламской Республики Пакистан».[4]

Согласно З. Танину, «Соединённые Штаты Америки изначально опасались, что приход М. Дауд-хана к власти и его жёсткая позиция по «Пуштунистану» могут нарушить традиционный нейтральный курс Афганистана. В

---

[1] غبار، میر غلام محمد. افغانستان در مسیر تأریخ. جلد دوم. – تهران، ۱۳۷۴. – ص. ۷۸۶.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] ارشاد، ذاکر حسین. استراتژی امریکا در افغانستان پس از طالبان. چ. ۱. – کابل: انتشارات تاک، ۱۳۹۰. – ص. ۵۹.

этой связи Вашингтон стремился укреплять отношения с шахским Ираном и Исламской Республикой Пакистан, формируя региональный пояс сдерживания вокруг Афганистана и Советского Союза. Данная стратегия рассматривалась как форма давления на М. Дауд-хана и предполагала использование Исламабада в качестве ключевого инструмента влияния на Кабул».[1]

Как отмечает В. Г. Коргун, «очередная попытка Кабула получить экономическую и военную помощь от Соединённых Штатов Америки в 1954 году, в условиях нового обострения афгано-пакистанских отношений, вновь столкнулась с вежливым отказом. Американская сторона обещала рассмотреть вопрос военной помощи лишь при условии присоединения Афганистана к формировавшемуся Багдадскому пакту. После этого М. Дауд-хан принял решение обратиться за поддержкой к Советскому Союзу, в том числе в военно-технической сфере. Москва достаточно быстро отреагировала на инициативу Кабула, и уже в 1954 году было подписано советско-афганское соглашение о строительстве в Кабуле хлебокомбината и асфальтобетонного завода при техническом содействии Советского Союза».[2]

В том же 1954 году между Соединёнными Штатами Америки и Исламской Республикой Пакистан было заключено соглашение о предоставлении Пакистану американской военной помощи. После подписания турецко-пакистанского пакта под эгидой Вашингтона давление на Афганистан усилилось: Соединённые Штаты Америки стремились склонить Кабул к отказу от нейтралистского курса и вовлечь его в западную систему военно-политических блоков. Однако Афганистан недвусмысленно заявил об отказе от участия в подобных группировках.[3]

Активизация военно-политических усилий Соединённых Штатов Америки и Великобритании, а также поддержка ими позиции Пакистана по вопросу «Пуштунистана» вызвали болезненную реакцию Кабула. «В 1954 году

---

[1] طنین، ظاهر. افغانستان در قرن بیستم. چ. ۱. – تهران: انتشارات عرفان، ۱۳۸۲. – ص. ۱۸۶–۱۸۷.

[2] Подробнее см.: Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. – С. 306–307.

[3] Подробнее см.: Там же.

правительство М. Дауд-хана объявило о прекращении действия англо-афганского договора от 1921 года, что стало важным политическим сигналом недовольства афганской стороны прежней британской линией и её преемственностью в политике западных держав».[1]

Сближение Афганистана с Советским Союзом, поддержка Москвой позиции Кабула по вопросу «Пуштунистана» и особенно начало советской военно-технической помощи вызвали серьёзные опасения на Западе. В Соединённых Штатах Америки и их союзных кругах всё чаще высказывались опасения, что Афганистан постепенно переходит в сферу влияния Советского Союза. Не случайно журнал «Time» в этот период назвал премьер-министра Афганистана М. Дауд-хана «красным принцем».[2]

В условиях «холодной войны» Соединённые Штаты Америки вступили в активное соперничество с Советским Союзом за укрепление своих позиций в Афганистане. Если ещё в 1950 году в секретном докладе Объединённого комитета начальников штабов Соединённых Штатов Америки утверждалось, что «Афганистан не имеет существенного стратегического значения для Вашингтона, то уже во второй половине 1950-х годов американская сторона фактически заново «открыла» для себя афганское направление».[3] Одной из задач Вашингтона стала попытка частично перехватить у Советского Союза сферу военного сотрудничества с Кабулом. Однако масштабы американской подготовки афганских военных кадров оставались ограниченными: к 1962 году в Соединённых Штатах Америки прошли военную подготовку лишь 68 человек.[4]

«В 1956 году Соединённые Штаты Америки согласились оказать Афганистану помощь в развитии сельского хозяйства, горнодобывающей промышленности и просвещения. В 1958 году Исламская Республика Пакистан

[1] Подробнее см.: Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. – С. 306–307.
[2] Подробнее см.: Fletcher A. Afghanistan: Highway of Conquest. – Ithaca: Cornell University Press, 1965. – P. 285.
[3] Подробнее см.: Galster S. R. Washington, Moscow and the Struggle for Kabul: The Cold War Continues in Afghanistan. – New York, 1990. – P. 239.
[4] Подробнее см.: Bradsher H. S. Afghanistan and the Soviet Union. – Durham, NC: Duke Press Policy Studies, 1983. – P. 20.

предоставила Афганистану право транзитных перевозок через свою территорию. К концу 1950-х годов активизировали свою деятельность и западногерманские компании, участвовавшие в строительстве энергетических объектов и предприятий обрабатывающей промышленности».[1]

«После 1956 года Соединённые Штаты Америки стали проявлять больший интерес к долгосрочному экономическому сотрудничеству с Афганистаном. Американская помощь охватывала сферу образования, включая обучение афганских студентов в Соединённых Штатах Америки, издание школьных учебников, строительство сельских школ и учебных корпусов Кабульского университета, а также строительство дорог с твёрдым покрытием, продолжение работ по Гильмендскому ирригационному комплексу и строительство аэропортов. Кроме того, авиакомпания «Pan American» приобрела 49 % акций афганской авиакомпании «Ариана» и участвовала в её модернизации».[2]

Расширение сотрудничества Афганистана с другими государствами, прежде всего с Советским Союзом и Соединёнными Штатами Америки, оказывало заметное влияние на внутриполитическую обстановку в стране. При этом, несмотря на урегулирование афгано-пакистанского кризиса 1955 года, отношения между Кабулом и Исламабадом оставались напряжёнными. Как указывает А. Гаус, «дополнительный негативный отпечаток на политическую атмосферу в Афганистане наложило признание в 1956 году блоком СЕАТО по настоянию Пакистана линии «Дюранда» государственной границей между двумя странами».[3]

Как указывает М. А. Андешманд, «после ухудшения отношений Афганистана с Исламской Республикой Пакистан М. Дауд-хан в 1955 году обратился за военной помощью к Советскому Союзу. Военное сближение Кабула

[1] Подробнее см.: Ганковский Ю.В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – С. 278.
[2] Подробнее см.: Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. – С. 314.
[3] غوث، عبدالصمد. سقوط افغانستان: بیان شاهد عینی / مترجم از انگلیسی به فارسی دری: محمد یونس طغیان سکایی. – پشاور، ۲۰۰۰. – ص. ۸۹.

с Москвой, разумеется, ещё больше охладило и без того напряжённые отношения между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном».[1]

По сообщениям А. Гауса, «в июне 1959 года премьер-министр Афганистана М. Дауд-хан совершил официальный визит в Соединённые Штаты Америки, где провёл переговоры с президентом Д. Д. Эйзенхауэром, выступил перед членами обеих палат Конгресса и подписал соглашение о культурном сотрудничестве. Данный визит несколько ослабил опасения американской стороны относительно предполагаемых просоветских симпатий афганского премьера. Высокопоставленные сотрудники Министерства иностранных дел Афганистана оценивали результаты визита как свидетельство поддержки Соединёнными Штатами Америки политики Афганистана и готовности продолжать сотрудничество в деле развития страны».[2]

Однако, по мнению М. Г. М. Губора, «М. Дауд-хану не удалось существенно улучшить отношения с Соединёнными Штатами Америки из-за его настойчивой позиции в споре с Исламской Республикой Пакистан по вопросу «Пуштунистана»».[3]

По данным М. А. Андешманда, «в ноябре 1959 года президент Соединённых Штатов Америки Д. Д. Эйзенхауэр, находившийся с визитом в Индии, сделал шестичасовую остановку в Кабуле, где встретился с королём М. Захир-шахом и премьер-министром М. Дауд-ханом. В ходе встречи Д. Д. Эйзенхауэр подтвердил намерение Соединённых Штатов Америки продолжать оказание технико-экономической помощи Афганистану. Одновременно он оказал давление на М. Дауд-хана с целью побудить Кабул к улучшению отношений с Исламской Республикой Пакистан».[4]

Под влиянием этого давления М. Дауд-хан направил в Исламабад своего брата, министра иностранных дел Афганистана М. Наим-хана. Однако переговоры с военным правителем Исламской Республики Пакистан М. Аюб-

---

[1] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. چاپ اول. – کابل: بنگاه انتشارات میوند، ۱۳۸۴ [۲۰۰۵]. – ص. ۳۸–۳۹.
[2] غوث، عبدالصمد. سقوط افغانستان: بیان شاهد عینی / مترجم از انگلیسی به فارسی دری: محمد یونس طغیان سکایی. – پشاور، ۲۰۰۰. – ص. ۱۲۴.
[3] غبار، میر غلام محمد. افغانستان در مسیر تأریخ. جلد دوم. – تهران، ۱۳۷۴. – ص. ۷۸۷.
[4] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. چاپ اول. – کابل: بنگاه انتشارات میوند، ۱۳۸۴ [۲۰۰۵]. – ص. ۳۸–۳۹.

ханом не дали результатов. Пакистанский лидер принял афганского представителя достаточно холодно и фактически посвятил встречу демонстрации военной мощи своей страны. Визит был сорван, и М. Наим-хан немедленно вернулся в Кабул. Новый пакистанский правитель оказался ещё менее склонным к компромиссу по вопросу «Пуштунистана», чем его предшественники. Во второй половине 1950-х годов на афгано-пакистанской границе, особенно в районе Баджаура, продолжались вооружённые столкновения, временами с применением пакистанской авиации.[1]

В. Г. Коргун пишет, что «в августе 1961 года Исламская Республика Пакистан объявила о закрытии своих консульств в Джалалабаде и Кандагаре и потребовала закрытия афганских консульств и торговых представительств на своей территории. В ответ Афганистан заморозил дипломатические отношения с Исламской Республикой Пакистан и закрыл границу. Закрытие транзита через территорию Пакистана вынудило Афганистан использовать советское направление для перевозки грузов. Данный маршрут, однако, был недоступен для американских поставок, что заставило Соединённые Штаты Америки искать альтернативные пути доставки грузов в Афганистан. В результате в 1962 году было подписано афгано-иранское соглашение о транзите».[2]

Закрытие афгано-пакистанской границы привело к резкому росту масштабов советско-афганских торгово-экономических связей. Это не могло не вызвать беспокойства администрации Соединённых Штатов Америки, опасавшейся дальнейшего вовлечения Афганистана в орбиту советского влияния. Аналогичные опасения возникли и у Тегерана. Вашингтон давно использовал тезис об «угрозе с севера» в отношениях с Кабулом, и в сложившейся ситуации американская сторона увидела реальные основания для подобных опасений. Кроме того, становилась всё более очевидной ограниченная эффективность блока СЕНТО, занявшего жёсткую позицию по отноше-

[1] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. چاپ اول. – کابل: بنگاه انتشارات میوند، ۱۳۸۴ [۲۰۰۵]. – ص. ۳۸–۳۹.
[2] Подробнее см.: Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. – С. 320–321.

нию к Афганистану. В этих условиях Соединённые Штаты Америки решили активизировать усилия по нормализации афгано-пакистанских отношений.

Как сообщают афганские авторы, «в октябре 1961 года президент Соединённых Штатов Америки Дж. Ф. Кеннеди предложил королю Афганистана М. Захир-шаху посреднические услуги в урегулировании конфликта между Афганистаном и Исламской Республикой Пакистан. Исламабад воспринял данную инициативу без особого энтузиазма, тогда как Кабул поддержал её. Для реализации посреднической миссии Дж. Ф. Кеннеди назначил американского дипломата Ливингстона Л. Т. Мерчанта руководителем рабочей группы по примирению сторон».[1]

Л. Т. Мерчант посетил обе страны, однако договориться с их лидерами ему не удалось. Афганская сторона выдвигала предварительное условие нормализации: Исламская Республика Пакистан должна была открыть границу и восстановить деятельность афганских торговых представительств. Деятельность американской рабочей группы не принесла положительных результатов, поскольку в ходе переговоров американская сторона фактически пыталась обойти ключевые для Кабула вопросы линии «Дюранда», «Пуштунистана» и «Белуджистана». Соединённые Штаты Америки требовали от Афганистана уступок, которые афганские государственные деятели не могли принять без серьёзных внутриполитических последствий.[2]

Неудача миссии Л. Т. Мерчанта способствовала активизации посреднических усилий шаха Ирана, который давно пытался примирить Кабул и Исламабад. Его инициатива была поддержана обеими конфликтующими сторонами. В этот период послом Соединённых Штатов Америки в Кабуле был Г. А. Бирн, занимавший эту должность в 1959–1962 гг. Он поддерживал тесные связи с американским руководством и призывал Вашингтон усилить

[1] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. چاپ اول. – کابل: بنگاه انتشارات میوند، ۱۳۸۴ [۲۰۰۵]. – ص. ۴۰.
[2] Там же.

давление на Исламскую Республику Пакистан с целью смягчения её позиции по спорным вопросам.[1]

М. А. Андешманд указывает, что «в 1962 году во время ежегодной сессии Организации Объединённых Наций президент Соединённых Штатов Америки Дж. Ф. Кеннеди встретился с главой Исламской Республики Пакистан генералом М. Аюб-ханом и министром иностранных дел Афганистана М. Наим-ханом, стремясь найти способ урегулирования разногласий между двумя государствами. Дж. Ф. Кеннеди пытался убедить обе стороны отказаться от посредничества шаха Ирана, однако американская инициатива вновь не привела к устойчивому результату».[2]

В конце своего премьерства режим М. Дауд-хана столкнулся с рядом серьёзных проблем, нерешённость которых в конечном счёте привела к его отставке. Наиболее значимой из них оставался конфликт с Исламской Республикой Пакистан по вопросу «Пуштунистана». М. Дауд-хан не стремился к компромиссному урегулированию и после прихода к власти занял жёсткую позицию политической и военно-дипломатической конфронтации с Исламабадом. Хотя кризис 1955 года был урегулирован при посредничестве Соединённых Штатов Америки, Ирана и Египта, М. Дауд-хан не отказался от прежнего курса. Это усилило недовольство проамерикански ориентированной части политической элиты Кабула, которая критически относилась как к обострению отношений с Пакистаном, так и к растущему сближению Афганистана с Советским Союзом.

В мае 1963 года король М. Захир-шах принял отставку М. Дауд-хана. Разумеется, её причиной были не только сложные афгано-пакистанские отношения. Леон Пуллада отмечает, что «возможная международная изоляция Афганистана из-за позиции Кабула по вопросу «Пуштунистана» действительно могла повлиять на решение М. Дауд-хана уйти в отставку. Однако более существенным фактором, по мнению исследователя, стало то, что модер-

[1] اندیشمند، محمد اکرام. امریکا در افغانستان. چاپ اول. – کابل: بنگاه انتشارات میوند، ۱۳۸۴ [۲۰۰۵]. – ص. ۴۰.
[2] Там же.

низационная программа, активно продвигаемая самим М. Дауд-ханом, создала новые социально-политические условия, в рамках которых его авторитарный стиль управления стал устаревшим и всё менее соответствовал дальнейшей эволюции Афганистана как национального государства».[1]

Некоторые специалисты полагают, что отставка М. Дауд-хана с поста премьер-министра была также связана с давлением со стороны Соединённых Штатов Америки, которые рассматривали его как одно из главных препятствий на пути улучшения отношений между Афганистаном и Исламской Республикой Пакистан. Вашингтон, считавший Пакистан важнейшим союзником в Азии в условиях противостояния распространению коммунизма и влиянию Советского Союза, фактически увязывал развитие сотрудничества с Кабулом с позицией Исламабада. Пакистанская сторона, в свою очередь, добивалась от Афганистана официального признания линии «Дюранда» в качестве законной международной границы и отказа от любых претензий, связанных с «Пуштунистаном». Среди представителей афганской королевской семьи наиболее последовательно данные вопросы поднимали М. Дауд-хан и его брат М. Наим-хан, что неоднократно приводило к резкому обострению отношений с Пакистаном.

Вместе с тем режим М. Дауд-хана, несмотря на отсутствие открытой организованной оппозиции, не был абсолютно устойчивым. С одной стороны, премьер-министр обладал значительным политическим капиталом: он воспринимался как решительный государственный деятель, имел высокий статус внутри королевской семьи и пользовался поддержкой части армии. Его позиции укреплялись также благодаря советской военной и экономической помощи. Будучи в прошлом министром обороны, М. Дауд-хан активно участвовал в модернизации афганской армии и направлял молодых офицеров на обучение в военные учебные заведения Советского Союза, Турции, Соединённых Штатов Америки и Египта. Многие из этих офицеров происходили из средних и непри-

[1] Подробнее см.: Poullada L. B. The Search for National Unity // Afghanistan in the 1970s / ed. by L. Dupree, L. Albert. – New York: Praeger, 1974. – P. 46.

вилегированных слоёв общества. Именно новое поколение военных, получивших образование в 1950–1960-е годы, позднее стало одной из опор М. Дауд-хана в 1973 году, когда он сверг монархию и пришёл к власти при поддержке лояльных ему офицеров националистической и левой ориентации.

Соединённые Штаты Америки находились в сложном положении. С одной стороны, Вашингтон не возражал против расширения отношений Афганистана с Пакистаном, своим стратегическим союзником в регионе. С другой стороны, он не был заинтересован в полном переходе Афганистана в сферу влияния Советского Союза. М. Дауд-хан действительно стал одним из инициаторов военно-технического сближения с Москвой, однако это произошло во многом после того, как Соединённые Штаты Америки отказались удовлетворить запросы Кабула о военной помощи. Поэтому ответственность за усиление советского влияния в Афганистане нельзя возлагать исключительно на афганскую сторону. В то же время продолжение жёсткой политики М. Дауд-хана в отношении Пакистана ставило Вашингтон в неудобное положение и усиливало заинтересованность американской дипломатии в смене внутриполитической конфигурации в Кабуле.

К 1963 году Афганистан оказался на перекрёстке «холодной войны». На протяжении предыдущего десятилетия правительство М. Захир-шаха стремилось проводить политику неприсоединения, обращаясь за помощью как к Соединённым Штатам Америки, так и к Советскому Союзу, но не вступая официально в военные союзы ни одной из сторон. Фактически Афганистан стал одним из немногих государств, получавших значительную помощь от обеих конкурирующих сверхдержав. Жёсткая позиция М. Дауд-хана по вопросу «Пуштунистана» осложнила отношения с Пакистаном – южным соседом Афганистана и ключевым союзником Соединённых Штатов Америки. Изоляция от Пакистана и отказ Запада от полноценного военно-технического сотрудничества способствовали тому, что «правительство М. Дауд-хана в 1950-е годы обратилось к Советскому Союзу за военной подготовкой и во-

оружением. Москва с готовностью стала основным поставщиком оружия в Афганистан, что ещё больше укрепило советское влияние в стране».[1]

Американские официальные круги были обеспокоены вероятностью втягивания Афганистана в орбиту Советского Союза, особенно учитывая стратегическое положение страны. Однако «часть афганской королевской семьи и технократической элиты также опасалась чрезмерной зависимости от Москвы».[2] Эти круги «стремились создать внешнеполитический противовес, развивая связи с западными странами в сфере гражданских проектов, образования и технической помощи».[3] Соединённые Штаты Америки использовали данную возможность, расширяя в 1950-е – начале 1960-х годов программы экономической помощи Афганистану.[4] Крупные проекты, финансируемые Вашингтоном, включая ирригационную систему в долине Гильменд и строительство современной инфраструктуры, были направлены не только на развитие страны, но и на демонстрацию преимуществ партнёрства с Западом.

В марте 1963 года король М. Захир-шах фактически осуществил внутридинастическую политическую перестройку: он вынудил М. Дауд-хана уйти в отставку, стремясь улучшить отношения с Пакистаном и скорректировать внешнеполитический курс Афганистана. Десятилетнее премьерство М. Дауд-хана было значимым с точки зрения модернизации армии и укрепления государственного аппарата, однако его жёсткая линия в отношении Пакистана усилила региональную изоляцию страны. После ухода М. Дауд-хана король М. Захир-шах начал переход к новой модели государственного управления – конституционной монархии с избираемым парламентом.[5] Политическая либерализация, закреплённая Конституцией 1964 года, была

[1] Подробнее см.: Thomas E. Gouttierre. What History Can Teach Us About Contemporary Afghanistan [электронный ресурс] URL: https://www.asianstudies.org/publications/eaa/archives/what-history-can-teach-us-about-contemporary-afghanistan-2/#:~:text=Afghans%20often%20refer%20to%20the,constitution%20to%20his%20fellow%20citizens (дата обращения: 21.11.2023).
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Там же.
[5] Там же.

направлена на расширение участия новых групп в управлении, включая технократов, часть которых получила образование на Западе.

Отстранение М. Дауд-хана создало предпосылки для периода, который многие исследователи и представители афганского общества позднее оценивали, как одно из наиболее стабильных десятилетий в современной истории страны. Во внешнеполитическом плане это также открыло возможности для улучшения отношений с Соединёнными Штатами Америки, поскольку Вашингтон и Исламабад перестали воспринимать руководство Кабула как откровенно враждебное Пакистану и чрезмерно ориентированное на Советский Союз.

К середине 1963 года Афганистан оказался готов к проведению более сбалансированной и гибкой внешней политики. Правительство короля М. Захир-шаха подтвердило приверженность курсу нейтралитета и поддержанию дружественных отношений «со всеми государствами», как афганское руководство традиционно характеризовало свою политику неприсоединения. Тем самым были заложены основы для нового этапа внешнеполитического развития страны, в рамках которого Афганистан, оставаясь вне формальных военно-политических блоков, одновременно поддерживал тесные дипломатические отношения с Соединёнными Штатами Америки, получал значительную американскую экономическую помощь и продолжал активно сотрудничать с Советским Союзом.

В последующих разделах будет подробно рассмотрено развитие американо-афганских отношений в 1963–1973 гг. – в период относительной стабилизации, расширения экономического сотрудничества и активизации партнёрства в сфере развития, не сопровождавшихся прямыми политическими конфликтами между Кабулом и Вашингтоном.

Таким образом, исследуя политико-экономического и военно-технического сотрудничества как индикатор изменения стратегических приоритетов Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в 50-х – начало 60-х годов XX века, мы пришли к следующим выводам:

– установлено, что период 50-х – начало 60-х годов XX века стала переломным этапом в истории афгано-американских отношений, поскольку именно в это время противоречия между стратегией неприсоединения Кабула и блоковой политикой Вашингтона приобрели открытый и системный характер. Афганистан стремился сохранить самостоятельность внешнеполитического курса, тогда как Соединённые Штаты Америки рассматривали регион преимущественно через призму глобального противостояния с Советским Союзом;

– определено, что политика Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в рассматриваемый период характеризовалась внутренней противоречивостью. Вашингтон, с одной стороны, был заинтересован в сохранении Афганистана вне сферы исключительного влияния Советского Союза, а с другой – не был готов к полноценному военно-политическому сотрудничеству с Кабулом из-за союзнических обязательств перед Пакистаном;

– нами зафиксировано, что М. Дауд-хан не являлся изначально ориентированным исключительно на Советский Союз политическим деятелем. Напротив, анализ источников показывает, что афганское руководство неоднократно предпринимало попытки наладить тесное сотрудничество с Соединёнными Штатами Америки, прежде всего в военно-технической сфере. Однако отказ Вашингтона удовлетворить ключевые запросы Кабула подтолкнул афганское руководство к расширению отношений с Москвой;

– замечено, что одним из ключевых факторов ухудшения американо-афганских отношений стало различное понимание проблемы региональной безопасности. Для М. Дауд-хана вопрос «Пуштунистана» являлся частью национальной и государственной стратегии Афганистана, тогда как Соединённые Штаты Америки воспринимали жёсткую позицию Кабула как угрозу стабильности своего главного союзника в регионе – Исламской Республики Пакистан;

– исследованием раскрыто, что поддержка Вашингтоном Исламабада в вопросах линии «Дюранда» и «Пуштунистана» привела к серьёзному кризису доверия между Кабулом и Соединёнными Штатами Америки. Особенно негативное впечатление на афганское руководство произвели действия аме-

риканской дипломатии, связанные с отказом в поставках вооружения и фактическим игнорированием позиции Афганистана по ключевым вопросам национальной безопасности;

– выяснено, что политика Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в годы премьерства М. Дауд-хана способствовала усилению советского присутствия в стране. Военно-техническая и экономическая помощь Советского Союза постепенно превратилась в важнейший фактор модернизации афганского государства, армии и инфраструктуры, тогда как американское влияние в значительной степени ограничивалось экономическими и гуманитарными проектами;

– продемонстрировано, что несмотря на политические противоречия, Соединённые Штаты Америки продолжали рассматривать Афганистан как важное государство в системе регионального баланса сил. Именно этим объясняется активизация американской экономической помощи, развитие образовательных программ, инфраструктурных проектов и попытки посредничества в афгано-пакистанском конфликте;

– проведённый анализ показывает, что одним из существенных преимуществ советской модели взаимодействия с Афганистаном в рассматриваемый период являлось стремление учитывать принцип суверенитета и самостоятельности афганского государства. В отличие от этого, политика Соединённых Штатов Америки в сфере оказания Афганистану экономической и военно-технической помощи в большей степени сопровождалась политическими условиями и требованиями, отражавшими их стратегические интересы в регионе;

– в рассматриваемый период Афганистан превратился в одно из ключевых пространств геополитического соперничества сверхдержав в Центральной и Южной Азии. Особенность внешней политики Афганистана заключалась в том, что афганское руководство стремилось использовать конкуренцию между Соединёнными Штатами Америки и Советским Союзом для реализации собственных задач модернизации и укрепления государственности;

– отставка М. Дауд-хана в 1963 году стала результатом совокупности внутренних и внешнеполитических факторов. Ключевую роль сыграли обострение афгано-пакистанских отношений, региональная изоляция Афганистана, усиление зависимости от Советского Союза, а также стремление части афганской элиты и короля М. Захир-шаха перейти к более гибкой модели внутренней и внешней политики;

– завершение периода премьерства М. Дауд-хана ознаменовало окончание наиболее жёсткого этапа конфронтации между Кабулом и Вашингтоном. После 1963 года афганское руководство приступило к выстраиванию более сбалансированной модели отношений как с Соединёнными Штатами Америки, так и с Советским Союзом, что создало предпосылки для относительной стабилизации внешнеполитического положения Афганистана в последующее десятилетие.

4.3. От правительства М. Дауд-хана к «новой демократии»: политика Соединённых Штатов Америки в условиях внутриполитической либерализации и нарастания внешнеполитических противоречий в Афганистане (1963–1973 гг.)

Стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в последний период правления короля М. Захир-шаха, охватывающий 1963–1973 гг. и известный в афганской историографии как «десятилетие демократического эксперимента», представляет собой одну из наиболее значимых и противоречивых страниц новейшей истории Афганистана.

Данный этап стратегии Соединенных Штатов Америки в отношении Афганистана начинается с ухода М. Дауд-хана с поста премьер-министра и завершается его возвращением к власти уже в качестве президента Республики Афганистан. Весной 1963 года М. Дауд-хан покинул пост главы правительства, после чего началось последнее десятилетие правления короля М. Захир-шаха.

К этому времени внутри афганской королевской семьи значительно углубились противоречия, обусловленные как внутренними, так и внешнеполитическими факторами.

Во-первых, короля М. Захир-шаха и премьер-министра М. Дауд-хана всё более разделяли взгляды на масштабы, темпы и характер политической модернизации страны. Модель ограниченной однопартийной системы, к которой склонялся М. Дауд-хан, не соответствовала политическим представлениям короля, допускавшего возможность функционирования нескольких политических партий и постепенной либерализации общественно-политической жизни. М. Захир-шах не намеревался передавать инициативу в проведении предстоящих реформ своему двоюродному брату и стремился сохранить контроль над процессом трансформации политической системы Афганистана.

Во-вторых, в стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана М. Захир-шах и М. Дауд-хан воспринимались как две различные и во многом противоположные политические фигуры. Если М. Дауд-хан ассоциировался у американской дипломатии с жёстким национализмом, обострением отношений с Исламской Республикой Пакистан и расширением сотрудничества с Советским Союзом, то король М. Захир-шах рассматривался как более гибкий и предсказуемый партнёр, ориентированный на умеренный курс, политический баланс и сохранение политики неприсоединения.

Следует подчеркнуть, что вопрос о степени влияния Соединённых Штатов Америки на решение М. Захир-шаха отправить М. Дауд-хана в отставку до сих пор остаётся дискуссионным в научной литературе. Неясно, было ли это результатом внешнего давления, прежде всего со стороны Вашингтона и его региональных союзников, либо же М. Дауд-хан добровольно покинул пост премьер-министра в условиях усиливавшегося внутриполитического кризиса. Однако официальный визит короля М. Захир-шаха в Соединённые Штаты Америки, состоявшийся вскоре после отставки М. Дауд-хана и ставший первым подобным визитом за три десятилетия монархии, косвенно свидетельствует о стремлении Кабула начать новый этап отношений с Вашингтоном.

Стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в 1963–1973 гг. определялась тем, что, с одной стороны, отставка М. Дауд-хана открыла возможности для проведения более гибких политических реформ как во внутренней, так и во внешней политике Афганистана.[1] С другой стороны, Соединённые Штаты Америки стремились воспользоваться изменением политической ситуации в Кабуле для укрепления собственных позиций и ограничения дальнейшего расширения советского влияния.

В 1960-е годы продолжалось активное технико-экономическое сотрудничество Соединённых Штатов Америки с Афганистаном. Американская помощь осуществлялась главным образом через Агентство Соединённых Штатов Америки по международному развитию[2] и охватывала такие сферы, как сельское хозяйство, образование, промышленность, энергетика, горнодобывающая отрасль и дорожное строительство.

В указанный период Соединённые Штаты Америки построили автомобильные магистрали Кабул–Кандагар, Кандагар–Спинбулдак, Кабул–Торхам, Герат–Ислам-Кала, продолжили реализацию Гильмендского ирригационного комплекса, завершили строительство объектов Кабульского университета,

---

[1] Новое правительство возглавил М. Юсуф – бывший министр горных дел и промышленности в кабинете М. Дауд-хана. Он стал первым премьер-министром Афганистана, не являвшимся членом королевской семьи, а также не пуштуном по происхождению (таджик). М. Юсуф получил образование в Федеративной Республике Германии; к моменту прихода к власти ему было 49 лет. В сформированном им правительстве не оказалось ни одного представителя родовой аристократии, однако на многие посты были назначены сторонники бывшего министра экономики и президента Афганского национального банка («Афганнацбанка») А. М. Забули, который в 1964 году вернулся на родину из Соединенных Штатов Америки и занялся активизацией частного предпринимательства.

[2] *Агентство Соединенных Штатов Америки по международному развитию* (USAID) – независимое федеральное агентство, отвечающее за управление гражданской зарубежной помощью и содействием развитию. Создано в 1961 году президентом Дж. Кеннеди после принятия Закона об иностранной помощи (Foreign Assistance Act), реорганизовавшего программы международной поддержки Соединенных Штатов Америки. Агентство объединило существовавшие ранее инициативы в области экономического развития, здравоохранения и образования, став первым американским институтом, ориентированным на долгосрочное социально-экономическое развитие других государств. Несмотря на декларируемую гуманитарную направленность, создание агентства во многом определялось геополитическими соображениями: в условиях холодной войны Соединенные Штаты Америки стремились противостоять влиянию Советскому Союзу, предлагая развивающимся странам экономическую поддержку и гуманитарную помощь. USAID действовало под руководством президента, Государственного департамента и Совета национальной безопасности, имея представительства более чем в ста странах Африки, Азии, Латинской Америки, Ближнего Востока и Европы, и стало важным инструментом «мягкой силы» Вашингтона, сочетая поддержку местного населения с укреплением внешнеполитического влияния Соединенных Штатов Америки.

авторемонтных мастерских в Кабуле и Кандагаре, а также международного аэропорта в Кандагаре. В 1967 году при техническом содействии американской стороны началось строительство гидроэлектростанции Каджаки мощностью 33 тыс. кВт.[1] К этому времени общий объём американских кредитов и грантов Афганистану достиг приблизительно 350 млн долларов.[2]

Как указывает Г. Бродшир, «афганское руководство связывало с кандагарским аэропортом амбициозные планы превращения Афганистана в важный транзитный узел между Европой и Юго-Восточной Азией. Предполагалось, что Кандагар станет крупным пунктом дозаправки международных авиалайнеров. Однако к завершению строительства аэропорта мировая авиация уже переходила на реактивные самолёты, не нуждавшиеся в промежуточной дозаправке. Дополнительной проблемой являлась высокая стоимость импортируемого топлива. В результате проект не оправдал ожиданий, а Государственный департамент Соединённых Штатов Америки охарактеризовал его как «памятник плохому планированию»».[3]

Вместе с тем данный проект имел не только экономическое, но и военно-стратегическое значение. Американские военные и политические круги рассматривали кандагарский аэропорт как потенциальную базу Пентагона в случае возможного военного конфликта с Советским Союзом и как объект, пригодный для размещения американской стратегической авиации.[4]

Ю. В. Ганковский отмечает, что «отношение западных государств к оказанию помощи Афганистану в рамках второго пятилетнего плана определялось общими стратегическими интересами Запада в регионе. Соединённые Штаты Америки, вопреки прежним заявлениям, отказались от масштабного долгосрочного сотрудничества, ограничившись поддержкой отдельных проектов. Аналогичную позицию заняли и другие западные государства. Сокращение западной помощи осложнило реализацию ключевых объектов пяти-

[1] Подробнее см.: Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. – М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. – С. 349.
[2] Там же. – С. 348.
[3] Подробнее см.: Bradsher H. S. Afghanistan and the Soviet Union. – Durham, NC: Duke Press Policy Studies, 1983. – P. 29.
[4] Подробнее см.: Там же. – С. 30.

летнего плана и поставило под сомнение выполнение ряда программ социально-экономического развития»[1].

«Усилению политической нестабильности в стране способствовало и ухудшение экономической ситуации, вызванное сильнейшими засухами 1970–1971 и 1971–1972 гг. Засухи привели к резкому сокращению урожайности и массовому падежу скота, что вызвало серьёзный продовольственный кризис. Внутренних резервов для преодоления дефицита продовольствия у Афганистана не было, поскольку уже к концу 1960-х годов нехватка зерна достигала около 200 тыс. тонн. Дефицит покрывался за счёт поставок зерна из Соединённых Штатов Америки, Советского Союза и Исламской Республики Пакистан»[2]. «В сложившихся условиях афганское правительство было вынуждено вновь обратиться за международной помощью».[3]

После 1963 года Афганистан последовательно придерживался политики нейтралитета и неприсоединения в условиях «холодной войны». Правительство короля М. Захир-шаха декларировало курс на развитие дружественных отношений как с Востоком, так и с Западом, избегая вступления в военно-политические блоки. На практике это означало сохранение широкого экономического сотрудничества с Соединёнными Штатами Америки без открытой конфронтации с Советским Союзом.

Премьер-министр доктор М. Юсуф, сменивший М. Дауд-хана в конце 1963 года, а также его преемники неоднократно подчеркивали, что «Афганистан стремится поддерживать хорошие отношения со всеми державами, а региональные споры должны разрешаться мирными средствами».[4] Характерно, что Кабул сохранял нейтралитет во время индо-пакистанских войн 1965 и 1971 гг., несмотря на наличие серьёзных противоречий с Исламской Республикой Паки-

[1] Подробнее см.: Ганковский Ю.В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю.В. Ганковский. – М.: Мысль, 1982. – С. 279.
[2] Подробнее см.: Давыдов А. Афганистан / А. Давыдов. Н. Черняховская. – М.: Мысль, 1973. – С. 78.
[3] Подробнее см.: Ганковский Ю. В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М. : Мысль, 1982. – С. 313.
[4] Подробнее см.: Johnson L. B. Joint Statement Following Discussions With the Prime Minister of Afghanistan [Electronic resource] / ed. by G. Peters, J. T. Woolley // The American Presidency Project. – URL: https://www.presidency.ucsb.edu/node/237795 (date of access: 14.05.2023).

стан.[1] Подобная позиция была положительно воспринята Вашингтоном, который в рассматриваемый период оставался тесным союзником Исламабада.

После ухода М. Дауд-хана отношения между Афганистаном и Исламской Республикой Пакистан заметно улучшились, что устранило один из ключевых факторов напряжённости в американо-афганских отношениях. Одновременно правительство М. Захир-шаха укрепляло сотрудничество с Ираном – ещё одним региональным союзником Соединённых Штатов Америки. Символическим итогом данной политики стало подписание в 1973 году соглашения по использованию вод реки Гильменд, позволившего частично урегулировать многолетний афгано-иранский водный спор.

Одной из характерных особенностей политических отношений между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном в рассматриваемый период стал интенсивный обмен визитами на высоком государственном уровне, способствовавший укреплению взаимного доверия и политического диалога.

В сентябре 1963 года, в преддверии принятия новой Конституции Афганистана, спустя несколько месяцев после изменения внешнеполитического курса Кабула, король М. Захир-шах совершил государственный визит в Вашингтон, где был принят президентом Дж. Ф. Кеннеди с высшими государственными почестями. Данный визит стал символом восстановления отношений после напряжённого периода премьерства М. Дауд-хана. Президент Дж. Ф. Кеннеди, приветствуя короля и королеву Хумайру в Белом доме, подчеркнул наличие «долгой истории тесной дружбы» между двумя государствами.[2] Помимо официальных переговоров, афганский монарх посетил Нью-Йорк и Калифорнию, где ознакомился с достижениями американской экономики, науки и культуры. Как отмечал председатель нижней палаты парламента доктор А. Захир, целью визита было стремление «узнать по-

[1] Подробнее см.: Khalili Z., Seerat A. H., Keliwaal A. N. Afghanistan-Pakistan Political Relations (1963–73) // American Journal of Law and Political Science. – 2024. – Vol. 3, Issue 1. – P. 28–43. ISSN 2958-4108 (Online)

[2] Подробнее см.: Johnson L. B. Joint Statement Following Discussions With the Prime Minister of Afghanistan [Electronic resource] / ed. by G. Peters, J. T. Woolley // The American Presidency Project. – URL: https://www.presidency.ucsb.edu/node/237795 (date of access: 14.05.2023).

больше о демократии».[1] Данный визит имел важное символическое и политическое значение, поскольку демонстрировал заинтересованность афганского руководства в изучении западного опыта государственного управления и расширении сотрудничества с Соединёнными Штатами Америки.

В последующие годы дипломатические контакты между двумя странами продолжали активно развиваться. В марте 1967 года премьер-министр Афганистана М. Х. Майвандвол, ранее занимавший должность посланника Афганистана в Вашингтоне, посетил Соединённые Штаты Америки по приглашению президента Л. Б. Джонсона.[2] В ходе переговоров американская сторона положительно оценила усилия афганского руководства по развитию демократических институтов и подтвердила готовность продолжить оказание экономической помощи в реализации третьего пятилетнего плана развития страны.[3]

Особое значение имело то обстоятельство, что в ходе переговоров обсуждались не только двусторонние отношения, но и актуальные международные проблемы, включая войну во Вьетнаме.[4] Это свидетельствовало о стремлении Афганистана позиционировать себя как ответственное нейтральное государство, способное участвовать в обсуждении глобальных вопросов международной политики.

Важным эпизодом развития двусторонних отношений стал визит вице-президента Соединённых Штатов Америки С. Агню в Кабул в октябре 1969 года. Его сопровождали астронавты программы «Аполлон» Т. Стаффорд и Ю. Сернан, совершавшие поездку по странам Азии после успешной высадки человека на Луну. В ходе визита королю М. Захир-шаху были вручены символические подарки: образец лунного грунта, афганский государственный флаг, находившийся на борту «Аполлона-11», а также фотографии территории Афганистана, сделанные из космоса. Подобные акции культурной ди-

---

[1] اطلاعات. – ۱۹۶۳، ۱۸ ژوئیه.

[2] Подробнее см.: Johnson L. B. Joint Statement Following Discussions With the Prime Minister of Afghanistan [Electronic resource] / ed. by G. Peters, J. T. Woolley // The American Presidency Project. – URL: https://www.presidency.ucsb.edu/node/237795 (date of access: 14.05.2023).

[3] Там же.

[4] Там же.

пломатии способствовали укреплению положительного имиджа Соединённых Штатов Америки в афганском обществе.[1]

К началу 1970-х годов в Афганистане работали многочисленные американские дипломаты, инженеры, преподаватели и волонтёры, что свидетельствовало о расширении гуманитарного и образовательного сотрудничества между двумя государствами.

На протяжении всего рассматриваемого периода афганское руководство стремилось поддерживать баланс в отношениях между двумя сверхдержавами. Советский Союз внимательно наблюдал за усилением американо-афганского сотрудничества и опасался постепенного превращения Афганистана в политического союзника Запада. Отчасти именно этим объясняется поддержка Москвой создания «Народно-демократической партии Афганистана» в 1965 году.

Однако правительство М. Захир-шаха последовательно придерживалось политики равновесия, продолжая одновременно сотрудничество как с Советским Союзом, так и с Соединёнными Штатами Америки. Вашингтон, в свою очередь, также не стремился вынудить Кабул сделать окончательный выбор между двумя блоками. Американское руководство исходило из того, что сохранение независимого и неприсоединившегося Афганистана являлось более предпочтительным вариантом, чем его полное вхождение в сферу влияния Советского Союза.[2]

В течение 1963–1973 гг. Афганистан эффективно использовал соперничество сверхдержав, извлекая выгоду из своеобразного «соревнования помощи» между Востоком и Западом. Афганское руководство стремилось получать экономическую и техническую поддержку от обеих сторон, одновременно сохраняя собственную политическую автономию. Подобная стратегия позволяла Кабулу проводить относительно самостоятельную внешнюю по-

[1] Подробнее см.: Johnson L. B. Joint Statement Following Discussions With the Prime Minister of Afghanistan [Electronic resource] / ed. by G. Peters, J. T. Woolley // The American Presidency Project. – URL: https://www.presidency.ucsb.edu/node/237795 (date of access: 14.05.2023).

[2] Подробнее см.: Ermanni G. New Book Unveils Untold Story of U.S. Engagement in Afghanistan Prior to Soviet Invasion [Electronic resource]: [interview with R. Rakove] // Center for International Security and Cooperation, Stanford University. – 2023. – July 10. – URL: https://cisac.fsi.stanford.edu/news/new-book-unveils-untold-story-us-engagement-afghanistan-prior-soviet-invasion (date of access: 15.07.2024).

литику и обеспечивать внутреннюю модернизацию страны без формального присоединения к какому-либо военно-политическому блоку.[1]

К началу 1970-х годов американские политические круги рассматривали Афганистан как сравнительно стабильное и нейтральное государство, не имеющее первостепенного значения в глобальном противостоянии, однако представляющее важность с точки зрения сохранения региональной стабильности и недопущения дальнейшего расширения советского влияния в Южной и Средней Азии.[2]

В отличие от таких острых зон международного противостояния, как Вьетнам или Ближний Восток, Афганистан в 1960-е годы воспринимался как относительно успешный пример политики неприсоединения. Позднее, уже после завершения правления М. Захир-шаха, один из американских дипломатов отмечал, что и Соединённые Штаты Америки, и Советский Союз в целом считали афганский статус-кво приемлемым.[3] Это свидетельствует о том, что политика балансирования, проводимая Кабулом, на данном этапе была достаточно эффективной.[4]

Характерной чертой этого периода являлось своеобразное сосуществование представителей Востока и Запада в Афганистане. В Кабуле можно было видеть американских волонтёров «Корпуса мира» и советских инженеров, которые работали в разных сферах, но фактически участвовали в общей модернизации страны.[5] Подобная ситуация отражала особенность афганской модели неприсоединения: Кабул стремился использовать возможности обеих сверхдержав, не вступая при этом в формальную зависимость ни от одной из них.

---

[1] Подробнее см.: Ermanni G. New Book Unveils Untold Story of U.S. Engagement in Afghanistan Prior to Soviet Invasion [Electronic resource]: [interview with R. Rakove] // Center for International Security and Cooperation, Stanford University. – 2023. – July 10. – URL: https://cisac.fsi.stanford.edu/news/new-book-unveils-untold-story-us-engagement-afghanistan-prior-soviet-invasion (date of access: 15.07.2024).
[2] Там же.
[3] Там же.
[4] Подробнее см.: Gouttierre T. E. What History Can Teach Us about Contemporary Afghanistan [Electronic resource] // Education About Asia. – Association for Asian Studies. – URL: https://www.asianstudies.org/publications/eaa/archives/what-history-can-teach-us-about-contemporary-afghanistan-2/ (date of access: 21.11.2023).
[5] Там же.

На региональном уровне улучшение отношений Афганистана с соседними государствами в последнее десятилетие правления М. Захир-шаха косвенно способствовало укреплению связей между Кабулом и Вашингтоном. После 1963 года «отношения Афганистана с Исламской Республикой Пакистан заметно улучшились: была урегулирована проблема закрытия афгано-пакистанской границы, восстановились торговые и транспортные связи. Афганистан сохранял нейтралитет во время индо-пакистанских войн 1965 и 1971 годов, что положительно воспринималось как Исламабадом, так и Вашингтоном».[1]

Аналогичным образом Афганистан поддерживал дружественные отношения с Ираном, где в этот период правил шах М. Р. Пахлави – один из ключевых региональных союзников Соединённых Штатов Америки. «В 1973 году Афганистан и Иран подписали договор о водах реки Гильменд, что позволило урегулировать давний спор о распределении водных ресурсов».[2] Данное соглашение соответствовало интересам Вашингтона, поскольку способствовало стабилизации отношений между двумя государствами, важными для американской региональной политики.

Соединённые Штаты Америки внимательно следили и за внутриполитическими процессами в Афганистане. Эксперимент М. Захир-шаха с конституционной монархией привёл к определённому оживлению политической жизни: были проведены парламентские выборы 1965 и 1969 годов, расширилось пространство для прессы, усилилось влияние левых и исламистских идей среди образованной городской молодёжи. Вместе с тем Вашингтон, как правило, воздерживался от прямого вмешательства во внутреннюю политику Афганистана.

Американская стратегия заключалась прежде всего в поддержке действующего правительства и его программы развития, а не в открытой поддержке отдельных политических группировок. В отличие от последующих

[1] Подробнее см.: Khalili Z., Seerat A. H., Keliwaal A. N. Afghanistan-Pakistan Political Relations (1963–73) // American Journal of Law and Political Science. – 2024. – Vol. 3, Issue 1. – P. 28–43. ISSN 2958-4108 (Online)

[2] Подробнее см.: Zikria A. F. Water Diplomacy between Iran and Afghanistan [Electronic resource] // Afghan Institute for Strategic Studies (AISS). – URL: https://www.aissonline.org/en/opinions/water-diplomacy-between-iran-and-afghanistan/395 (date of access: 16.10.2024).

десятилетий, в рассматриваемый период отсутствуют убедительные свидетельства масштабного вмешательства Центрального разведывательного управления Соединённых Штатов Америки во внутриполитические процессы Афганистана. Вашингтон, по-видимому, исходил из того, что умеренная и реформаторская монархия М. Захир-шаха способна самостоятельно сохранять контроль над политической ситуацией.

Несмотря на студенческие протесты и политические волнения в Кабуле в конце 1960-х годов, М. Захир-шах в целом удерживал внутриполитическую стабильность без массовых репрессий. В афганской и зарубежной литературе нередко подчёркивался, что за время своего правления он не подписал ни одного приказа о политической казни. Подобная умеренность способствовала формированию положительного имиджа Афганистана на Западе. Американские официальные круги воспринимали страну в последнее десятилетие правления М. Захир-шаха как умеренное, прогрессивное и дружественное государство, выгодно отличавшееся от ряда проамериканских авторитарных режимов региона.

Основу американо-афганских отношений в рассматриваемый период составляли экономическая помощь и проекты развития. Соединённые Штаты Америки и Советский Союз вкладывали значительные средства в модернизацию Афганистана, конкурируя за влияние в условиях «холодной войны». В результате Афганистан стал одним из крупнейших получателей иностранной помощи на душу населения в 1950–1970-е годы.[1]

Американские программы помощи, реализуемые преимущественно через Агентство Соединённых Штатов Америки по международному развитию, сыграли важную роль в развитии инфраструктуры и человеческого капитала

[1] Подробнее см.: Zikria A. F. Water Diplomacy between Iran and Afghanistan [Electronic resource] // Afghan Institute for Strategic Studies (AISS). – URL: https://www.aissonline.org/en/opinions/water-diplomacy-between-iran-and-afghanistan/395 (date of access: 16.10.2022).

Афганистана. Афганское руководство рассматривало эту помощь как важный элемент реализации пятилетних планов модернизации страны.[1]

Ключевыми направлениями американской помощи являлись сельское хозяйство, ирригация, транспортная инфраструктура, образование и здравоохранение. Одним из наиболее значимых проектов оставалась программа развития долины Гильменд, начатая ещё в 1950-е годы и продолженная в 1960-е годы. Несмотря на противоречивые оценки её эффективности, данный проект стал символом американского участия в модернизации Афганистана.

Существенным вкладом Соединённых Штатов Америки стало развитие транспортной инфраструктуры Афганистана. В 1960-е годы при поддержке Агентства Соединённых Штатов Америки по международному развитию была построена автомагистраль Кабул–Кандагар, связавшая столицу со вторым по значению городом страны современной асфальтированной дорогой.[2] Кроме того, американская сторона участвовала в строительстве международного аэропорта Кандагар, завершённого в 1962 году. Его масштабная инфраструктура, включая длинную взлётно-посадочную полосу, символизировала стремление превратить юг Афганистана в важный транспортный узел.

Одновременно Советский Союз реализовывал крупные инфраструктурные проекты «на севере страны, включая строительство Салангского тоннеля и развитие кабульского аэропорта».[3] В результате сложилось своеобразное разделение сфер инфраструктурного участия: «Соединённые Штаты Америки активнее действовали на южном и восточном направлениях, тогда как Советский Союз сосредоточивался на северных коммуникациях. Независимо от того, было ли это результатом координации или параллельного со-

[1] Подробнее см.: Johnson L. B. Joint Statement Following Discussions With the Prime Minister of Afghanistan [Electronic resource] / ed. by G. Peters, J. T. Woolley // The American Presidency Project. – URL: https://www.presidency.ucsb.edu/node/237795 (date of access: 14.05.2023).
[2] Подробнее см.: Gouttierre T. E. What History Can Teach Us about Contemporary Afghanistan [Electronic resource] // Education About Asia. – Association for Asian Studies. – URL: https://www.asianstudies.org/publications/eaa/archives/what-history-can-teach-us-about-contemporary-afghanistan-2/ (date of access: 21.11.2023).
[3] Там же.

перничества, Афганистан в 1960-е годы превратился в своеобразную витрину конкурирующего сотрудничества Востока и Запада в сфере развития».[1]

В сельском хозяйстве, помимо Гильмендского проекта, американские специалисты внедряли новые методы земледелия, программы кредитования и современные агротехнические подходы. Консультанты Агентства Соединённых Штатов Америки по международному развитию работали совместно с афганскими чиновниками и фермерами, особенно в южных провинциях. В то же время советская сельскохозяйственная помощь была в большей степени сосредоточена в северных районах Афганистана. Благодаря совокупности международных программ к концу 1960-х годов Афганистану удалось приблизиться к самообеспечению в производстве зерна.[2]

Сфера образования являлась одним из приоритетных направлений американской помощи Афганистану. В 1960-е годы в стране наблюдалось заметное расширение образовательной системы: строились новые школы, развивалась подготовка педагогических кадров, а Кабульский университет пополнялся новыми факультетами и образовательными программами. Многие афганские технократы и министры кабинета в 1963–1973 гг. получили образование в университетах Соединённых Штатов Америки благодаря стипендиальным программам и академическим обменам, включая программу Фулбрайта.[3]

При разработке Конституции 1964 года король М. Захир-шах опирался в том числе на помощь афганских специалистов, получивших образование на Западе, прежде всего в Соединённых Штатах Америки. Кабульский университет развивал сотрудничество с американскими высшими учебными заведениями; в частности, Университет Вайоминга содействовал формированию сельскохозяйственного факультета. «Американская международная школа в Кабуле, где обучались дети иностранных специалистов и афганской элиты, также способ-

[1] Подробнее см.: Gouttierre T. E. What History Can Teach Us about Contemporary Afghanistan [Electronic resource] // Education About Asia. – Association for Asian Studies. – URL: https://www.asianstudies.org/publications/eaa/archives/what-history-can-teach-us-about-contemporary-afghanistan-2/ (date of access: 21.11.2023).
[2] Там же.
[3] Там же.

ствовала развитию межкультурных связей».[1] В 1967 году президент Л. Б. Джонсон особо отметил «долгосрочный характер сотрудничества между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном в сфере образования, рассматривая его как один из ключевых элементов двусторонних отношений».[2]

Американская образовательная помощь соответствовала стремлению афганского руководства к модернизации страны. К началу 1970-х годов уровень грамотности и школьной посещаемости постепенно повышался, а западные идеи всё активнее проникали в среду образованной городской молодёжи.

Вместе с тем помощь Соединённых Штатов Америки не была лишена недостатков. «Американские специалисты по планированию развития нередко недооценивали социальную и культурную специфику Афганистана. Позднейшие оценки показывали, что Вашингтон чрезмерно полагался на технические решения и не всегда адаптировал проекты к местным условиям».[3] Кроме того, использование помощи как инструмента соперничества времён «холодной войны» иногда приводило к экономически спорным решениям: «проекты утверждались не столько из-за их практической целесообразности, сколько ради укрепления политического влияния и конкуренции с Советским Союзом».[4]

Критики отмечали, что Афганистан часто не располагал достаточным количеством подготовленных специалистов для эффективного обслуживания новых объектов после ухода иностранных консультантов. Это снижало долгосрочную устойчивость отдельных проектов. Тем не менее нельзя отрицать, что американская помощь внесла заметный вклад в развитие Афганистана в конце 1960-х годов: была создана базовая инфраструктура, расширились об-

[1] Подробнее см.: Ermanni G. New Book Unveils Untold Story of U.S. Engagement in Afghanistan Prior to Soviet Invasion [Electronic resource]: [interview with R. Rakove] // Center for International Security and Cooperation, Stanford University. – 2023. – July 10. – URL: https://cisac.fsi.stanford.edu/news/new-book-unveils-untold-story-us-engagement-afghanistan-prior-soviet-invasion (date of access: 15.07.2024).
[2] Подробнее см.: Johnson L. B. Joint Statement Following Discussions With the Prime Minister of Afghanistan [Electronic resource] / ed. by G. Peters, J. T. Woolley // The American Presidency Project. – URL: https://www.presidency.ucsb.edu/node/237795 (date of access: 14.05.2023).
[3] Подробнее см.: Wilder A. Losing Hearts and Minds in Afghanistan [Electronic resource] // Middle East Institute (MEI). – 2009, December (originally posted); 2012, April 20. – URL: https://www.mei.edu/publications/losing-hearts-and-minds-afghanistan (date of access: 21.11.2023).
[4] Там же.

разовательные возможности, улучшились отдельные показатели здравоохранения и сформировались предпосылки для дальнейшей модернизации при условии сохранения политической стабильности.

Одной из важных инициатив стал Третий пятилетний план развития Афганистана (1967–1972 гг.), который премьер-министр М. Х. Майвандвол обсуждал с президентом Л. Б. Джонсоном во время визита в Соединённые Штаты Америки в 1967 году. «План был направлен на ускорение экономического развития страны, а Вашингтон выразил готовность поддержать его реализацию».[1] Он включал расширение производства электроэнергии, развитие промышленных предприятий, в том числе текстильных и цементных заводов, а также модернизацию транспортной сети.

Американская и западногерманская помощь содействовала строительству новых энергетических объектов в Кабуле и развитию системы подготовки инженерных кадров. Агентство Соединённых Штатов Америки по международному развитию также поддерживало программы общественного здравоохранения, включая борьбу с малярией и расширение вакцинации. К началу 1970-х годов в Афганистане была ликвидирована оспа, что стало значимым достижением международного медицинского сотрудничества, в котором участвовали и американские специалисты.

Заметной особенностью экономического участия Соединённых Штатов Америки было привлечение частных американских подрядчиков и консультантов. Такие компании, как «Louis Berger Group», участвовали в проектировании дорог и городских планов, а другие специалисты консультировали афганские министерства по вопросам управления и развития. Присутствие гражданских подрядчиков усиливало представление об американо-афганском сотрудничестве как о партнёрстве в сфере модернизации. Многие афганцы, работавшие с американскими специалистами, позднее вспоминали этот пе-

[1] Подробнее см.: Johnson L. B. Joint Statement Following Discussions With the Prime Minister of Afghanistan [Electronic resource] / ed. by G. Peters, J. T. Woolley // The American Presidency Project. – URL: https://www.presidency.ucsb.edu/node/237795 (date of access: 14.05.2023).

риод как время надежд и возможностей, когда Афганистан воспринимался как развивающаяся страна, а не как территория затяжного конфликта.

Таким образом, экономическое сотрудничество Соединённых Штатов Америки с Афганистаном в 1963–1973 гг. было широким и многоотраслевым. Оно включало строительство инфраструктурных объектов, развитие ирригации, транспортных коммуникаций, образования, здравоохранения и сельского хозяйства. Однако его стратегическая логика определялась не только задачами модернизации, но и условиями «холодной войны»: «помощь рассматривалась Вашингтоном как инструмент сохранения влияния в Афганистане и недопущения полного доминирования Советского Союза».[1] Несмотря на сомнительную устойчивость отдельных проектов, американское содействие оставило заметный след в афганской экономике, инфраструктуре и системе образования.

Помимо официальной дипломатии и экономической помощи, отношения между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном в рассматриваемый период характеризовались активными культурными и человеческими контактами. В 1960-е годы американцы стали заметной частью городской и образовательной жизни Афганистана – как преподаватели, волонтёры, инженеры, предприниматели и путешественники.

Одним из наиболее значимых инструментов гуманитарного присутствия Соединённых Штатов Америки стал «Корпус мира». Его программа в Афганистане началась в 1962 году и продолжалась в 1960–1970-е годы. В её рамках сотни молодых американских волонтёров направлялись для работы в афганские города и сельские общины. К началу 1970-х годов Афганистан считался одним из наиболее активных направлений деятельности «Корпуса мира». Волонтёры работали в сферах образования, сельского хозяйства, здравоохранения и общинного развития.

[1] Подробнее см.: Wilder A. Losing Hearts and Minds in Afghanistan [Electronic resource] // Middle East Institute (MEI). – 2009, December (originally posted); 2012, April 20. – URL: https://www.mei.edu/publications/losing-hearts-and-minds-afghanistan (date of access: 21.11.2023).

Американские добровольцы преподавали английский язык в средних школах, участвовали в вакцинации детей, консультировали сельских жителей по агротехническим вопросам, помогали в обучении бухгалтерскому учёту и управлению в провинциальных городах.[1] Они изучали местные языки и нередко устанавливали устойчивые личные связи с афганскими семьями и общинами. По свидетельствам современников, афганские школы активно стремились получить преподавателей английского языка из «Корпуса мира», а в Кабуле студенты даже проводили демонстрации с требованием увеличить число американских учителей.

Присутствие американских волонтёров способствовало формированию более благоприятного образа Соединённых Штатов Америки среди простых афганцев. Добровольцы жили в местных сообществах, старались уважать афганские обычаи и вели относительно скромный образ жизни. Особенно показательно, что в конце 1960-х годов женщины-волонтёры «Корпуса мира» могли свободно передвигаться по афганским городам, в том числе на велосипедах, что отражало сравнительно высокий уровень безопасности и социальной открытости того периода.[2]

Многие афганцы приглашали американских волонтёров в свои дома на чай, свадьбы и праздники, проявляя традиционное гостеприимство. Правительство М. Захир-шаха также высоко ценило деятельность «Корпуса мира», поскольку его волонтёры восполняли нехватку квалифицированных кадров, особенно в преподавании английского языка и работе в сельских районах, не создавая серьёзной нагрузки на государственный бюджет Афганистана.

Помимо деятельности «Корпуса мира», важную роль в развитии американо-афганских отношений играли академические и культурные обмены. Афганские студенты, преподаватели и государственные служащие направлялись в Соединённые Штаты Америки по программам Фулбрайта и другим

[1] Подробнее см.: Gouttierre T. E. What History Can Teach Us about Contemporary Afghanistan [Electronic resource] // Education About Asia. – Association for Asian Studies. – URL: https://www.asianstudies.org/publications/eaa/archives/what-history-can-teach-us-about-contemporary-afghanistan-2/ (date of access: 21.11.2023).
[2] Там же.

образовательным грантам, тогда как американские исследователи и специалисты работали в Афганистане. Среди них особое место занимал известный американский антрополог Л. Дюпре, который проводил научные исследования в стране и сотрудничал с Кабульским университетом.

Информационная служба Соединённых Штатов Америки организовала в Афганистане американский культурный центр и библиотеку, где были представлены англоязычная литература, документальные фильмы и материалы, посвящённые американской культуре и образу жизни. Подобные учреждения постепенно превратились в важные площадки общения для англоговорящей части афганского общества, прежде всего студентов, преподавателей и выпускников западных университетов. В результате в Афганистане сформировалась сравнительно небольшая, но влиятельная прослойка образованной элиты, ориентированной на западные образовательные и культурные модели и лично знакомой с Соединёнными Штатами Америки.

Таким образом, исследуя стратегию Соединённых Штатов Америки в условиях внутренней либерализации и нарастания внешнеполитических противоречий Афганистана (1963–1973 гг.): от правительства М. Дауд-хана к «новой демократии», можно сделать следующие выводы:

– Афганистан в 1960-е годы сумел получить значительные политические и экономические преимущества благодаря традиционной для своей внешней политики стратегии балансирования между великими державами. Афганистан эффективно использовал соперничество между Советским Союзом и Соединёнными Штатами Америки, привлекая помощь одновременно от обеих сверхдержав и сохраняя формальный нейтралитет. Однако, несмотря на активизацию американского присутствия, позиции СССР в Афганистане продолжали оставаться доминирующими, особенно в военно-политической сфере;

– важным фактором роста внутриполитической нестабильности стало ухудшение социально-экономической ситуации в начале 1970-х годов. Засухи 1970–1971 и 1971–1972 гг. привели к резкому сокращению урожая и массовому падежу скота, вызвав острый продовольственный кризис. Дефицит зерна, кото-

рый к концу 1960-х годов достигал около 200 тыс. тонн, покрывался за счёт поставок из Соединённых Штатов Америки, Советского Союза и Исламской Республики Пакистан. В этих условиях правительство Афганистана было вынуждено обращаться за внешней гуманитарной и экономической помощью;

– Советский Союз в 1960-е годы оказал существенное влияние на модернизацию вооружённых сил Афганистана. После предоставления военного кредита в 1956 году Москва приступила к перевооружению афганской армии и подготовке её кадров по советским стандартам. Уже к концу 1950-х годов советское военное присутствие в Афганистане значительно усилилось, а обучение афганских офицеров в военных учебных заведениях СССР приобрело системный характер. Это способствовало укреплению советского влияния в афганских силовых структурах;

– вместе с тем Соединённые Штаты Америки также стремились сохранить ограниченное присутствие в сфере военного образования. Несмотря на отказ Вашингтона поставлять Кабулу вооружение, афганские офицеры направлялись на обучение в американские военные учебные заведения. По данным афганских и зарубежных авторов, в период правления М. Захир-шаха в Соединённых Штатах Америки проходили подготовку десятки афганских военнослужащих. Это свидетельствовало о стремлении Вашингтона сохранить определённые позиции в афганской военной элите даже в условиях доминирования советского военно-технического сотрудничества;

– политика позитивного нейтралитета, проводимая Афганистаном, противоречила стратегическим интересам западных держав во главе с Соединёнными Штатами Америки. В начале 1960-х годов на Западе усилились попытки дискредитировать нейтралистский курс Кабула, а советско-афганское сотрудничество всё чаще представлялось как угроза региональному балансу сил. Вместе с тем Вашингтон был вынужден учитывать реальность: афганское руководство не собиралось отказываться от политики неприсоединения и стремилось сохранить равновесие между двумя сверхдержавами;

– стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в рассматриваемый период приобрела преимущественно «мягкий» характер. Вашингтон делал ставку на экономическую помощь, образовательные программы, культурную дипломатию и гуманитарное сотрудничество, стремясь укрепить своё влияние без прямого военно-политического давления. Именно в 1963–1973 гг. американо-афганские отношения достигли наиболее стабильного и конструктивного уровня за весь период монархии;

– вместе с тем политика балансирования, проводимая Афганистаном, имела внутренние ограничения. Усиление политической либерализации, рост идеологической поляризации общества, распространение левых и исламистских движений, а также зависимость страны от внешней помощи постепенно подрывали устойчивость существующего режима. В результате к началу 1970-х годов в Афганистане начали формироваться предпосылки для будущего политического кризиса, который завершился падением монархии в 1973 году.

ВЫВОДЫ ПО ЧЕТВЁРТОЙ ГЛАВЕ

Таким образом, исследование стратегии «сбалансированного вмешательства» в период интенсификации холодной войны (1953–1973 гг.) позволяет сделать следующие выводы:

1) установлено, что стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в период премьерства М. Дауд-хана (1953–1963 гг.) и в последнее десятилетие правления М. Захир-шаха (1963–1973 гг.) до настоящего времени не получила комплексного и системного освещения в современной исторической науке и исследованиях международных отношений. В настоящей работе впервые предпринята попытка объединить и систематизировать разрозненные материалы представителей различных школ афганистики, включая труды афганских, иранских, российских, региональных и западных исследователей. В научный оборот введён ряд ранее малоиспользуемых источников и исследований авторов Афганистана и Исламской Республики Иран;

2) определено, что ключевой особенностью стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в рассматриваемый период яв-

лялось стремление Вашингтона рассматривать афганское направление прежде всего через призму собственных геополитических интересов и союзнических отношений с Исламской Республикой Пакистан. Подобный подход обусловил ограниченность американо-афганского военно-политического сотрудничества и стал одной из причин постепенного расширения советского влияния в Афганистане;

3) автором замечено, что вывод о том, что именно жёсткая позиция М. Дауд-хана по вопросам линии «Дюранда», «Пуштунистана» и «Белуджистана» являлась главной причиной ухудшения отношений Афганистана с Соединёнными Штатами Америки и усиления позиций Советского Союза, представляется односторонним и дискуссионным. Исследование показывает, что решающую роль сыграла не только позиция Кабула, но и отказ Вашингтона учитывать особенности афганской внешней политики, а также стремление американской стороны увязывать сотрудничество с Афганистаном с интересами Исламской Республики Пакистан;

4) зафиксировано, что политика М. Дауд-хана в период его премьерства носила противоречивый характер. С одной стороны, он занимал жёсткую позицию по региональным вопросам, связанным с Исламской Республикой Пакистан, а с другой – стремился добиться установления тесных отношений с Соединёнными Штатами Америки, включая сотрудничество в военной сфере. Однако отказ Вашингтона предоставить Кабулу вооружение и военно-техническую помощь подтолкнул афганское руководство к расширению отношений с Советским Союзом;

5) обнаружено, что в период 1953–1963 гг. Афганистан постепенно превратился в одно из направлений соперничества сверхдержав в условиях холодной войны. При этом Соединённые Штаты Америки предпочитали ограничиваться преимущественно экономическим и инфраструктурным сотрудничеством, тогда как Советский Союз активно укреплял свои позиции в военно-политической сфере. В результате к началу 1960-х годов советское влияние в афганской армии и системе безопасности стало преобладающим;

6) замечено, что отставка М. Дауд-хана в 1963 году ознаменовала начало нового этапа американо-афганских отношений. В последнее десятилетие правления М. Захир-шаха Афганистан проводил более гибкую и сбалансированную внешнюю политику, основанную на принципах позитивного нейтралитета и неприсоединения. Это позволило Кабулу одновременно развивать отношения как с Соединёнными Штатами Америки, так и с Советским Союзом, извлекая выгоду из их соперничества;

7) раскрыто, что период 1963–1973 гг., известный как «Новой демократии», стал наиболее стабильным этапом в развитии отношений между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном в эпоху монархии. Американская стратегия в этот период опиралась преимущественно на инструменты «мягкой силы» – экономическую помощь, образовательные программы, культурную дипломатию и инфраструктурные проекты;

8) продемонстрировано, что Соединённые Штаты Америки сыграли значительную роль в модернизации афганской инфраструктуры и экономики. При поддержке американской стороны были реализованы крупные проекты в области ирригации, дорожного строительства, энергетики, образования и здравоохранения, включая развитие долины Гильменд, строительство автомагистралей, аэропорта Кандагара и объектов Кабульского университета. Вместе с тем многие проекты реализовывались в логике глобального соперничества с Советским Союзом и не всегда учитывали долгосрочные социально-экономические особенности Афганистана;

9) открыто, что важной составляющей стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана являлось культурно-образовательное сотрудничество. Деятельность Агентства Соединённых Штатов Америки по международному развитию, программы Фулбрайта, работа «Корпуса мира» и американских образовательных учреждений способствовали формированию в Афганистане прослойки прозападно ориентированной городской интеллигенции и технократической элиты;

10) выражено, что в отличие от экономических и культурных связей, военное сотрудничество между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном оставалось ограниченным. Вашингтон сознательно избегал масштабных поставок вооружений Кабулу, опасаясь как реакции Советского Союза, так и осложнения отношений с Исламской Республикой Пакистан. Военный аспект американо-афганских отношений ограничивался подготовкой отдельных афганских офицеров, деятельностью военных атташе и незначительными программами сотрудничества;

11) выяснено, что Афганистан в рассматриваемый период сумел сохранить статус нейтрального государства и избежать втягивания в военно-политические блоки. Соединённые Штаты Америки и Советский Союз фактически были заинтересованы в сохранении нейтралитета Афганистана как буферного государства, что способствовало относительной стабильности страны в 1960-е годы;

12) обнаружено, что вместе с тем к началу 1970-х годов в Афганистане начали накапливаться внутренние социально-экономические и политические противоречия. Экономические трудности, последствия засух, рост политической активности различных идеологических группировок, а также усиление зависимости страны от внешней помощи постепенно подрывали устойчивость монархического режима;

13) определено, что несмотря на внешнюю стабильность последнего десятилетия правления М. Захир-шаха, политика балансирования между сверхдержавами имела ограниченные возможности. Усиление внутренней политической борьбы, рост влияния левых и исламистских движений, а также нерешённость ряда региональных проблем создали предпосылки для кризиса монархии и последующих радикальных трансформаций афганского государства после 1973 года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, исследование становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в 1919–1973 гг. позволяет сформулировать следующие научные выводы:

– Впервые в отечественной исторической науке предпринята комплексная попытка системного исследования становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в XIX – первой половине 70-х годов XX века. В научный оборот введён широкий круг ранее малоиспользуемых источников и исследований афганских, иранских, российских и западных авторов, что позволило существенно расширить представления о характере американо-афганских отношений рассматриваемого периода.

– Установлено, что основы борьбы Афганистана за государственную независимость и проведения самостоятельной внешней политики были заложены ещё во второй половине XIX века. Несмотря на военные успехи Афганистана во второй англо-афганской войне 1878–1880 гг., последующие соглашения существенно ограничили его внешнеполитический суверенитет. Королевство Британской Империи установило контроль над важнейшими коммуникациями и фактически лишило Кабул права на самостоятельное осуществление дипломатических отношений, что усилило внутреннюю нестабильность и создало угрозу территориальной дезинтеграции страны в начале XX века.

– Выявлено, что в период правления эмира Хабибуллы-хана (1901–1919 гг.) зависимость Афганистана от внешнеполитических ограничений, навязанных Королевством Британской Империи, оказала существенное влияние как на внутреннее развитие страны, так и на характер её международных отношений. Политика вынужденного нейтралитета и международной изоляции способствовала росту социального недовольства, распространению реформаторских идей и формированию первых либерально-национальных движений.

– Доказано, что процессы модернизации и реформирования Афганистана начала XX века находились под заметным влиянием политических и интеллектуальных преобразований в странах Востока, прежде всего в Турции и Иране. Именно в этот период были заложены основы будущих реформаторских преобразований и активизации внешнеполитической деятельности Кабула.

– Обосновано, что геополитическое положение Афганистана превратило страну в объект международного соперничества ведущих держав ещё в период Первой мировой войны. Германия, Королевство Британской Империи и Царская Российская Империя стремились использовать стратегическое положение Афганистана в собственных интересах. В дальнейшем Афганистан постепенно вошёл в сферу глобального соперничества между Соединёнными Штатами Америки и Советским Союзом.

– Впервые показано, что историко-международные аспекты становления внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана берут начало значительно раньше второй половины XX века. Исследование доказывает, что предпосылки последующего американского присутствия и политики Вашингтона в афганском направлении были сформированы ещё в период правления эмира Хабибуллы-хана, шаха Аманулла-хана и последующих афганских правителей первой половины XX века.

– Установлено, что постепенная трансформация Афганистана из объекта внешнего соперничества в относительно самостоятельного регионального актора сопровождалась усилением интереса мировых держав к внутренним и внешним процессам в стране. В рассматриваемый период Афганистан постепенно приобрёл более активную роль в региональной политике, сохраняя при этом высокую зависимость от внешних факторов.

– Выявлено, что тема становления и эволюции внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана в указанных хронологических рамках до настоящего времени не являлась предметом отдельного комплексного исследования. Большинство ранних публикаций о первых американо-афганских контактах носили фрагментарный, пуб-

лицистический или мемуарный характер и не обеспечивали полноценного анализа международно-политических процессов.

– Доказано, что ранние представления американского общества и политических кругов об Афганистане формировались преимущественно под влиянием субъективных, ограниченных и зачастую искажённых источников информации. Это способствовало закреплению в Соединённых Штатах Америки негативных и стереотипных представлений об Афганистане как о «отсталой» и «нестабильной» стране.

– Вместе с тем выявлено, что афганское общество и политическая элита традиционно воспринимали Соединённые Штаты Америки как могущественное и перспективное государство, способное стать важным партнёром Афганистана. Однако афганское руководство на различных этапах истории не смогло в полной мере оценить реальные геополитические интересы и долгосрочные цели внешнеполитической стратегии Вашингтона в регионе.

– Выявлено, что раннее восприятие Афганистана в Соединённых Штатах Америки формировалось преимущественно под влиянием мемуарных, публицистических и журналистских материалов, авторы которых нередко воспроизводили негативные и стереотипные представления об афганском обществе. Установлено, что до 1930-х годов в американской печати преобладали критические оценки Афганистана, тогда как первые более конструктивные публикации Мейнарда Оуэна Вильямса, Хоакина Флеминга и Мэтт Смит способствовали частичному изменению общественного восприятия страны, но не привели к существенной трансформации официальной политики Вашингтона;

– Обосновано, что «Четырнадцать пунктов» В. Вильсона[1] оказали косвенное влияние на формирование американского подхода к Афганистану после Первой мировой войны. С одной стороны, они отражали стремление Со-

[1] Тогдашний президент Соединенных Штатов Америки В. Вильсон разработал собственный проект программы послевоенного мирного урегулирования и представил его Конгрессу страны 8 января 1918 года; в историко-аналитических кругах этот документ известен как «Четырнадцать пунктов В. Вильсона». В Америки и странах Европы «Четырнадцать пунктов» рассматривались как проект соглашения об окончании Первой мировой войны и провозглашали такие принципы, как «открытая дипломатия», «национальное самоопределение», «защита прав и свобод малых народов» и др.

единённых Штатов Америки к пересмотру прежней системы международных отношений, основанной на колониальном доминировании европейских держав. С другой стороны, в условиях усиления Советской России данные принципы стали частью более широкой стратегии Вашингтона, направленной на ограничение влияния Москвы и постепенное укрепление американских позиций в стратегически важных регионах;

– Доказано, что обретение Афганистаном независимости в 1919 году поставило Соединённые Штаты Америки перед необходимостью выработки самостоятельной позиции в отношении Кабула. Вашингтон, с одной стороны, учитывал союзнические и историко-политические связи с Королевством Британской Империи, а с другой – постепенно осознавал значение Афганистана как самостоятельного субъекта региональной политики. Назначение американских дипломатических представителей в Калькутте, Тегеране и Карачи ответственными за контакты с Афганистаном свидетельствовало о постепенном институциональном оформлении афганского направления во внешней политике Соединённых Штатов Америки;

– Выявлено, что отправка в 1921 году официальной афганской делегации во главе с М. Вали-ханом Дарвази в Соединённые Штаты Америки стала одной из первых серьёзных попыток Кабула добиться признания своей независимости со стороны Вашингтона. Однако холодный приём афганской делегации показал, что Соединённые Штаты Америки в тот период не были готовы к самостоятельной и активной политике в отношении Афганистана, предпочитая учитывать позицию Королевства Британской Империи;

– Установлено, что визит К. ван Энгерта в Афганистан в 1922 году имел важное значение для формирования будущих дипломатических связей между Вашингтоном и Кабулом. Хотя в тот период отношения ещё не приобрели полноценного официального характера, подобные контакты заложили основу для последующего дипломатического признания и расширения политического взаимодействия между двумя государствами;

– Доказано, что в период правления Аманулла-хана афганское руководство стремилось использовать образовательные и культурные обмены с Соединёнными Штатами Америки как инструмент модернизации страны и сближения с Западом. Направление афганской молодёжи на обучение в американские учебные заведения способствовало подготовке части будущей политической и административной элиты Афганистана, однако не привело к качественному изменению американо-афганских межгосударственных отношений;

– Установлено, что военные реформы Аманулла-хана являлись важной частью его общей программы модернизации Афганистана. Он стремился создать централизованную, дисциплинированную и боеспособную армию, лояльную не племенным структурам, а государству. Однако реформирование Вооружённых сил столкнулось с сопротивлением части военной элиты, включая М. Надир-шаха, а также с внутренними социально-политическими ограничениями традиционного афганского общества;

– Обосновано, что Аманулла-хан пытался использовать конкуренцию ведущих держав – России, Германии, Англии, Италии, Франции, Турции и других государств – для реализации своих реформаторских программ. Данная политика отражала стремление Кабула к многовекторности и самостоятельности, однако слабость государственных институтов, сопротивление традиционных сил и внешнеполитическое давление не позволили завершить намеченные преобразования;

– В целом доказано, что уже в первой трети XX века были заложены ключевые противоречия, определявшие дальнейшее развитие американо-афганских отношений: заинтересованность Кабула в поддержке Соединённых Штатов Америки, осторожность и дистанцированность Вашингтона, влияние британского фактора, конкуренция великих держав и стремление афганских правителей использовать внешние связи для модернизации государства.

– Выявлено, что приход к власти Хабибуллы-хана Калакани в январе 1929 года стал не только результатом кризиса реформаторского курса Амануллы-хана, но и важным фактором радикального изменения внутриполитической

и международной ситуации вокруг Афганистана. Впервые в истории страны власть в Кабуле перешла к представителю непуштунских этнических групп, что усилило национально-этнические противоречия и затруднило выработку единой позиции внешних держав по отношению к новому правительству.

– Доказано, что массовые выступления в Афганистане не были исключительно следствием прихода к власти Хабибуллы-хана Калакани. Их предпосылки сформировались ещё в период правления Аманулла-хана, когда модернизационные реформы вызвали сопротивление значительной части традиционного общества. Поэтому события 1928–1929 гг. следует рассматривать как результат совокупности внутренних социальных, этнополитических и внешнеполитических факторов.

– Установлено, что гражданская война в Афганистане 1928–1929 гг. обострила геополитическое соперничество в Средней Азии. Советский Союз, Королевство Британской Империи, Соединённые Штаты Америки, Германия, Турция и другие государства были вынуждены заново оценивать своё отношение к Кабулу. Однако Соединённые Штаты Америки в этот период не проявили готовности к признанию правительства Хабибуллы-хана Калакани и продолжали учитывать прежде всего позицию Королевства Британской Империи.

– Выявлено, что период правления Хабибуллы-хана Калакани стал чувствительным этапом для внешней политики Советского Союза и Королевства Британской Империи. Лондон стремился использовать ситуацию для усиления собственных позиций, тогда как Москва рассматривала нестабильность в Афганистане как угрозу своим интересам в Средней Азии. Это обусловило активизацию дипломатических и специальных служб обеих держав.

– Обосновано, что приход к власти М. Надир-шаха осенью 1929 года не привёл к стабилизации внутренней ситуации в Афганистане и не вызвал принципиального изменения внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки. Вашингтон по-прежнему занимал осторожную позицию и не рассматривал Афганистан как самостоятельное приоритетное направление своей политики.

– Установлено, что в начале 1930-х годов интерес американских торгово-коммерческих кругов к Афганистану заметно усилился. Однако данный интерес развивался в значительной степени независимо от официальной политики Вашингтона. Американские предприниматели, торговцы и представители деловых кругов стремились к расширению экономических контактов с Кабулом, тогда как Государственный департамент Соединённых Штатов Америки сохранял сдержанную позицию.

– Выявлено, что создание Афгано-американской торговой компании и заключение контракта между правительством Афганистана и компанией «The Inland Exploration Oil Company» в 1936 году стали важными признаками растущего экономического интереса Соединённых Штатов Америки к Афганистану. Однако эти инициативы не привели к немедленному формированию устойчивой государственной стратегии Вашингтона в отношении Кабула.

– Доказано, что после прихода к власти М. Захир-шаха в 1933 году в афганской политической элите усилились ожидания сближения с Соединёнными Штатами Америки. Кабул рассматривал Вашингтон как удалённую от региона державу, не имевшую прямого колониального опыта в Афганистане и потому потенциально способную стать альтернативным партнёром в модернизации страны.

– Установлено, что в 1930-е годы социально-образовательные контакты между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном получили определённое развитие. Работа американских преподавателей, специалистов и сотрудников образовательных учреждений способствовала расширению гуманитарных связей и формированию первых устойчивых каналов культурного взаимодействия между двумя странами.

– В целом выявлено, что в 1920–1930-е годы афгано-американские отношения развивались неравномерно: экономические, образовательные и частные инициативы опережали официальную дипломатическую политику Вашингтона. Именно это противоречие стало одной из характерных особен-

ностей раннего этапа формирования внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана.

– Установлено, что официальное признание государственной независимости Афганистана Соединёнными Штатами Америки было существенно отсрочено вследствие влияния внешнеполитической позиции Королевства Британской Империи и опасений Вашингтона относительно усиления советского влияния в Кабуле. Выявлено, что до середины 1930-х годов Афганистан не рассматривался Соединёнными Штатами Америки как самостоятельное направление внешней политики, а воспринимался преимущественно через призму британских интересов в регионе.

– Доказано, что установление дипломатических отношений между Вашингтоном и Кабулом стало результатом не только изменения международной обстановки, но и давления со стороны американских коммерческих, дипломатических и общественных кругов, заинтересованных в расширении присутствия Соединённых Штатов Америки в Афганистане. Впервые показано, что приход к власти Ф. Д. Рузвельта способствовал постепенной трансформации подходов Вашингтона к Афганистану и переходу к более прагматичной политике.

– Выявлено, что реформаторские проекты Аманулла-хана и М. Захир-шаха необходимо рассматривать не исключительно как внутренний процесс модернизации, а как часть более широкого международного соперничества великих держав в Средней Азии. Обосновано, что реформы афганских правителей объективно затрагивали интересы внешних игроков и потому неизбежно становились элементом геополитической конкуренции.

– Установлено, что поддержка реформ Аманулла-хана со стороны афганского общества первоначально основывалась прежде всего на его роли лидера борьбы за государственную независимость и противодействие колониальной политике Королевства Британской Империи. Вместе с тем выявлено, что последующее возвращение Кабула к политике балансирования между Лондоном и Москвой привело к ослаблению его авторитета внутри страны и осложнило реализацию модернизационного курса.

– Доказано, что политика нейтралитета и балансирования между внешними центрами силы постепенно превратилась в устойчивую основу афганской внешней политики в XX веке. Несмотря на внутренние кризисы и международное давление, афганское руководство стремилось сохранить пространство для самостоятельного манёвра между державами.

– Выявлено, что модернизационные проекты последнего периода правления М. Захир-шаха опирались на стремление использовать западный, прежде всего американский, экономический и технологический опыт для преобразования Афганистана. Однако одновременно эти процессы усиливали внутренние противоречия и превращали страну в объект растущего соперничества Соединённых Штатов Америки и Советского Союза.

– Установлено, что социально-гуманитарное сотрудничество между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном стало одним из наиболее устойчивых направлений двусторонних отношений. Подготовка афганских студентов, преподавателей и специалистов в американских образовательных учреждениях способствовала формированию нового слоя технократической элиты, ориентированной на западные модели модернизации.

– Впервые показано, что социально-образовательная политика афганского руководства в рассматриваемый период носила выраженный этнополитический характер. Выявлено, что доступ к зарубежному образованию, в том числе в Соединённых Штатах Америки, преимущественно получали представители пуштунской элиты. Обосновано, что подобная практика усиливала внутренние дисбалансы и одновременно соответствовала стратегическим интересам Вашингтона по формированию лояльных кадров среди правящего слоя Афганистана.

– Доказано, что военно-техническое сотрудничество являлось центральным направлением внешнеполитических ожиданий афганских правителей в отношении Соединённых Штатов Америки. Однако Вашингтон на протяжении рассматриваемого периода последовательно избегал создания полноценных военных отношений с Кабулом, опасаясь осложнения отношений с Королевством

Британской Империи, а позднее – с Исламской Республикой Пакистан, а также усиления геополитической конфронтации с Советским Союзом.

– Установлено, что формирование внешнеполитической стратегии Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана происходило под воздействием как глобальных геополитических процессов, так и региональных факторов. В рассматриваемый период Афганистан благодаря своему географическому, геополитическому и геоэкономическому положению постепенно превратился в объект соперничества мировых и региональных держав, что оказало определяющее влияние на характер политики Вашингтона в отношении Кабула.

– Доказано, что первоначальные контакты между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном возникли ещё в первой половине XIX века и носили преимущественно неофициальный характер. На раннем этапе важную роль в развитии связей между двумя странами играли путешественники, торговцы, инженеры, преподаватели, врачи, миссионеры и представители научного сообщества. Вместе с тем выявлено, что афганская сторона проявляла значительно большую заинтересованность в развитии двусторонних отношений, чем американское руководство.

– Обосновано, что на протяжении длительного времени Соединённые Штаты Америки рассматривали Афганистан преимущественно через призму интересов других крупных держав – сначала Королевства Британской Империи, а позднее в контексте глобального противостояния с Советским Союзом. Вследствие этого Афганистан долгое время не воспринимался Соединенными Штатами Америки как самостоятельное направление стратегической политики.

– Выявлено, что после Второй мировой войны внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана претерпела качественную трансформацию. В условиях холодной войны Вашингтон стали рассматривать Афганистан как важный элемент системы регионального сдерживания Советского Союза. Однако американская политика в афганском направлении формировалась преимущественно с учётом союзнических

отношений с Исламской Республикой Пакистан, что существенно ограничивало возможности полноценного американо-афганского сотрудничества.

– Доказано, что проблема линии «Дюранда», а также вопросы «Пуштунистана» и «Белуджистана» являлись важными, но не единственными факторами осложнения отношений между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном. Главной причиной ограниченности двустороннего сотрудничества выступало стремление Вашингтона сохранить военно-политический союз с Исламской Республикой Пакистан и не допустить ослабления собственных позиций в Южной Азии.

– Установлено, что отказ Соединённых Штатов Америки от предоставления Афганистану масштабной военно-технической помощи в период премьерства М. Дауд-хана способствовал расширению советского влияния в стране. Именно политика Вашингтона, связанная с отказом от тесного военно-политического сотрудничества с Кабулом, стала одним из факторов сближения Афганистана с Советским Союзом в 1950–1960-е годы.

– Выявлено, что политика М. Дауд-хана носила противоречивый характер. С одной стороны, он придерживался жёсткой позиции по вопросам «Пуштунистана» и отношений с Исламской Республикой Пакистан, а с другой – стремился установить тесные отношения с Соединёнными Штатами Америки, включая сотрудничество в военной сфере. Однако отсутствие гибкости во внешней политике и усиление региональной напряжённости ограничили возможности реализации данной стратегии.

– Обосновано, что отставка М. Дауд-хана в 1963 году стала важным этапом трансформации американо-афганских отношений. В период последнего десятилетия правления М. Захир-шаха Афганистан проводил более сбалансированную и прагматичную политику позитивного нейтралитета, позволившую Кабулу одновременно развивать отношения как с Соединёнными Штатами Америки, так и с Советским Союзом.

– Доказано, что в 1963–1973 годы Соединённые Штаты Америки сделали ставку преимущественно на инструменты «мягкой силы» – экономическую

помощь, образовательные программы, инфраструктурные проекты и культурную дипломатию. Американская стратегия в этот период была направлена не столько на создание военно-политического союза с Афганистаном, сколько на недопущение его полного перехода в сферу влияния Советского Союза. Также выявлено, что американская экономическая и гуманитарная помощь сыграла заметную роль в модернизации Афганистана. Реализация инфраструктурных проектов, развитие ирригационных систем, дорожного строительства, образования, здравоохранения и сельского хозяйства способствовали формированию основ современной социально-экономической инфраструктуры страны. Вместе с тем установлено, что значительная часть проектов Соединённых Штатов Америки в Афганистане реализовывалась в логике глобального соперничества сверхдержав и не всегда учитывала внутренние особенности афганского общества. Это ограничивало эффективность ряда программ и снижало их долгосрочную устойчивость.

– Доказано, что в отличие от экономической и культурной сфер, военно-политическое сотрудничество между Соединёнными Штатами Америки и Афганистаном оставалось ограниченным. Вашингтон сознательно избегал поставок крупных партий вооружения Кабулу, опасаясь ухудшения отношений с Исламской Республикой Пакистан и возможной эскалации соперничества с Советским Союзом.

– Выявлено, что политика позитивного нейтралитета Афганистана в 1960-е годы в целом устраивала как Соединённые Штаты Америки, так и Советский Союз. Обе сверхдержавы были заинтересованы в сохранении Афганистана в качестве нейтрального буферного государства, что способствовало относительной стабильности страны в рассматриваемый период.

– Обосновано, что период 1963–1973 годов стал наиболее стабильным этапом в истории американо-афганских отношений эпохи монархии. В этот период Афганистан сумел использовать соперничество сверхдержав для получения значительной экономической, технической и гуманитарной помощи, сохранив при этом формальный нейтралитет и государственный суверенитет.

– Вместе с тем исследование показало, что уже к началу 1970-х годов в Афганистане начали усиливаться внутренние социально-экономические и политические противоречия. Рост зависимости от внешней помощи, экономические трудности, последствия засух, активизация идеологических движений и усиление политической борьбы постепенно подрывали устойчивость монархического режима.

– В целом установлено, что внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана до 1973 года носила сложный и противоречивый характер. Вашингтон стремился сохранить собственное влияние в стране, не допустить усиления Советского Союза и одновременно избежать прямого вовлечения Афганистана в систему американских военно-политических союзов. Такая стратегия позволила Соединённым Штатам Америки укрепить политические, экономические и культурные позиции в Афганистане, однако не обеспечила формирование устойчивого долгосрочного союзничества между двумя государствами.

– Выявлено, что ограниченность американского военного сотрудничества с Афганистаном стала одним из факторов последующего усиления советского влияния в стране. Отказ Вашингтона удовлетворить запросы Кабула в сфере безопасности способствовал переориентации афганского руководства на военно-техническую помощь Советского Союза, что в дальнейшем существенно изменило баланс сил в регионе.

– Установлено, что в последнее десятилетие правления М. Захир-шаха американо-афганские отношения достигли наиболее стабильного и конструктивного уровня за весь рассматриваемый период. Выявлено, что политика неприсоединения и регионального балансирования, проводимая Кабулом, соответствовала интересам Соединённых Штатов Америки в обеспечении стабильности в Южной и Средней Азии. Впервые показано, что отсутствие серьёзных двусторонних кризисов в 1963–1973 гг. стало результатом взаимного отказа сторон от давления и конфронтационного подхода.

– Доказано, что экономическая помощь Соединённых Штатов Америки являлась одним из ключевых инструментов их внешнеполитической стратегии в Афганистане. Американские инфраструктурные, образовательные и сельскохозяйственные проекты способствовали модернизации страны и формированию основ её социально-экономического развития. Вместе с тем выявлено, что значительная часть данных программ реализовывалась в логике геополитического соперничества с Советским Союзом.

– Обосновано, что Афганистан в рассматриваемый период успешно использовал конкуренцию сверхдержав в собственных интересах. Кабул сумел одновременно получать экономическую и техническую помощь как от Соединённых Штатов Америки, так и от Советского Союза, не вступая при этом в военно-политические блоки. Доказано, что подобная стратегия балансирования стала одной из важнейших особенностей афганской внешней политики середины XX века.

– Выявлено, что начиная со второй половины 1940-х годов внешнеполитическая стратегия Соединённых Штатов Америки в отношении Афганистана всё более подчинялась интересам их региональных союзников – Королевства Британской Империи, Исламской Республики Пакистан и Ирана. Это существенно ограничивало возможности формирования самостоятельной американской политики в отношении Кабула и препятствовало развитию полноценных военно-политических отношений между двумя государствами.

– Доказано, что афганское руководство в рассматриваемый период систематически переоценивало готовность внешних держав оказывать поддержку модернизации страны без учёта собственных геополитических интересов. Исторический опыт показал, что сотрудничество с великими державами неизбежно сопровождалось стремлением последних использовать Афганистан как элемент регионального стратегического соперничества.

– Выявлено, что устойчивость афганской государственности в значительной степени зависела от способности Кабула сохранять баланс интересов внешних игроков. Нарушение этого баланса неизменно приводило к усиле-

нию внутренней нестабильности, росту зависимости от внешних центров силы и обострению региональных противоречий.

– Обосновано, что попытки внешних держав навязать Афганистану собственные политические и цивилизационные модели модернизации сталкивались с устойчивым сопротивлением традиционного общества. Впервые системно показано, что военное и политическое вмешательство извне, независимо от декларируемых целей, способствовало консолидации афганского общества на антиинтервенционистской основе.

– Доказано, что проблема Афганистана на протяжении исследуемого периода носила не исключительно внутренний, а комплексный международно-региональный характер. Этнополитические, территориальные и конфессиональные противоречия, включая вопросы линии «Дюранда», «Пуштунистана» и регионального соперничества, постоянно использовались внешними державами как инструменты геополитического влияния.

– Выявлено, что Советский Союз и Соединённые Штаты Америки поразному реализовывали свои стратегии в Афганистане: Москва делала ставку прежде всего на военно-политическое и инфраструктурное присутствие, тогда как Вашингтон концентрировался на экономической, образовательной и гуманитарной сферах. Однако обе модели были направлены на укрепление собственного влияния в регионе.

– Впервые обосновано, что афганское направление стало одним из ранних примеров долговременного соперничества глобальных и региональных держав за контроль над стратегическим пространством Средней и Южной Азии. Афганистан постепенно превратился из объекта британско-российского соперничества XIX века в самостоятельный фактор международных отношений периода холодной войны.

– Установлено, что исторический опыт взаимоотношений Афганистана с внешними державами свидетельствует о высокой чувствительности афганского общества к иностранному вмешательству и попыткам трансформации традиционных институтов извне. Это обстоятельство сохраняет актуаль-

ность и для современных международных процессов, связанных с Афганистаном. Обобщение исторического опыта внешнего вмешательства в Афганистан позволило выявить ряд устойчивых закономерностей, характерных для политики практически всех иностранных держав, пытавшихся установить контроль над страной в рассматриваемый период. Также установлено, что одной из ключевых причин неудач внешних игроков являлось противоречие между их стратегическими целями и восприятием самого Афганистана. С одной стороны, Афганистан рассматривался как геополитически важное пространство для контроля над региональными процессами, а с другой – как «отсталое», «нецивилизованное» и нестабильное общество, неспособное к самостоятельному развитию. Подобный подход формировал высокомерное и ошибочное восприятие афганской государственности и общества.

– Доказано, что большинство внешних держав, включая Королевство Британской Империи и Соединённые Штаты Америки, так и не смогли сформировать адекватное понимание внутренней социальной структуры, традиционной политической культуры и механизмов самоорганизации афганского общества. При этом попытки управлять региональными процессами через Афганистан предпринимались без глубокого знания его исторических, этнокультурных и конфессиональных особенностей.

– Выявлено, что политические элиты западных держав зачастую игнорировали оценки собственных востоковедов, афганистов и региональных специалистов, предупреждавших о рисках прямого вмешательства в афганские процессы. В результате стратегические решения нередко принимались исходя из идеологических установок и геополитических ожиданий, а не на основе объективного анализа афганской реальности.

– Установлено, что иностранные армии сталкивались в Афганистане не только с вооружённым сопротивлением, но и с глубоким различием мотивационных моделей войны. Для большинства иностранных военнослужащих участие в афганских кампаниях не имело экзистенциального значения, тогда как значительная часть афганского населения воспринимала борьбу против

внешнего вмешательства как защиту религии, традиционного уклада жизни и национального достоинства.

– Доказано, что важнейшим просчётом иностранных держав стало игнорирование преимущественно сельского характера афганского общества. Контроль над крупными городами и административными центрами не обеспечивал реального политического контроля над страной. Напротив, ориентация на городские элиты приводила к сужению социальной базы поддерживаемых режимов и одновременно способствовала укреплению позиций вооружённой оппозиции в сельских районах.

– Выявлено, что формы вооружённого сопротивления в Афганистане существенно отличались от европейских представлений о ведении войны. Повстанческие движения опирались прежде всего на местные традиции, племенные нормы и собственные представления о справедливости и защите общины, а не на международные военно-правовые стандарты. Это создавало серьёзные трудности для иностранных армий, ориентированных на классические модели ведения войны.

– Впервые системно обосновано, что устойчивость антиинтервенционистских настроений в Афганистане была связана не только с политическими или религиозными факторами, но и с особенностями исторической памяти афганского общества, в которой внешнее вмешательство традиционно воспринималось как угроза коллективной идентичности и внутреннему укладу жизни.

– Проведённое исследование подтверждает вывод о том, что на протяжении более двух столетий политическая и военная элита Соединённых Штатов Америки сохраняла значительную зависимость от первоначально сформированных, зачастую поверхностных и стереотипных представлений об Афганистане. Доказано, что неполное понимание природы афганского общества стало одной из устойчивых проблем американской внешнеполитической стратегии в данном направлении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Нормативно-правовые акты и официальные документы

1. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 059. Оп. 1. П. 37. Д. 5370. Л. 9. Телеграмма полномочного представителя СССР в Афганистане К. А. Михайлова в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 12 июня 1943 г.

2. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 059. Оп. 1. П. 154. Д. 1177. Л. 88. Телеграмма полномочного представителя СССР в Афганистане Л. Н. Старка в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 3 мая 1933 г.

3. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 059. Оп. 1. П. 249. Д. 1751. Л. 10. Телеграмма полномочного представителя СССР в Афганистане Б. Е. Сквирского в Народный комиссариат иностранных дел СССР от 12 января 1937 г.

4. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 059. Оп. 1. П. 349. Д. 2383. Л. 118. Телеграмма полномочного представителя СССР в Афганистане К. А. Михайлова в НКИД СССР от 20 мая 1941 г.

5. Договор между Его Величеством эмиром Абдуррахман-ханом, правителем Афганистана и зависимых от него территорий, с одной стороны, и сэром Генри Мортимером Дюрандом, министром иностранных дел правительства Индии, с другой стороны (12 ноября 1893 г.) // Сайкс П. История Афганистана : с древнейших времен до учреждения королевской монархии / П. Сайкс ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М. : Центрполиграф, 2023. – С. 622–626.

6. Договор о капитуляции // Сайкс П. История Афганистана : с древнейших времен до учреждения королевской монархии / П. Сайкс ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М. : Центрполиграф, 2023. – С. 614–622.

7. Договор о мире от 8 августа 1919 г. // Сайкс П. История Афганистана : с древнейших времен до учреждения королевской монархии / П. Сайкс ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М.: Центрполиграф, 2023. – С. 627–629.

8. Договор о нейтралитете и взаимном ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Афганистаном 24 июня 1931 г. / ДВП. – М.: Политиздат, 1968 Т. XIV.

9. Народный комиссариат иностранных дел РСФСР. Годовой отчёт Народного комиссариата иностранных дел к IX Всероссийскому съезду Советов (1920–1921 гг.). – М., 1921. – 104 с.

10. Народный комиссариат иностранных дел РСФСР. Годовой отчёт Народного комиссариата иностранных дел к VIII Всероссийскому съезду Советов (1919–1920 гг.). – М., 1921. – 92 с.

11. Народный комиссариат иностранных дел СССР. Годовой отчёт Народного комиссариата иностранных дел к III Всесоюзному съезду Советов. – М., 1925. – 131 с.

12. Народный комиссариат иностранных дел СССР. Годовой отчёт Народного комиссариата иностранных дел ко II Всесоюзному съезду Советов. – М., 1924. – 118 с.

13. Памятная записка по вопросам, обсуждавшимся делегатами Великобритании и Афганистана на конференции в Массури (апрель–июль 1920 г.) : предварительные предложения к переговорам о заключении договора о дружбе // Сайкс П. История Афганистана : с древнейших времен до учреждения королевской монархии / П. Сайкс ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М.: Центрполиграф, 2023. – С. 629–637.

14. Правда об Афганистане. Документы, факты, свидетельства. – М. : АПН, 1980. – С. 33.

15. Симлский манифест (Симла, 1 октября 1838 г.) // Сайкс П. История Афганистана : с древнейших времен до учреждения королевской монархии / П. Сайкс ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М.: Центрполиграф, 2023. – С. 610–614.

16. Статьи Англо-российского договора 1907 г., касающиеся Афганистана // Сайкс П. История Афганистана : с древнейших времен до учреждения королевской монархии / П. Сайкс ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М. : Центрполиграф, 2023. – С. 626–627.

17. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 23. Оп. 10617. Д. 1. Л. 6. Запись беседы помощника военного атташе Посольства СССР в Афганистане майора В. А. Райцева с майором Эндерсом и капитаном Фоксом от 25 февраля 1944 года.

18. In Small Things Remembered: The Early Years of U.S.–Afghan Relations / Meridian International Center; United States Department of State. – Washington, D.C. : Meridian International Center, 2011.

II. Научные книги и монографии

19. Агабеков Г. С. Записки чекиста. ГПУ. – Берлин, 1930 (переиздание: – М., 1992). – М. : Центрополиграф, 2018. – 319 с.

20. Агабеков Г. С. ЧК за работой. – Берлин: Стрела, 1931. Глава XXV, «Сталинская авантюра войны». – М.: «Книга. Просвещение. Милосердие», 1992. – 270 с.

21. Актуальные проблемы афганской революции / отв. ред. М. Р. Арунова [и др.]. – М., 1984. – 312 с.

22. Арунова М. Р. Афганистан, Иран, Пакистан: время выборов и перемен / М.Р. Арунова. – М. : Институт востоковедения РАН, 2006. – 242 с.

23. Арунова М. Р. Афганская политика США / М. Р. Арунова. – М. : Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, 2000. – 198 с.

24. Арунова М. Р. Афганская политика США в 1945–1999 гг. – М. : Ин-т изучения Израиля и Ближнего Востока, Ин-т востоковедения РАН, 2000. – 125 с.

25. Арунова М. Р. Афганская политика США в 1945–2014 гг. – М. : РИСИ, 2015. – 220 с.

26. Арунова М. Р. Очерки средневековой и новой истории Афганистана / М. Р. Арунова [и др.]. – М. : РУДН, 2010. – 264 с.

27. Асатрян Г. Э. Некоронованные короли Востока (Афганистан, Иран, Пакистан): от племенного устройства до автократий XXI века. – М. : АСТ, 2025. – 272 с.

28. Афганистан и безопасност Центральной Азии. Вып 2. – Бишкек: Илим, 2005. – 249 с.

29. Афганские уроки: выводы для будущего в свете идейного наследия А Е. Снесарёва. – М. : Военный университет, Русский путь, 2003. – 896 с.

30. Ахрамович Р. Т. Афганистан в 1961–1966 гг. Политическое положение / Р. Т. Ахрамович. – М. : Наука, 1967. – 172 с.

31. Ахрамович Р. Т. Афганистан после второй мировой войны. Очерки истории / Р. Т. Ахрамович. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1961. – 178 с.

32. Багдасаров, С. А. Битва за Восток. От Туркестана до Палестины / С. А. Багдасаров. – СПб. : Лира, 2025. – 288 с.

33. Баленко С. В. Афганистан. Честь имею! – М. : Алгоритм, 2015. – 464с.

34. Барынькин В. М. 40 Армия – война в горах. – М. : ВАГШ ВС РФ, 2002. – 234 с.

35. Барынькин В. М. Особенности подготовки и ведения специфических операций 40 А (по опыту боевых действий в Афганистане) : монография. – М. : Русское Воздухоплавательное Общество, Военный отдел, 1999. – 141 с.

36. Барышев А. П. Большевизм и современный мир : в 3 т. Т. 3: Некоторые вопросы современного международного коммунистического движения и мировой политики. – М. : Общество дружбы и сотрудничества с зарубежными странами, 2003. – 463 с.

37. Бедретдинов И. Штурмовик Су-25 и его модификации. – 2-е изд., доп. – М. : Издательская группа «Бедретдинов и Ко», 2002. – 400 с.

38. Белокреницкий, В. Я. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана / В. Я. Белокреницкий, Р. Р. Сикоев. – М. : Институт востоковедения РАН, 2013. – 176 с. ISBN 978-5-89282-570-2

39. Богатуров А. Д. Международные отношения в Центральной Азии: события и документы. – М. : Аспект Пресс, 2014. – 512 с.

40. Богатуров А. Д. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – М. : НОФМО, 2002. – 384 с.

41. Богатуров А. Д. Современная мировая политика: прикладной анализ. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 448 с.

42. Богатуров А. Д. Современные глобальные проблемы. – М. : Аспект Пресс, 2010. – 416 с.

43. Богданов В. А. Афганская война: 1979–1989 : воспоминания. – М. : Советский писатель, 2005. – 318 с.

44. Бойко С. В. Проблемы и противоречия модернизации в Афганистане в XX – начале XXI в. : очерки альтернативных стратегий и практик развития. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2017. – 140 с.

45. Бойко С. В. Власть и оппозиция в Афганистане: особенности политической борьбы в 1919–1953 гг. – М.; Барнаул, 2010. – 392 с.

46. Бойко С. В. Мировая афганистика между наукой и политикой: проблемы истории и модернизации Афганистана в XX – начале XXI вв. – Барнаул: Алтайский государственный педагогический университет, 2016. – 138 с.

47. Болдырев В. Е. Политика США в отношении стран Северо-Восточной Азии в 1981–1992 гг. : дис. … канд. ист. наук / В. Е. Болдырев. – Владивосток, 2015.

48. Бочкарев П. С. Афганистан. – М. : Государственное издательство географической литературы, 1953. – 69 с.

49. Боярский В. И. Партизанство: вчера, сегодня, завтра. – М. : Граница, 2003. – 448 с.

50. Бурдье П. Социология политики. – М. : Socio-Logos, 1993. – 336 с.

51. Бухара и Афганистан в начале 80-х годов XIX в.: журналы командировок Г. А. Арендаренко. – М.: Наука, 1974. – 143 с.

52. Варенников В. И. Неповторимое. Т. 5: Афганистан. И доблесть и печаль. Чернобыль. – М.: Советский писатель, 2001. – 448 с.

53. Вебер М. Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.

54. Галиуллин Р. ЦРУ против Азии: тайные операции против Индии и Афганистана. – М.: Прогресс, 1988.

55. Гамилтон А. Афганистан / А. Гамилтон; пер. с англ. – СПб, 1908. – 404 с.

56. Ганковский Ю. В. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М. : Мысль, 1982. – 303 с.

57. Ганковский Ю. В. История вооружённых сил Афганистана. 1747–1977 гг. / Ю.В. Ганковский. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. – 206 с.

58. Ганковский Ю. В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. – М. : Наука, 1967.

59. Гареев М. А. Моя последняя война (Афганистан без советских войск). – М. : ИНСАН, 1996. – 432 с.

60. Гаррицкий, А. А. История мусульманского Востока. Вып. VI: История Афганистана / А. А. Гаррицкий; Высшая военная школа востоковедения. – Ташкент, 1923.

61. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. – М. : АСТ, 2025. – 624 с.

62. Григорьев С. Е. Панджшер в 1975–1990 годах глазами афганского историка. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1997. – 128 с.

63. Гришин А.В. Внешняя политика Советского государства в первой половине 1920-х годов по англо-американской исторической литературе и источникам: дис. … канд. ист. наук / А.В. Гришин. – М., 2004. – 262 с.

64. Громов Б. В. Ограниченный контингент. – М. : Прогресс, 1994. – 352с.

65. Давлатёров Ф. Н. Вклад Мир Гулам Мухаммада Губара в изучении новой и новейшей истории Афганистана (1747–1953 гг.): [Текст] дис. канд. ист. наук. / Ф. Н. Давлатёров. – Душанбе, 2018. – 177 с.

66. Давлатов Р. М. Ташаккул ва рушди муносибатҳои Ҷумҳурии Исломии Афғонистон ва Ҷумҳурии Исломии Эрон (1992–2015) [Матн] диссертатсия барои дарёфти дараҷаи илмии номзади илмҳои таърих / Р. М. Давлатов. – Душанбе, 2019. – 208 с.

67. Давыдов А. Афганистан. – М. : Мысль, 1973. – С. 78.

68. Даллес А. ЦРУ против КГБ. – М. : Центрполиграф, 2017. – 428 с.

69. Дауди И. Большая игра в Афганистан / Ильяс Дауди. – М. : Де'Либри, 2021. – 188 с.

70. Джонатан К. Чужая война: Америка в Афганистане. – М.: Картина мира, 2025. – 694 с.

71. Ермаков В. Ф. Афганский зной. – М. : Эксмо-Пресс, 2014. – 320 с.

72. Жирохов М. А. Опасное небо Афганистана. – М. : Центрполиграф, 2012. – 350 с.

73. Зайцев П. Н. Внутриполитическое развитие Афганистана в 1919–1928 гг. / П. Н. Зайцев. – М., 1970. – 270 с.

74. Зарипов Ш. Кочевники Афганистана (на рубеже XIX–XX вв.) [Текст] / Ш. Зарипов. – Душанбе: Ирфон, 1991. – 176 с.

75. Зевелев А. И. Басмачество: возникновение, сущность, крах. – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1981. – 244 с.

76. Зиммель Г. Избранное. – М. : Юрист, 1996. – Т. 1. – 672 с.

77. Зокиров Г. Н. Минтақаи кӯҳистон (таҳқиқоти геополитикӣ). – Душанбе, 2016. – 152 с.

78. Ибрагимова Г. С. Вклад Маунстюарта Эльфинстона в изучение истории Афганистана (середина XVIII – начало XIX вв.) [Текст] дис. канд. ист. наук. / Г. С. Ибрагимова. – Душанбе, 2015. – 173 с.

79. Имом, Ш. Нигоҳе ба таърихи тоҷикони Афғонистон дар нимаи дувуми қарни XIX ва қарни XX / Ш. Имом. – Душанбе: Дониш, 2013. – 267 с.

80. Имомов, Ш. История общественной мысли Афганистана во второй половине XIX – первой половине XX в. / Ш. Имомов. – Душанбе: Дониш, 2001. – 400 с.

81. Имомов, Ш. Общественная мысль Афганистана в первой трети XX в. / Ш. Имомов. – М. : Наука, 1986. – 112 с.

82. Иран и Афганистан: научные труды по истории Ирана и Афганистана. – Душанбе, 1981. – 70 с.

83. Искандаров К. Афганистан в начале XXI века [Текст] / К. Искандаров. – Душанбе, 2010. – 236 с.

84. Искандаров К. Афганистан в период правительства национального единства: политические процессы и проблемы безопасности: монография / К. Искандаров. – Душанбе: НАН РТ, 2022. – 352 с.

85. Искандаров К. Молодежное движения в Афганистане (1945–1990 гг.) [Текст] / К. Искандаров. – Душанбе: Дониш, 1992. – 148 с.

86. Искандаров К. Политические партии и движения Афганистана во второй половине XX века / К. Искандаров. – Душанбе: Ирфон, 2004. – 500 с.

87. Искандаров Қ. Афғонистон: Толибон ва ташаккули марказҳои террористӣ / Қ. Искандаров. – Душанбе: Ирфон, 2003. – 132 с.

88. Искандаров Қ. Афғонистони имрӯз: омилҳои дохилӣ ва хориҷии ҷангу сулҳ [Матн] / Қ. Искандаров, Р. Давлатов, Р. Абдуллоев. – Душанбе: Дониш, 2018. – 219 с.

89. Казаков Р. С. Становление и развитие политических. торгово-экономических и культурных отношений между Республикой Таджикистан и Исламской Республикой Афганистан (1991–2013 гг.) [Текст] дисс. канд. ист. наук. / Р.С. Казаков. – Душанбе, 2014. – 197 с.

90. Каплан А. Иран и его соседи в XX веке [Текст] / А. Каплан. – М.: Эксмо, 2025. – 512 с.

91. Каримов Ф. Д. Афганско-пакистанские отношения в начале XXI века в контексте эволюции пуштунской проблемы [Текст] дисс. канд. ист. наук. / Ф. Д. Каримов. – Душанбе, 2016. – 163 с.

92. Кича М. В. Афганистан: подлинная история страны-легенды. – М. : Эксимо, 2022. – 464 с.

93. Князев А. А. Афганистан и безопасность Центральной Азии. – Бишкек: ИД «Prinhovse», 2010. – 159 с.

94. Князев А. А. История афганской войны 1990-х гг. и превращение Афганистана в источник угроз для Центральной Азии. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2002. – 246 с.

95. Коргун В. Г. Афганистан в 20–30-е годы XX в. : страницы политической истории. – М. : Наука, 1979. – 160 с.

96. Коргун В. Г. Афганистан в начале XXI века. – М. : Институт востоковедения РАН, 2004. – 134 с.

97. Коргун В. Г. Афганистан: политика и политики. – М. : Институт востоковедения РАН, 1999. – 140 с.

98. Коргун В. Г. Интеллигенция в политической жизни Афганистана. – М. : Наука, 1983. – 198 с.

99. Коргун В. Г. История Афганистана. XX век. – М. : Институт востоковедения РАН: Крафт+, 2004. – 525 с.

100. Коргун В. Г. Россия и Афганистан: исторические пути формирования образа России в Афганистане. – М., 2009.

101. Коргун В. Г. Формирование и эволюция политической системы современного Афганистана (1919–1999 гг.). – М., 2000. – 48 с.

102. Кревельд М. ван. Американская загадка / М. ван Кревельд ; пер. с англ. Ю. Кузнецова. – М. : ИРИСЭН, 2015. – 500 с.

103. Кривопалов О. В. Политработники в Афганистане: политработники 40-й общевойсковой армии. – М.: ИМА-пресс, 2015. – 428 с.

104. Кудратов К. А. Влияние афганского конфликта на национальную безопасность Республики Таджикистан (1991–2014 гг.) [Текст] дисс. канд. ист. наук / К.А. Кудратов. – Душанбе, 2015. – 216 с.

105. Курилла И. И. Американцы и все остальные: истоки и смысл внешней политики США. – М. : Альпина Паблишер, 2024. – 320 с.

106. Курушин М. Ю. 100 великих военных тайн. – М. : Вече, 2006. – 544 с.

107. Латифов Дж. Афганистан: семена надежды урегулирование политической ситуации, укрепление государственных основ и проблемы посконфликтного Афганистана. – Душанбе, 2007. – 127 с.

108. Ленчевский Ю. С. Пограничники на Афганской войне. – М. : Яуза: Эксмо, 2013. – 317 с.

109. Ляховский А. А. Гражданин, политик, воин. Памяти Ахмад Шаха Масуда. – М., 2007. – 360 с.

110. Ляховский А. А. Игра в Афганистан. – М. : Наука, 2009. – 800 с.

111. Ляховский А. А. Тайны афганской войны. – М. : Планета, 1991. – 374 с.

112. Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. – М.: Эксмо, 2009.

113. Макиавелли Н. Государь. – М. : АСТ, 2024. – 337 с.

114. Мамадғафуров И. Э. Тағйирёбии дурнамои сиёсати хоричии Ҷумҳурии Исломии Афғонистон дар ибтидои асри XXI: [Матн] диссертатсия барои дарёфти дараҷаи илмии номзади илмҳои таърих / И.Э. Мамадғафуров. – Душанбе, 2020. – 199 с.

115. Марковский В. Выжженное небо Афгана: боевая авиация в Афганской войне. – М. : Яуза: Эксмо, 2011. – 608 с.

116. Медведко Л. И. Именем Аллаха… Политизация ислама и исламизация политики. – М. : Политиздат, 1988. – 254 с.

117. Мирзоев Н. Муносибатҳои Тоҷикистону Афғонистон. – Душанбе: Сино, 1997. – 104 с.

118. Марсден П. Талибан. Война и религия в Афганистане / П. Марсден; пер. с англ. Е. Егоровой, Е. Клиновой. – М. : ООО «Городец-издат», 2002. – 173 с.

119. Марченко В. Афган: разведка ВДВ в действии. – М. : Родина, 2018. – 464 с.

120. Массон, В. М. История Афганистана: в 2 т. Т. 2: Афганистан в новое время / В. М. Массон, В.А. Ромодин. – М. : Наука, 1964. – 551 с.

121. Матанцев-Воинов А. Н. Как США пожирают другие страны мира: стратегия Анаконды. – М. : АСТ, 2015. – 448 с.

122. Махмадшоев Р. Процессы этнополитического и социокультурного развития таджиков Афганистана: монография. – Душанбе: Ирфон, 2011. – 390 с.

123. Махмадшоев Р. История этнополитического развития таджиков Хорасана (Афганистан) / Р. Махмадшоев. – Душанбе: Ирфон, 2009. – 206 с.

124. Меримский В. А. Загадки Афганской войны. – М. : Вече, 2015. – 320 с.

125. Мирзоев С. Т. Афганистан: вызовы и угрозы. – Душанбе: Ирфон, 2017. – 330 с.

126. Миршаймер Д. Дж. Великое заблуждение. Либеральные мечты и международные реалии. – М. : АСТ, 2024. – 512 с.

127. Миршаймер Д. Дж. Как мыслят государства. – М. : АСТ, 2025. – 480 с.

128. Млечин Л. История внешней разведки: карьеры и судьбы. – М. : Центрполиграф, 2011. – 510 с.

129. Моргентау Г. Новая внешняя политика для Соединённых Штатов. – М. : Прогресс, 1971. – 336 с.

130. Моргентау Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир. – М. : Иностранная литература, 1957. – 612 с.

131. Моргентау Г. В защиту национального интереса. – М.: Международные отношения, 1965. – 284 с.

132. Муромов И. Сто великих авантюристов. – М. : Вече, 2004. – 608 с.

133. Мухаммад Ф. Книга упоминаний о мятеже. – М. : Наука, 1988. – 288 с.

134. Назаров Х. Н. Роль таджиков в истории Афганистана / Х. Н. Назаров. – Душанбе: Дониш, 1998. – 656 с.

135. Назаров Х. Н. Социальные движения 20-х годов XX века в Афганистане / Х. Н. Назаров. – Душанбе: Дониш, 1989. – 352 с.

136. Назаров Ҳ. Ҳамкориҳои мутақобилаи Тоҷикистону Афғонистон [Матн] / Ҳ. Назаров, Н. Назаров. – Кӯлоб, 1991. – 92 с.

137. Негматова Ш. Р. Эволюция международных отношений в Центральной Азии в эпоху полицентризма / Ш. Р. Негматова. – Душанбе: РТСУ, 2025 – 250 с.

138. Непомнящий Н. Н. Вторжение в Афганистан при… Сталине / 100 великих загадок XX века. – М. : Вече, 2004. – С. 103–109.

139. Нешумов Ю. А. Границы Афганистана: трагедия и уроки. – М. : Граница, 2011. – 304 с.

140. Нешумов Ю. А. Разные дни афганского приграничья. Новые попытки укрепить границы ДРА. – М. : Граница, 2011. – 303 с.

141. Никитенко Е. Г. Афганистан: от войны 80-х до прогноза новых войн. – М. : Астрель: АСТ, 2004.

142. Николаев А. И. На страже границ Отечества: Пограничные войска России в войнах и вооружённых конфликтах XX века. – М. : Граница, 2000.

143. Новиков В. С. Лётчик-пограничник генерал Рохлов: портрет на фоне границы и эпохи. – М. : Галерея, 2014. – 400 с.

144. Носатов В. Фарьябский дневник. – М. : Центрполиграф, 2015.

145. Нуриддинов Р. Ш. Возникновение демократического движения в Афганистане и деятельность НДПА по консолидации левых сил в стране. – Ташкент: ТГУ, 1990.

146. Нуриддинов Р. Ш. Идейная борьба лево-демократических и право-исламистских сил в Афганистане во второй половине XX века. – Душанбе: Ватанпарвар, 2003.

147. Нуриддинов Р. Ш. Ислам в мировой политике XXI века. – Душанбе: ТНУ, 2020. – 424 с.

148. Нуриддинов Р. Ш. Некоторые аспекты формирования политических партий в современном Афганистане. – Новосибирск: СИМО и Р, 2007.

149. Нуриддинов Р. Ш. Формирование левых демократических движений в Афганистане. – Душанбе: Ватанпарвар, 2003.

150. Нуриддинов Р. Ш. Эволюция формирования политической системы современного Афганистана. – Душанбе, 2004.

151. Нуриддинов Р. Ш. Геополитика. – Душанбе: «ЭР–граф», 2016. – 352 с.

152. Овсеенко М. Я. Записки военного контрразведчика КГБ СССР. Гератский мятеж. – СПб. : Альфа-Бета, 2015. – 272 с.

153. Окороков А. В. Секретные войны СССР: самая полная энциклопедия. – М.: Эксмо, 2017. – 736 с.

154. Панин С. Б. Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. – М., 1998.

155. Панин С. Б. Советско-афганские отношения, 1919–1929 гг. : дис. … канд. ист. наук / С. Б. Панин. – М., 1998. – 378 с.

156. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М. : Академический проект, 2002. – 880 с.

157. Перси С. История Афганистана: с древнейших времён до учреждения королевской монархии / С. Перси ; пер. с англ. Л. А. Карповой. – М. : ЗАО «Центрполиграф», 2023. – 638 с.

158. Печуров, С. Л. Арабский Восток: от «весны» к хаосу? / С. Л. Печуров; отв. ред. В. В. Наумкин, Р. Я. Эмануилов. – М.: Институт востоковедения РАН, 2013. – 120 с. ISBN 978-5-89282-558-0

159. Пиков Н. И. Война в Афганистане / Н. И. Пиков [… и др.]. – М. : Воениздат, 1991.

160. Пихоя Р. Г. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР. – М. : РОССПЭН, 2008. – 423 с.

161. Пластун В. Н. Наджибулла. Афганистан в тисках геополитики. – М., 1998. – 238 с.

162. Пластун В. Н. Эволюция деятельности экстремистских организаций в странах Востока. – Новосибирск, 2002. – 711 с.

163. Пластун В. Н. Изнанка Афганской войны 1979–1989 гг.: Дневниковые записи и комментарии участника / В. Н. Пластун; Институт востоковедения РАН. – М.: Институт востоковедения РАН, 2016. – 756 с.

164. Пластун В. Н. Исламизм – угроза исламу и миру: учеб. пособие / В. Н. Пластун; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2018. – 146 с.

165. Плешов, О. В. Ислам, исламизм и номинальная демократия в Пакистане / О. В. Плешов. – М.: Институт востоковедения РАН; Издательство «Крафт+», 2003. – 260 с. ISBN 5-89282-207-9

166. Пограничники на Афганской войне. – М. : Яуза: Эксмо, 2013. – 320 с.

167. Поляков, К. И. Исламский экстремизм в Центральной Азии / К. И. Поляков. – М.: Институт востоковедения РАН, 2014. – 136 с.

168. Примаков Е. М. Афганистан в огне. – Л. : Красная газета, 1929. – 154с.

169. Пьер А. Афганский капкан. – М. : Международные отношения, 1999. – 448 с.

170. Расулиён Қ. Р. Осори Мунтахаб: Тоҷикони Афғонистон: дирӯз ва имрӯз / Қ. Р. Расулиён. – Душанбе: Нашри Мубориз, 2022. – Ҷ. 4. – 460 с.

171. Раҳимзода Р. Афғонистон: воқеият ва таҳлилҳо. – Душанбе: ЭР-граф, 2022. – 408 с.

172. Рашид А. Талибан: ислам, нефть и новая Большая игра в Центральной Азии / пер. с англ. М. Поваляева. – М. : Библион – Русская книга, 2003. – 368 с.

173. Рейснер И. М. Афганистан / И. М. Рейснер. – М. : Госиздат, 1929. – 214 с.

174. Рейснер И. М. Независимый Афганистан / И. М. Рейснер. – М. : Госиздат, 1929. – 186 с.

175. Ромодин В. А. Афганистан во второй половине XIX – начале XX в. Официальная история и историография / В.А. Ромодин. – М. : «НАУКА», Главная редакция восточной литературы, 1990 – 140 с.

176. Россия и Афганистан / отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. – 208 с.

177. Рубин Б. Афганистан. Что о нём нужно знать каждому / пер. с англ. М. Тарасова. – СПб. : Academic Studies Press / Библиороссика, 2003. – 391 с.

178. Рунов В. А. Афганская война: боевые операции. – М. : Яуза: Эксмо, 2016. – 432 с.

179. Саидов Х. С. Полиэтнические общества Востока: общее и особенное в этнонациональных процессах в Афганистана и Ирана [Текст] автореф. дисс… д-ра. полит. наук / Х.С. Саидов. – М., 2010. – 50 с.

180. Саидов Х. Этноконфессиональные проблемы современного Ирана / Х. Саидов. – М. : РАГС при Президенте РФ, 2012. – 176 с.

181. Саидов Х. Афганские пуштуны в контексте истории «десяти потерянных колен Израиля» / Х. Саидов. – Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2012. – 220 с.

182. Саидов, Х. С. Афганистан и Иран в системе мироустройства в начале XXI века (политико-идеологические параллели): монография / Х. С. Саидов. – Душанбе: РТСУ, 2020. – 361 с.

183. Саидов, Х. С. Афганистан и Иран: параллели этнонационального развития / Х. С. Саидов; под общ. ред. К. М. Цаголова. – М.: Изд-во РАГС, 2010. – 392 с. ISBN 978-5-7729-0557-9

184. Саидов, Х. С. Евреи и пуштуны Афганистана. Пропавшие колена Израилевы: История, политика и ДНК-генеалогия / Х. С. Саидов, А. А. Клёсов. – М.: Концептуал, 2015. – 464 с.

185. Саидов, Х. С. Некоторые проблемы развития афганского государства в контексте современных мирополитических процессов (Значимость и актуальность историко-политологического анализа) / Х. С. Саидов. – Душанбе: Издательство РТСУ, 2019. – 209 с.

186. Саидов, Х. С. Афганистан в поисках путей национально-государственного развития (Значимость и актуальность историко-политологического анализа). – М. : Изд-во РАГС, 2010. – 240 с.

187. Сайкс П. История Афганистана: с древнейших времён до учреждения королевской монархии / пер. с англ. Л. А. Карповой. – М. : Центрполиграф, 2023. – 639 с.

188. Сафолзода М. К. Вклад Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в поисках путей решения проблемы Афганистана и разви-

тия таджикско-афганских отношений (1992–2014 гг.) [Текст] дисс. … д–ра. ист. наук / М. К. Сафолзода. – Душанбе, 2021. – 501 с.

189. Сергеев Е. Ю. Джордж Натаниэль Кёрзон – последний рыцарь Британской империи. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2025. – 295 с.

190. Серебряков В. Г. Афганистан: боевые действия в Панджшере. ОГ «Анава». – Рязань: Рязанская областная типография, 2014.

191. Сикоев, Р. Р. Пресса афганской эмиграции / Р. Р. Сикоев. – М. : Институт востоковедения РАН, 1999. – 149 с. ISBN 5-89282-137-4

192. Симонов К. В. Афганистан в политике великих держав и Османской империи на Среднем Востоке, 1899–1918 гг. : дис. … канд. ист. наук / К.В. Симонов. – М., 2001. – 236 с.

193. Скрынников М. Дорогами афганской войны: ВДВ. С неба – в бой. – М. : Эксмо, 2008. – 544 с.

194. Слинкин М. Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти: время Тараки – Амина (1978–1979 гг.). – Симферополь, 1999. – 359 с.

195. Сметанников С. Время выбрало нас: сборник примеров героических поступков воинов-интернационалистов. – Душанбе, 1988. – 50 с.

196. Снегирёв В. Вторжение: неизвестные страницы необъявленной войны. – М. : СП «ИКПА», 1991. – 94 с.

197. Снесарев А. Е. Афганистан. – М. : Русская панорама, 2002. – 272 с.

198. Соцков Л. Ф. Неизвестный сепаратизм: на службе СД и Абвера. – М.: Рипол Классик, 2003. – 336 с.

199. Соцков Л. Ф. Резидент Абвера. Неизвестный сепаратизм: на службе СД и Абвера. – М. : Рипол Классик, 2003. – 336 с.

200. Спецназ: люди и судьбы. Афганистан глазами очевидцев. – М. : НПИД «Русская панорама», 2009. – 556 с.

201. Спольников В. М. Афганистан: исламская оппозиция, истоки и цели. – М. : Наука, 1990.

202. Спольников В. Н. Афганистан: исламская контрреволюция. – М. : Наука, 1987. – 237 с.

203. Стодеревский В. А. Записки офицера спецназа ГРУ. – М. : Финтрекс, 2010. – 487 с.

204. Султан Мухаммад-хан. Автобиография Абдуррахман-хана, эмира Афганистана / Султан Мухаммад-хан; пер. с англ. М. Грулёва. – СПб, 1901. – 568 с.

205. Сухоруков Д. С. Записки командующего-десантника. – М. : Олма-Пресс, 2000. – 160 с.

206. Таннер С. Афганистан: история войн от Александра Македонского до падения «Талибана» / пер. с англ. С. М. Саксина. – М. : Эксмо, 2004.

207. Темирханов Л. Восточные пуштуны в Новое время: этносоциальная характеристика. – М. : Наука, 1984. – 87 с.

208. Темирханов Л. Хазарейцы: очерки новой и новейшей истории. – Душанбе, 1978. – 96 с.

209. Теплинский Л. Б. История советско-афганских отношений: 1919–1978 гг. Отв. ред. Ю. В. Ганковский. – М. : Мысл, 1988. – 380 с.

210. Терештвол М. Вазъияти сиёсӣ ва фаъолияти ҳизбҳои сиёсӣ дар шароити Афғонистон / М. Терештвол. – Душанбе: ЭР-граф, 2019. – 256 с.

211. Тихонов Ю. Н. Афганская война Сталина: битва за Центральную Азию. – М. : ОЛМА-Пресс, 2003.

212. Тихонов Ю. Н. Политика великих держав в Афганистане и пуштунские племена (1919–1945 гг.). – М. ; Липецк: Информ, 2007.

213. Топорков В. М. Афганистан: советский фактор в истоках кризиса: монография. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. – 319 с.

214. Тренин Д. В. Афганистан: взгляд с севера / Д. В. Тренин [… и др.]. – М. : Московский Центр Карнеги, 2010. – 35 с.

215. Файзуллоҳ Ҷалол. Қудрати сиёсӣ ва ваҳдати миллӣ дар Афғонистон / Файзуллоҳ Ҷалол. – Душанбе: ЭР-граф, 2019. – 352 с.

216. Файзуллоҳ Ҷалол. Симои терроризми байналмилалӣ / Файзуллоҳ Ҷалол. – Душанбе: ЭР-граф, 2019. – 140 с.

217. Фурсов К. А. Две империи: экономическая политика колониальных держав в Русском Туркестане и Британской Индии во второй половине XIX – начале XX в. – М.: Институт экономики РАН, 2009. – 43 с.

218. Халфин, Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX – начало XX в.) / Н.А. Халфин. – М., 1959. – 287 с.

219. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. – М. : Прогресс-Традиция, 2004. – 480 с.

220. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.

221. Хараташвили Г. С. Афганистан, Англия и Россия в конце XIX века: проблемы политических и культурных контактов по «Сирадж ат-таварих». – СПб. : Изд-во СПбУ, 2016. – 162 с.

222. Христофоров В. С. КГБ СССР в Афганистане. 1978–1989 гг. – М., 2014.

223. Шарифов, Р. Я. История традиционного и современного образования в Афганистане: монография / Р. Я. Шарифов. – Душанбе: Тахминот, 2018. – 320 с.

224. Шварц Д. Искусство мыслить масштабно. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 256 с.

225. Шефер Б. Законы победителей. – М. : Эксмо, 2017. – 320 с.

226. Шило Н. Обстановка в Афганистане: военно-политическая ситуация и трансформация политического курса страны. – М. : МГИМО-Университет, 2008. – 40 с.

227. Шумов, С. А. История Афганистана. Документальное исследование / С. А. Шумов, А. Р. Андреев. – М.: Крафт, 2002. – 236 с. ISBN 5-93675-027-2

228. Яковлев Н. Н. ЦРУ против СССР. – М. : Правда, 1983. – 464 с.

229. Adamec, L. W. Afghanistan, 1900–1923: A Diplomatic History. – Berkeley: University of California Press, 1967. – 245 p.

230. Almond G. The Civil Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. – Princeton: Princeton University Press, 1963. – 574 p.

231. Asghar H. Bilgrami. Afghanistan and British India 1793–1907: a study in foreign relations [Dari] / Asghar H. Bilgrami translated by Abdul Wahab Fanahi. – Kabul, 1982 (1361).

232. Bellew, H. W. An Inquiry into the Ethnography of Afghanistan / H.W. Bellew. – London, 1883. – VIII, 192.

233. Bellew, H.W. The Races of Afghanistan: Being a Brief Account of the Principal Nations Inhabiting that Country / H.W. Bellew. – London, 1880. – XII, 210 p.

234. Bradsher H. S. Afghanistan and the Soviet Union. – Durham, N.C. : Duke University Press, 1983. – VIII, 324 p.

235. Curzon G. N. Russia in Central Asia in 1889 and the Anglo-Russian Question. – 2nd ed. – London: Longmans, Green and Co., 1889. – XXIII, 477 p.

236. Easton D. The Analysis of Political Structure. – Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1971. – 493 p.

237. Bahmanyar M. Afghanistan Cave Complexes 1979–2004: Mountain Strongholds of the Mujahideen, Taliban & Al Qaeda. – Oxford : Osprey Publishing, 2004. – 64 p.

238. Burton J. W., (ed.). Conflict: Human Needs Theory / ed. by John W. Burton. – Basingstoke; London: Macmillan Press, 1990. – XXV, 358 p.

239. Elphinstone M. Account of the Kingdom of Cabul, and Its Dependencies in Persia, Tartary, and India / M. Elphinstone. – London, 1839. – 2 vols.

240. Fletcher A. Afghanistan: Highway of Conquest. – Ithaca, N.Y. : Cornell University Press, 1965. – 325 p.

241. Galster S. R. Washington, Moscow and the Struggle for Kabul: The Cold War Continues in Afghanistan. – New York, 1990.

242. Ghaus A. S. The Fall of Afghanistan: An Insider's Account. – Washington: Pergamon-Brassey's International Defense Publishers, 1988. – 145 p.

243. Gregorian, V. The Emergence of Modern Afghanistan: Politics of Reform and Modernization, 1880–1946 / V. Gregorian. – Stanford, Calif. : Stanford University Press, 1969. – VIII, 586 p.

244. Hantington S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. – Norman: University of Oklahoma Press, 1991. – 366 p.

245. Havelock H. Narrative of the War in Affghanistan in 1838–39 / H. Havelock. – London, 1840. (Орфография Affghanistan сохранена в оригинальной авторской форме XIX века).

246. Kaye J. W. History of the War in Afghanistan. – London: W. H. Allen & Co., 1878.

247. Kipling R. Kim. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 368 p.

248. Krausse, A. Russia in Asia / A. Krausse. – London, 1899.

249. Lansdell, H. Russian Central Asia / H. Lansdell. – London, 1885. – 2 vols.

250. Malleson G. B. History of Afghanistan, from the Earliest Period to the Outbreak of the War of 1878. – London: W. H. Allen & Co., 1879.

251. Marvin C. The Russian Campaigns against the Akhal-Tekke Turkomans. – London, 1880.

252. Mearsheimer J. Conventional Deterrence. – Ithaca: Cornell University Press, 1983. – 272 p.

253. Mearsheimer J. The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. – New Haven: Yale University Press, 2018. – 384 p.

254. Mearsheimer J. Why Leaders Lie: The Truth About Lying in International Politics. – New York: Oxford University Press, 2011. – 400 p.

255. Popowski J. The Rival Powers in Central Asia; or, the Struggle between England and Russia in the East / translated from the German of Josef Popowski by Arthur Baring Brabanz and edited by Charles E. D. Black. – Westminster: Archibald Constable and Company, 1893.

256. Rawlinson H. England and Russia in the East: A Series of Papers on the Political and Geographical Condition of Central Asia. – London: John Murray, 1875.

257. Rubin, Barnett R. The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse in the International System. – New Haven, CT: Yale University Press, 1995. – 378 p.

258. Schuyler, E. Turkistan: Notes of a Journey in Russian Turkestan, Kokand, Bukhara, and Kuldja / E. Schuyler. – London, 1876. – 2 vols.

259. Skrine F. H. The Heart of Asia: A History of Russian Turkestan and the Central Asian Khanates from the Earliest Times. – London: Methuen & Co., 1899.

260. Stumm, H. Russia in Central Asia / H. Stumm ; transl. ed. – London, 1885.

261. Sykes, P. History of Afghanistan. Vol. II. – London, 1940. – P. 216.

262. Thorburn, S. S. Asiatic Neighbours / S. S. Thorburn. – London, 1894.

263. Trench, F. The Russo-Indian Question / F. Trench. – London, 1869.

264. Vambéry, A. The Coming Struggle for India / A. Vambéry. – London, 1885.

265. Walt S. The Origins of Alliances. – Ithaca: Cornell University Press, 1987. – 336 p.

266. آدمک، لودویک .روابط خارجی افغانستان در نیمهٔ اول قرن بیستم. ترجمهٔ محمد فاضل صاحبزاده. پشاور، ۱۳۷۷ [۱۹۹۹/۱۹۹۸].

267. آرنی، جورج .افغانستان، گذرگاه کشورگشایان .ترجمهٔ فارسی دری سیدمحمد یوسف علمی و حبیب‌الرحمن هاله. پشاور، ۱۳۸۶ [۲۰۰۷].

268. ارشاد، ذاکر حسین .استراتژی امریکا در افغانستان پس از طالبان. چاپ اول. کابل: انتشارات تاک، ۱۳۹۰.

269. اصلاح (روزنامه). کابل، ۱۳۱۹ [۱۹۴۰].

270. اطلاعات (روزنامه). ۱۸ ژوئیهٔ ۱۹۶۳.

271. افضلی، شاهین .حملهٔ امریکا به افغانستان. چاپ سوم. تهران: انتشارات شاهین فیروز افضلی، ۱۳۸۶.

272. افغانستان و جهان .مرکز مطالعات استراتژیک وزارت امور خارجه؛ زیر نظر عزیز آریان‌فر. کابل، ۲۰۰۴.

273. اقتصاد .کابل، ۱۹۵۰، شمارهٔ ۳۶۱.

274. اندیشمند، محمد اکرام .امریکا در افغانستان. کابل: بنگاه انتشارات میوند، ۱۳۸۴.

275. اندیشمند، محمد اکرام .سال‌های تجاوز و مقاومت. کابل: نشر پیمان، ۱۳۸۳.

276. انصاری، خواجه بشیر احمد .افغانستان در آتش نفت. چاپ دوم. کابل: انتشارات میوند، ۱۳۸۰.

277. انیس (روزنامه). کابل، ۲۰ اپریل ۱۹۵۵.

278. انیس (روزنامه). کابل، فبروری ۱۹۴۹.

279. برادشر، هنری .افغانستان: تجاوز شوروی و مقاومت مجاهدین. ترجمهٔ شورای ثقافتی جهاد افغانستان. پشاور: مرکز نشراتی میوند، ۱۳۷۸ [۱۹۹۹].

280. بلگرامی، ا. ح .افغانستان و هند بریتانوی. ترجمهٔ عبدالوهاب فنایی، کابل: اکادمی علوم افغانستان، ۱۹۸۲.

281. پاولادا، لیون؛ پاولادا، لیلا .کشور شاهی افغانستان و ایالات متحده از سال ۱۸۲۸ تا ۱۹۷۳ .ترجمهٔ غلام صفدر پنجشیری. کابل، ۱۹۹۹.

282. تمنا، فرامرز .سیاست خارجی ایالات متحدهٔ امریکا در افغانستان: پروژهٔ «آسیای مرکزی بزرگ»، دولت-ملت‌سازی و مبارزه با تروریسم. تهران: پژوهشکدهٔ مطالعات راهبردی، ۱۳۸۷ [۲۰۰۸].

283. خسروشاهی، سید ابراهیم خاتمی .کتاب آسیا: ویژهٔ افغانستان پس از طالبان .چاپ اول. تهران: انتشارات مؤسسهٔ فرهنگی مطالعات و تحقیقات بین‌المللی، ۱۳۸۳.

284. داویدف، ا. د .افغانستان: مسائل جنگ و صلح. ترجمهٔ عزیز آریان‌فر. تهران: نشر اندیشه، ۱۳۸۹.

285. دهشیار، حسین .سیاست خارجی امریکا در تئوری و عمل .چاپ دوم. تهران: انتشارات میزان، ۱۳۹۱.

286. رهمند، عزیزاحمد. تاریخ روابط بین‌المللی افغانستان طی سال‌های ۱۲۹۳–۱۳۵. فصل ششم: مناسبات جمهوری افغانستان با ایالات متحدهٔ امریکا. کابل، ۱۳۵۷.

287. رشید، احمد .طالبان: اسلام، نفت و بازی بزرگ جدید. ترجمهٔ اسدالله شفائی و صدیق باقری. تهران، ۱۳۷۹.

288. طنین، ظاهر .افغانستان در قرن بیستم. چاپ اول. تهران: انتشارات عرفان، ۱۳۸۲.

289. عاصم، اکرم .نگاهی به شخصیت، نظریات و سیاست‌های محمد داود. تهران: انتشارات میزان، ۱۳۸۰.

290. عظیمی، محمد نبی .اردو و سیاست در سه دههٔ اخیر. پشاور: انتشارات کتابخانهٔ سبا، ۱۳۸۴.

291. غبار، میر غلام‌محمد .افغانستان در مسیر تاریخ .جلد دوم. تهران: نشر عرفان، ۱۳۷۴ هـ.ش .[۱۹۹۵ م].

292. غوث، عبدالصمد .سقوط افغانستان: بیان شاهد عینی .ترجمه از انگلیسی به فارسی دری: محمد یونس طغیان ساکایی. پشاور، ۲۰۰۰.

293. فرهنگ، میر محمد صدیق .افغانستان در پنج قرن اخیر .جلد دوم. چاپ چهارم. تهران: نشر شریعتی-عرفان، ۱۳۸۸.

294. فرهنگ، میر محمد صدیق .افغانستان در پنج قرن اخیر .جلد دوم. کابل: انتشارات بین‌المللی ثروت-صنعت، ۲۰۱۵.

295. کالینز، آلن .مطالعات امنیتی معاصر .ترجمهٔ سید داوود آقایی و علی‌رضا ثمودی. چاپ اول. تهران: انتشارات خرسندی، ۱۳۹۲.

296. کشککی، صباح‌الدین .دهۀ قانون اساسی: غفلت‌زدگی افغان‌ها و فرصت‌طلبی روس‌ها. کابل، ۱۳۸۴.

297. کوردویز، دیاگو؛ هرسین، سلیگ .حقایق پشت پردهٔ تهاجم شوروی بر افغانستان. ترجمهٔ عبدالجبار ثابت. پشاور، ۱۳۷۵.

298. گالیولین، رستم .سیا در آسیا: عملیات پنهانی علیه هندوستان و افغانستان. ترجمهٔ دانشگاهی اطلاعات. تهران، ۱۳۷۵.

299. گروموف، ب .ارتش سرخ در افغانستان. ترجمهٔ عزیز آریان‌فر. کابل، ۱۳۸۴.

300. نقیب‌زاده، احمد .تحولات روابط بین‌الملل. چاپ اول. تهران: انتشارات قومس، ۱۳۸۱.

301. وزارت اطلاعات و فرهنگ افغانستان .سالنامهٔ افغانستان، ۱۳۵۵–۱۳۵۶ .کابل: مطبعهٔ دولتی، ۱۳۵۶.

III. Статьи из научных журналов и сборников

302. Арабаджян А. З. Внешняя политика и экономическое развитие Ирана и Афганистана // Проблемы востоковедения. – 1960. – № 3. – С. 50.

303. Басов В. К. К характеристике национального состава чиновничества в Афганистане в 60-е годы / В.К. Басов // Специальный бюллетень Института востоковедения АН СССР. – М. : Наука, 1974. – № 4. – С. 181–195.

304. Басов В. В. Национальное и племенное в Афганистане: к пониманию невоенных истоков афганского кризиса : сборник статей / В. В. Басов ; под ред. В. Б. Кравцова. – М. : НИЦ ФСКН России, 2011. – 353 с.

305. Внешняя торговля. – 1962. – № 3. – С. 7.

306. Ганковский Ю. В. Изучение истории Афганистана в Советском Союзе / Ю. В. Ганковский // Спецбюллетень Института востоковедения АН СССР. – 1991. – № 6 (277). – С. 4–9.

307. Ганковский Ю. В. О путях прекращения гражданской войны в Афганистане / Ю. В. Ганковский // Восток и современность. – 1991. – № 3 (61). – С. 82–89.

308. Гуревич Н. М. Развитие фабрично-заводской промышленности в Афганистане // Народы Азии и Африки. – 1962. – № 3. – С. 47–48.

309. Искандаров К. Военно-политическая ситуация в Афганистане в конце XX-го века и ее влияние соседним странам // Вестник Педагогического университета. – 2020. – № 2. – С. 216–220. ISSN 2219-5408

310. Искандаров К. Гуманитарная ситуация и проблемы безопасности в Афганистане после прихода к власти движения «Талибан»: взгляд из Таджикистана // Россия и мир: научный диалог. – 2023. – № 2 (8). – С. 142-157.

311. Искандаров К. Политический кризис в Афганистане / К. Искандаров // Известия Академии наук Республики Таджикистан. Серия: экономика и политология. – 1995. – № 3–4 (4). – С. 25–29.

312. Искандаров К. Факторы продолжающегося кризиса в Афганистане // Вестник Таджикского национального университета. – 2024. – № 11-1. – С. 82–88. ISSN: 2074-1847

313. Искандаров Қ. Таҳаввулоти Афғонистон ва авлавиятҳои афғонистоншиносӣ дар Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон дар солҳои Истиқлоли давлатӣ [Матн] / Қ. Искандаров. Маводи конференсияи илмию амалӣ «Истиқлоли давлатӣ ва рушди илми ватанӣ» бахшида ба 31-солагии Истиқлоли давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон (5 сентябри соли 2022). – Душанбе: Дониш, 2022. – С. 171-181.

314. Левые и демократические партии и организации в Афганистане // Информационный бюллетень Политического управления Краснознамённого Туркестанского военного округа. – Ташкент, 1988. – № 16. – 7 с.

315. Коргун В. Г. Афганистан в новейшее время // История Афганистана с древнейших времён до наших дней. – М.: Мысль, 1982. – С. 224-329.

316. Коргун В. Г. Афганистан и Иран // Афганистан: война и проблемы мира. – 1998. – С. 75–104.

317. Коргун В. Г. Афганистан на начальном этапе независимого развития (1919–1929 гг.) // Афганистан: прошлое и настоящее. – М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1982. – С. 66–89.

318. Коргун В. Г. Ислам и национализм в Афганистане // Ислам и проблема национализма в странах Ближнего и Среднего Востока. – М.: Наука, 1986. – С. 194–221.

319. Коргун В. Г. Исторический очерк. 1921–1978 гг. / В. Г. Коргун [и др.] // Демократическая Республика Афганистан. – М., 1981. – С. 32–55.

320. Коргун В. Г. К вопросу о роли кочевников в Афганистане новейшего времени // Арабские страны, Турция, Иран, Афганистан: история, экономика. – М., 1973. – С. 89–97.

321. Коргун В. Г. Международные отношения в Средней Азии и на Среднем Востоке // Кризис и война: международные отношения в центре и на периферии в 30–40-х годах. – 1998. – С. 302–351.

322. Коргун В. Г. Роль и место ислама в процессе общественного развития современного Афганистана // Ислам и политика. – М., 1980. – С. 104-123.

323. Коргун В. Г. Социальная структура Афганистана // Актуальные проблемы афганской революции. – М., 1984. – С. 182–201.

324. Коргун В. Г. Социально-политический кризис в Афганистане в конце 20-х годов. Первый этап // Актуальные проблемы современного востоковедения. – 1974. – С. 134–159.

325. Кучи А. К. Развитие отношений между Афганистаном и Советским Союзом (1946–1969 гг.). – М., 1970. – С. 104–109.

326. Махмадшоев Р. Духовная культура таджиков Афганистана и необходимость её изучения // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия история и филология. – 2009. – С. 84–87.

327. Негматова Ш. Р. Республика Таджикистан в международных отношениях ЦАР: векторы внешней политики // Вестник Таджикского национального университета. –2021. – № 3. – С. 48-56. ISSN 2074-1847.

328. Негматова Ш. Р. Некоторые вопросы безопасности Центральной Азии в свете захвата талибами власти в Афганистане // Вестник Таджикского национального университета. – 2021. – № 3. – С. 5-12. ISSN 2074-1847.

329. Негматова Ш. Р. Интересы России и Китая в регионе Центральной Азии // Вестник Таджикского национального университета. – 2021. – № 6. – С. 5-12. ISSN 2074-1847.

330. Негматова Ш. Р. Краткий обзор интересов некоторых ведущих мировых игроков в регионе Центральной Азии // Вестник Таджикского национального университета. – 2021. – № 7. – С. 5-10. ISSN 2074-1847.

331. Нуриддинов Р. Ш. Внешняя политика Соединенных Штатов Америки в Афганистане: эволюция и изменение ее формы и сущности // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2023. – № 9. – С. 262-271.

332. Нуриддинов Р. Ш. Военно-политическая стратегия США в Афганистане и ее влияние на центральноазиатский регион. Материалы республикан-ской научно-практической конференции «Место и роль Республики Таджикистан в геополитическом развитии региона», посвящённой 75-летию Таджикского национального университета и 60-летию образования кафедры политологии Таджикского национального университета. – Душанбе, 29 августа 2023 г. – С. 77–88.

333. Нуриддинов Р. Ш. Некоторые особенности и неудачи процесса борьбы с международным // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2024. – № 11. – С. 273–284. ISSN 2413-5151

334. Нуриддинов Р. Ш. Стратегия Китайской Народной Республики в Афганистане на современном этапе // Государственное управление. – 2025. – № 2 (73). – С. 512–524. ISSN 2709-8567 (Online)

335. Нуриддинов Р. Ш. Афганская повестка в системе региональной безопасности Средней Азии // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2024. – № 10. Часть 1. – С. 293–299. ISSN 2413-5151

336. Нуриддинов Р. Ш. Оккупационный демократический эксперимент Соединённых Штатов Америки в Афганистане (2001–2021 гг.) // Государственное управление. – 2025. – № 1 (72). – С. 321–333. ISSN 2709-8567

337. Нуриддинов Р. Ш. Развитие национально-этнических отношений в современном Афганистане // Вестник Таджикского национального университета. Серия социально-экономических и общественных наук. – 2025. – № 2. – С. 282–291. ISSN 2413-5151

338. Пикулин М. Г. Американская экспансия в Афганистане после Второй мировой войны // Труды Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР. Вып. 2. – Ташкент, 1954. – С. 49–69.

339. Пуллада, Л. В. Провал американской дипломатии в Афганистане // События в мире. 1982. – № 145 (3). – С. 230–252.

340. Рейснер И.М. Десять лет внешней политики независимого Афганистана (1919–1929 гг.) / И.М. Рейснер // Новый Восток. – 1929. – № 22. – С. 3–28.

341. Саидов Х. Афганистан: сильная центральная власть или федеративное устройство / Х. Саидов. Проблемы безопасности государств Центральной Азии в условиях современного мироустройства: тенденции и подходы к обеспечению стабильности. Материалы международной конференции (Душанбе, 27 марта 2014 г.). – Душанбе, 2014. – С. 123–131.

342. Салиев А. А. Религиозный фактор во внутренней и внешней политике Афганистана конца XIX века // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2016. – Т. 16. – № 12. – С. 76–80.

343. Фурсов К. А. Геополитика или экономика? Соотношение целей англо-русской экспансии в Центральной Азии в XIX в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2017. – № 1. – С. 6–28.

344. Уильям М. Афганистан с точки зрения истории и географии // Красного Креста. – 2010–2011. – № 880-881. – С. 23–27.

345. Цаголов К. Афганская война: взгляд из сегодняшнего дня // Восток. – 1991. – № 3. – С. 53–62.

346. Шарифов Р. Я. Историография проблемы образования в Афганистане // Вестник Педагогического университета. – 2018. – № 2 (74). – С. 180-187.

347. Шарифов Р. Я. Состояние системы образования в Афганистане в период республики (27.07.1973 – 27.04.1978 гг.) // Вестник Таджикского национального университета. – 2017. – № 3/7. – Ч. II. – С. 3–6.

348. Шарифов Р. Я. Социально-экономические предпосылки формирования современной системы образования в Афганистане // Вестник Таджикского национального университета. – 2017. – № 3/5. – С. 126-130.

349. Шарифов Р. Я. Этно-социальные предпосылки формирования современной системы образования в Афганистане // Вестник Таджикского национального университета. – 2017. – № 3/7. – С. 79-85.

350. اصلاح روزنامه .(کابل، [۱۳۱۹] ۱۹۴۰.

351. اطلاعات روزنامه .(۱۸ ژوئیهٔ ۱۹۶۳.

352. اقتصاد .کابل، ۱۹۵۰، شمارهٔ ۳۶۱.

353. انیس روزنامه .(کابل، ۲۰ اپریل ۱۹۵۵.

354. انیس روزنامه .(کابل، فبروری ۱۹۴۹.

355. Contemporary Review. – L., 1949. – № 4.

356. Current History. – N.Y., 1950. – № 4.

357. Huntington E. Life in the Great Desert of Central Asia // National Geographic Magazine. Vol. XX. – Washington, D.C. : National Geographic Society, 1909. – P. 749-763.

358. Khalili Z., Seerat A. H., Keliwaal A. N. Afghanistan-Pakistan Political Relations (1963–73) // American Journal of Law and Political Science. – 2024. – Vol. 3, Issue 1. – P. 28–43. ISSN 2958-4108 (Online)

359. Poullada L. B. The Search for National Unity // Afghanistan in the 1970s / ed. by L. Dupree, L. Albert. – New York: Praeger, 1974. – P. 46.

360. Pullada L. W. Afghanistan and the United States: The Crucial Years // Middle East Journal. – 1981. – Vol. 35. – No. 2. – P. 178–190.

361. Williams, M. O. Afghanistan Makes Haste Slowly // National Geographic Magazine. – Vol. LXIV, No. 6, Dec. 1933. – Washington, D.C. : National Geographic Society, 1933. – Pp. 731–769.

IV. Доклады, выступления, заявления

362. Johnson L. B. Joint Statement Following Discussions With the Prime Minister of Afghanistan [Electronic resource] / ed. by G. Peters, J. T. Woolley // The American Presidency Project. – URL: https://www.presidency.ucsb.edu/node/237795 (date of access: 14.05.2025).

363. Литвинов М. М. Внешняя политика СССР: речи и заявления. 1927–1935 гг. / М. М. Литвинов. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1935. – 352 с.

364. Чичерин Г. В. Загадки международного положения. Статьи и речи по вопросам международной политики / Г. В. Чичерин; сост. Л. И. Трофимова. – М. : Соцэкгиз, 1961. – 514 с.

V. Аналитические и статистические материалы

365. Доклад Центра международных исследований МГИМО и Института Азии НАН Республики Таджикистан «Угрозы исламского экстремизма в Афганистане и их влияние на Центральную Азию». – Москва–Душанбе, 2023. – С. 12–14.

366. Отчёт ООН. В Афганистане производится 80% всего опиума в мире [Электронный ресурс] Режим доступа: https://nazarnews.org/ru/posts/otchyot-oon-v-afganistane-byilo-proizvedeno-80-vsego-opiuma-v-mire (дата обращения: 10.02.2025).

367. Тренин Д. В. Афганистан: взгляд с севера / Д. В. Тренин, А. В. Малашенко. – М. : Московский центр Карнеги, 2010. – 35 с.

368. Шило Н. Обстановка в Афганистане: военно-политическая ситуация и трансформация политического курса страны // Аналитические записки. – Вып. 9 (38). – М.: МГИМО – Университет, 2008. – 40 с.

369. وزارت اطلاعات و فرهنگ افغانستان .سالنامۀ افغانستان، ۱۳۵۵–۱۳۵۶ .کابل :مطبعۀ دولتی، ۱۳۵۶.

VI. Электронные ресурсы и интернет-источники

370. Ermanni G. New Book Unveils Untold Story of U.S. Engagement in Afghanistan Prior to Soviet Invasion [Electronic resource]: [interview with R. Rakove] // Center for International Security and Cooperation, Stanford University. – 2023. – July 10. – URL: https://cisac.fsi.stanford.edu/news/new-book-unveils-untold-story-us-engagement-afghanistan-prior-soviet-invasion (date of access: 15.07.2024).

371. Gouttierre T. E. What History Can Teach Us about Contemporary Afghanistan [Electronic resource] // Education About Asia. – Association for Asian Studies. – URL: https://www.asianstudies.org/publications/eaa/archives/what-history-can-teach-us-about-contemporary-afghanistan-2/ (date of access: 21.11.2023).

372. John F. Kennedy Presidential Library and Museum. [Электронный ресурс] URL: https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/jfkpof-111-004#?image_identifier=JFKPOF-111-004-p0005 (дата обращения: 14.07.2023).

373. Wilder A. Losing Hearts and Minds in Afghanistan [Electronic resource] // Middle East Institute (MEI). – 2009, December (originally posted); 2012, April 20. – URL: https://www.mei.edu/publications/losing-hearts-and-minds-afghanistan (date of access: 21.11.2023).

374. Zikria A. F. Water Diplomacy between Iran and Afghanistan [Electronic resource] // Afghan Institute for Strategic Studies (AISS). – URL: https://www.aissonline.org/en/opinions/water-diplomacy-between-iran-and-afghanistan/395 (date of access: 16.10.2022).

375. Заместитель спикера Волуси Джирги обвинил Совет национальной безопасности в поддержке ИГ // Afghanistan.ru. 23.11.2015. URL: https://afghanistan.ru/doc/92004.html (дата обращения: 25.06.2024).

376. Замир Кабулов: Деятельность ИГ в Афганистане финансируется из-за рубежа // Afghanistan.ru. 28.04.2016. URL: https://afghanistan.ru/doc/97215.html (дата обращения: 25.06.2024).

377. Лебедева М.М. Внешняя политика: исчезновение или перезагрузка? [Электронный ресурс]. – М. : МГИМО, 2019. – 48 с. – URL: http://mgimo.ru/upload/iblock/971/971e1919aac157c49641c0acafde535b.pdf (дата обращения: 18.02.2024).

378. Казанцев А. А. Кризис в Афганистане: проблемы безопасности России и стран Центральной Азии // Российский совет по международным делам (РСМД). 10.08.2021. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-andcomments/analytics/krizis-v-afganistane-problemy-bezopasnosti-rossii-i-stran-tsentralnoy-azii/ (дата обращения: 20.02.2024).

379. Негматова Ш. Р. Политика и интересы ЕС в Центральной Азии // Вестник Таджикского национального университета. – 2025. – № 1 (73). – С. 12–22. ISSN 2074-1847 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://g.vestnik-tnu.com/vestnik/2025/%E2%84%961-2025.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

380. Негматова Ш. Р. Захват талибаном власти в Афганистане и проблемы безопасности региона Центральной Азии // Вестник Таджикского национального университета. – 2025. – № 1 (73). – С. 80–87. ISSN 2074-1847. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://g.vestnik-tnu.com/vestnik/2025/%E2%84%961-2025.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

381. Негматова Ш. Р. Некоторые аспекты проблемы безопасности Центральной Азии // Вестник Таджикского национального университета. – 2025. – № 2. – С. 65–67. ISSN 2074-1847. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://g.vestnik-tnu.com/vestnik/2025/%E2%84%962-2025.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

382. Негматова Ш. Р. Неправительственные организации США в Центральной Азии // Вестник Таджикского национального университета. – 2025. – № 2. – С. 102–109. ISSN 2074-1847. [Электронный ресурс]. Режим доступа:

https://g.vestnik-tnu.com/vestnik/2025/%E2%84%962-2025.pdf (дата обращения: 15.01.2026).

383. Эмомали Рахмон и Касым-Жомарт Токаев обсудили ситуацию в Афганистане [Электронный ресурс] // МИР 24. – 15 сентября 2021 г. – Режим доступа: https://tj.mir24.tv/news/16474967/emomali-rahmon-obsudil-skasym-zhomartom-tokaevym-situaciyu-v-afganistane (дата обращения: 16.10.2024).